

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Российская ИСТОРИЯ

В номере:

Переводчики Московского государства

Католическая пропаганда среди русских в Италии

*Русско-китайская торговля
на севере Тихого океана в XVII–XVIII вв.*

*Восставшие греки и мировой заговор
в восприятии русских сановников*

Россия и завершение объединения Германии

М.Г. Черняев в Европе в конце 1876 г.

*Англо-афганская война
в донесениях русского военного агента*

Как готовилась высадка на Босфоре

*Г.В. Чичерин
в оценках французских дипломатов и публицистов*

*Советско-польские переговоры в ноябре 1920 г.:
между войной и миром*

СССР и Франция на пути к пакту о взаимопомощи

Советско-итальянские отношения в 1939–1941 гг.

Основан
в марте
1957 года

Выходит
6 раз
в год

МОСКВА

5
сентябрь
октябрь
2022

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

В.Н. Захаров

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

**А.Н. Артизов, В.Ю. Афиани, Б.В. Базаров, Т.М. Горяева,
Д. Дальманн, М. Дэвид-Фокс, А.Е. Иванов, С.П. Карпов, С.М. Каштанов,
В.В. Кондрашин, Д. Ливен, А.К. Левыкин, С.В. Мироненко,
К.В. Никифоров, Ю.С. Пивоваров, Р.Г. Пихоя, Д. Свак, А.К. Сорокин,
В.А. Тишков, Е.А. Тюрина, У Эньюань, В.С. Христофоров**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

**О.Г. Агеева, О.В. Будницкий, В.П. Булдаков, М.Г. Вандалковская,
П.Г. Гайдуков, В. Дённингхаус, С.В. Журавлев, В.В. Зверев,
Е.Ю. Зубкова, В. Зубок, Б.И. Колоницкий, М. Крамер, В.А. Кучкин,
Д.В. Лисейцев (*зам. главного редактора*), Е.А. Мельникова, Л.В. Мельникова,
А.В. Мамонов (*зам. главного редактора*), Д.Б. Павлов, Ю.А. Петров,
Е.И. Пивовар, Д.А. Редин, Н.М. Рогожин, В.В. Трепавлов, В.В. Шелохаев,
П.Ю. Уваров, О.В. Хлевнюк, И.А. Христофоров, А.В. Юрасов**

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

М.А. Новикова

Адрес редакции

117292, г. Москва, ул. Дм. Ульянова, 19. Тел.: 8-499 723 69 10

Электронная почта: otech_ist@mail.ru; otech_ist1@mail.ru

На обложке: М. Зичи. Поздравление Александра II 1 января 1863 г. дипломатическим корпусом (1863)

«Пришествие Святослава»: киевское граффито № 9 и его исторический контекст

Алексей Гиппиус, Мария Дробышева

«The coming of Sviatoslav»:
Kievan graffito N 9 and its historical context

Alexey Gippius

*(HSE University, Moscow, Russia; Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow)*

Maria Drobysheva

*(State Academic University for Humanities, Moscow, Russia;
HSE University, Moscow, Russia)*

DOI: 10.31857/S0869568722050016, EDN: KKFVCM

Собрание настенных граффити Софийского собора в Киеве выделяется на фоне эпиграфических комплексов других древнерусских храмов как многочисленностью и относительно хорошей сохранностью надписей, так и оригинальностью содержащихся в них текстов. Среди посетителей кафедрального собора было немало людей, близких к княжеской и церковной власти, что находит отражение в оставленных ими граффити, прямо или косвенно сообщающих о важных событиях в истории Древней Руси. Одним из мест сосредоточения подобных надписей является второй от алтаря южный крестатый столб центрального нефа собора, один из тех, что находятся в подкупольном квадрате. Из-за высокой концентрации на его поверхностях надписей, посвящённых разным историческим лицам, С.А. Высоцкий назвал этот столб «княжеским»¹. В частности, здесь находится надпись № 7 о «поставлении владыки», автограф и молитвенная надпись № 18–19 Ставра Городятинича (отождествляемого с упомянутым в «Поучении Владимира Мономаха» воеводой Ставком Гордятичем), а также граффито № 4 с записью о погребении Всеволода (Андрея) Ярославича 14 апреля 1093 г.² На восточной плоскости южной лопатки этого столба находится граффито № 9, которому посвящена настоящая статья.

© 2022 г. А.А. Гиппиус, М.В. Дробышева

Исследование выполнено в НИУ ВШЭ за счёт гранта Российского научного фонда № 19-18-00352, <https://rscf.ru/project/19-18-00352/>

¹ То же отмечал и В.Д. Сарабьянов, говоря о патронально-ктиторской теме изображений святых на данном столбе (*Сарабьянов В.Д.* Патрональные изображения Ярослава Мудрого и его семьи в росписях Софии Киевской и проблема датировки памятника // Труды Государственного Эрмитажа. Т. 65. Первые каменные храмы Древней Руси. Материалы архитектурно-археологического семинара, 22–24 ноября 2010 г. СПб., 2012. С. 240–241).

² Поскольку к этой надписи нам предстоит вернуться, приведём её текст с поправками А.А. Зализняка: «въ великыи четв[ъ]ргъ рака положена бысть [о]т[о] Аньдреа роуьскыи кнѣзь благыи а Дьмитрь флѣ отрочьк[ъ] его мѣца априла в[ъ] ѿ[д] а бѣ се(редѣ оу)[м]ѣрлѣ п(о) об[ѣ](дѣ)» (*Зализняк А.А.* К изучению древнерусских надписей // *Янин В.Л., Зализняк А.А., Гиппиус А.А.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1997–2000 гг.). Т. 11. М., 2004. С. 262).

В краткой заметке 1959 г., открывающей историю изучения надписи, Высоцкий издал только первую её строку: «ѣ лета кѣнажилъ Сватославъ». Исследователь отметил, что граффито относится к «разряду крупных, явных»: высота букв составляет около 2 см, а длина строки — 45 см. Сделана же надпись в 155 см от уровня пола XI в.³ Интерпретируя содержание граффито, среди княживших в Киеве Святославов публикатор киевских надписей выделяет Святослава Ярославича, брата упомянутого в приведённой выше надписи № 4 Всеволода Ярославича. Правление Святослава в Киеве началось 22 марта 1073 г. и закончилось 27 декабря 1076 г., т.е. длилось четыре года без трёх месяцев, а сама надпись, как считал Высоцкий, сделана «вскоре после его смерти, когда ещё имело смысл подведение такого скупого хронологического итога его княжения»⁴.

В ходе дальнейшего изучения стен собора учёному удалось обнаружить ещё шесть строчек этой надписи⁵. Вторая строка примерно совпадает по длине с первой, остальные же — в три раза короче и сдвинуты вправо. В первой части свода киевских граффити текст надписи был издан следующим образом⁶:

ѣ лета кѣнажилъ Сватославъ
мѣа март[ѡ]ѣ днь роуга в[ѣда]на
іа всв----ъ
ени-----
неделѣ въ пам
ашьетиѣ Свато-
славѣ а(минь)

Опуская содержание третьей и четвёртой строки, с прочтением и реконструкцией текста которых у него возникли сложности, остальную часть надписи Высоцкий интерпретировал так: «4 лета княжил Святослав... месяце марте дне... руга вдана ...в неделю в память (?) о том Святославе, аминь»⁷.

Как известно, после смерти Ярослава Мудрого основные вопросы политики Руси в течение 19 лет решал триумvirат Ярославичей в составе киевского князя Изяслава, черниговского князя Святослава и переславского князя Всеволода. Но в 6581 (1073) г. «въздвиге дьявол котору въ братьи сеи Ярославичихъ»: Святослав и Всеволод, объединившись, изгнали из Киева Изяслава, вынужденного искать убежища в Польше, и киевский стол занял Святослав. 27 декабря 1076 г. он умер в результате неудачной хирургической операции («от резанья желве»)». В Киеве начал княжить Всеволод, который 5 июля 1077 г. заключил мир с вернувшимся Изяславом, признав его старшинство. М.Д. Присёлков отмечал, что в Киеве память Святослава «подверглась преследованию»: беспрецедентное для киевских правителей захоронение тела князя в Чернигове и отсутствие надгробного слова в летописи свидетельствуют, по мнению историка,

³ По измерениям В.В. Корниенко — 151 см (*Корниенко В.В.* Корпус граффіті Софії Київської (XI — початок XVIII ст.). Ч. IV: Приділ свв. Іоакима та Анни (північна сторона). Київ, 2014. С. 639).

⁴ *Высоцкий С.А.* Граффито XI в. в Софии Киевской // Советская археология. 1959. № 1. С. 273–275.

⁵ *Высоцкий С.А.* Древнерусские граффити Софии Киевской // Нумизматика и эпиграфика. Т. 3. М., 1962. С. 147–182.

⁶ *Высоцкий С.А.* Древнерусские надписи Софии Киевской XI–XIV вв. Киев, 1966. С. 42.

⁷ Там же. С. 43.

⁸ ПСРЛ. Т. 1. Вып. 1. Л., 1926. Стб. 182, 199.

о враждебном отношении различных кругов киевского общества к почившему урпатору⁹.

Прочтение Высоцким граффито № 9 как будто встраивается в эту концепцию. Исследователь предположил, что надпись была сделана через несколько лет после смерти Святослава Ярославича, когда его потомки, стремясь сгладить враждебное отношение к памяти усопшего, внесли «в Софийский собор “ругу” на помин души его, чему сопутствовало написание поминальной настенной записи»¹⁰.

Обилие неясных мест в тексте граффито заставляло искать возможности прочесть его более полно. Так, для В. Орла и А. Кулика отправной точкой для реконструкции части текста, опущенной Высоцким, стала мысль последнего о том, что «руга» должна была быть внесена в начале нового мартовского года. Соответственно, согласно их версии, в третьей и четвёртой строчках граффито могут упоминаться сорок севастиийских мучеников, день памяти которых приходится на 9 марта¹¹. Предлагая эту реконструкцию, исследователи исходили из того, что строчки с третьей по седьмую были изначально шире, чем сохранились. С учётом предложенных конъектур чтение Орла и Кулика передаёт следующая запись:

Д̣ лета к̣нажилѣ Святославѣ
мѣа мар[та в](ѣ) ѣднь роуга в(ѣ)да)на
...ав сѣ(ти чь)тьр(е десате)
(мжч)еници --р--
неделѣ въ пом(инание)
...шьетие Свато...
...славѣ а(минь)

Как можно видеть, строки 3–7 и в этой интерпретации выглядят как набор нестыкующихся между собой обрывков.

От попытки прочтения второй части граффито как связного текста отказался и А.А. Зализняк, сделав, однако, ряд важных замечаний по поводу отдельных фрагментов надписи. В начале второй строки он предложил читать *март ѿї*, заметив, что «любая другая интерпретация даты, кроме ‘19’ здесь не подходит вообще (т.е. тогда пришлось бы допустить, что вместо даты писец написал абракадабру)»¹². В предпоследней строке, по предположению учёного, вместо лишённого смысла *ашьетие* следует читать *ошьстие*, т.е. ‘удаление’, ‘отхождение’, ‘кончина’, а строкой выше после слова *неделѣ* — *въ по[н]*, т.е. в понедельник.

Наконец, новейший издатель корпуса граффити Софии Киевской В.В. Корниенко, вновь обратившись к оригиналу и изготовив новую фотографию и пропись надписи, передал её текст в следующем виде (приводим запись с делением на слова и восстановлением утраченных фрагментов, а также украинский перевод)¹³:

⁹ Присёлков М.Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. СПб., 1913. С. 141.

¹⁰ Высоцкий С.А. Древнерусские надписи... С. 45.

¹¹ Орёл В., Кулик А. Заметки о древних киевских граффити // Археология. 1995. № 1. С. 129–130.

¹² Зализняк А.А. К изучению древнерусских надписей. С. 281.

¹³ Корниенко В.В. Указ. соч. Ч. IV. С. 80–82, табл. СII, СIII.

Ḑ лета кнѣжилѣ Святославѣ
... м(ѣса)ѣ ма[р](а) въ днь роуга в[ѣда]на ... неделѣ въ пам(а)тъ
[о]шьстїе Святославѣ а[ми]нь

Перевод: «4 літа княжив Святослав. Місяця березня у день руга дана ... тижня в пам'ять кончини Святослава. Амінь».

К сожалению, и эта интерпретация изобилует странностями, предполагая пропуск даты во второй строке и оставляя неясным, каким образом слова *пам(а)тъ*, *ошьстїе* и *Святославѣ* грамматически связаны между собой.

Как можно заметить, общим для всех рассмотренных трактовок надписи № 9 является, помимо отсутствия связной интерпретации текста в целом, представление о его поминальном характере. В немалой степени оно, по-видимому, обусловлено тем, что в первой строке граффито о княжении Святослава сообщается как об уже закончившемся; начало же второй строки совпадает с распространённой среди граффити поминальной формулой «месяца... в... день преставился раб(а) Божий (-ья)». Но с указания месяца и числа начинается и ряд записей, не связанных с поминанием. Из надписей той же Софии Киевской можно назвать, например, № 5 о «мире на Желяни», № 7 о «поставлении владыки» и т.д. Кроме того, исследование древнерусских граффити деловой тематики показало, что со схожей формулы начиналось и множество граффити учётно-хозяйственного и протоактового содержания¹⁴; настенная запись № 25, сообщающая о покупке «Бояновой земли», — яркий тому пример. Но основной причиной трактовки граффито в поминальном ключе стало приведённое Высоцким определение «руги» как «плат[ы], вносим[ой] в церковь на помин души, обложени[я] или побор[а] в пользу церковного причта»¹⁵. Между тем это определение ошибочно.

Термин «руга» происходит от греч. ῥόγα или ῥοῦγα (а тот — от латинского *rogare* — испрашивать)¹⁶. В византийских источниках он чаще всего означает регулярные выплаты из казны должностным и титулованным лицам¹⁷. Передача такой выплаты главным образом фиксируется в отношении светских лиц¹⁸, но, например, протоспафарий и ипат Воила в своём завещании 1059 г. назначил ежегодную ῥόγα как слугам, так и духовенству одного из храмов. А некоего Григория, как сообщает Воила, он уже поставил на должность клирика собора и назначил ему ῥόγαν καὶ ἀνόγαν¹⁹. Из такой формулировки можно пред-

¹⁴ Гиппиус А.А., Михеев С.М. Надписи-граффити церкви Благовещения на Городище: Предварительный обзор // Архитектурная археология. 2019. № 1. С. 45–46; Дробышева М.М. Деловая тематика в древнерусских надписях-граффити // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Вып. 6(92). (URL: <https://history.jes.su/S207987840010063-8-1> (дата обращения: 21.10.2020)).

¹⁵ Высоцкий С.А. Древнерусские надписи... С. 42.

¹⁶ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 3. М., 1987. С. 512.

¹⁷ Анна Комнина. Алексиада / Пер. с греч. Я.Н. Любарского. СПб., 1996. С. 488, примеч. 384; Кекавмен. Советы и рассказы: Поучение византийского полководца XI в. / Подгот. текста, введ., пер. с греч. и коммент. Г.Г. Литаврина. СПб., 2003. С. 450; Lemerle P. «Roga» et rente d'État aux Xe–XIe siècles // Revue des études byzantines. 1967. Т. 25. P. 77–100; The Oxford Dictionary of Byzantium. Vol. III. N.Y.; Oxford, 1991. P. 1801.

¹⁸ Кекавмен. Советы и рассказы. С. 219, 282, 292, 294, 300; Georgius Cedrenus. Compendium historiarum. Vol. 1. Bonn, 1838. P. 751; Vol. 2. Bonn, 1839. P. 285, 505; Ioannis Scylitzae. Synopsis historiarum. Berlin; N.Y., 1973. P. 135, 203, 206, 359, 390.

¹⁹ Бенешевич В.Н. Завещание византийского боярина XI в. // Журнал Министерства народного просвещения. 1907. Ч. IX. С. 225, 229; Завещание протоспафария и ипата Воилы при импе-

положить некоторое противопоставление в социально-экономической жизни византийцев как минимум середины XI в. термина $\rho\acute{o}\gamma\alpha$, который выражался в денежных выплатах, и $\acute{\alpha}\nu\omicron\nu\eta$, т.е. натурального содержания²⁰. В словарях греческого языка все дефиниции слова $\rho\acute{o}\gamma\alpha$ не выходят из семантического поля различных выплат, пособий, вознаграждений и жалований²¹. В древнерусских текстах такое значение «руги» мы находим в основном в переводной литературе: Житии Андрея Юродивого, Хронике Георгия Амартола, «Иудейской войне» Иосифа Флавия и т.д. В оригинальных древнерусских источниках термин интерпретируется как денежное содержание исключительно духовенства, иногда распространяясь на всё церковное имущество²². Отсюда и получившее позже широкое распространение понятие «ружная церковь», т.е. церковь, построенная на общинной земле²³.

«Руга» упоминается и в двух граффити, сделанных не позднее начала XIII в. в лестничной башне Софии Новгородской: «въ роугѣ осеньъ ѿ коунѣ, а весн(оу)съ коунѣ»²⁴ и «Аковъ пьсаль роуго[у е]мла»²⁵. Первая надпись информирует о порядке выплаты жалованья соборному причту (осенью 5 кун, весной «куны», т.е. основные деньги), вторая является автографом одного из клириков, обрадованного получением пособия.

Можно констатировать, таким образом, что совокупность употреблений слов « $\rho\acute{o}\gamma\alpha$ » и «руга» в византийских и древнерусских текстах не содержит примеров, где бы этот термин имел значение поминального вклада. Во фразе из духовной грамоты Ивана II «а костки московьскіи дал есмь к стѣи бѣи и к стому Михаилу, в (па)мять по своемь о(т)цѣ, и по своеи брат(ь)и, и по собѣ, то имь руга» искомое слово употребляется в связи с организацией поминовения, но и здесь под ним следует понимать денежное пособие для духовенства²⁶.

Весь этот экскурс о значении термина «руга»/ $\rho\acute{o}\gamma\alpha$ может показаться излишним, если свериться с источником, на который ссылается Высоцкий, определяя это понятие в своей работе. Учёный цитирует «Материалы для терминологического словаря древней России» Г.Е. Кочина, в которых на самом деле присутствует только вторая половина указанного значения («обложение, побор

раторе Исааке Комнине в 1059 г. / Пер. М.В. Левченко // Сборник документов по социально-экономической истории Византии. М., 1951. С. 171–172.

²⁰ Стефанович П.С. Приход и приходское духовенство в России в XVI–XVII веках. М., 2002. С. 124.

²¹ Δημιτριάδης Δ. Μέγα λεξικόν ὅλης τῆς Ἑλληνικῆς γλώσσης. Τ. ΙΒ. Αθήνα, 1964. Σ. 6420.

²² Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 3. СПб., 1912. Стб. 184–185; Фасмер М. Указ. соч. С. 512; Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 22. М., 1997. С. 230–231; Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. 10. М., 2013. С. 464.

²³ Фасмер М. Указ. соч. С. 512. См., например, перечень таких церквей в новгородских источниках конца XVI в. (Запись о ружных церквах и монастырях в Новгороде и Новгородских пятинах XVI в. // Временник Общества истории и древностей российских при Московском университете. Кн. 24. М., 1856. С. 25–32), а также 31-й вопрос 5-й главы Стоглава (Стоглав. Казань, 1862. С. 71–72).

²⁴ Медынцева А.А. Древнерусские надписи Новгородского Софийского собора XI–XIV века. М., 1978. С. 100. Приводится с уточнением, сделанным при подготовке нового свода граффити Софии Новгородской А.А. Гиппиусом и С.М. Михеевым.

²⁵ Известна по фотографии целой калыки В.В. Сулова, выполненной до вырубания правой части надписи из стены во время реставрации храма в конце XIX в. (Фотоотдел архива ИИМК, негатив № III 6717) (примечание С.М. Михеева).

²⁶ Срезневский И.И. Указ. соч. Т. 3. Стб. 185; Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 22. С. 231; Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. 10. С. 464.

в пользу церковного причта») и ничего не говорится про «плату, вносимую в церковь на помин души»²⁷.

Итак, под «ругой» в граффито № 9 следует понимать то же, что и в других древнерусских источниках, включая эпиграфические тексты, — жалование церковному причту. К такому же мнению пришли и составители Словаря древнерусского языка, приводя часть текста надписи № 9 как примера употребления слова в значении ‘плата’, ‘жалованье’²⁸.

В предварительной версии этой статьи²⁹ мы несправедливо обошли вниманием работы И.Ф. Тоцкой, которая относительно значения слова «руга» в этой надписи пришла к такому же выводу³⁰. Многолетняя коллега Высоцкого по музейной работе в Софии Киевской, в остальном приняв его прочтение граффито, интерпретировала его в том смысле, что Святослав Ярославич, которого исследовательница видела сторонником автокефалии и независимости Киева от греческой митрополии, в течение своего четырёхлетнего княжения не выплачивал жалованье духовенству кафедрального собора. Это, как и негативная оценка в летописи и факт захоронения в Чернигове, свидетельствует, по мнению Тоцкой, о серьёзном конфликте Святослава Ярославича с церковными ортодоксальными кругами и разрыве с митрополией кафедрой.

Продолжим исследование надписи и сначала попробуем прочитать её вторую часть полностью, как связное целое³¹. Причина, по которой предшествующие попытки не увенчались успехом, заключается, на наш взгляд, в неверном определении левого края строк 3–7. Высоцкий и все писавшие за ним считали, что строки 3, 4 и 6 начинаются на ширину одной буквы левее строк 5 и 7. Между тем буквы, которые исследователи помещали в начала этих строк или обозначали прочерками, в действительности отсутствуют: за букву *i* в начале третьей строки Высоцкий принял вертикаль уголка, отчеркивающего поле, на котором располагается вторая часть надписи, а за буквы *e* и *a* в начале четвёртой и шестой строк — скопления случайных царапин. Характерно, что только буква *e* была заимствована из транскрипции Высоцкого другими публикаторами, однако и она допускает такую идентификацию лишь с большой натяжкой. Отказавшись от прочтения на указанных местах каких-либо букв, мы получаем совершенно ровный левый край «узкой» части граффито, образованный расположенными одна под другой и отчётливо читаемыми буквами *a*, *n*, *n*, *ш*, *с*. При таком проведении границы текста в строках 3–5 уверенно восстанавливается

²⁷ Материалы для терминологического словаря древней России. М.; Л., 1937. С. 307.

²⁸ Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. 10. С. 464.

²⁹ Гиппиус А.А., Дробышева М.М. «Руга» в граффито № 9 Софии Киевской // Восточная Европа в древности и средневековье. Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто. Вып. XXXII. Сравнительные исследования социокультурных практик. М., 2020. С. 58–65.

³⁰ Тоцька І. До історії церковно-політичного життя Київської Русі XI ст. (друга половина) // Духовна спадщина Київської Русі: Збірник наукових праць за матеріалами міжнародного семінару викладачів східноєвропейських університетів. м. Одеса, 2–4 липня 1997. Одеса, 1997. С. 152–157; Тоцька І. «4 лета княжил Святослав» // Храм і люди: Збірка статей до 90-річчя з дня народження Сергія Олександровича Висоцького. Київ, 2013. С. 221–228. Благодарим Г.С. Яроцьку за допомогу в пошуку першої із цих робіт.

³¹ Обосновываемое ниже прочтение опирается на фотографии, опубликованные Б.А. Рыбаковым, С.А. Высоцким и В.В. Корниенко (помимо названных изданий они доступны на странице онлайн-базы «Древнерусская эпиграфика» <http://epigrafika.ru/epigraphy/inscription/show/301>). К сожалению, возможности изучить граффито *de visu* у авторов не было. Надеемся, что коллеги, имеющие доступ к оригиналу надписи, смогут проверить правильность предлагаемой транскрипции.

сочетание «в(ъ п.л.)[т]ь[нищ(ю) [въ]р[бъ](ны.л) | неделѣ». Вторую и третью буквы 3-й строки, трактованные Высоцким как *вс*, следует, по нашему мнению, читать как *бе*, видя здесь форму 3-го лица единственного числа аориста с имперфектной основой *бъ* с такой же заменой *ь* на *е*, как в слове «*лета*». Что же касается открывающей строку буквы *а*, над которой как будто располагается титло, то она может быть трактована двояко. В предварительной версии статьи мы интерпретировали её как цифру, точнее, как записанное в виде цифровой идеограммы наречие «*първое*» ‘впервые’, ‘первый раз’. В такой трактовке фраза сообщает, что впервые выдача руги состоялась в пятницу Вербной недели. Однако раздвоенный горизонтальный штрих над *а* (продолжающийся, заметим, и над соседним *б*) может быть не титлом, а горизонталью того же отгораживающего текст уголка, вертикаль которого была принята Высоцким за *і*. В этом случае мы получаем фразу: «*А бе в(ъ п.л.)[т]ь[нищ(ю) [въ]р[бъ](ны.л) | неделѣ*». В пользу этой трактовки косвенно свидетельствует уже упоминавшаяся надпись № 4, вторая фраза которой, называющая день смерти Всеволода Ярославича, начинается сходным образом: «*А бѣ се(редѣ оу)[м]ьрѣлѣ п(о) об[ъ]рѣ(дѣ)*»³². Вторая интерпретация представляется нам в настоящее время предпочтительной, хотя и первая остаётся возможной.

Для конца пятой строки, где более или менее чётко читаются только *в*, *ь* или *ъ* и *п*, исследователи, напомним, реконструировали сочетания *въ п(оминаше)*³³, *въ по[п]*, т.е. ‘в понедельник’³⁴ и *въ нам(ать)*³⁵. Но после *п* могли вестись только ещё 1–2 символа, после чего текст надписи перешёл на шестую строчку. Это означает, что слово, начатое в конце пятой строки, продолжается в шестой. Полагаем, что это слово – *п[ри]ишествіе* ‘пришествие’, ‘приход’. Строкой ниже между *в* и *ь* видно надписанное выше *л*, поэтому следующее слово можно прочесть как *Святославль* – согласованная с *пришьствие* форма именительного падежа среднего рода притяжательного *Святославль* с заменой *е* на *ь* (ср. обратную замену в *лета*, *неделѣ*). Окончание надписи читается таким образом: *въ п[ри]ишьствие Святославль а(минь)*.

Приобретая таким образом смысловую и грамматическую связность, которой ей так не хватало в предыдущих прочтениях, вторая часть граффито одновременно преподносит сюрприз: оказывается, что речь идёт не о поминовении или кончине Святослава, но о начале его киевского княжения. В том, что под «пришествием» Святослава имеется в виду именно оно, не может быть сомнений: 22 марта 1073 г., день прихода Святослава Ярославича на княжение в Киев, действительно был пятницей Вербной недели. Таким образом, чтение, к которому мы пришли путём чисто филологического анализа, получает однозначное хронологическое подтверждение.

Каким образом прочитанная фраза соотносится с предшествующей записью о выдаче руги? Естественно было бы относить её к этому же событию, т.е. считать, что автор граффито сначала указал число, когда была выдана руга, а затем добавил ещё два датирующих указания – литургическое и историческое. Однако число 22 невозможно усмотреть в том месте второй строки, где

³² Заметим также, что если бы «а» под титлом обозначало наречие «*първое*», мы ожидали бы появления при идеограмме «фонетического дополнителя», ср. в «Поучении» Владимира Мономаха: «и паки в-е (= второе) к Смолиньску со Ставкомъ с Кордятичемъ».

³³ Орёл В., Кулик А. Указ. соч. С. 129–130.

³⁴ Зализняк А.А. К изучению древнерусских надписей. С. 281.

³⁵ Корниенко В.В. Указ. соч. Ч. IV. С. 82.

располагается дата (вслед за Зализняком мы находим наиболее вероятным прочтение её как «19 марта»). Следовательно, смысл заключительной части надписи в другом: сделав запись о выдаче руги 19 марта, автор граффито припоминает, что «в пришествие Святослава», т.е. при начале его княжения, руга была выплачена в пятницу Вербной недели. Неуказание месячной даты в этом случае выглядит естественным.

Прежде чем перейти к историческим следствиям, вытекающим из нового прочтения граффито № 9, приведём его текст полностью, с переводом и палеографическим комментарием.

**д̑ лета к̑нѧжилъ Святославъ
мѣца мар[г̑] ф̑і] днь роуга в[ѣда]на
а бе в(ь па)[т]ьъ
ниц(ю) в[ь]р[б]ѣ(ныа)
недѣль вь п[ри]ъ
шьстїе Сватоъ
славъ а(минь)**

Перевод: «4 года княжил Святослав. Месяца марта в 19-й день выдана руга. А в пришествие Святослава это (выдача руги. — *Авт.*) было в пятницу вербной недели. Аминь».

Результат анализа начертаний в граффито, выполненный по методике Зализняка³⁶, датирует надпись 1100–1120 гг.³⁷ Но нельзя не оговориться, что в связи с особенностями берестяных грамот, которые в основном обнаруживаются в слоях XII–XIV вв. и гораздо реже в археологических слоях более раннего и более позднего времени, точность оценки на краях разработанной исследователем хронологической шкалы (т.е. XI в. — первые десятилетия XII в. и начало XV в.) намного ниже³⁸. Поэтому в отношении граффито № 9 будет правильной говорить о внестратиграфической датировке первым из указанных «тёмных» периодов, т.е. XI в. — самым началом XII в., что не противоречит связи надписи с временем княжения Святослава Ярославича в 1070-е гг.³⁹

³⁶ Зализняк А.А. Палеография берестяных грамот и их внестратиграфическое датирование // Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1990–1996 гг.). Т. 10. М., 2000. С. 134–429.

³⁷ Датирующие признаки: Б I округлая петля; В I округлая нижняя петля; Ж I_a прямая звезда; Р I_a округлая петля (прямая мачта); Б I округлая петля; Язык: редуцированные сохранены; Графика: ъ → Е (фонд ≥ 2×). А встречается в сохранившейся части текста дважды: в мѣца «основной вид (острые)» и «v-образный язычок (острые)» в к̑нѧжилъ. Второй вариант начертания характерен для более позднего периода (с 1280 г.) и в датирующей матрице обозначается знаком «l», означающим несоответствие данных этой строки показаниям других, и предполагает случайное отклонение (Зализняк А.А. Палеография берестяных грамот... С. 285). Это явление встречается при внестратиграфическом датировании отдельных берестяных грамот, стратиграфия которых чётко определена (см., например: Там же. С. 290–416 (матрицы грамот 380, 724, 752, Свинц. 1, и т.д.)), а также при датировании некоторых эпиграфических источников (см., например: Орлов Р.С., Козюба В.К. Нова знахідка пряслиця з графіті з Вишгорода // Археологія. 2008. № 3. С. 38; Дробышева М.М. Граффито № 25 из Софии Киевской: что мы знаем о покупке «Бояновой земли»? // Вестник Пермского университета. Сер. История. 2020. № 1. С. 132).

³⁸ Зализняк А.А. К изучению древнерусских надписей. С. 239.

³⁹ Отметим оригинальную особенность орфографии надписи. Как было сказано, наряду с уже отмечавшейся заменой этимологического њ на е, в граффито имеет место обратная замена этимологического е на њ. При этом соотношение двух графем не носит характер свободного варьирования, но подчиняется следующему правилу: после исконно твёрдых согласных безотносительно

Приход Святослава на киевский стол назван в граффито «пришествием», и такое его обозначение свидетельствует о многом. *Пришьст(е)ие* – слово сугубо книжное⁴⁰. В летописях домонгольского времени оно представлено всего тремя примерами, из которых один приходится на ветхозаветную цитату в «Речи Философа», а в двух других речь идёт о Втором пришествии Христа⁴¹. На этом фоне словоупотребление граффито выделяется нарочитой торжественностью, представляя приход Святослава в Киев как событие экстраординарное, выдающееся⁴², что подчёркивает и «аминь», которым, по-видимому, завершалась надпись.

Именно так, несомненно, это событие воспринималось всеми современниками. Но с каким знаком воспринял его автор граффито? В «Повести временных лет», как известно, Святослав обвиняется в узурпации киевского стола: летописец представляет его инициатором переворота 1073 г., из-за своего властолюбия подговорившим Всеволода пойти против Изяслава⁴³. Как нарушитель «отней заповеди» Святослав уподобляется потомкам Хама, преступившим границы, установленные при разделе земли тремя сыновьями Ноя («исперва преступиша сынове Хамови на землю Сифову») ⁴⁴. Открыто негативный характер имеет и другая библейская параллель, относящаяся к Святославу: за хвастовство богатством перед немецкими послами его сравнивают с иудейским царём Езекией⁴⁵. Высоцкий и Тоцкая в своей интерпретации надписи исходили из мнения о схожести взглядов летописца и автора граффито на деятельность Святослава Ярославича. В пользу этого можно было бы привести и некоторые дополнительные соображения. Можно было бы указать и на то, что слово «пришьствие» одним из своих значений имеет «нашествие»⁴⁶ и в силу этого может иметь коннотацию узурпации власти. Эта линия рассуждений, однако,

к этимологии пишется *е*, после исконно смягчённых (палатальных) – *ь*: *лета (льта)*, *бе (бь)*, *недель (неделъ)*, *Сватославль (Сватославль'е)*. Это распределение представляет интерес в историко-лингвистическом отношении.

⁴⁰ Поясним, что «*пришьствие*» и «*пришьствие*» – этимологически первичный и вторичный варианты слова (см.: *Вайан А.* Руководство по старославянскому языку. М., 1952. С. 277–278). Историческими словарями русского языка вариант «*пришьствие*» не отражён (в отличие от «*ошьствие*», фиксируемого в Изборнике 1073 г. (*Срезневский И.И.* Указ. соч. Т. 2. СПб., 1902. Стб. 851)), но он широко представлен в старославянских памятниках (*Slovník jazyka staroslověnského*. Т. 3. Praha, 1982. S. 330).

⁴¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 98, 266; ПСРЛ. Т. 2. СПб., 1908. Стб. 515.

⁴² Акцент на сочетании «*пришьствие Сватославль*» нашёл и любопытное графическое выражение. Буква *е*, которой заканчивается первое слово, написана с непропорционально большим элементом *е*, который как будто обхватывает своими засечками следующее *с*. Благодаря этому первая буква имени получает как бы двойной контур, что делает её похожей на инициал.

⁴³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 182.

⁴⁴ Там же. Стб. 183. Этот библейский прототип триумvirата Ярославичей и его последующей судьбы неоднократно рассматривался в литературе, см. в частности: *Гиттис А.А.* Ярославичи и сыновья Ноя в Повести временных лет // Балканские чтения-3: Лингво-этнокультурная история Балкан и Восточной Европы. Тезисы и материалы симпозиума. М., 1994. С. 136–141; *Данилевский И.Н.* Повесть временных лет: герменевтические основы изучения летописных текстов. М., 2004. С. 215–223. Заметим, что, если продолжить эту аналогию, соответствием проклятого Ноем четвёртого сына Хама оказывается никто иной как четвёртый сын Святослава Олег «Гориславич», деятельность которого в Повести временных лет подвергается особенно острой критике.

⁴⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 198–199. О сравнении Святослава и Езекии см.: *Литвина А.Ф.* Князь Святослав и царь Иезекия: К интерпретации статей «Повести временных лет» под 1075 и 1076 гг. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2008. № 2(32). С. 6–11.

⁴⁶ Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. 8. М., 2012. С. 649.

жизнеспособна лишь в рамках гипотезы Гоцкой, согласно которой Святослав, сделавшись киевским князем, прекратил выплату руги духовенству Софийского собора. Между тем, как мы теперь знаем, происходило обратное: в самый первый день своего прихода в Киев он эту ругу выплатил, а возможно — и учредил.

Здесь стоит повторить неоднократно высказывавшуюся в историографии мысль, что у нас нет оснований думать, будто отношение к Святославу Ярославичу современников событий 1060–1070-х гг. было столь же однозначным, как у автора летописной статьи 1073 г.⁴⁷ Чтобы убедиться в этом, напомним события 1068–1069 гг., какими их представляет та же «Повесть временных лет». После поражения Ярославичей от половцев на Альте в 1068 г. Изяслав и Всеволод бежали в Киев, а Святослав — в свою волость, в Чернигов. Изяслав отказал киевлянам, предложившим вооружить их для борьбы с продолжающими разорения половцами. В ответ на это в Киеве вспыхнуло восстание, и по решению веча князем стал освобождённый из заточения Всеслав Брючиславич Полоцкий, пробывший до этого в порубе около года. Изяслав и Всеволод покинули Киев, а тем временем Святослав с небольшим отрядом решился единолично выступить против существенно превосходящих в числе половцев и прекратил их набег, одержав победу в битве у Сновска и пленив князя Шарукана⁴⁸. Когда вернувшийся в 1069 г. с подкреплением из Польши Изяслав был готов начать наступление на Киев, оставленные на произвол судьбы сбежавшим в Полоцк Всеславом представители веча обратились с просьбой о помощи к Святославу и Всеволоду. Святослав согласился стать посредником в переговорах и заверил, что ради защиты «града отца своего» они с Всеволодом готовы выступить против Изяслава и пришедшего с ним Болеслава, если те сохраняют намерение дать польским войскам разграбить столицу. Вняв предостережениям, Изяслав всё же отправил в город с небольшим отрядом сына Мстислава, который казнил и ослепил около 70 участников освобождения Всеслава из поруба, «другья же без вины погуби не испытавъ». Сам же Изяслав с малой дружиной триумфально вошёл в город под смиренные поклоны киевлян, а польские войска после пребывания «на покорме» и нескольких случаев убийства отправились обратно. В посмертном слове Изяславу летописец, традиционно восхваляя положительные качества усопшего, вступил в полемику с современниками, которые могли указать на санкционированную им расправу, оправдывая покойного князя тем, что сделал это на самом деле Мстислав⁴⁹. Это верный признак того, что в народной памяти ответственность за казни 1069 г. возлагалась именно на Изяслава.

Хотя непосредственным поводом для выступления младших Ярославичей против старшего стали слухи о союзе, будто бы заключённом между Изяславом и Всеславом⁵⁰, в действительности, судя по внешнеполитическим дого-

⁴⁷ Соловьёв С. М. История России с древнейших времён. Кн. 1. Т. II. СПб., б. г. Стб. 297; Голубовский П. В. История Северной Земли до половины XIV столетия. Киев, 1881. С. 68–80; Грушевский М. С. Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV столетия. Киев, 1891. С. 77–87; Николаев А. Святослав Ярославич // Русский биографический словарь. Т. 18. СПб., 1904. С. 262–264; Греков Б. Д. Киевская Русь. М., 1953. С. 495.

⁴⁸ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 167–172; Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 191.

⁴⁹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 172–174, 202.

⁵⁰ Вероятно, такой союз действительно формировался как ответ на действия Святослава и Всеволода и подразумевал заключение брака между младшими членами семьи Изяслава и Всеслава (Успенский Ф. Б., Литвина А. Ф. К уточнению семантики древнерусского «свататися» / «сва-

ворам рубежа 1060–1070-х гг., Святослав и Всеволод планировали свержение Изяслава задолго до 1073 г.⁵¹ Горожане Киева, проявив себя во время восстания 1068 г., после репрессивных мер вновь занявшего великокняжеский стол Изяслава надолго потеряли политическую активность⁵², и как воспринималась ими произошедшая смена власти, доподлинно неизвестно⁵³. Но и с учётом неоднородности политических симпатий киевского общества ясно, что события 1068–1069 гг. не могли не оттолкнуть от Изяслава существенную часть киевлян, так что Святослав, победитель половцев и избавитель от польской угрозы, в народе мог быть популярнее старшего брата.

Показателен и известный эпизод в Несторовом «Чтении о житии и о погублении блаженую страсотерпцю Бориса и Глеба»: во время торжеств 1072 г., связанных с перенесением мощей святых в новую церковь в Вышгороде, митрополит Георгий поочерёдно благословляет рукой Бориса всех князей, и именно на голове Святослава остаётся ноготь святого. Этот эпизод трактуется Нестором как «благословение ему»⁵⁴, что противоречит концепции сугубо отрицательного образа Святослава в памяти его современников и ближайших поколений.

О действительно негативном отношении к новому князю, на которое указывал М.Д. Присёлков, свидетельствует Киево-Печерский патерик. Согласно ему, Феодосий Печерский открыто обвинял Святослава в узурпации власти, рассылая обличительные письма и отказываясь поминать его имя на службах в монастыре. Святослав же неоднократно пытался завоевать симпатию братии и самого Феодосия, в частности, дав средства на постройку Успенской церкви и лично участвуя в прокладке рва для её строительства. В конце концов Феодосий стал менее критичен к новому князю, неоднократно встречался с ним (в том числе и на смертном одре, наказав опекать монастырь и нового игумена Стефана) и вернул его имя в список поминаемых, правда, после Изяслава, подчёркивая старшинство последнего⁵⁵. Что же касается другого лидера Киево-Печерского монастыря, Антония, то его связывали со Святославом особые отношения. В 1069 г. Изяслав разгневался на Антония – по туманной формулировке источников, «из-за Всеслава» (по-видимому, Антоний каким-либо образом контактировал с Всеславом Полоцким во время его киевского княжения). Святослав спас Антония от преследования, отправив ночью людей, которые тайно перевезли его в Чернигов, где тот, находясь под защитой удельного князя, основал Болдинский монастырь⁵⁶.

Место захоронения Святослава – в черниговской церкви Спаса, – к факту которого апеллируют как к свидетельству неприязни киевского общества

титися» и «сват(ь)ство» // Die Welt der Slaven. Internationale Halbjahresschrift für Slavistik. 2013. T. LVIII. С. 317–323).

⁵¹ Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII вв. М., 2001. С. 505–539.

⁵² Лукин П.В. Зачем Изяслав Ярославич «взъгна торгъ на гору»? К вопросу о месте проведения вечевых собраний в средневековом Киеве // Средневековая Русь. Вып. 7. М., 2007. С. 55.

⁵³ Впрочем, ряд исследователей обращают внимание на то, что Изяслав вместе с семьёй и имуществом покинул Киев до того, как его заняли Святослав и Всеволод, видя в этом смещении инициативу горожан (*Грушевский М.С.* Указ. соч. С. 79; *Греков Б.Д.* Указ. соч. С. 495; *Толочко П.П.* Древняя Русь. Очерки социально-политической истории. Киев, 1987. С. 90).

⁵⁴ Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им. Пг., 1916. С. 22.

⁵⁵ Житие Феодосия Печерского / Подг. текста, пер. и коммент. О.В. Творогова // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1. СПб., 1997. С. 420–422, 424.

⁵⁶ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 193.

к умершему, некоторыми исследователями объясняется тем, что Святослав мыслил себя прежде всего черниговским князем, а не киевским⁵⁷. Впрочем, скорее всего, решение о месте захоронения внезапно умершего князя принадлежало не ему самому, а его сыновьям, сидевшим в Чернигове.

Об отношениях Святослава с Киевской митрополией после занятия им великокняжеского стола достоверно ничего не известно. Из-за непростой ситуации с епархиальным устройством Руси во время триумvirата Ярославичей киевский митрополит Георгий должен был быть одним из лиц, не заинтересованных в смене великого князя. По инициативе Святослава и Всеволода произошло возвышение епископов Чернигова и Переяславля до ранга титулярных митрополитов⁵⁸. Митрополит Георгий в мае 1072 г. ещё участвовал в торжествах в честь переноса мощей святых Бориса и Глеба вместе с новыми митрополитами и другими представителями высшей церковной власти⁵⁹, но в 1073 г. уже находился «въ Грьцьѣхъ»⁶⁰, после чего сообщения о нём обрываются⁶¹. О времени поставления его преемника — Иоанна известно лишь, что оно произошло не позднее 1077/78 г., когда последний рукоположил ростовского епископа Исайю, что нашло отражение в житии последнего⁶². Отъезд Георгия в Константинополь и смена митрополита могли как просто совпасть со сменой князя, так и явиться следствием неопределённости в положении Георгия и Неофита после занятия инициатором появления Черниговской митрополии великокняжеского стола.

Отношение церковных кругов в целом к династическому перевороту не могло не быть отрицательным. По словам П.В. Голубовского, «как бы ни было естественно занятие Киева с точки зрения общих интересов (Святослава и киевлян — *Авт.*), с христианской точки зрения это было преступление»⁶³. Отсюда и принципиальность Феодосия, которую, по всей видимости, проявляли и другие представители духовенства. Влияние их в городском сообществе было велико, и без их расположения новому князю не удалось бы на должном уровне поддерживать свой авторитет.

Кичившийся богатством Святослав нередко использовал финансовые возможности для реализации политических задач. В хрониках Ламберта Герс-

⁵⁷ Грушевский М.С. Указ. соч. С. 86; Свердлов М.Б. Домонгольская Русь. Князь и княжеская власть на Руси VI — первой трети XIII вв. СПб., 2003. С. 463; Толочко П.П. Указ. соч. С. 91.

⁵⁸ Назаренко А.В. Митрополии Ярославичей во второй половине XI века // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2007. № 1(27). С. 85–103.

⁵⁹ «И съвкупивъшеся вься братия: Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ, митрополитъ Георгий Киевскый, другый — Неофитъ Чьрниговскый; и епископи Петръ Переяславскый, и Никита Бѣлогородскый, и Михайлъ Гургевскый; и игумени Феодосий Печерьскый и Софроний святаго Михаила и Германъ святаго Спаса, и прочии вьси игумени» (Жития святых мучеников Бориса и Глеба... С. 55–56). В данном фрагменте говорится только о двух митрополитах — собственно Киевском Георгии и Черниговском Неофите. По мнению А.В. Назаренко, на момент праздника в честь перенесения мощей Пётр, фактически занявший митрополичью кафедру в Переяславле, ещё не получил утверждения от патриархии, а поэтому указан в источнике как епископ (Назаренко А.В. Митрополии Ярославичей... С. 94).

⁶⁰ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 183.

⁶¹ И.Ф. Тоцкая, не приняв во внимание работы А.В. Назаренко, посвящённые епархиальному устройству Руси времени триумvirата Ярославичей, считала, что Киевская митрополия на время княжения Святослава переехала в Переяславль под защиту Всеволода (Тоцкая И.Ф. «4 лета княжил Святослав... С. 221).

⁶² Назаренко А.В. Иоанн II // Православная энциклопедия. Т. 23. 2010. С. 471–475.

⁶³ Голубовский П.В. Указ. соч. С. 72.

фельдского и Сигеберта из Жамблу сообщается о щедром даре, сделанном Генриху IV для сохранения нейтралитета в конфликте с Изяславом за власть⁶⁴. Постройка монастырской церкви (и пожалование земельного участка из своих владений для её строительства) также требовала серьёзного финансирования и стала решающей в улучшении отношений с Феодосием. В этот ряд хорошо вписывается и выплата руги клиру Софийского собора, которую, согласно нашему прочтению граффито № 9, Святослав осуществил в день занятия им киевского стола. Таким образом князь явно стремился заручиться поддержкой софийского духовенства, попросту говоря, покупая его лояльность⁶⁵.

Согласно нашей первоначальной трактовке третьей строки надписи, Святослав не просто выплатил ругу, но учредил её регулярную выплату. Но даже если надпись эксплицитно не сообщала об этом, кажется весьма вероятным, что Святослав сделал то, чего существовавший до него порядок не предполагал. Главной формой материального обеспечения Русской церкви в ранний период её истории являлась, как известно, десятина, т.е. десятая доля княжеских доходов⁶⁶. Как отметил Е.Е. Голубинский, «десятина подавала повод к неудовольствиям между князьями и епископами, заставляя последних подозревать судей княжеских, если не самих князей, в утайке доходов»⁶⁷. Нельзя не вспомнить, что в 1137 г. внук Святослава Ярославича, Святослав Ольгович, незадолго до того вокняжившийся в Новгороде, издал Устав о замене церковной десятины от вир и продаж фиксированной суммой в 100 гривен новых кун⁶⁸. Исследователи высказывали разные мнения о степени выгоды этого нововведения для Новгородской кафедры: ограничила ли она её доходы или, наоборот, увеличила? Вторая оценка стала господствующей, поскольку даже при сомнительной материальной выгоде (по расчётам В.Л. Янина, названная сумма, скорее всего, была примерно равна прежним доходам Церкви от десятины)⁶⁹ главным результатом реформы стала независимость доходов Церкви от доходов князя⁷⁰. Важно и то, что для Святослава Ольговича издание Устава

⁶⁴ «Немного спустя вернулся Бурхард, глава трирской церкви, который отправился к королю руценов, исполнив королевское посольство и привезя столько золота, серебра и драгоценных одежд, что никто не помнил ранее о таком количестве, привезённом в немецкое государство за один раз. За такую плату король руценов хотел приобрести у короля, чтобы его брату, которого он изгнал из королевства, тот не оказывал помощи против него. Этого он, конечно, мог добиться даром, поскольку, занятый междоусобными войнами, тот никоим образом не имел возможности начать внешние наступательные войны со столь отдалёнными народами» (Латиноязычные источники по истории Древней Руси. Ч. 1: Германия IX – первая половина XII в. / Сост., пер. и коммент. М.Б. Свердлова. М.; Л., 1989. С. 164–165, 170, примеч. 14).

⁶⁵ Подобный способ преодоления Святославом Ярославичем возможной оппозиции путём финансовой поддержки духовенства уже отмечался в историографии (*Голубовский П.В.* Указ. соч. С. 72–73, 75–77; *Грушевский М.С.* Указ. соч. С. 84–86; *Толочко П.П.* Указ. соч. С. 91).

⁶⁶ *Флоря Б.Н.* Исследования по истории Церкви. Древнерусское и славянское Средневековье. М., 2007. С. 7–24; *Стефанович П.С.* Приход и приходское духовенство... С. 111–122.

⁶⁷ *Голубинский Е.Е.* История Русской Церкви. Т. 1. М., 1880. С. 424.

⁶⁸ Древнерусские княжеские уставы XI–XIV вв. / Изд. подгот. Я.Н. Шапов. М., 1976. С. 148.

⁶⁹ В.Л. Янин исходил из того, что 100 гривен кун в данное время были эквивалентны 25 гривнам серебра и сравнил эту сумму с размером вступительного взноса в Иванское сто (50 гривен серебра). Но, судя по всему, эта сумма была даже вдвое меньше и равнялась 12,5 гривнам серебра (*Гиппиус А.А.* Берестяная грамота № 1072 и денежно-весовые системы средневекового Новгорода // Российский рубль. 700 лет истории. Материалы международной нумизматической конференции. Великий Новгород, 25–27 апреля 2016 г. Великий Новгород, 2017. С. 27).

⁷⁰ *Янин В.Л.* Очерки комплексного источниковедения. Средневековый Новгород. М., 1977. С. 80–84.

стало, по-видимому, средством нормализовать отношения с епископом Нифонтом, с которым он первое время после своего прихода в Новгород находился в конфликте. Хотя об этом конфликте мы узнаём по отказу Нифонта венчать Святослава, мотивированному, вероятно, каноническим запретом⁷¹, он, как кажется, мог иметь и политическую подоплёку и быть связан с неодобрением владыкой государственного переворота, в результате которого Святослав оказался в Новгороде. Так или иначе, в действиях двух Святославов, деда и внука, прослеживается общая модель налаживания отношений с митрополицией/епископской кафедрой путём предложения ей новых, более выгодных условий финансового обеспечения. Из текста граффито № 9, к сожалению, неясно, заменил ли Святослав Ярославич ругой десятину, или эти две формы материального обеспечения духовенства были скомбинированы, но, надо думать, при любом из этих вариантов получатели жалования оказались в большем выигрыше, чем при действовавшей до этого системе.

По всей вероятности, руга выплачивалась софийским клирикам все четыре года княжения Святослава. Об этом говорит вторая строка граффито. Несмотря на сложности с прочтением содержащейся в ней даты, мы выше согласились с Зализняком, читавшим её как «19 марта». Эта трактовка верифицируется сопоставлением со вторым хронологическим указанием надписи: если 22 марта 1073 г. было пятницей Вербной недели, то 19 марта 1076 г., последнего из «четырёх лет» Святославова княжения, пришлось на Лазареву субботу, канун Вербного воскресенья. Оценивая это совпадение, следует иметь в виду, что в Византии выплата руги проходила ежегодно в торжественной обстановке либо на Вербной, либо на Страстной неделе (чаще всего в четверг)⁷². В крайнем случае, если император не планировал быть в Константинополе в предпасхальное время, руга могла быть роздана и раньше, например на первой неделе Великого поста. Известно, что уделявший повышенное внимание своим публичным выходам Роман III Аргир умер во время подготовки к церемонии вручения руги в Чистый четверг 1034 г., к которой приступил, несмотря на крайнюю слабость⁷³.

Сложно сказать, была ли перенята Русью эта форма финансирования Церкви до 1073 г., но клир собора, особенно в той его части, какую составляла свита присланного из Константинополя митрополита, о традиции выплаты руги, естественно, должен был знать. День занятия Святославом Ярославичем киевского стола совпал по времени с традиционным временем проведения этой церемонии в Константинополе, и выплата руги могла стать жестом доброй воли со стороны нового князя и стратегически важным шагом для завоевания доверия представителей церковной власти и духовенства Софии Киевской. Вероятно, руга выплачивалась затем на Вербной неделе ежегодно во время этого четырёхлетнего периода, скрепляя византийскую традицию и годовщину занятия Святославом великокняжеского стола.

В связи с этой годовщиной нельзя не отметить того значения, которое в средневековом обществе приписывалось политическому ритуалу встречи горожан и нового правителя во время торжественного въезда в город последнего. М.А. Бойцов в статье об обряде *adventus domini* отмечает актуальное для всего

⁷¹ Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Траектории традиции: Главы из истории династии и Церкви на Руси конца XI – начала XIII века. М., 2010. С. 43.

⁷² The Oxford Dictionary of Byzantium. Vol. III. P. 1801.

⁷³ Скабаланович Н.А. Византийское государство и Церковь в XI в. СПб., 2004. С. 26, 161–162.

периода Средневековья «уподобление въезжающего в город государя Иисусу Христу, вступающему в земной или даже мистический Небесный Иерусалим». Совпадение этой церемонии с праздником Входа Господня в Иерусалим не могло не усиливать данный эффект, делая канун Вербного воскресения и, шире, предпасхальное время особенно удачным выбором даты торжественного въезда в город нового правителя (разумеется, при возможности самого выбора). Бойцов же упоминает об особенном ликовании простолюдинов Базеля в апреле 1474 г. во время въезда в город эрцгерцога Зигмунда Габсбурга, случившегося перед Пасхой. Тогда горожане распевали на улицах придуманный ими стишок, сочетающий похвалу князю, насмешку над его противником и мотивы литургических песнопений⁷⁴. Прямых свидетельств того, что подобное имело место и на Руси, нет, но в то же время одна только НПЛ сообщает о трёх приходах в город князей, случившихся именно «на вьрбницу»: Юрия Долгорукого в Киев в 1155 г., Ярополка Ярославича в Новгород в 1197 г. и Михаила Всеволодовича в Торжок в 1228 г.⁷⁵ Обязательным элементом процедуры *adventus domini* было посещение новым сеньором и его свитой службы в главном храме города⁷⁶, в древнерусских же летописях неоднократно встречается упоминание о посещении новым князем Софийского собора и Десятиной церкви по случаю занятия им Киева⁷⁷. Полагаем, что именно в момент церемониального посещения Софийского собора Святославом и было объявлено решение о выдаче руги. Бойцов подчеркнул, что «всякий торжественный княжеский въезд в средневековый город был способом регулирования, установления и опубликования основ отношений между государем и городской общиной»⁷⁸. Осознавая это, Святославу Ярославичу следовало тщательно продумать детали своего въезда в Киев, чтобы встречающие горожане восприняли его максимально положительно и осознали как «пришествие» щедрого и доброго истинного правителя.

Возвращаясь к тексту надписи, можно предположить, что изначально она состояла из двух частей: записи о выплате руги 19 марта 1076 г. и «исторического комментария» о раздаче Святославом руги по случаю занятия им Киева. Сдвиг начала строк второй части надписи можно объяснить тем, что автор пытался обогнуть греческую надпись, появившуюся здесь раньше; предположительно она читается как Κ(ύρι)ε (ἐ)ξβοήθειν, т.е. «Господи, помоги»⁷⁹, хотя между границами этих двух надписей и сохраняется значительное расстояние. Первая же строка была дописана сверху отдельно, уже после смерти Святослава — отсюда и большой отступ, отделяющий её от второй строки⁸⁰. Слова «4 лета княжил Святослав» можно рассматривать как своеобразный эквивалент

⁷⁴ Бойцов М.А. Как горожане встречали своего сеньора // Город в средневековой цивилизации Западной Европы. Т. 4. Extra muros: город, общество, государство. М., 2000. С. 65, 69–70.

⁷⁵ Новгородская первая летопись... С. 29, 43, 67–68.

⁷⁶ Бойцов М.А. Как горожане встречали своего сеньора. С. 70.

⁷⁷ Котышев Д.М. Инвеститура киевских князей XI–XII вв. // Восточная Европа в древности и средневековье... С. 123.

⁷⁸ Бойцов М.А. Как горожане встречали своего сеньора. С. 78.

⁷⁹ Евдокимова А.А. Корпус греческих граффити Софии Киевской на фресках первого этажа // Древнейшие государства Восточной Европы. 2005 год. Рюриковичи и Российская государственность. М., 2008. С. 484; Корнієнко В.В. Указ. соч. Ч. IV. С. 87, № 2349.

⁸⁰ Б.А. Рыбаков рассматривал первую строку надписи отдельной её частью, считая, что со второй строки идёт «ещё одна надпись, говорящая о других делах» (Рыбаков Б.А. Русские датированные надписи XI–XIV вв. М., 1964. С. 18).

подсчёту выплат руги: с первого дня княжения Святослава Ярославича она ежегодно выплачивалась до его смерти, т.е. всего четыре раза. Замечательно, что непосредственно под началом этой строки располагается последовательность из четырёх вертикальных штрихов и ещё одного, наклонного к предыдущим (граффито № 9а, по В.В. Корниенко)⁸¹. Хотя её связь с записью о руге Святослава Ярославича нельзя надёжно установить, можно предположить, что каждый вертикальный штрих означает выдачу ежегодного жалования⁸². Подсчёт мог быть сделан весной 1077 г. — в то время, когда клир кафедрального собора замер в ожидании, будет ли продолжена выплата учреждённой Святославом руги после смерти самого учредителя? Последний, отличный по направлению штрих, может в таком случае означать, что выплата руги в 1077 г. состоялась — на киевском столе в это время ещё находился Всеволод. Какова была судьба этого установления после возвращения Изяслава, мы не знаем — возможно, со старым князем вернулись и старые порядки, и о руге, учреждённой «в пришествие Святослава», софийским клирикам оставалось лишь вспоминать, глядя на шесть строк, написанных размашистым почерком на лопатке «княжеского» столба.

⁸¹ *Корнієнко В.В.* Указ. соч. Ч. IV. № 9а. С. 82.

⁸² Но нельзя отказаться от вероятности, что это остатки надписи с греческим словом «Ни́а». Благодарим С.М. Михеева, поделившегося этим сообщением.

Когда в Московском государстве появились переводчики? К организации дипломатической службы в России в конце XV – XVI в.

Андрей Беляков

**When did translators appear in the Moscow state?
On the question of the organization of the diplomatic service in Russia
during late 15th – 16th centuries**

Andrey Belyakov

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S0869568722050028, EDN: KKGPIX

Дипломатические контакты между государствами невозможны без посредничества лиц, хорошо владеющих иностранными языками – переводчиков. Однако возникновение и трансформации института переводчиков в Московском государстве XV–XVI вв. до сих пор почти не исследовались. Между тем раннее становление посольской службы, приведшее к возникновению Посольского приказа, нельзя раскрыть без привлечения материалов по связям России с мусульманскими государствами.

Уже более века у исследователей Посольского приказа и внешней политики допетровского периода существует представление об изначальном делении знатоков иностранных языков на толмачей и переводчиков: первые являлись специалистами по устному переводу, вторые одинаково хорошо владели как устным, так и письменным языком. Писавший об этом С.А. Белокуров опирался на делопроизводство Посольского приказа XVII в., экстраполируя свои выводы на более ранний период¹. В дальнейшем исследователи структуры внешнеполитического ведомства в целом не ставили данный постулат под сомнение². Хотя и в их работах обнаруживаются факты, позволяющие усом-

© 2022 г. А.В. Беляков

¹ Белокуров С.А. О Посольском приказе. М., 1906. С. 34–36, 49–57.

² Кулмаматов Д.С. Среднеазиатские дела Посольского приказа как источник истории русского языка. Автореф. ... дис. д-ра филол. наук. М., 1995; Кулмаматов Д.С. Среднеазиатские дипломатические документы и их русские переводы XVII в. (Грамоты. Челобитные). М., 1994; Лисейцев Д.В. Посольский приказ в эпоху Смуты. М., 2003; Куненков Б.А. Посольский приказ в 1613–1645 гг. Дис. ... канд. ист. наук. Брянск, 2007; Беляков А.В. Служащие Посольского приказа 1645–1682 гг. СПб., 2017; Беляков А.В., Гуськов А.Г., Лисейцев Д.В., Шамин С.М. Переводчики Посольского приказа в XVII в.: персональный состав (предварительные данные) // Переводчики и переводы в России конца XVI – начала XVIII столетия. М., 2019. С. 187–208; Зайцев И.В. Великокняжеские служилые татары в XV – первой половине XVI в. и их землевладение в Московском крае (URL: <http://src-h.slav.hokudai.ac.jp/jcrees/2013Osaka/14Zaytsevs.pdf> (дата обращения: 13.12.2020)); Моисеев М.В. Служилые татары – гонцы Посольского приказа XVI в. Материалы для биографического словаря // Средневековые тюрко-татарские государства. 2016. № 8. С. 175–181; Виноградов А.В. Служилые татары Посольского приказа в осуществлении дипломатических связей Русского государства с Крымским ханством 60–90-х годов XVI века // Средневековые тюрко-татарские государства. 2016. № 8. С. 84–91; Моисеев М.В. Тенешевы-Бакшеевы: семья переводчи-

ниться в общепринятой модели – упоминания станичников, служилых татар и новокрещенов Посольского приказа, а также примеры, когда один и тот же человек называется то толмачом, то переводчиком.

Специальных исследований о толмачах и переводчиках XVI в. не проводилось, и основной причиной этого является состояние источниковой базы. Документация Посольского приказа с 1626 г. позволяет реконструировать помённый состав переводчиков и толмачей, а также сроки их службы, изменения их материального положения, участие в посольских посылках, а в ряде случаев доносит до нас имена их жён и детей, раскрывая даже отдельные моменты их частной жизни. От рубежа XVI–XVII вв. сохранились лишь единичные подобные документы, а о более раннем периоде сведений почти не сохранилось. Однако отсутствие документов о принятии на службу, выдаче жалованья и награды за конкретные поручения отчасти компенсируется данными посольских книг, летописей, писцовых описаний, жалованных грамот, записок иностранцев. Совокупность источников позволяет воссоздать список лиц, участвовавших в организации и проведении дипломатических миссий, установить принципы, на которых строилась служба переводчиков, зафиксировать их службы, родственные связи, а в ряде случаев и размеры жалованья. В настоящее время исследователями ведётся подобная работа, и полученные ими результаты позволяют сделать первые наблюдения. В последние годы изучается, кто именно участвовал в конце XV – XVI в. в дипломатической службе на восточном направлении. К этой деятельности присоединились и лингвисты³. В результате у нас появилась возможность проследить, как возник и развивался этот вид службы.

Отмечу, что до конца XVI в. термин «переводчик» практически не встречается в источниках. В описи Царского архива XVI в. в документах о «приведении к вере» специалистов, владевших языками, о них не упоминается: «тетрадь толмачей и новокрещенов, приведены к целованью»⁴. При этом мы видим несколько сотен лиц, называемых великокняжескими служилыми татарами, казаками, станичниками, толмачами. К тому же на отдельных листах одного и того же документа тот или иной человек мог именоваться по-разному. Подавляющее число выявленных лиц являются этническими татарами и чаще всего они определяются как великокняжеские (царские) служилые татары (с середины XVI в. – служилые татары Посольского приказа). Эта служебная группа стала фиксироваться документально уже в последней четверти XV в., но появилась она, видимо, ещё раньше.

А.А. Горский, рассматривая две загадочные категории населения Московского княжества – «ордынцы» и «делюи», пришёл к выводу о том, что «ордынцы» принадлежали московским князьям, а «делюи» – удельным, в остальном же они схожи. Их появление исследователь связал с необходимостью доставлять в Золотую Орду дань, отметив при этом, что «у удельных князей в принципе

ков и толмачей XVI в. // Переводчики и переводы в России... С. 83–87; *Моисеев М.В.* Землевладение служилых татар в Коломенском уезде в конце XVI в. (предварительные замечания) // Вестник Университета Дмитрия Пожарского. 2017. № 2. С. 236–248.

³ *Зайцев И.В.* Великокняжеские служилые татары...; *Моисеев М.В.* Служилые татары... С. 175–181; *Виноградов А.В.* Служилые татары... С. 84–91; *Моисеев М.В.* Тенешевы-Бакшеевы... С. 83–87; *Моисеев М.В.* Землевладение служилых татар... С. 236–248; *Циммерлинг А.В.* Восток есть Восток? Переводные и оригинальные грамоты Ивана III // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН. Т. XXIII. М., 2020. С. 326–373.

⁴ Описи Царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 г. М., 1960. С. 39.

не должно было быть людей, чьей обязанностью являлся отвоз дани в Орду». Поэтому, по мнению Горского, «делюи» и «ордынцы» изначально обслуживали ордынских послов. Здесь остаётся много неясного. Автор нашёл определённые параллели в их положении с группами населения со схожими названиями, фиксирующимися с XV в. в Галицкой земле в составе Польского королевства («ордынцы») и в Великом княжестве Литовском («слуги ордынские»). Они выполняли функции почтовых курьеров, несли сторожевую службу и могли сопровождать посольства в Крымское ханство⁵. Добавлю, что многие русские князья значительную часть жизни проводили в ордынской ставке⁶. Поэтому «ордынцы» и «делюи» как лица, хорошо знавшие дорогу, особенности выживания в условиях безводных степей и имевшие близкую культуру с населявшими её народами, были лучшими спутниками для направлявшихся в Орду Рюриковичей. Подобная служба могла стать наследственной, и именно это имело место в XV–XVI вв. В скором времени выработались основные её механизмы. Всё держалось на личной или корпоративной преданности великому князю с одной стороны и предоставлении особого статуса и достойного материального вознаграждения – с другой. И если в нашем распоряжении нет надёжных документальных свидетельств об этой социальной (этнической) группе в первые века её существования, то для конца XV – XVI в. источниками информации становятся посольские книги по связям с Крымом, Турцией, Ногайской Ордой, Кавказом и Персией, дополняемые летописными свидетельствами.

Служилые татары проживали компактно, зачастую в смежных волостях недалеко от Москвы – Ростуново (Ростунова слободка, затем Ростуновский стан Боровского уезда), Щитово, Левичин (стан Коломенского уезда), Суражик (Сурожик – волость в Московском уезде), Берендеево (Берендеева слобода), волость Ижва (Ижво) Дмитровского уезда, Перемышль⁷. Статус великокняжеского татарина выделял его обладателя из массы иных служилых татар и православных помещиков, наделяя возможностью совершать регулярные поездки в сопредельные государства и проводить там торговые сделки. В Ногайской Орде они закупали лошадей, в Крыму и Средней Азии могли участвовать в операциях по выкупу пленных. Наблюдения, сделанные при исследовании биографий отдельных татар, позволяют предположить, что великий князь порой доверял им больше, чем официальным дипломатам. Именно татарам давали самые «щекотливые» поручения⁸.

Служилые татары с подобным же статусом имелись и в других великих княжествах. Исследователи выделяют «михайловских» татар, ранее служивших великому князю Михаилу Борисовичу Тверскому или князю Михаилу Андреевичу Вере́йскому. После потери этими княжествами независимости их вывели в Москву, где они продолжали нести привычную службу⁹. По-видимому, име-

⁵ Горский А.А. Московские «ордынцы» и «делюи» // Ветроград многоцветный. М., 2018. С. 173–178.

⁶ Селенёв Ю.В. Русские князья в составе правящей элиты Джучиева улуса в XIII–XV веках. Воронеж, 2013.

⁷ Зайцев И.В. Великокняжеские служилые татары...; Хорошкевич А.Л. Русь и Крым: от союза к протекторату. Конец XV – начало XVI вв. М., 2001. С. 311.

⁸ Моисеев М.В. Семья гонцов Кадышевых: вехи служебной биографии // Исследования по истории Восточной Европы = Studia historica Europae orientalis. Вып. 13. Минск, 2020. С. 89–96.

⁹ Хорошкевич А.Л. Указ. соч. С. 311; Зайцев И.В. «Что еси, государь, послал нас на свою службу...». Великокняжеские татары в XV – первой половине XVI в. и их землевладение в Московском крае. Историко-генеалогическое исследование (в печати). Имеются косвенные доказательства

лись они и в Рязанском княжестве. Около 1486 г. упоминается толмач рязанского князя Юрманча, присутствовавший на докладе князю заёмной кабалы¹⁰. Вероятно, в роли рязанских великокняжеских татар выступали бардаковские (батраковские) татары¹¹. После окончательной потери Рязанским княжеством независимости их не переселили ближе к Москве, но ещё в 1534 г. они выполняли поручения, граничащие с посольскими: их отправили с толмачом Иваном Остафьевым Руделевым за ногайским послом Кудояром, грабившим на обратном пути из Москвы рязанские земли¹². В более поздний период бардаковские татары несли исключительно полковую службу.

Служилые татары делились на структурные единицы, способные самостоятельно выполнять поставленные перед ними задачи — станицы. Численность станицы, видимо, изначально равнялась привычному для ордынцев десятку или же более позднему котлу/кошу. За основу последнего бралось количество людей, которых можно было накормить из одного котла. В XVI в. в станицу входило от трёх до семи человек. Чаще всего упоминаются станицы из пяти татар, как правило, родственников или лиц, испомещённых рядом. В зависимости от конкретной задачи в посылку могли отправить как одну, так и несколько станиц. Однажды в Ногайскую Орду отправили сразу шесть станиц¹³.

Имеется описание станичной службы конца XVI в.: «При государе царе и великом князе Федоре Ивановиче всеа Руси и при царе Борисе было в Посольском приказе для турские, и крымские, и нагайские и иных в мусульманские государства посылок служилых татар станичных голов человек по десяти, а в иное время и больши. А з головами было в станице в товарищех с лутчими человек по пяти, а с иными по четыре и по три человеки»¹⁴. Известны примеры, когда в конце XV в. татар собирали в значительные отряды до 150 человек, среди них отмечены сотники и пятидесятники. Среди татар заметна большая дифференциация в обязанностях. Одни только провожали послов до Перекопа и возвращались в Москву, другие оставались в Перекопе «на лежке» (дожидаясь возвращения посла, будучи готовыми доставить в Москву грамоты от него), третьи следовали непосредственно в Крым¹⁵. В XVI в. такие большие отряды уже не собирались: организация посольств и отправка поминков в Крым приобрела несколько иную форму. К тому же у великокняжеских татар, возможно,

этому предположению. В Верейском и в Тверском уездах фиксируются топонимы Бакшеево (Бакшейково, Бакшеевское займище) (*Антонов А.В.* Частные архивы русских феодалов XV — начала XVII века // *Русский дипломатий.* М., 2002. № 178; Описание Грамот Коллегии экономии. Т. III. М., 2018. № 12707, 12602; Писцовые материалы Тверского уезда XVI в. М., 2005. С. 105, 121–122, 159, 223). Бакшеи (изначально дьяки, знавшие уйгурскую письменность) относились к лицам, без которых ссылки с Ордой значительно усложнились (*Беляков А.В.* Бакшеи — эволюция понятия // *Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность.* 2021. № 4. С. 60–71).

¹⁰ Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII века. Т. IV. М., 2008. № 75. С. 59–60.

¹¹ *Азовцев А.В.* Личные имена Рязанского уезда конца XVI в. (По материалам писцовых книг) // *Рязанская старина.* 2002. Вып. 1. М., 2003. С. 30–32; *Зайцев И.В.* Посольства из Казани в Крым 1549 года // *Orientalistika Juvenile.* Вып. 1. М., 2000. С. 90–91; *Трепавлов В.В.* История Ногайской Орды. М., 2002. С. 499, 505.

¹² Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1489–1549 гг. Махачкала, 1995. С. 121, 123.

¹³ Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой (1561–1566 гг.). Казань, 2018. С. 122.

¹⁴ *Лисейцев Д.В.* Посольский приказ... С. 184.

¹⁵ Сборник императорского Русского исторического общества (далее — Сборник ИРИО). Т. 41. СПб., 1884. С. 70, 310–311.

появились конкуренты — рязанские казаки, выполнявшие схожие функции: «послати в Крым великого князя казака резанца или татарина»¹⁶. Рязанские казаки в документах упоминаются лишь в первой трети XVI в., и все они носили русские имена, хотя вопрос об их происхождении остаётся открытым.

Изначально обязанностью великокняжеских татар являлось сопровождение посылаемых в ставку к хану людей, самостоятельная доставка корреспонденции или устная передача известий. В их функции входили обязанности более поздних арбачеев, вожей, гонцов и приставов. При сопровождении русских посланников, не владевших татарским языком, они выступали в роли переводчиков. В посольских книгах по связям с мусульманскими странами термины «толмач» и «станичный голова» употребляются как синонимы (напомню, что до конца XVI в. понятие «переводчик» практически не использовалось). Мы вправе предположить, что станичные головы могли выступать как в роли знатока устной (толмача), так и письменной (переводчика) речи. Требования к рядовым станичникам могли быть ниже, но объясняться на бытовом уровне как минимум на двух языках (русском и татарском) они были обязаны. В XVI—XVII вв. станичники-толмачи во время дипломатических посылок играли огромную роль. Русские посланники в страны Востока зачастую ограничивались в свободе передвижения, и именно на станичников ложилась обязанность сбора известий и создания агентурной сети среди местного населения.

Успех служилых татар во многом кроется в наследственности их службы: отец передавал знания сыновьям, старшие братья вводили в курс дел младших. Знания языка, по-видимому, закладывались дома. В результате многолетних посылок в одни и те же места у них образовывались устойчивые связи среди местного населения, иногда переходившие в дружеские. В 1548 г. от бия Юсуфа в Москву пришла грамота с гонцом, отрекомендованным следующим образом: «А грамоту послал есми с Резановым (станичный татарин Резан Баймаков. — А.Б.) названным сыном со Аккулуем»¹⁷. Мусульманские правители желали, чтобы к ним приезжали профессионалы, с которыми можно вести дела. В 1538 г. крымский хан Сахиб-Гирей писал Ивану IV: «Присылал еси с Микитою толмача, ни слова говорити знает, ни сам догодаетца, толмачи Рязан да Девлечар (Резан Баймаков и Девлечар Бахметев. — А.Б.) и сами говорити умеют, и от людей сказати умеют же, таков толмач надобе»¹⁸. Постепенно сложилась определённая система посылок. В обычное время станичников посылали в Крым или Ногайскую Орду. Одни отправлялись на службу поздним летом или осенью, другие — весной, после возвращения первых. В условиях обострения внешнеполитической ситуации этот график ломался, и человек в течение года мог совершить две и более поездки; посылка могла растянуться и на несколько лет. Жёсткой привязанности той или иной станицы к определённой стране не прослеживается.

Станичников посылали в Турцию, Крым, Валахию, Черкесию, Шувалы, Тюмень, Шемаху, Ногайскую Орду, Казанское, Астраханское, Сибирское, Казахское, Бухарское и Хивинское ханства, Ташкент, Самарканд. В Персию татар посылали редко, хотя переписка с этим государством зачастую велась на турец-

¹⁶ РГАДА, ф. 89, оп. 1, кн. 1, л. 114–114 об.; Сборник ИРИО. Т. 95. СПб., 1895. С. 140, 229–230, 667, 700.

¹⁷ Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1489–1549 гг. С. 243.

¹⁸ РГАДА, ф. 123, оп. 1, кн. 8, л. 537–537 об.

ком языке. Причиной, вероятно, было то, что официальной религией в Персии стал шиизм, российские же мусульмане являлись суннитами. Станичные головы часто выполняли самостоятельные посольские миссии, в том числе приводили те или иные территории к шерти на имя московского государя и собирали дань. В сентябре 1557 г. в Москву из Сибири в сопровождении сибирского посла вернулись Девлет-Хозя и Собаня (Собан, Собаней) Резановы, принимавшие шерть¹⁹ у князя Едигера и собиравшие дань с подвластных ему племён: «тысячу соболей, да дорожной пошлыны сто да 60 соболей за белку, да грамоту шертную привезли с княжею печатью, что ся учинил князь в холопстве, и дань на всю свою землю положил». Таким образом, братья возглавляли эту посылку. Данное известие важно ещё и потому, что оно ставит вопрос об уровне их грамотности. Ведь они должны были следить за проходившей процедурой шертования, уделяя внимание как обрядовой части, так и фиксации на бумаге обязательств сибирской стороны. По-видимому, братья хорошо владели не только татарским, но и русским языком, в том числе и письменным, поскольку наказы послам и посланникам писали на русском языке. Статейные списки участников дипломатических миссий также писали на русском. Собаня посылали в Сибирь ещё как минимум однажды: в ноябре 1559 г. он приехал в столицу с частью очередной дани²⁰. Детей боярских в страны Востока (за исключением Ногайской Орды) посылали редко. Традиция присылки в Ногайскую Орду детей боярских, а не служилых татар, стала следствием уступки Москвы мангытам, сделанной в 1530-х гг. Ногайские мирзы понимали выражение «сын боярский» именно как «сын боярина», что по смыслу близко к привычному им «мирзе»²¹ (эмир заде – сын эмира).

О материальном положении станичников сведений мало. Их обязательно испомещали. Размеры поместий сильно различались и могли составлять от нескольких десятков до нескольких сотен четей в одном поле. В нашем распоряжении имеются сведения о землевладении служилых татар в Коломенском и Московском уездах²². В последней четверти XVI в. оно, по-видимому, проникло в Мещерский, Можайский, Новгородский, Рязанский²³ и некоторые иные уезды. Это можно рассматривать как кризис корпорации и начало её разрушения. Размеры поместного оклада и годового денежного жалования в последней четверти XVI в. у рядовых станичников колебались от 40 до 150 четей и от 6 до 10 руб. (у станичных голов могли достигать 400 четей и 30 руб.)²⁴.

В какой-то момент стали особо выделяться лица, знавшие несколько языков и разбирающиеся в тонкостях арабской графики. В ряде случаев русские источники называют их бакшеями. По легенде, после покорения найманов в 1206 г. Чингисхан сделал уйгура Татанута, являвшегося прежде хранителем печати найманского хана, своим секретарём и поручил ему научить своих сы-

¹⁹ Шерть (от араб.-тюрк. «шарт» – соглашение) – в данном случае личный договор между правителями, присяга на верность, аналог русского крестоцелования.

²⁰ ПСРЛ. Т. 13. М., 2000. С. 285, 313; Т. 20. М., 2004. С. 586, 607.

²¹ Кулмаматов Д. С. Мурза – мирза // Русская речь. 2014. № 5. С. 118–121.

²² Моисеев М. В. Землевладение служилых татар... С. 236–248; Антонов А. В. Частные архивы русских феодалов... № 2733, 2734; Записные вотчинные книги Поместного приказа 1626–1657 гг. М., 2010. № 5977–30, 5978–42, 5980–18, 5996–14.

²³ РГАДА, ф. 141, оп. 1, д. 25 (1589 г.), л. 1 об., 2; Государственный архив Рязанской области, ф. 725, оп. 1, д. 267, л. 32 об.–35; Антонов А. В. Частные архивы русских феодалов... № 153–157; Писцовые книги Рязанского края XVI века. Т. 1. Вып. 1. Рязань, 1996. С. 32–33.

²⁴ РГАДА, ф. 131, оп. 1, д. 1 (1584 г.), л. 1–10.

новой уйгурской грамоте. Родственники и потомки Татанута стали выполнять аналогичные обязанности при потомках Чингисхана. За уйгурскими писцами закрепилось название «бахши», возводимое к санскритскому «бхикшу» – буддийский отшельник. Бакшей долгое время успешно конкурировали с гораздо более образованными чиновниками завоёванных Китая и Средней Азии. С принятием в 1312 г. ислама ханом Узбеком и переходом на арабскую графику чиновников-уйгуров стали вытеснять на окраины империи, и некоторые из них оказались в русских княжествах. Здесь знатоки восточной дипломатии и делопроизводства встретили тёплый приём, тем более что среди них были не только буддисты, но и христиане. О влиянии уйгурских переселенцев говорят их сохранившиеся автографы на русских документах²⁵. Но ещё больше об этом свидетельствует появление устойчивой традиции дьяческих вертикальных монограмм в подражание уйгурской традиции²⁶. Термин «бакшей» встречается в документах конца XV – XVI в. Его семантика к тому моменту претерпела изменения и оказалась связана исключительно с отпращиванием внешнеполитических функций²⁷.

На рубеже XV–XVI вв. жил Аблез (Абляз, Обляз)–бакшей, впервые упомянутый 6 сентября 1489 г., когда он писал грамоту в Крым к хану Менгли-Гирею. В связи с написанием крымских грамот он отмечен в посольских книгах 29 октября 1489 г., в апреле 1490 г. В августе 1490 г. он писал грамоту «татарским письмом» в Ногайскую Орду Мусе-мирзе, 16 ноября 1491 г. списывал «ярлык» Менгли-Гирея Ивану III. В феврале 1498 г. Аблез переводил турецкие грамоты. В октябре 1500 г. его обвинили в измене: по словам русских пленных в Крыму, пригнанных туда из Астрахани, бакшей посылал в Астрахань своих людей к Хонезу с 16 пищалями, 3 пудами пороха и грамотой, в которой учил, как освободить удерживаемого московским князем его брата Ахмолну: «Нечем вам с товарищи из тюрьмы выкупити, вынати вам Ахмолну с товарищами тем: отпустит князь великий на Дон гостей, и вам на Дону их стеречи; и нечто достережетесь, тем вам Ахмолну с товарищи выкупити или выменити теми гостми». По другим данным, речь шла не только о купцах, но и о великокняжеских послах²⁸. После этого имя Абляза исчезло из документов, но упоминаются Бакшеевы дети Мерет-Хозя, Тевекель и Тулуш²⁹. Они звались уже не бакшеями, а великокняжескими татарами.

Во второй половине XVI – начале XVII в. в Посольском приказе служила семья татар Тенишевых-Бакшеевых. Основатель рода Тениш-бакшей, высокопрофессиональный переводчик, упоминается с 1537 по 1564 г. 13 декабря 1562 г. в Москву приехали ногайские послы, а уже 15 декабря переводы четырёх грамот, сделанные Тенишем, отправили Ивану IV. Не позднее 1570-х гг. в приказе начали служить Абдрахман, Семён и Богдан, дети Тениша. Братьев Тенишевых испоместили в Коломенском уезде, где в волости Мещерка им

²⁵ Морозов Д.А. Уйгурские автографы московских дьяков (дополнение к древнерусской дипломатике) // Памяти Лукичёва: сборник статей по истории и источниковедению. М., 2006. С. 173–199.

²⁶ Грязнов А.Л. Белозерские акты XIV–XVI вв.: исследование и перечень. Вологда, 2019. С. 93–135.

²⁷ Беляков А.В. Бакшей – эволюция понятия.

²⁸ Сборник ИРИО. Т. 41. С. 75, 78, 87, 100, 120, 122, 247, 333, 335; Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1489–1549 гг. С. 29.

²⁹ Сборник ИРИО. Т. 41. С. 70, 347, 370, 430, 520.

принадлежало 511 четей земли, имели они дворы и в Коломне «за государевым царевым и великого князя двором»³⁰. Дети Тениша в документах называются переводчиками и толмачами. Как и их отец, они ни разу не отправлялись в посольские посылки.

Заметной фигурой в Посольском приказе был Кучукай Устокасимов, владевший турецким, татарским, персидским (знание фарси можно поставить под сомнение) и арабским языками: «И с русского писма, в мусюлманские государства, в Бухар и в Юргенч, и в ыные государства мудрые предисловья пишу, и с отцом твоим, государем нашим, во многих походех бывал, и вам, государем, служил з дворяны в ряд». Впервые он упомянут в июне 1571 г., когда переводил грамоты крымского хана Девлет-Гирея, в указной грамоте дьякам Поместного приказа назван Кучук-бакшеем Устокасимовым³¹. При Иване IV ему пожаловали поместный оклад в 1 тыс. четей, обеспеченный реальным землевладением. В Вяземском уезде ему принадлежало 600 четей, в Можайском — 400. Годовой оклад составлял 130 руб. При царе Фёдоре Ивановиче содержание переводчика сократили до 70 руб. и 600 четей (можайские земли ушли в поместную раздачу).

Отец Кучука Устокасим (Стакасим) отмечен в документах в связи с изменой его шурина новокрещена Ивана (Сулеймана) Урманова, в 1571 г. бежавшего в Крым и призывавшего хана совершить поход на Русь³². А. В. Лаврентьев предположил, что Устокасим был казанским ювелиром, создавшим для Ивана IV Казанскую шапку³³. Возможно, упоминание его как золотаря следует рассматривать не как указание на работу ювелиром, а на умение оформлять золотом грамоты к восточным государям. Измена и опала родственников не повлияли на его карьеру. Потомки Кучука служили в переводчиках Посольского приказа почти весь XVII в.³⁴, а сам он достиг предела карьерного роста, и даже принятие православия не произвело бы заметных изменений в его судьбе.

Важно упоминание Кучуком Устокасимовым среди прочего о написании им «мудрых предисловий». В 1577 г. в Посольском приказе создали справочник, названный позднее «Титулярником»³⁵ и ставший прообразом Титулярника 1672 г. Там собраны интитуляции и инскрипции грамот, присылаемых к московским государям из сопредельных стран, а также от русского царя к иностранным монархам. Вероятно, часть представленных там текстов является переводами бакшеев XV–XVI вв.

Судить об уровне грамотности переводчиков XV–XVI вв. сложно. В лучшем случае в нашем распоряжении есть их русские переводы — арабграфические подлинники не сохранились. Есть уникальный пример, когда в посольскую книгу поместили сделанные разными людьми два перевода одной и той

³⁰ *Моисеев М. В.* Тенешевы-Бакшеевы... С. 83–87; *Моисеев М. В.* Землевладение служилых татар... С. 238; Города России XVI века: материалы писцовых описаний / Подгот. Е. Б. Французова. М., 2002. С. 26.

³¹ РГАДА, ф. 141, оп. 1, д. 25 (1589 г.), л. 1 об., 2.

³² Посольская книга по связям Московского государства с Крымом. 1571–1577 г. М., 2016. С. 76–77.

³³ *Лаврентьев А. В.* Казанская шапка и казанские цари // Анфологион. Славяне и их соседи. Власть, общество, культура в славянском мире в Средние века. К 70-летию Б. Н. Флори. Вып. 12. М., 2008. С. 99–117.

³⁴ *Беляков А. В., Гуськов А. Г., Лисейцев Д. В., Шамин С. М.* Переводчики Посольского приказа... С. 203.

³⁵ *Беляков А. В.* «Потерянный» источник: Титулярник 1577 г. // Российская история. 2020. № 6. С. 144–155; РГАДА, ф. 166, оп. 1, д. 14.

же грамоты — послания турецкого султана Баязета Ивану III 1498 г. Первый сделан неким муллою «шемахийским», второй — Абляз-бакшеем. Тексты требуют лингвистического анализа с привлечением известных подлинных турецких грамот, но даже простое сличение переводов показывает, что текст Абляза более сухой. Из него удалены все обороты, призванные иллюминировать текст: «Бог, Великоименитой птица/хумаюн», «и яз, ее взяв, приложил к своему сердцу», «то до меня дошло от твоего правого сердца» и др.³⁶ В дальнейшей русской посольской практике утвердился подход Абляза-бакшея, что следует учитывать при анализе всех грамот, переведённых в России. Однако, судя по титулярникам конца XVI — середины XVII в., витиеватые украшения текстов отслеживались и фиксировались в Посольском приказе³⁷.

Бакшей имели материальное содержание значительно выше обычного и не выезжали за рубеж. В XVII в. термин «бакшей» в приказной документации не использовали за исключением единственного случая — так назван переводчик Степан Игнатъев (Бакшаев) сын Смайлов, служивший в Посольском приказе в 1648/49–1657/58 гг.³⁸ Но по статусу он был далёк от бакшеев XVI в., да и высокообразованных переводчиков восточных языков тогда чаще называли абызами (хафизами). Отдельные переводчики (Прокопий Иванович Вражский и Имраэль (Михаил) Семёнов сын Кашаев), возможно, унаследовали некоторые функции бакшеев³⁹. Они осуществляли контрольные функции по отношению к толмачам и переводчикам приказа.

Татарские переводчики и толмачи, участвовавшие в дипломатической жизни государства, проживали не только в столице, но и в ряде приграничных городов. Особенно много их было в Астрахани. Стрелецкий сотник и толмач Данилов Русин приехал в город 23 сентября 1586 г. Его сразу послали из Астрахани проводить дорогу в «Грузинскую землю». 11 апреля 1588 г. он ездил с грузинскими послами из Москвы до Астрахани⁴⁰. Толмач Фёдор Пушкарёв в апреле 1587 г. ездил в Москву из Астрахани с ногайскими послами⁴¹. Переводчик и толмач Богдан Брюшков 11 января 1593 г. ездил к персидскому послу Ази-Хосрову и, по-видимому, сопровождал посольство от Астрахани до Москвы. В 1608 г. он имел годовой оклад 40 руб. и поместье в «верховых городех», получая также пошрины с татарских судных дел⁴².

Служили толмачи и в Терках. Толмач из русских полонянников Юшка Фёдоров 25 января 1589 г. поехал из Терок в Тюмень к кн. Салтанею и во время посылки бежал из Тюмени «в Черкасы, в Ерпели», где у него были жена и дети. На окраинах государства испытывали явный дефицит лиц, способных осуществлять перевод: «Да здесе... ставитца поруха великая... в толмачех, что послати в Шевкалы, и в Грузи, и в Тюмень, и в Черкасы, и в ыные земли не-

³⁶ Сборник ИРИО. Т. 41. С. 244–249.

³⁷ РГАДА, ф. 166, оп. 1, д. 14, 15.

³⁸ *Беляков А.В., Гуськов А.Г., Лисейцев Д.В., Шамин С.М.* Переводчики Посольского приказа... С. 10; *Беляков А.В.* Служащие Посольского приказа... С. 129, 331.

³⁹ *Лисейцев Д.В.* Посольский приказ... С. 370–371; *Беляков А.В.* Служащие Посольского приказа... С. 100–102, 111, 117–120, 123, 128, 131, 134–135, 138–139, 158, 308.

⁴⁰ РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 2 (1586 г.), л. 9–11; *Белокуров С.А.* Сношения России с Кавказом. Вып. 1. М., 1889. С. 10, 13, 17.

⁴¹ РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 1 (1587 г.), л. 11.

⁴² Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. Т. I. СПб., 1890. С. 178; Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века. 1601–1608. М., 2003. С. 185.

ково, толмачей нет. А прислали к нам из Астарахани толмачей полонеников, которому год минул, как вышел ис полону, а иному и нет году. И мы... тех толмачей посылати не смеем». 5 января 1598 г. толмача Ивана Галактионова терский воевода отправил к послу в Грузию К. Совину «к Сонским Щелям в Березуев кабак»⁴³. Татарские толмачи служили в сибирских городах⁴⁴ и, вероятно, в Казани и Уфе.

На рубеже XVI–XVII вв. система переводческой службы стала трансформироваться: требовалась бóльшая её структуризация, а сокращение числа контрагентов на Востоке сделало ненужным такое количество служилых татар. Быстро шла регламентация обязанностей толмачей и переводчиков, сокращалось количество служилых татар, многие из них перешли в православие и стали именоваться новокрещенными.

На какое-то время служилых татар передали в ведение Разрядного приказа, однако на завершающем этапе Смутного времени они вернулись в Посольский приказ, причём эта категория служащих оказалась в эпоху Смуты наиболее стабильной⁴⁵. Из их среды вышли многие толмачи и переводчики первой половины XVII в. Однако эпоха потомков «ордынцев» былых времён прошла. Многие из них физически не пережили Смутное время, на их место пришли другие люди. Среди специалистов по восточным языкам стали преобладать выходцы из Мешеры. Впрочем, некоторые из них вели родословную от великокняжеских татар. В толмачи всё чаще назначали русскую «служилую мелкоту» за «полонное терпение». При этом отход от прежней системы шёл медленно, и её рудименты встречаются до 1660-х гг.⁴⁶

Сведений о специалистах по европейским языкам у нас значительно меньше. Жизни одного из них, Алманзенова Ивана Фомина, посвящено специальное исследование⁴⁷. На настоящий момент имеется информация примерно о полусотне толмачей и переводчиков европейских языков. «Западных» толмачей и переводчиков изначально было меньше по сравнению со специалистами по восточным языкам; в отличие от служилых татар их крайне редко посылали за рубеж с самостоятельными миссиями. Наиболее интенсивные контакты Москва поддерживала с Польско-Литовским государством, где до 1569 г. все переговоры обслуживались русскоязычной канцелярией Великого княжества Литовского⁴⁸.

На западном направлении термин «переводчик» встречается только с последней четверти XVI в. Подавляющее число толмачей здесь явно имели западноевропейское происхождение. Изначально, надо полагать, проблема перевода решалась ситуативно: при возникновении потребности в специалистах по языкам к этой деятельности привлекали любого владеющего иностранной речью человека, находившегося в России. В ряде случаев первым русским дипломатам

⁴³ Белокуров С.А. Сношения России с Кавказом. Вып. 1. С. 73–74, 77, 290, 291.

⁴⁴ Пузанов В.Д. Служба толмачей в Сибири в конце XVI–XVII в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2020. № 2(80). С. 46–59.

⁴⁵ Лисейцев Д.В. Посольский приказ... С. 183–189.

⁴⁶ Бантыш-Каменский Н.Н. Реестр делам Крымского двора с 1474 по 1779 год. Симферополь, 1893.

⁴⁷ Лисейцев Д.В. Переводчик Посольского приказа Иван Фомин и источники по истории приказной системы Московского государства конца XVI – середины XVII века // Иноземцы в России в XV–XVII веках. М., 2006. С. 241–252.

⁴⁸ Граля И. Иван Михайлов Висковатый. М., 1994. С. 464.

и не требовались услуги переводчиков — будучи образованными иностранцами, они сами могли исполнять эти функции. Это, в частности, относится к окружению Софьи Палеолог; немного знал латинский язык окольный В.Г. Зюзин⁴⁹. По-видимому, «рабочим» языком сначала была латынь, к которой вскоре прибавились немецкий и, возможно, шведский языки. Специалисты иных языков появлялись в Посольском приказе в процессе расширения географии дипломатических контактов Московского государства. Папский легат Антонио Поссевино в 1581 г. назвал имена трёх переводчиков латинского языка: Яков Заборовский, Ян Буховецкий и Христофор Кайевский. Все они являлись поляками, следовательно, владели и польским языком⁵⁰.

Особую проблему составляет вопрос о подготовке переводческих кадров. За последние 100 лет источников по этой теме не прибавилось. Нам известно о попытках отправления учеников в Турцию для изучения греческого языка. В Дании изучал латынь подьячий Истома Малый, в Ливонии — Митя Малый (Дмитрий Герасимов). В 1569 г. двух толмачей шведского посольства — Авраама Николаева и Власа Пантелеева — задержали для обучения русских людей немецкому языку⁵¹.

Прослеживается традиция организации переводческой службы по городам, в частности, в Новгороде. Новгородскими толмачами были отец и сын Симон и Степан Симонов Керклины. Симона в июне 1584 г. посылали встречать шведских гонцов, Степан тогда же сопровождал их из Новгорода в Москву⁵². В 1580 г. упоминается нарвский (ивангородский) толмач Индрик Грим, посланный с гонцом Истомой Шевригиным к датскому королю и римскому императору. В 1581 г. он ездил к датскому королю и римскому императору с Афанасием Рязановым. В июле 1589 г. толмач Юшка Юрьев сопровождал царского посла М. Варкоча до Холмогор, после чего ему велели остаться в городе «у корабельные пристани»⁵³.

В ряде случаев специалисты по языкам служили не великому князю (царю), а отдельным лицам, имевшим личные канцелярии, или удельным князьям. У кн. Семёна Рязановского служил толмачом и подьячим некий Борис, в 1500 г. посланный в Кафу с А.С. Кутузовым⁵⁴. В мае 1515 г. упомянут как толмач на великокняжеской службе «князь Васильев Ивановичев человек Олфер» (Панфер) (по предположению И.В. Зайцева — человек новгород-

⁴⁹ Матасова Т.А. Миланский список московской грамоты 1493 г.: автограф грека из окружения Софьи Палеолог // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2020. № 2(80). С. 5–13; Матасова Т.А. Русские посланники в Венеции на рубеже XV–XVI столетий (по известиям Марино Сануто) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2013. № 2(52). С. 64–74; Поссевино А. Исторические сочинения о России XVI в. М., 1983. С. 49.

⁵⁰ Поссевино А. Указ. соч. С. 28.

⁵¹ Йовий П. Книга о посольстве Василия, великого князя Московского, к папе Клименту VII // Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы. М., 1997. С. 258, 290–291; Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988. С. 200; Сборник ИРИО. Т. 129. СПб., 1910. С. 185, 252, 259, 263; Савава В.И. Несколько случаев изучения иностранных языков русскими людьми во второй половине XVI века // Сборник Харьковского Историко-филологического общества в честь профессора В.П. Бузескула. Харьков, 1913. С. 151–162.

⁵² Сборник ИРИО. Т. 129. С. 377, 383, 473.

⁵³ Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными (далее — ПДС). Т. I. СПб., 1851. Стб. 813–815, 832–833, 1211, 1215.

⁵⁴ Сборник ИРИО. Т. 41. С. 292–293.

северского и рыльского князя Василия Ивановича Шемячича⁵⁵. В завещании кн. Ивана Васильевича Ромодановского (1521/22 г.) упомянуты его холопы Христофор бакшей Сенькин сын Долгомеров, дьяк Иван и толмач Кузьма⁵⁶. Возможно, на первых порах значительная часть подобных служителей были холопами, получавшими по смерти господина свободу. В 1564 г. упоминается некий толмач Карача, «что живет у Ивана Шереметева»⁵⁷, принимавшего активное участие в обороне южной границы государства. Янс (Янсен) Гришка (Георг) Васильевич — толмач немецкого языка, из шведских военнопленных, некоторое время «пожил» у дьяка И.М. Висковатого, затем служил в толмачах у государя (1559). В 1566 г. его отпустили на родину, пять лет спустя он прибыл в Москву в статусе второго шведского гонца и толмача, бил челом о принятии российского подданства и, судя по всему, был тайным информатором Посольского приказа⁵⁸.

Насколько московское правительство могло доверять подобным специалистам? Природных русских среди них явное меньшинство. Служба великокняжеских (царских) татар освящалась многолетней традицией, им, помимо посольских секретов, доверяли значительные материальные ценности. Они регулярно возили государевы поминки в Крым и Ногайскую Орду, а также дань из Сибири. Поручали им и самостоятельные посольские миссии. Для большинства из них эта служба была наследственной и щедро оплачиваемой. С западноевропейцами дело обстояло сложнее. В ряде случаев русским дипломатам приходилось нанимать толмачей за границей⁵⁹. Многие из толмачей Посольского приказа, по-видимому, являлись военнопленными. На страницах посольских книг можно прочесть следующие фразы: «А у меня, холопа твоего, грамота была за пазухою, а не у толмача, потому что блюлся от Нимки»⁶⁰.

Следует упомянуть ещё одну особенность российской посольской службы в период её становления. На рубеже XV–XVI вв. случалось, что обязанности толмача и подьячего совпадали. Как подьячий и толмач в документах упоминается Истома Малый, знавший немецкий и латинский языки. В 1496 г. он ездил в Данию, где и выучил латынь⁶¹. По-видимому, таков же статус ездивших в Крым татарского толмача Бориса Тарханова (1488–1491) и его сына Никиты (1498)⁶². Последний пример можно рассматривать как попытку намеренного введения контрагента в заблуждение: должность подьячего не подразумевает обязательного знания иностранного языка, и партнёры по переговорам в его присутствии могли между собой ненароком проронить важную информацию.

Проанализировав имеющуюся информацию, можно сделать вывод о том, что появление в Московском государстве специалистов по восточным и запад-

⁵⁵ Там же. Т. 95. С. 131–132, 140–141; *Зайцев И.В.* «Что еси, государь, послал нас на свою службу...».

⁵⁶ Акты Российского государства. Архивы московских монастырей и соборов XV — начала XVII вв. М., 1998. С. 125–126.

⁵⁷ Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой (1561–1566 гг.). С. 112.

⁵⁸ Сборник ИРИО. Т. 129. С. 196–199; *Граля И.* Иван Михайлов Висковатый. С. 463.

⁵⁹ ПДС. Т. X. СПб., 1871. Стб. 334–335; *Граля И.* Иван Михайлов Висковатый. С. 469.

⁶⁰ Сборник ИРИО. Т. 129. С. 275.

⁶¹ ПДС. Т. I. Стб. 74, 118, 120, 122, 227, 249, 272–274, 287, 292–293, 315, 341, 382, 435, 448, 471; *Герберштейн С.* Указ. соч. С. 200.

⁶² Сборник ИРИО. Т. 41. С. 120, 249.

ным языкам и устойчивого бытования термина «переводчик» по времени не синхронны. Постоянное расширение дипломатических контактов заставляло московские власти оперативно реагировать на запросы времени, и знатоков языков находили относительно быстро. А вот термин «переводчик» стал употребляться не ранее 1570-х гг., до этого использовали понятие «толмач». Но автоматически зачислять всех толмачей в переводчики не следует. Окончательное разделение специалистов по иностранным языкам на толмачей и переводчиков произошло только после Смутного времени. Наиболее раннее их принципиальное разделение на две независимые группы служащих следует отнести к 28 ноября 1601 г. В памяти с изложением указа царя Бориса Годунова относительно условий выхода и вывоза крестьян читаем: «И всех приказов подьячим, и Стрелецкого приказу сотником стрелецким, и головам казачьим, и Посольского приказу переводчиком и толмачем»⁶³.

⁶³ Народное движение в России в эпоху Смуты... № 5. С. 34.

Дневник переводчика Посольского приказа 1654–1664 гг. Новый источник о международных отношениях середины XVII в.

Олег Русаковский

**Diary of a translator of the Ambassadorial Chancery, 1654–1664.
A new source on the history of international relations in the mid-17th century**

Oleg Rusakovskiy
(HSE University, Moscow, Russia)

DOI: 10.31857/S086956872205003X, EDN: KKIOZE

Последние десятилетия ознаменовались ростом интереса специалистов по российской истории XVII в., как историков, так и филологов, к деятельности переводчиков Посольского приказа, сыгравших значительную роль в осуществлении культурных контактов допетровской России с европейскими и азиатскими странами. Уточняются детали биографий отдельных переводчиков и обстоятельства создания конкретных переводов, анализируется роль переводчиков в дипломатическом обиходе, их социальное и имущественное положение¹. Введены в научный оборот и публикуются новые источники о деятельности служащих Посольского приказа, в том числе и выполненные в его стенах переводы². Документы личного происхождения, вышедшие из-под пера переводчиков, однако, практически отсутствуют. В результате эти люди, в большинстве своём иноземцы, состоявшие на русской службе и обладавшие большим жизненным опытом и широким кругозором, парадоксальным образом оказались лишены собственного голоса. Их действительные суждения о собственной деятельности и политике Русского государства приходится вычитывать между строк в строго формализованном языке приказной документации или восстанавливать на основе отзывов иностранных путешественников, зачастую пристрастных или некомпетентных.

Уникальным как по объёму, так и по характеру приведённой информации представляется анонимный дневник одного из переводчиков Посольского приказа, сохранившийся в немецкоязычной рукописи в собрании Библиотеки академии наук. Источник до сих пор оставался практически вне поля зрения исследователей³. В описи он обозначен как «Дневник войны о войне русских

© 2022 г. О.В. Русаковский

Автор благодарен за помощь в работе над статьёй И.В. Герасимовой, А.Г. Гуськову, И.В. Дубровскому, П.И. Прудовскому и О.С. Сапожниковой.

¹ Лисейцев Д.В. Посольский приказ в эпоху Смуты. М., 2003; *Беляков А.В.* Служащие Посольского приказа. 1645–1682 гг. СПб., 2017; *Переводчики и переводы в России конца XVI – начала XVIII столетий* / Отв. ред. Д.В. Лисейцев, С.М. Шагин. М., 2019; *Беляков А.В., Гуськов А.Г., Лисейцев Д.В., Шагин С.М.* Переводчики Посольского приказа в XVII в. Персональный состав (предварительные данные) // *Переводчики и переводы в России...* С. 187–208.

² *Вести-куранты.* 1656, 1660–1662, 1664–1670 гг. Ч. 1–2 / Под ред. А.М. Молдована, И. Майер. М., 2008–2009; *Вести-куранты.* 1671–1672 гг. / Под ред. В.Б. Крысько, И. Майер. М., 2017; *Шагин С.М.* Куранты XVII столетия. Европейская пресса в России и возникновение русской периодической печати. М.; СПб., 2007.

³ Материалы рукописи, относящиеся к истории Вильно, использовались: *Герасимова И.В.* Под властью русского царя. Социокультурная среда Вильны в середине XVII века. СПб., 2015.

и поляков с 1654 по 1664 год» («Tagebuch des Krieges über den Krieg d. Russen und Polen v. Jahr 1654 bis 1664»), в то время как текст в самой рукописи имеет заголовок «Извлечение из рукописи пленённого русскими польского переводчика, состоявшего затем на русской службе, по имени Григорий Колерцкий» с латинской припиской «Деяния царя Алексея Михайловича с 1654 по 1664 год»⁴. Оба названия в целом соответствуют содержанию текста. Открывается дневник сообщением от 4 августа 1654 г.⁵ о разграблении русскими войсками Орши и охватывает события до конца 1664 г., причём большую его часть составляют подневные записи. Автор дневника почти не сообщает сведений о себе и ни разу не называет себя по имени, но приводит подробную информацию о военных действиях в Великом княжестве Литовском, дипломатических переговорах в Москве и на посольских съездах с польскими и шведскими послами, внутренней политике России и иных сюжетах. Степень детальности этих сообщений делает дневник ценным историческим источником. В то же время с автором связано немало загадок, и некоторых из них я коснусь в настоящей статье.

Общий объём рукописи составляет 189 листов *in folio*. Несомненно, это не автограф дневника, а его поздний список, конец которого, по всей видимости, утерян. Последняя фраза рукописи, относящаяся к событиям 1664 г., обрывается на полуслове в конце листа: «Россия и Шведское королевство не пришли в этом году ни к чему определённого, остановившись на том, что великое посольство...»⁶. Бумага, использованная в рукописи, может быть датирована периодом между 1710 и 1740 гг.⁷ Переплёт относится, видимо, к концу XVIII — началу XIX в. Схожие переплёты встречаются у некоторых других рукописных книг собрания БАН.

Первые надёжные сведения о дневнике связаны с именем Иоганна Георга Лоттера (1699–1737)⁸. Уроженец Аугсбурга, обучавшийся в Галле и окончивший университет в Лейпциге, он получил известность как автор работ по античной и средневековой истории и в 1734 г. принял должность профессора риторики и греческих и римских древностей при Петербургской Академии наук. В апреле 1736 г. ему поручили составление жизнеописания царя Алексея Михайловича, которому предстояло стать предисловием к начатому в феврале 1735 г. переизданию Уложения 1649 г.⁹ В октябре 1736 г. Лоттер представил Академии первый набросок этого труда с дополнением в виде генеалогических таблиц, составленных Г.З. Байером. Уже в феврале 1737 г. стало, однако,

⁴ НИОР БАН, Собрание иностранных рукописей, F 15 (далее – Tagebuch), л. 1: Extract aus einem Manuscripto eines von den Russen gefangenen polnischen Translateurs, so in russischen Diensten gestanden, namens Gregory Kolerzczy. Res gestae Cz. Alexii Mich. ab Anno 1654 usque 1664.

⁵ Все даты в тексте дневника и в настоящей статье (за исключением специально оговорённых случаев) приведены по юлианскому календарю.

⁶ Tagebuch, л. 189 об.: Zwischen Rußland und der Cron Schweden ward auch in diesem Jahr keine einige Gewißheit getroffen, sondern es blieb dabey, daß eine große Gesandtschaft von...

⁷ В рукописи идентифицированы филигранные «Герб Амстердама» двух типов, близкие к приведённым в альбоме: Дианова Т.В. Филигранные XVII–XVIII вв. «Герб города Амстердама». М., 1998. № 405, 406, 412.

⁸ Franck J. Lotter, Johann Georg // Allgemeine Deutsche Biographie. Bd. 19. Leipzig, 1884. S. 272; Veith F.A. Bibliotheca Augustana. Bd. 11. Augustae Vindelicarum, 1795. P. 120–136; Пекарский П.П. История Императорской Академии наук в Петербурге. Т. 1. СПб., 1870. С. 535–538; Материалы для истории Императорской Академии наук. Т. 6. СПб., 1890. С. 381–383.

⁹ Материалы для истории... Т. 6. С. 436–437; Пекарский П.П. Указ. соч. Т. 1. С. 536–537.

очевидно, что продолжать свой труд Лоттер не сможет из-за прогрессирующей болезни, и Академия затребовала его рукописи и рабочие материалы в своё распоряжение. Чуть более месяца спустя, 1 апреля 1737 г., Лоттер умер. Работу над жизнеописанием Алексея Михайловича взял на себя Байер, представивший свою редакцию труда руководству Академии в ноябре 1737 г.¹⁰, но и он неожиданно скончался в феврале 1738 г.

Сам текст жизнеописания сохранился на немецком языке в единственной переписанной начисто, вероятно, копиистом Академии, рукописи, находящейся ныне, как и дневник, в собрании БАН. Её пространное заглавие звучит как «Попытка описания жизни и деяний Алексея Михайловича, царя и великого князя всея Руси, и прочая, и прочая, и прочая, поскольку таковое может быть составлено из наличествующих рукописных свидетельств и печатных книг»¹¹. Рукопись открывается кратким описанием царствования Михаила Фёдоровича и хронологически охватывает всё правление его сына вплоть до кончины в 1676 г. Её объём составляет около 400 листов и намного превышает отрывок, представленный Лоттером Академии.

Автор жизнеописания Алексея Михайловича, очевидно, не владел в достаточной степени русским языком и столкнулся с почти полным отсутствием доступных источников. Как свидетельствуют содержащиеся в тексте ссылки, Лоттер не пользовался не только русскими рукописями, но даже и печатными изданиями. Ему пришлось довольствоваться общими работами по европейской военной и дипломатической истории и немногочисленными записками иностранцев. Единожды он ссылается на записки П. Гордона¹² и трижды на не поддающийся идентификации дневник немецкого офицера, охватывающий события 1667–1671 гг.¹³

Рукопись дневника переводчика оказалась для Лоттера поистине бесценной находкой. Описывая вступление царских армий в пределы Великого княжества Литовского, он впервые дал сноску на «рукопись пленного поляка, который затем остался на русской службе в качестве переводчика (Григория Колерцкого) и описал события 1654–1664 гг., и которому мы, за недостатком многих известий, будем большей частью следовать, исключая те случаи, когда я обращаюсь к польским писаниям»¹⁴. Это откровенное признание полностью оправдано: в дальнейшем Лоттер более 30 раз упомянул сочинение Колерцкого как основной и едва ли не единственный источник. Фактически же «Жизнеописание» превратилось в подробный, иногда дословный пересказ дневника. Когда сведения Колерцкого вступали в противоречие с сообщениями из «Жизнеописания Карла Густава» Пуффендорфа, Лоттер, не утруждая себя аргументами, принимал на веру записи дневника¹⁵. Говоря о скандальном приёме английского посольства в Кремле в ноябре 1663 г., он заметил: «Всё последующее [взято] из журнала Г. Колерцкого; напротив, можно воз-

¹⁰ Материалы для истории... Т. 6. С. 436–437.

¹¹ НИОР БАН, Собрание иностранных рукописей, F 16. Versuch von einer Beschreibung des Lebens und der Thaten Alexei Michailowitz, Czaren u. GroßFürsten von gantz Rußland, etc., etc., etc., so gut dieselben aus vorhanden seynden schriftlichen Urkunden und gedruckten Büchern zusammen getragen werden können.

¹² Там же, л. 203.

¹³ Там же, л. 309, 311, 312.

¹⁴ Там же, л. 86 об.–87.

¹⁵ Там же, л. 112 об.

держаться от [чтения] напечатанных путевых заметок, которые совершенно пристрастны»¹⁶.

Дойдя до начала 1665 г., Лоттер с сожалением отметил: «До сей поры журнал Колерцкого служил мне верную службу. Здесь, однако, он кончается, и я не нахожу никаких известий, кроме тех, которые я могу почерпнуть из другого журнала одного немецкого офицера, начинающегося, однако, лишь с 1667 г. Поэтому я не могу ничего сказать в особенности об Андрусовском мире и вообще о 1665 и 1666 годах»¹⁷. Несомненно, Лоттер пользовался доступным нам текстом дневника, который открывается описанием событий лета 1654 г. и обрывается концом 1664 г. Можно предположить, что именно для нужд Лоттера сделали его единственный сохранившийся список. По всей вероятности, его в конце мая 1737 г. вместе с другими подготовительными материалами Лоттера передал в архив Академии Байер¹⁸.

Неясно, однако, как именно протограф дневника оказался в распоряжении Академии. С некоторым основанием можно предположить две возможности. По словам Миллера, «на собрании Академии 12 декабря [1735 г.] было решено, что копиист Юберкампф должен в дни, свободные от заседаний, ходить к господину барону ф. Гюйссену и... делать выписки, служащие к российской истории, в особенности относящиеся к жизни царя Алексея Михайловича, что, однако же, было прекращено без объяснения причин с 14 января 1736 г.»¹⁹. Неизвестно, был ли знаком с дневником Г. фон Гюйссен. В более ранних его сочинениях материал дневника не использовался; впрочем, экскурсии в царствование Алексея Михайловича в них кратки и не требовали специального отбора источников²⁰. П.П. Пекарский утверждал, ссылаясь на протокол заседания Академии от 17 января 1736 г., что материалы, выданные Лоттеру, происходили из собрания Я. Брюса. Действительно, Брюс умер в апреле 1735 г., но опубликованные описания его собрания не содержат упоминаний о рукописи, чье содержание могло быть сходно с дневником²¹.

Дневник охватывает события 11 первых лет русско-польской войны 1654–1667 гг. Записи за каждый год в нём состоят из двух разделов. В первом из них в хронологическом порядке помещены подневные заметки. Временные интервалы между отдельными записями могли быть значительными, достигая, особенно в начале, нескольких месяцев. Разделы за каждый год завершаются довольно объёмными «дополнениями», где без указания точных дат рассказывается о важнейших событиях, произошедших в России и соседних государствах на протяжении всего года. Можно предположить, что дневниковая часть текста повествует о событиях, в которых автор мог принимать личное участие или о которых он знал из первых рук, в то время как «Дополнения» рисуют общую картину на основе слухов, иностранных газет и листовок или известных автору русских официальных документов. В то же время многие важные для автора дневника темы проходят красной нитью как через подневные записи,

¹⁶ Там же, л. 297: Alles folgende aus des G. Kolerzczy Journal, wogegen die gedruckte Reisebeschreibung, die voller Partheylichkeit ist, gehalten worden kan.

¹⁷ Там же, л. 306.

¹⁸ Материалы для истории... Т. 6. С. 437.

¹⁹ Там же. С. 436.

²⁰ Korzun S. Heinrich von Huysen (1666–1739). Prinzenerzieher, Diplomat und Publizist in den Diensten Zar Peters I., des Großen. Wiesbaden, 2013. S. 169–190.

²¹ Библиотека Я.В. Брюса. Каталог / Сост. Е.А. Савельева. Л., 1989.

так и через «Дополнения», поддерживая смысловое и стилистическое единство текста. С течением времени дневник становится всё более подробным: если записи за 1655 г. занимают 14 листов, то 1664 г. описан уже на 55 листах (почти треть всего сохранившегося текста).

Первые записи дневника за 1654 г. лапидарны и касаются исключительно действий русских войск в окрестностях Смоленска, включая неудачный штурм города 16 августа. Затем следуют несколько записей, относящихся к происшествиям в некоторых неназванных монастырях, по всей видимости, в Москве или её окрестностях. 11 марта 1655 г. впервые появляется заметка о царском выезде из Кремля²², но затем записи прерываются до сентября 1655 г. 1 сентября в дневнике следует первое упоминание о деятельности Посольского приказа, а именно о возвращении подьячего И. Поздышева и толмача Ю. Бухгольца из посылки к герцогу Курляндскому²³. Вероятно, этот момент маркирует начало службы автора в этом ведомстве или, во всяком случае, его активного участия во внешнеполитической деятельности Русского государства.

Следующая важная дата — 7 октября 1655 г., на которую приходится пространное описание церемониала встречи императорских послов Аллегретто де Аллегретти и Дитриха фон Лорбаха в Кремле в отсутствие царя²⁴. В дальнейшем мы находим в дневнике подробные сведения о визите в Москву императорских, польских, шведских, датских и английских послов. Фактическая информация автора о ходе переговоров, во всяком случае, в отношении датировок, а также имён иностранных и русских дипломатов, весьма точна, что позволяет предположить его личное участие в этих событиях. Краткого упоминания в дневнике удостоились и приезды в Москву крымских и грузинских посланников, а также отправления русских послов и гонцов за рубеж и их возвращения в российскую столицу. В некоторых случаях автор отметил получение в Посольском приказе известий из соседних государств, поступавших в составе дипломатической переписки или иностранных газет.

Дневник подробно освещает посольские съезды на границах России, в которых, вероятно, принимал участие автор. Характерно, что на время этих посылок из него практически пропадают сведения о событиях, происходивших в самой Москве. Всего описаны пять съездов с польско-литовскими послами (в Вильно в августе—октябре 1656 г. и летом—осенью 1658 г., в Борисове и его окрестностях в течение весны—лета 1660 г., под Смоленском весной—осенью 1662 г. и летом 1664 г.) и один — со шведскими послами в Тонсдорфе и Пегюлле в сентябре—ноябре 1659 г. Как и в случае с приёмами послов в Кремле, сообщения дневника в большинстве своём хорошо согласуются с данными иных источников, прежде всего посольские книги, а в ряде эпизодов, вероятно, содержат уникальную информацию. Подробно описано смятение в посольском лагере во время переговоров под Вильно, прерванных битвой под Верками 11 октября 1658 г.²⁵ Рассказ о русско-шведском съезде 1659 г. содержит описание переговоров А.Л. Ордина-Нащокина с фельдмаршалом Р. Дугласом 5 ноя-

²² Tagebuch, л. 6.

²³ Там же, л. 6 об.

²⁴ Там же, л. 6 об.—8 об.

²⁵ Там же, л. 59—59 об. О переговорах под Вильно см.: *Флоря Б.Н.* Русское государство и его западные соседи (1655—1661 гг.). М., 2010. С. 346—422.

бря 1659 г., прошедших без прочих послов, но, вероятно, в присутствии автора дневника²⁶.

Интересны и частные детали посольского быта и оценки автора, которые не могли быть упомянуты в официальных дипломатических отчётах. В качестве примера приведу рассказ о смерти молодого кн. Ф.Н. Одоевского во время следования в Вильно 18 июля 1656 г. По уверению автора, князь заболел ещё за несколько дней до того, но его отец, боярин Н.И. Одоевский, возглавлявший миссию, не желая послушаться царского приказа и останавливаться в пути, велел посольству двигаться с большой скоростью до тех пор, пока у сына не началась агония. «Это было знаком великого послушания, которое этот народ оказывает своей власти... Господа посредники (императорские послы. — *О.Р.*) весьма дивились этому поступку, увещевая и прося отца щадить сына в его болезни и хотя бы один день не двигаться с места. Он же никак не позволял этого сделать, отвечая, что предпочитает потерять сына, хотя он и любил его всем сердцем, нежели дурно выполнить приказ своего государя»²⁷. На следующий день, 19 июля, «тело умершего боярина князя Фёдора Никитича Одоевского отправили в Москву с великими стенаниями старого господина отца, который в течении двух лет потерял трёх взрослых сыновей и остался теперь лишь с одним-единственным. Старик-отец сопровождал его пешком на протяжении четверти мили и весьма горько плакал»²⁸.

Если дипломатические переговоры, вероятно, описаны автором дневника на правах очевидца, то информацию о военных действиях в Великом княжестве Литовском, составлявших ещё один предмет его постоянного интереса, он, по всей видимости, черпал из вторых рук, исключая те краткие периоды, когда сам мог находиться на театре военных действий — в 1654 г. и в момент переговоров под Вильно в 1658 г. Тем не менее его сведения вполне точны. В ряде случаев, как, например, в рассказе о сдаче русским гарнизоном Виленского замка в ноябре 1661 г. и казни его последнего воеводы кн. Д.Е. Мышецкого, автор, вероятно, следовал польским источникам, оказавшимся в распоряжении Посольского приказа²⁹.

Исключительно важной и, как кажется, личной для автора дневника темой остаются бедствия польского дворянства (и лишь отчасти простого люда) на занятых русскими территориях и в русском плену. Примечательно, что речь почти всюду идёт именно о «польском дворянстве» — литовская шляхта нигде специально не упоминается и, видимо, включается в число «поляков». Русские сравниваются с египтянами, поляки — с находящимися у них в рабстве евреями³⁰. Автор с презрением отзывается о части шляхты, принявшей русское подданство: «Оставшиеся дворяне и часть рядовых солдат, которым в русских дипломах, написанных золотом, были обещаны великие вольности, подпали под ярмо русского рабства и, хотя и имели в начале некоторую свободу, в конце концов потеряли всё разом. С ними обошлись много суровее, чем они могли себе представить»³¹. Автор неоднократно подчёркивает, что русские прямо

²⁶ Tagebuch, л. 68–69 об. О русско-шведских переговорах см.: *Кобзарева Е.И.* Дипломатическая борьба России за выход к Балтийскому морю в 1655–1661 гг. М., 1998. С. 248–249.

²⁷ Tagebuch, л. 24 об.–25.

²⁸ Там же, л. 25.

²⁹ Там же, л. 98 об.–100 об.

³⁰ Там же, л. 2 об.

³¹ Там же, л. 2.

нарушали обязательства, данные при капитуляции польских городов и замков, лишали горожан и шляхту собственности, продавали или раздавали мужчин, женщин, детей в рабство своим воинам. Эта политика помогла русским компенсировать потери собственного населения от чумы. Автор приводит и цены на польских невольников в Москве в 1654–1655 гг.: 10 польских злотых или 4 рейхсталера за знатных мужчин; «женщин же, если они были хоть немного красивы, оценивали дороже, поскольку русский народ весьма склонен к похоти, продавали для поругания и разврата и обращались с ними много хуже, чем со зверьми. Один, использовав их для своего удовольствия, продавал другому за меньшую цену, чтобы выгадать на этом сущие гроши»³².

Автора интересовала и судьба поляков и литовцев, сосланных или проданных в русские города и в Сибирь. Дневник содержит общие упоминания о смерти многих из них во время вспышек чумы в Центральной России и в Поволжье в 1650-х гг. Сведения о положении польских пленных и о планах их отпуска из России особенно подробны в записях 1662–1663 гг., когда этот вопрос стал одним из центральных на переговорах в Смоленске, в которых, вероятно, участвовал и автор дневника. Вместе с тем упоминания о судьбе отдельных пленных достаточно редки. Выделяется в этом смысле история со счастливым концом, отмеченная автором во время пребывания на переговорах в Борисове в 1660 г.: «15 июня из Минска прибыл в Борисов с письмом от старосты Жемайтского дворянин Юзеф Ягужинский. Он выкупил за восемьдесят рублей свою невесту, девицу Полянскую, которую за несколько недель до того захватили войска генерала Хованского и продали одному дворянину из посольства, и 16 числа уехал с ней в Минск. Девица, будучи знатной и очень красивой, весьма опасалась за свою честь из-за приставаний русских, которые чрезвычайно сладострастны и покупают пленных женщин только для блуда. Не видя иного способа защитить себя, она добровольно представлялась безумной, вцеплялась каждому, кто к ней приближался, в волосы и бороду и сама сбрасывала одежду, хотя и с некоторым стыдом. Она бешено нападала на русских, изображая ярость, и не хотела принимать ни еды, ни питья, бросая им в лицо то, что они приносили. Между тем мы, иноземцы, будучи хорошо осведомлены об этом намерении, тайно подкармливали её на протяжении целых четырёх недель через хозяйку, у которой дворянин был на постое, и таким образом сохранили ей жизнь до её освобождения»³³. Обращает на себя внимание единичное для дневника выражение «мы, иноземцы» — к нему предстоит вернуться при выяснении вопроса об авторстве дневника.

Очевидно негативное отношение к русской администрации распространяется в источнике не только на действия русской армии в Великом княжестве Литовском, но и на жестокости по отношению к собственным подданным. Уже на первых листах дневника автор рассказывает: «29 марта (1656 г. — *О.Р.*) отрубили голову топором одному мальчику восьми лет, сыну дворянина Ивана Елакина по той причине, что он, играя с другими мальчиками на улице города, где его отец был воеводой, сказался между ними царевичем. Его отца и мать замучили до смерти лишь из подозрения, не приказали ли они или не научили его таким словам»³⁴. Автор дневника, очевидно, относил подобную жестокость

³² Там же, л. 4 об.—5.

³³ Там же, л. 79—79 об.

³⁴ Там же, л. 20 об.

не на счёт экстраординарных мер и отдельных злоупотреблений, но, напротив, считал характерным следствием развращённости москвитов, поскольку «среди этого народа, который столь прославляет свои христианские добродетели и никого другого под солнцем не признаёт достойным христианского имени, нечего было и надеяться на сострадание и милосердие»³⁵. Законы и религия русских, утверждает автор, не ограничивают их жестокости. Два монаха, один из которых изнасиловал женщину, а другой «находясь в церкви, содомитским образом замучил до смерти некоего мальчика»³⁶, отделались лишь короткой ссылкой в провинциальные монастыри. Следует отметить, что подобные эпизоды и оценки, частые в начале дневника, становятся затем редкими, уступая место подробному описанию дипломатических и военных перипетий. Ещё более примечательно, что критика автором русских чиновников, военных командиров, монахов и вельмож никогда не обращается против государя.

Сообщения дневника о событиях внутренней жизни Русского государства отрывочны. Относительно подробно описана эпидемия чумы 1654/55 гг., причём автор определяет число её жертв в одной лишь Москве в «семьсот тысяч человек из числа благородных, не считая простого люда»³⁷ — цифра, разумеется, совершенно фантастическая, но вполне отвечающая духу времени. В следующем году автор упоминает о чуме в Казани, Астрахани и Нижнем Новгороде³⁸, а в 1657 г. — и в Речи Посполитой³⁹. Описаны и московские пожары 1657, 1659 и 1661 гг.⁴⁰, смотры войск и царские выезды⁴¹, восстание башкир 1662 г.⁴² С 1655 г. постоянной темой стала порча монеты и введение медных денег, видимо, затронувшие самого автора как приказного служащего. Вину за это он возлагает главным образом на управляющих монетным двором, а также крестьян и купцов, продававших зерно и хлеб по завышенным ценам. Решающую роль в отмене медных денег в 1663 г. он приписывает иноземным офицерам: «15 июня, получив от совершенно отчаявшихся служащих, в особенности от немецких офицеров, множество совершенно жалобных и заслуживающих размышления челобитных, власти спешно, прежде чем кто-то это заметил, издали приказ о полном упразднении с этого часа медной монеты»⁴³. Впрочем, и быстрое упразднение медных денег автор считает выгодным богатым и губительным для простого люда.

Кто же был автором дневника? Состав переводчиков и толмачей Посольского приказа, равно как и служащих иных приказов (например, Малороссийского или Аптекарского), привлекавшихся для письменного или устного перевода, хорошо известен, и человека по фамилии «Колерцкий» среди них нет. Если предположить, что переписчики ошиблись, и ориентироваться по созвучию фамилий, то очевидным кандидатом на авторство дневника становится Григорий Колчицкий (Кольчицкий), исполнявший в Посольском приказе обязанности переводчика польского и латинского языков с 1656/57 по 1667/68 г., а до и после того служив-

³⁵ Там же, л. 5 об.

³⁶ Там же, л. 6.

³⁷ Там же, л. 4 об.

³⁸ Там же, л. 19 об.

³⁹ Там же, л. 48 об.

⁴⁰ Там же, л. 47 об., 64 об., 89 об.

⁴¹ Там же, л. 6, 136–136 об.

⁴² Там же, л. 113 об.

⁴³ Там же, л. 121–121 об.

ший в Малороссийском приказе и умерший в 1678 г.⁴⁴ Пекарский, основываясь на заметках Миллера, прямо именуёт дневник «рукописью Кольчицкого»⁴⁵.

Существуют, однако, аргументы, заставляющие усомниться в авторстве Колчицкого. Достоверно известно, что он выехал на царскую службу ещё в 1651 г., и нет свидетельств о том, что когда-либо исполнял обязанности переводчика или толмача с немецкого языка. Нет оснований полагать, что Колчицкий владел этим языком в достаточной степени, чтобы осуществлять с него переводы и тем более вести на нём дневник. Он происходил из малороссийской православной шляхты и, вероятно, был православным по рождению, а автор дневника, даже если он формально и принял православие, религиозные обычаи русских знал не очень хорошо. Наконец, в дневнике мало внимания уделено положению в украинских землях, хотя основные военные и политические события там упомянуты. Между тем от Колчицкого и в связи с его происхождением, и вследствие службы в Малороссийском приказе естественно ожидать заинтересованности в малороссийских делах. Напротив, ничто не объясняло бы исключительный интерес и сочувствие Колчицкого к польско-литовской шляхте. Наконец, он не мог участвовать в некоторых из посольских съездов, подробно описанных в дневнике. В 1662 и 1664 гг., например, он отправлялся в «запорожские посылки» и в малороссийские города⁴⁶, в то время как автор дневника в то же время неотлучно присутствовал на многомесячных переговорах в Смоленске. Никак не отражена в дневнике «литовская служба» Колчицкого «в полку у боярина у князя Юрья Алексеевича Долгоруково с товарищи» в 1660 г.⁴⁷

Представляется, что поиски автора дневника по действительным или мнимым созвучиям фамилии не оправданы. Единственная запись, атрибутирующая дневник Колерцкому, сделана на первом листе рукописи почерком, отличным от основного. Можно предполагать, что это помета одного из сотрудников Академии, возможно, Лоттера или Байера. В самом же тексте дневника имя «Григорий Колерцкий» встречается единожды — при перечислении состава русского посольства, отправленного на переговоры в Вильно упомянуты «переводчики Христоф Боуш и Григорий Колерцкий»⁴⁸. Тождество Колерцкого и Колчицкого здесь почти несомненно. Но был ли этот человек автором дневника? Возможно, первые читатели текста сочли Колерцкого его создателем, поскольку это единственный переводчик с условно польской фамилией, упомянутый в тексте, а польская идентичность автора казалась им почти несомненной.

Поиски осложняются тем, что автор дневника не говорит прямо об обстоятельствах собственной службы и не сообщает сведений о своей жизни до попадания в русский плен. Местоимение «я» употребляется в тексте лишь дважды. Оно появляется в одном из эмоционально самых напряжённых мест дневника — в рассказе о голоде в Великом княжестве Литовском, включённом в состав «Добавления» к 1657 г.: «Оставшиеся в живых рассказывали мне, когда я некоторое время спустя проезжал через эту местность, что родители резали и ели своих детей. Одна женщина созналась, что она с двумя детьми наполовину съела мёртвого мужа. Другая — что она с мужем и старшим сыном, которые,

⁴⁴ *Беляков А.В.* Служащие Посольского приказа... С. 307; *Беляков А.В., Гуськов А.Г., Лисейцев Д.В., Шамин С.М.* Переводчики Посольского приказа... С. 196.

⁴⁵ *Пекарский П.П.* Указ. соч. Т. 1. С. 537.

⁴⁶ РГАДА, ф. 138, оп. 1, 1663 г., д. 1, л. 32; д. 2.

⁴⁷ Там же, 1662 г., д. 10, л. 73.

⁴⁸ *Tagebuch*, л. 23.

однако, в конце концов умерли от голода, зарезала двух младших детей и тем насытилась, но после того сама едва спаслась от мужа и старшего сына»⁴⁹.

Второй фрагмент носит иной характер. Рассказав о приёме английско-го посла графа Карлейля 6 февраля 1664 г. и о случившейся накануне неловкости (послу из-за взаимного недопонимания с русскими придворными пришлось ночевать за городскими воротами), автор дневника заметил: «Это посольство принимали с такой роскошью, что я до того не видел, чтобы в Москве кому-либо воздавали подобную честь и уважение. Несмотря на это посол сразу по прибытии отослал письмо, жалуясь на неуважение и оскорбление, причинённое ему, а с ним и его королю»⁵⁰. Этот фрагмент, с одной стороны, примечателен неожиданным появлением местоимения «я», с другой — создаёт серьёзную исследовательскую проблему. Известно о сочинении, изданном сотрудником посольства Г. Мъжем, содержащем жалобы на недолжное, по мнению англичан, обхождение с послом. Его составление санкционировал сам граф Карлейль в конце 1663 г. (ещё до прибытия посольства в Москву), но печатное издание вышло лишь шесть лет спустя⁵¹. Едва ли автор дневника имел в виду его. Скорее, речь может идти о рукописных сообщениях, отосланных Карлейлем или членами его посольства в Англию и, возможно, перлюстрированных русскими властями. Даже и в этом случае, однако, данный фрагмент остаётся важным и, возможно, единственным очевидным свидетельством того, что автор (или последующие переписчики) вносили изменения в подённые записи уже какое-то время спустя после зафиксированных в них событий.

Несмотря на почти полное отсутствие в дневнике высказываний от первого лица, содержащиеся в нём косвенные данные позволяют сделать выводы об идентичности его автора. С одной стороны, он не питал симпатий к русским и сочувствовал в большинстве случаев полякам, оказавшимся на занятой русскими войсками территории или в московском плену. С другой — местоимения «мы» и «наши» употребляются в дневнике исключительно в отношении русских послов и никогда — поляков. Автор во всех ситуациях сохраняет лояльность русскому царю и нигде не именует Яна Казимира своим королём, а Речь Посполитую своей родиной.

Автор дневника, очевидно, не считал себя православным и, по крайней мере, в одном случае, отметил странность русских религиозных обрядов: «9 мая (1659 г. — *О.Р.*) мирно и кротко упокоилась в Бозе царица Анна Алексеевна, бывшая на четвёртом году своей жизни. Её предали земле в тот же день, поскольку в этой стране не сохраняют тела на протяжении долгого времени, в Вознесенском монастыре, где погребают всех девиц царского рода, совершенно скромно и без какой-либо роскоши по местному обычаю»⁵². Церковный раскол 1650–1660-х гг. практически не удостоился его внимания: в дневнике лишь раз кратко упомянуты размолвка царя с патриархом Никоном и отъезд последнего в Новоиерусалимский монастырь⁵³. Отношение автора к протестан-

⁴⁹ Там же, л. 49.

⁵⁰ Там же, л. 137 об.

⁵¹ *Miege G. A Relation of three Ambassies from his sacred Majesty Charles II to the Great Duke of Moscovia, the King of Sweden and the King of Denmark, performed by the Earl of Carlisle in the years 1663 and 1664. L., 1669.* О приёме Карлейля в Москве см.: *Hennings J. Russia and Courtly Europe. Ritual and the Culture of Diplomacy, 1648–1725. Cambridge, 2016. P. 139–151.*

⁵² *Tagebuch*, л. 64 об.

⁵³ Там же, л. 55.

там различных конфессий и католикам кажется равным. Говоря о переходе князя Януша Радзивилла на сторону шведов в 1655 г., автор дневника упоминает, что некоторые приписывали этот «обман» влиянию протестантов в окружении князя, но поступок Радзивилла не осуждает — видимо, сговор со шведами представлялся ему предпочтительнее перехода на сторону русских⁵⁴. Аргументом в пользу протестантского вероисповедания автора может служить отсутствие григорианских датировок в дневнике, хотя приверженность юлианскому стилю можно объяснить и привычкой, приобретённой на русской службе.

Немецкий язык, на котором написан дневник, был для автора родным. Его стилистика и многие употребляемые обороты кажутся типичными для немецких текстов середины XVII в. Ярко выраженных диалектных особенностей в дневнике немного, и неясно, в какой степени они (или их отсутствие) могут быть отнесены на счёт позднейших переписчиков. Вероятно знакомство автора с латынью и, возможно, французским. Во всяком случае, можно констатировать частое и уверенное употребление лексики, заимствованной в немецкий из этих языков. Очевидно, автор хорошо знал и польский язык — запись польских и западнорусских имён и названий в дневнике следует за относительно нормативным польским написанием, при том, что диакритические знаки полностью утеряны. Русский язык автор дневника, безусловно, также знал хорошо — его транслитерации русских имён в целом продуманны и последовательны и основываются на передаче русских фонем через польские или немецкие сочетания букв. Грубые ошибки в употреблении русских имён, названий и терминов встречаются редко (например, постоянно фигурирует написание «Almag» в имени думного дьяка Алмаза Иванова). Автор свободно оперирует русской терминологией, к месту употребляя как русские названия должностей («*podiazeu*», «*diak*», «*wojjewoda*»), так и их переводы. Таким образом, его языковые компетенции соответствуют знаниям, ожидаемым от переводчика Посольского приказа, уверенно владевшего русским языком и способного переводить с немецкого, польского и латыни.

Среди переводчиков Посольского приказа 1650–1660-х гг., владевших этими языками, имеется, если сопоставить данные об их службе со сведениями о посольских посылках в интересующем нас тексте, очевидный кандидат на авторство дневника. Это Василий Боуш — один из двух (вместе с Колчицким) переводчиков, упомянутых в дневнике при описании посольской посылки под Вильно в 1656 г. Согласно большинству сохранившихся источников, Боуш (его немецкое имя Кристоф встречается только в дневнике) происходил из Курляндии⁵⁵. Сведения о его возрасте, социальном статусе и роде занятий в период жизни на родине в русских источниках отсутствуют. 14 августа 1654 г. Боуш попал в русский плен после битвы под Шепелевичами, после чего некоторое время «был в тюрьме»⁵⁶. Приказная документация отсчитывает его службу в Посольском приказе с 27 июня 1655 г. (по другим данным — с июля того же года или даже с 1655/56 г.)⁵⁷, что хорошо согласуется с данными дневника. Тогда же Боуш принял православную веру, получив русское имя Василий. Он был женат, но неизвестно, являлась ли его жена Ульяна русской или попала в плен

⁵⁴ Там же, л. 17 об.

⁵⁵ *Беляков А.В.* Служащие Посольского приказа... С. 287; *Беляков А.В., Гуськов А.Г., Лисейцев Д.В., Шамин С.М.* Переводчики Посольского приказа... С. 191.

⁵⁶ РГАДА, ф. 138, оп. 1, 1673 г., д. 5, л. 36.

⁵⁷ Там же, 1655 г., д. 1, л. 140–141, 167; 1673 г., д. 5, л. 36.

и перешла в новую веру вместе с ним. В челобитной Ульяны, поданной в Посольском приказе через два с половиной года после смерти мужа, упомянут их сын Григорий, а в деле по челобитной — и иные дети⁵⁸.

Боуш числился в приказе переводчиком с немецкого, латинского и польского языков⁵⁹ — набор, полностью подходящий для автора дневника: немецким он, очевидно, владел на уровне родного, польский и латынь также знал весьма хорошо. Его переводческая карьера протекала успешно, он регулярно получал прибавки к жалованью, а в 1657 г. стал владельцем двора в Китай-городе. Набор его посольских посылок идеально подходит для автора дневника. Боуш находился под Вильно в 1656 г.⁶⁰ Столь же надёжны совпадения сведений дневника с документами Посольского приказа относительно пребывания Боуша в иных посылках. Осенью 1658 г., в полном соответствии с дневником, отмечено его участие в польском посольском съезде. В 1659 г. Боуш был единственным переводчиком Посольского приказа на русско-шведских переговорах, хотя к переводу некоторых документов привлекались и иностранные купцы, и офицеры⁶¹. Вероятно, знаком доверия Боушу стала его посылка в одиночку в шведский лагерь 29 сентября 1659 г. для решения вопросов об организации посольского съезда⁶². Осенью 1662 г. он вместе с несколькими подьячими жаловался в челобитной на «скудость» и дороговизну на переговорах в Смоленске, описанных в дневнике. В 1664 г. Боуш, как и автор дневника, принимал участие в съезде с представителями Речи Посполитой⁶³.

Успешная карьера Боуша в Посольском приказе продолжилась и после 1664 г., на котором обрывается дневник. В конце 1667 г. он отправился в самостоятельную посылку гонцом за рубеж к курфюрсту Бранденбурга и на обратном пути 8 января 1668 г. умер в столице Курляндии Митаве⁶⁴. В посмертной описи его имущества упоминается некий «замкнутой мешечик, в котором того господина посланниковы книги»⁶⁵. Можно лишь гадать, мог ли находиться среди этих книг и автограф дневника.

Сравним данные дневника со свидетельствами иностранных дипломатов, имевших дело с Боушем во время их пребывания в России. В записи от 10 июля 1656 г. автор дневника сообщает, что «царь тайно, в присутствии лишь четырёх бояр или государственных советников, принял господ императорских послов, которые вернулись в Полоцк после встречи гонца с письмом императора, приказывавшим им отправляться на съезд в Вильно»⁶⁶. Участник посольства — дубровницкий дворянин Ф. Гундулич в своих записках об этом пишет: «20-го июля (по григорианскому календарю. — *О.Р.*), в четверг, мы имели ау-

⁵⁸ Там же, 1668 г., д. 8.

⁵⁹ В 1656 г. Боуш сообщал о себе в челобитной: «Работаю я, холоп твой, всякие твои государевы немецкие, царские и польские, частию и латинские дела в Посольском приказе неотступно» (Там же, 1655 г., д. 1, л. 166).

⁶⁰ Там же, 1657 г., д. 6; 1655 г., д. 1, л. 196.

⁶¹ Там же, 1662 г., д. 10, л. 70; ф. 96, оп. 1, кн. 48, л. 6 об., 17, 36, 45.

⁶² Там же, ф. 96, оп. 1, кн. 48, л. 81 об.—82. В дневнике эти переговоры датированы 28 сентября: Tagebuch, л. 66 об.

⁶³ РГАДА, ф. 138, оп. 1, 1662 г., д. 11; д. 10, л. 140; 1663 г., д. 1, л. 31.

⁶⁴ Документы посольства Боуша опубликованы: Россия и Пруссия в середине XVII века. Т. 1. Посольская книга по связям России с Бранденбургско-Прусским государством. 1649—1671 гг. / Сост. П.И. Прудовский. М., 2013. С. 216—327, 430—446. См. также: *Флоря Б.Н.* Внешнеполитическая программа А.Л. Ордина-Нащокина и попытки её осуществления. М., 2013. С. 205—207.

⁶⁵ Россия и Пруссия в середине XVII века. Т. 1. С. 435, 438.

⁶⁶ Tagebuch, л. 22 об.

диенцию у царя... Наша аудиенция происходила в доме иезуитов, в котором царь остановился. Мы застали царя на троне и с ним его тайных советников... Царь выразил г. Алегретичу своё сожаление, что император не хочет признать полного его титула... На всё это Алегретич отвечал, как подобало. Мне же царь приказал перевести в точности этот разговор Лорбаху, который не понимал по-славянски, а переводчик, какой-то новокрещённый курляндец, был небольшой знаток нашего языка»⁶⁷. Почти несомненно, что речь в данном случае идёт о Боуше. Утверждение Гундулича о плохом знании курляндцем немецкого языка оставим на совести мемуариста: немецкий — не родной для него язык, и знаком он был с южнонемецкими диалектами, неизвестными Боушу⁶⁸.

Упомянут Боуш и в дневнике датского посольства Г. Ольделанда, принадлежащем перу А. Роде. Тот свидетельствует, что обязанности толмача при них исполнял «пленный и перекрещённый лифляндец Василий Багус» (это единственное известие о Боуше, отрицающее его курляндское происхождение)⁶⁹. Рассказывая об аудиенции 25 марта 1659 г., Роде отмечает: «Сегодня имел до нас аудиенцию бранденбургский посланник Пётр Гофман, и так как толмач Василий Багус, который присутствовал при этой аудиенции, исполнял свои обязанности и на нашей аудиенции, то он раза два ошибся, когда произносил имя нашего всемилостивейшего короля, назвав его Фридрихом Вильгельмом вместо Фридриха». В дневнике содержится краткое упоминание об обеих аудиенциях 25 марта 1659 г. На следующий день, 26 марта, состоялись переговоры датских послов с боярами и тайная аудиенция у царя; оба события кратко описаны в дневнике и подтверждаются записками Роде, причём «Багус» упомянут несколько раз⁷⁰.

Упоминает Боуша (под именем *Vauscius*) и А. Мейерберг. По его словам, Боуш — один из двух переводчиков, присутствовавших при его первой аудиенции в Кремле 20 мая 1661 г. Дневник содержит запись об этом приёме, причём отмечает конфликт, проигнорированный Мейербергом: «Некоторые разногласия начали возникать только из-за титула и того, что в грамоте Его Императорского Величества Его Царское Величество именовался только “Вельможным” и “Вельможнейшим”, послы же именовали его не “Царское Величество”, а “Царское Вельможество”»⁷¹. Мейерберг же рассказывает о зачитывании и переводе титулов, умалчивая о разногласиях.

Итак, совокупность данных дневника, русской приказной документации и свидетельств иноземцев убедительно свидетельствует в пользу авторства В. Боуша. Сравнение показаний дневника с данными иных источников служит доказательством высокой точности дневниковых записей и, одновременно, их ценности для реконструкции отдельных эпизодов истории дипломатических отношений в Восточной Европе 1650–1660-х гг. Несомненно, что работа по изучению дневника должна быть продолжена, и её итогом должно стать полное издание этого источника.

⁶⁷ Путешествие из Вены в Москву в 1655 г. // Русский вестник. 1869. № 9. С. 137–165.

⁶⁸ Впрочем, уровень языковой подготовки, в том числе знаний немецкого языка у переводчиков Посольского приказа середины XVII в., вызывает вопросы и у современных исследователей (*Прудовский П.И.* Переводчики цесарского языка Посольского приказа за работой // Переводчики и переводы в России... С. 115–118).

⁶⁹ Описание второго посольства в Россию датского посланника Ганса Ольделанда 1659 г., составленное посольским секретарём А. Роде // Голос минувшего. 1916. № 7–8. С. 364.

⁷⁰ Там же. С. 366–368; *Tagebuch*, л. 64.

⁷¹ Путешествие в Московию барона Августина Майерберга. М., 1874. С. 72; *Tagebuch*, л. 91–91 об.

Ещё раз о роли митрополита Филадельфийского Мелетия Типальда в пропаганде католичества среди русских в Италии в конце XVII в.

Алексей Ястребов

Once again about the role of Metropolitan Meletius Tipald of Philadelphia
in the promotion of Catholicism among Russians in Italy
in the late 17th century

Alexey Yastrebov

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S0869568722050041, EDN: KKHVE

Попытки обращения русских в католичество в конце XVII в., отчасти успешные, хорошо известны и описаны в работах А.В. Флоровского, Е.В. Шмурло и других историков. Однако исследователи упускают из вида фигуру, которая, по моему мнению, была важной для дела католической проповеди среди русских в Венеции. Ведь именно столица морской республики стала местом пребывания и пунктом сбора русских католиков, которые по разным причинам посетили её и имели общение с митрополитом Мелетием Типальдом — православным епископом Венеции и одновременно скрытым греко-католиком.

Действительно, срединное положение Венеции между Востоком и Западом делало её не просто перекрестием морских и сухопутных путей, но и местом встречи идей и религий. Здесь московские путешественники чувствовали себя значительно комфортнее, чем в папском Риме, очаровывавшем их своим величием, но вместе с тем бывшем для них во многом чуждым в культурном отношении. Соглашусь с Флоровским, что католицизм привлекал москвичей своей универсальностью, но как сочетать её с национальными особенностями русских, прочно укоренёнными в традиции?¹ Представляется, что именно венецианская атмосфера с её итало-греческой реальностью, сумевшей вобрать в себя различия менталитетов и вер, своеобразие разных культур и обычаев, позволила московским «навигаторам» и путешественникам вступить в диалог с западными христианами и оценить для себя возможность соединения двух Церквей в поле единой русской духовной традиции².

Обращения конца XVII в., времени кризиса московского православия, были инспирированы не только влиянием извне. После Большого Московского собора 1666–1667 гг., ослабления роли патриаршества, споров западно-русской и греческой партий взгляды некоторых представителей столичного

© 2022 г. А.О. Ястребов

Благодарю М.В. Ковалёва, сотрудника Архива РАН, за любезно предоставленные архивные материалы.

¹ Slovanská knihovna v Praze. Trezor. A.V. Florovskij. T—FLOR. Inv. č. 4. Uložení 22 (далее — SK). Л. 153.

² Флоровский А.В. Московские навигаторы в Венеции в 1697–1698 гг. и Римская церковь // Ost und West in der Geschichte des Denkens und der kulturellen Beziehungen. Berlin, 1966. S. 194.

общества обращались на Запад, чему способствовал и вновь открывшийся канал связи, проторенный Великим посольством. И хотя спустя некоторое время большинство из новообращённых исчезли из поля зрения историков или никак не проявили своих былых латинских симпатий, определённая тенденция сохранялась³.

Флоровский выделяет четыре группы русских, в разной степени подвергшихся католическому влиянию на рубеже XVII–XVIII вв., из которых в данной публикации будут рассмотрены три: 1) выпускники западных католических школ, такие как Григорий Скибинский и Геден Одорский⁴; 2) москвичи, встретившиеся с Западом во время поездок за границу по указу Петра или ранее и высказавшие симпатии к папству, а также принявшие католичество: А.А. Курбатов, Б.П. Шереметев, братья В.М. и Г.Ф. Долгоруковы, С.И. и А.И. Милославские, П.А. Голицын, Б.И. Куракин (добавим сюда также первого русского доктора медицины П. Постникова)⁵; 3) те, кто обратился в латинство под влиянием иезуитов в Москве ранее отъезда стольников на обучение морскому делу в Европу: диакон Пётр Артемьев, иеродиакон Палладий (Роговский) и А.Ю. Ладыженский (скорее его следовало бы отнести к следующей группе)⁶. Четвёртая группа, по Флоровскому, включала в себя представителей

³ Козлов-Струтинский С., Парфентьев П. История Католической Церкви в России. СПб., 2014. С. 221–310.

⁴ Флоровский А.В. Из истории русских «встреч с западом» на переломе XVII и XVIII веков // The religious world of russian culture. Russia and Orthodoxy: volume II. Essays in Honor of Georges Florovsky. P., 1975. P. 225–226; Флоровский А.В. Г.А. Скибинский и его сочинения (Глава из истории католической агрессии в России и русского католичества в эпоху Петра Великого) // Slavica (Praha). 1953. R. XXIII. S. 2–3. S. 369–412; Никольский М. Григорий Скибинский. Очерк из истории духовного просвещения в конце XVII в. // Православное обозрение. 1862. № 11. С. 167–178; Голубев С.Т. Геден Одорский, бывший ректор Киевской духовной академии в начале XVIII в. // Труды Киевской духовной академии. 1900. № 10. С. 147–190; № 12. С. 567–628.

⁵ Архив Российской академии наук (далее – АРАН), ф. 1609, оп. 1, д. 70, л. 33; Письма и донесения иезуитов о России конца XVII и начала XVIII века. СПб., 1904. С. 263–264, 366; Шмурло Е.Ф. Поездка Б.П. Шереметева в Рим и на остров Мальту // Сборник Русского научного института в Праге. Прага, 1929. С. 11–39; Шмурло Е.Ф. Сборник документов, относящихся к истории царствования императора Петра Великого. Ч. 1. Юрьев, 1903. С. 359–362, 685–686; Флоровский А.В. Московские навигаторы... С. 197; Theiner A. Monuments historiques relatifs aux règnes d'Alexis Michailowitch, Féodor III et Pierre Le Grand czars de Russie: Extraits des archives du Vatican et de Naples. Rome, 1859. P. 415; Pierling P. La Russie et le Saint-Siège. Vol. IV. P., 1907. P. 233, 226; Archivio storico di congregazione Propaganda fide. Acta Sanctae Congregationis. Vol. 80. 1710. f. 24 r.; Mazon A. L'abbé Gabriel Girard, grammairien et russionant // Revue des études slaves. T. 35. Fasc. 1–4 (1958). P. 17, 19; Гузевич Д., Гузевич И. Первое европейское путешествие царя Петра. Аналитическая библиография. СПб., 2008. С. 774.

⁶ Надеждин Н.И. Палладий Роговский, первый русский доктор // Сын Отечества. Т. 4. СПб., 1840. С. 598–621; Никольский М. Русские выходцы из заграничных школ в XVII столетии // Православное обозрение. 1863. Кн. 10. С. 162–172, 246–270; Верюжский В.М., прот. Афанасий, архиепископ Холмогорский. Его жизнь и труды в связи с историей Холмогорской епархии за первые 20 лет её существования и вообще Русской церкви в конце XVII в.: церковно-исторический очерк. СПб., 1908. С. 518–523; Pierling P. Op. cit. P. 227; Шмурло Е.Ф. Русские католики конца XVII в. по данным архивов Пропаганды и Коллегии св. Афанасия // Записки Русского научного института в Белграде. Белград, 1933; Флоровский А.В. Первый иезуит из московских дворян // Acta Academiae Velehradensis, XIX (Olomouc, 1948). P. 249–256; Панич Т.В. Евфимий Чудовский и Пётр Артемьев: спор двух культур // Сибирский филологический журнал. 2004. № 3–4. С. 4–9; Андреев А.Н. Русский иезуит А.Ю. Ладыженский: неисследованная страница в истории русского католицизма XVIII столетия // Отечественная история. 2008. № 3. С. 143–154; Ястребов А.О. Венецианский след в жизненном пути игумена Палладия Роговского // Вестник ПСТГУ. Сер. I. Богословие. № 4(54). М., 2014. С. 9–28; Панич Т.В. Документальные тексты в составе сборника рукописных материалов,

смоленской шляхты, после перехода города под власть Москвы в 1654 г. не пожелавших оставить латинства⁷. Можно выделить ещё одну группу — невозвращенцев: М.Ф. Волкова, А.П. Прозоровского и А.Ю. Ладыженского, ставших предтечами череды русских католиков, перебравшихся на Запад позднее⁸.

Многие из тех, кто принял католичество или был замечен в симпатиях к нему в Италии в 1697–1698 гг., были связаны с митрополитом Филадельфийским Мелетием Типальдом (на кафедре в 1685–1713 гг.), иерархом Константинопольского патриархата с резиденцией в Венеции. Он играл не последнюю роль в пропаганде латинства среди русских стольников и в координации действий уже обращённых, поэтому нас интересуют лишь вторая и третья группы, однако, как увидим далее, персонажи из остальных групп, выделенных Флоровским, были, в свою очередь, так или иначе связаны с русскими «венетианцами».

Материалы о митрополите Мелетии опубликованы в различных сборниках и монографиях, однако до сих пор нет отдельного посвящённого ему исследования⁹. Воспитанник греческого коллегиума Флангини, выпускник Падуанского университета, священник, а затем епископ — предстоятель православной общины Венеции, митрополит Мелетий вначале тайно, а потом всё более гласно симпатизировал католической церкви. На рубеже столетий он публично заявил о переходе в католичество, а в 1708–1709 гг. взял под контроль греческую церковь святого Георгия и её клириков.

В рассматриваемый период (1697–1698) Типальд только готовился объявить о своём переходе в унию, фактически состоявшемся намного раньше¹⁰. Эта игра греческого иерарха, стремившегося скрыть свои подлинные симпатии, долгое время позволяла ему оставаться вне подозрений. Даже формальное отлучение, наложенное Константинопольским патриархом, последовало лишь за год до его смерти, в 1712 г., когда уже состоялись его открытый переход в католичество и поддержанный властями захват храма Св. Георгия. Многие указывают на то, что некоторые русские, проживавшие или бывавшие в 1680–1690-х гг. в Венеции, понимали и даже разделяли подлинные убеждения греческого архиерея¹¹.

связанных с делами Петра Артемьева и Григория Скибинского // Сибирский филологический журнал. 2015. № 1. С. 12–20; *Рамазанова Д.Н.* Палладий Роговский // Большая Российская энциклопедия. Т. 25. М., 2016. С. 159.

⁷ *Флоровский А.В.* Из истории русских «встреч с западом»... Р. 227; СК. Л. 107–147; *Андреев А.Н.* Дело «О переходах в католичество и незаконных браках смоленской шляхты» (1728–1729) // Культура и искусство в памятниках и исследованиях. Сборник научных трудов. Челябинск, 2007. С. 260–266.

⁸ АРАН, ф. 1609, оп. 1, д. 70, л. 37 об.–38; СК. Л. 105–106; *Флоровский А.В.* Из истории русских «встреч с западом»... Р. 228–233; *Флоровский А.В.* Московские навигаторы... С. 199; *Козлов-Струтинский С., Парфентьева П.* История Католической Церкви... С. 288–310.

⁹ О М. Типальде см.: *Βελοῦδης Γ.* Ἐλλήνων ορθοδόξων αλωχία ἐν Βενετία. Βενετία, 1893. Σ. 80–89; *Τσιτσέλης Η.* Κεφαλληνιακά Σύμμικτα. Τ. 1. Αθήνα, 1904. Σ. 756–769; *Legrand E.* Bibliographie hellénique du dix-septième siècle. Т. 5. Р., 1903. Р. 28–433; *Καραθανάσης Α.* Φλαγγίνειος Σχολή της Βενετίας. Θεσσαλονίκη, 1975. Σ. 96–100.

¹⁰ *Ястребов А.О.* Ходатайство Петра I за православных Венеции как часть российской внешней политики // Вестник ПСТГУ. Сер. II. История. История Русской Православной Церкви. 2016. № 1(68). С. 123–140.

¹¹ *Ястребов А.О.* Ходатайство Петра I... С. 137–138; *Ястребов А.О.* Новые сведения о деятельности митрополита Мелетия Типальда на рубеже XVII–XVIII веков // «Восстанет цесарь в опустевшей земле»: люди, время и пространство русской истории. К 70-летию профессора Н.С. Бо-

Первым из москвичей, кто познакомился с митрополитом Мелетием и ошибочно принял его как своего, был ученик московской школы братьев Лихудов Пётр Артемьев, находившийся в 1688 г. вместе со своим учителем Иоанникием в Венеции и принявший там католичество¹². Не соглашусь с высказанным в историографии мнением, что Артемьев прожил в Венеции до конца срока пребывания там Иоанникия, т.е. до 1691 г.¹³ Он прибыл в Венецию весной 1688 г. и уехал, возможно, с сыновьями учителя Анастасом и Николаем в Москву в конце сентября 1688 г., т.е. провёл там не более пяти месяцев. Во всяком случае, письмо, написанное Петром Артемьевым из Москвы Палладию (Роговскому) в Рим, датируется 3 октября 1689 г. Причём ещё до отъезда о. Палладия (вероятно, летом 1689 г.) они виделись в Москве. Незадолго до возвращения в Москву (возможно, и ранее) он дважды (14 и 17 сентября) побывал в греческой церкви Св. Георгия, о чём Лихуд сообщил в письме кн. В.В. Голицыну¹⁴. Иоанникий не мог не знать о католических взглядах Типальда, поскольку, по всей вероятности, неплохо знал земляка-кефалонийца со времени учёбы в Падуе. Сам старший Лихуд тоже был не чужд латинских симпатий, встречался с католическими священниками в Москве (о чём сообщил Артемьев в ходе суда над ним в 1698 г.). Понятно, почему учитель не ограничивал общение Петра с католиками, в первую очередь с иезуитами, среди которых тот нашёл себе духовника, по-видимому, говорившего по-русски¹⁵. Артемьев хорошо знал закулису Мелетиева «театра», потому что в 1698 г., когда митрополит ещё не выступил открыто с исповеданием католичества, и часть русских стольников воспринимали его ещё как православного, ясно показал, что знал о его убеждениях ещё в 1688 г. Одним из пунктов обвинения против диакона стало его утверждение, что греческий митрополит в Венеции «послушание свое относит ко двома святейшим отцем – римскому и константинопольскому». Артемьев не мог бы этого знать, если бы не находился в доверительных отношениях с митрополитом Мелетием¹⁶.

Следующим москвичом, побывавшим в тех краях, оказался П.В. Постников, который прибыл в Падую для учёбы в университете в 1692 г. Показательно, что московский студент поселился в доме священника Н. Комнина-Пападополи, профессора университета, убеждённого греко-католика¹⁷. Постников приехал в Падую с И. Пеларино, медиком, недолго прослужившим в России, и имел

рисова. Сборник научных статей. Сер. Труды исторического факультета МГУ. Т. 185. СПб., 2020. С. 296–306.

¹² Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными, собрание документов по истории внешней политики Русского государства XV–XVII вв. Т. X. СПб., 1871. Стб. 1312, 1319.

¹³ *Сменцовский М.Н.* Братья Лихуды. СПб., 1899. С. 315; *Панич Т.В.* Евфимий Чудовский... С. 5; *Панич Т.В.* Путешествия за образованием в Европу во второй половине XVII века (на материале сборника рукописных текстов, связанных с делами Петра Артемьева и Григория Скибинского) // Литература путешествий: культурно-семиотические и дискурсивные аспекты. Сборник научных работ. Новосибирск, 2013. С. 8–26.

¹⁴ Памятники дипломатических сношений... Т. X. Стб. 1336–1337; *Шмурло Е.Ф.* Русские католики... С. 10, 17, 27.

¹⁵ ГИМ, Син. № 393, л. 54, 55 об., 57–57 об. В.М. Верюжский вслед за А. Бороздиным и Е.Ф. Шмурло полагал, что Артемьев именно в Италии присоединился к католической церкви (*Бороздин А.* Русские католики в Москве в конце 17 столетия // Исторический вестник. 1886. Т. 25. С. 595; *Шмурло Е.Ф.* Русские католики... С. 17; *Верюжский В.М., прот.* Указ. соч. С. 518.

¹⁶ ГИМ, Син. № 393, л. 40 об.

¹⁷ *Шмурло Е.Ф.* П.В. Постников: Несколько данных для его биографии. Юрьев, 1894. С. 79, 80.

при себе рекомендательное письмо, написанное, вероятно, Лихудами¹⁸. Он пробыл в Падуе до 1695 г. и неоднократно посещал церковь Св. Георгия, где настоятельствовал Мелетий. Последний был близким другом Пападополи, между ними велась интенсивная переписка. Хотя у нас нет документальных данных о личном знакомстве Постникова с Типальдом, можно с уверенностью утверждать, что русский студент вращался в «кругу Мелетия». То, что Пётр по окончании курса прекрасно владел не только итальянским и другими европейскими, но и греческим языком, служит тому ещё одним подтверждением¹⁹.

Поездку Бориса Петровича Шереметева в Италию и на Мальту подробно разобрали Е.Ф. Шмурло и А.В. Флоровский²⁰. Известно, что боярин тепло относился к католической церкви, дважды был на аудиенции у папы Иннокентия XII, вращался в обществе католических клириков (причём в Риме — преимущественно иезуитов), почитал католические святыни (например, благоговейно облобызал хартию решений Ферраро-Флорентийского собора и даже попросил сделать себе её список, пообещав носить его на груди). Его мажордом (маршалок) А.А. Курбатов принял латинство в Риме и в своих письмах папе обещал радеть о насаждении в России католической веры²¹.

Интересен эпизод с посещением Шереметевым и его свитой Венеции, затрагиваемый историками лишь вскользь. Он побывал там дважды: в феврале и июле—августе 1698 г., когда надеялся увидеться в городе с царём Петром, намеревавшимся туда приехать²². Об общении русского вельможи с митрополитом Мелетием мы знаем из «Записки путешествия гр. Б.П. Шереметева». На следующий день после официального приезда (до него было неофициальное посещение, «чтобы видеть в Венеции карнавал, собрание всяких игр») «ездил боярин к обедне в церковь святого великомученика Георгия и был у благословения у Преосвященного митрополита, который живет в Венеции для благочестивых греков, и под час обедни Преосвященный благословил боярина образом святого Георгия и свещею». 17 февраля митрополит сам приехал в гости к Шереметеву, у которого в тот день в гостях также были П.А. Голицын и В.М. Долгоруков, кроме не упомянутых, но наверняка также присутствовавших братьев боярина — Михаила Борисовича и Владимира Петровича Шереметевых. На этой встрече, продолжавшейся три часа, Мелетий «говорил с боярином много», поздравлял с победами над татарами и сообщал, что он молится и будет молиться за государя и его победы над неприятелями. Кроме того, митрополит «с великим заклинанием являл себя словами своими во благочестии быти тверда и ни мало к западному костелу несклонна, а говорил те слова для того, что слышал он от некоторых мнение о себе, будто он обещался Папе иметь с ним единство, и в том многократно себя предавал анафеме, естли он и в мысли своей то имеет»²³.

¹⁸ *Kαραθανάσης Α.* Ο Ελληνικός κόσμος στα Βαλκάνια και την Ρωσία. 2 έκδ. Θεσσαλονίκη, 2003. Σ. 303–305.

¹⁹ *Шмурло Е.Ф.* П.В. Постников... С. 81–82, 90.

²⁰ *Шмурло Е.Ф.* Поездка Б.П. Шереметева... С. 11–39; *Шмурло Е.Ф.* К истории сношений Московских государей с римскими папами: Целование папской туфли // Сборник статей, посвящённых Василию Осиповичу Ключевскому. М., 1909. С. 57–75.

²¹ *Pierling P.* Op. cit. P. 132, 134–135, 413–417; *Шмурло Е.Ф.* Сборник документов... С. 359–362.

²² *Брикнер А.Г.* Русские дипломаты-туристы в Италии в XVII столетии // Русский вестник. Т. 128. 1877. № 3. С. 40; *Андросов С.О.* Пётр I в Венеции // Вопросы истории. 1995. № 3. С. 129–135.

²³ *Блудилина Н.Д.* Записка путешествия графа Бориса Петровича Шереметева в Европейские государства: 1697–1699. Общая характеристика // Россия и Запад: горизонты взаимопонимания.

На основании того, что известно из архивного материала и опубликованных статей Шмурло и Флоровского (делающего однозначный вывод о том, что Шереметев не только симпатизировал Римской церкви, но был близок к принятию католичества)²⁴, приходится скорректировать высказанное ранее предположение, что Мелетий выдавал себя за православного, а Шереметев будто бы не догадывался, что тот на самом деле скрытый католик²⁵. Видимо, никакого «спектакля» просто не было, и собравшиеся вполне понимали друг друга. Все эти лица — Типальд, Шереметев и его братья, Долгоруков, Голицын, Курбатов — были вполне сознательны в симпатиях к латинству, а составил текст «Записки», возможно, тот же Курбатов, через два месяца присоединившийся к католической церкви²⁶. По этой причине самозащита митрополита выглядит логичной в свете скорой необходимости для Римской курии «легализовать» в Москве Палладия (Роговского), «воссоединять» которого с православием в июле 1698 г. будет в Венеции не кто иной как сам Мелетий. Если всё так, то получается, что долгий разговор грека с русскими включал в себя не только здравицы в честь государя и взаимные комплименты, но и иные темы. Ведь ожидался приезд самого царя, и Типальду отводилось важное место в его приёме²⁷.

Упомянутые в «Записке» В.М. Долгоруков и П.А. Голицын могут считаться вполне лояльными к латинской церкви вообще, и даже к делу католической миссии. Первый находился в Венеции с двоюродным братом Григорием Фёдоровичем и его сыном Алексеем Григорьевичем. Как и другие стольники, Долгоруковы совершили паломничество в Рим, где были на аудиенции у папы. Там они подали прошение о зачислении юноши в католическое учебное заведение²⁸. Алексея приняли в венецианскую семинарию под личным контролем апостолического нунция в Венеции Кузано²⁹. В сообщении из Рима упоминается о посещении Вечного города четырьмя москвитями (а не тремя), поэтому можно думать, что их предприятие с зачислением Алексея Долгорукова в латинскую семинарию, где, естественно, необходимо было поменять веру, не было тайной и от кого-то из их товарищей.

П.А. Голицын привёз в своей свите в Россию главную надежду католиков — иеромонаха Палладия (Роговского), об истинных намерениях которого он не мог не знать ещё в Риме, где с ним встретился. По свидетельству современника, Голицын усердно посещал греческую церковь и наверняка именно в ней познакомился с митрополитом Мелетием³⁰.

О троих братьях Милославских известно, что они также странствовали по святым местам, а в Риме в первую очередь стремились увидеть папу³¹. Двое из них — Сергей Иванович и Александр Иванович — приняли католичество

Литературные источники первой четверти XVIII в. М., 2000. С. 98, 100; *Ястребов А.О.* Ходатайство Петра I... С. 131.

²⁴ СК. Л. 60–61; *Pierling P.* Op. cit. P. 134; *Шмурло Е.Ф.* Поездка Б.П. Шереметева... С. 20.

²⁵ *Ястребов А.О.* Ходатайство Петра I... С. 130.

²⁶ *Шмурло Е.Ф.* Поездка Б.П. Шереметева... С. 5, 34; *Гузевич Д., Гузевич И.* Первое европейское путешествие... С. 252, 268, 347, 471, 568, 759, 792.

²⁷ *Шмурло Е.Ф.* Сборник документов... С. 500.

²⁸ Там же. С. 343; *Гузевич Д., Гузевич И.* Первое европейское путешествие... С. 774.

²⁹ *Шмурло Е.Ф.* Сборник документов... С. 349–350.

³⁰ ОР РГБ, ф. 218 (Собр. Отдела рукописей), № 1247, д. 1, л. 27 об.; *Balatri F.* Vita e viaggi. Alessandria, 2020; *Шмурло Е.Ф.* Русские католики... С. 12.

³¹ *Шмурло Е.Ф.* Сборник документов... С. 312–314, 324, 325, 328.

под влиянием доминиканца Иустина Лыковского. Известно о проповеди среди русских другого члена доминиканского ордена, Антония Подседковского, которого Ян Шперкович, переводчик «московских кавалеров», просил назначить им в духовники³². Возможно, речь идёт о тех же Милославских. Об их контактах с греческим митрополитом ничего неизвестно, но, конечно, он и не мог претендовать на некую монополию в миссионерской работе среди русских, даже скорее напротив, он оказывался в деликатной позиции пусть уже не совсем православного, но ещё не открытого католика.

Впрочем, как это видно из имеющегося материала, он сумел использовать своё положение максимально эффективно. Когда в июле 1698 г. в Венецию прибыл из Рима сам «первый русский доктор богословия», митрополит Мелетий оказал ему радушное гостеприимство. Уехав из России обращённым католиком, Палладий (Роговский) совершил настоящее паломничество за знанием, посетив школы Вильно, Нейсса, Ольмюца и Рима. С 1693 г. он обучался в коллегииуме Св. Афанасия, где принял священство из рук греко-католического архиепископа Демр Онуфрия³³. Приезду в лагуну предшествовала его вероятная встреча в Риме с Б.П. Шереметевым и П.А. Голицыным, пригласившим учёного монаха вернуться вместе на родину³⁴.

Ещё до отъезда из Вечного города Палладий начал оказывать услуги курии, с тем чтобы приблизиться возможно ближе к сердцам русских путешественников, а через них добраться и до царя, приезда которого в Рим с нетерпением ожидали. Иеромонах мог выступать переводчиком во время частых встреч Тирса Гонсалеса, генерала ордена иезуитов (в ведении которого как раз находился коллегииум святого Афанасия) с Шереметевым³⁵. Он получил задание от упомянутого прелата перевести полемическую антилатинскую книгу, которую привёз с собой Шереметев, желавший получить ответ на содержащиеся в ней обличения католичества³⁶. По поручению своих римских начальников он присоединился к группе стольников и вместе с ними отправился на родину с целью организовать там миссионерскую работу.

В Венеции, куда иеромонах прибыл уже вместе со стольниками, Мелетий «разрешил [Палладия] от отступства веры, паки причел ко Святей Кафолической и Восточной Церкви, и священнодействовати повелел, яко свидетельствует о том от него данная разрешенная грамота», которая, как видим, возымела своё действие в Москве³⁷. Ярким примером взаимопонимания Мелетия Типальда и Палладия (Роговского) служит письмо, отправленное последним в Рим. В нём он просит неназванного адресата выслать ему обещанные книги «на адрес монсеньора Филадельфийского», что означает, что Палладий, вероятно, и жил непосредственно на территории митрополии³⁸.

Перед нами проследовал целый ряд персонажей Русской истории, оставивших след в религиозном и политическом ландшафте новой России конца XVII — первой четверти XVIII в. Мы видим, что определённую роль в их знаком-

³² Флоровский А.В. Московские навигаторы... С. 196–197.

³³ Ястребов А.О. Палладий (Роговский) // Православная энциклопедия. Т. 54. М., 2019. С. 328–330.

³⁴ Шмурло Е.Ф. Русские католики... С. 12.

³⁵ Pierling P. Op. cit. P. 133; Шмурло Е.Ф. Поездка Б.П. Шереметева... С. 20.

³⁶ Pierling P. Op. cit. P. 133, 416.

³⁷ Древняя российская вивлиофика. Т. 18. М., 1791. С. 163.

³⁸ Шмурло Е.Ф. Русские католики... С. 13–14; Ястребов А.О. Венецианский след... С. 20–24.

стве с западной религиозной традицией сыграло греческое братство Венеции и лично митрополит Филадельфийский Мелетий Типальд. Будучи в тот момент *de jure* православным иерархом, но *de facto* являясь сторонником и агентом Римской церкви, он способствовал распространению симпатий к католицизму среди русских путешественников и стольников в Венеции. Вместе с тем его влияние очерчено лишь оградой греческой церкви, поскольку ещё не пробил час его открытого исповедания латинства, конфронтации с местной общиной, Константинопольским патриархатом и даже царём Петром, который в 1710 г. обратился к властям с письмом-ходатайством в поддержку православных греков. В тот момент Типальд, наоборот, ждал посещения Петра, чтобы принять его с максимально возможной пользой для Римской церкви и Венеции³⁹.

Очевидно, что митрополит Мелетий, римские и венские иезуиты, венецианские доминиканцы и францисканцы пытались делать одно дело, но подходили к русским с разных сторон. Первый предлагал им что-то близкое по форме, другие открывали нечто совершенно иное в культурном и религиозном измерении. Вся эта новизна, бесспорно, не просто удивила, она потрясла русских людей, впервые столкнувшихся с духовной реальностью, столь непохожей на привычную для них московскую. Большинство стольников побывали в Риме на аудиенции у папы и практически все они совершали троекратное преклонение перед ним с целованием туфли. Все портреты папы в сувенирных паломнических лавках Вечного города, по свидетельству современника, были раскуплены русскими. В надежде на обращение самого царя стольников принимали на высоком уровне в пределах Папской области и других итальянских государств⁴⁰.

После возвращения русских на родину на фоне отсутствия немедленных плодов тех стараний, которые приложили австрийские и итальянские миссионеры, в среде последних поселилось разочарование. Оно сквозит как в переписке современников, так и в последующих исследованиях (например, отца Павла Пирлинга). Так, иезуит Ян Милан (Франциск Эмилиани), находившийся в московской миссии в 1698–1719 гг., писал, что кроме одного все (кто принял католичество в Италии и Франции) из-за страха гонений вернулись в схизму⁴¹. Вместе с тем нельзя сказать, что путешествия сотрудников Петра оказались бесплодными для католического мира. Значительная часть «московских венецианцев», подверглась, пусть и временному, увлечению латинством. С уверенностью можно утверждать, что даже те, кто в дальнейшем не проявили себя как католики, стали более открытыми в вопросах взаимодействия с католической церковью.

Пётр Артемьев стал «первой ласточкой» русского католичества, вылетевшей из венецианского гнезда, причём оказался единственным, кто не отрёкся от новой веры, несмотря на все применённые к нему репрессии. Для первого русского доктора медицины П.В. Постникова также не прошло бесследно общение с кругом митрополита-униата Мелетия Типальда. В начале 1700-х гг. он был отправлен царём Петром в Париж для исполнения дипломатических поручений⁴². Там доктор по долгу службы общался с министром иностранных дел Франции маркизом Ж.-Б. Кольбером де Торси и в 1707 г. писал ему (в третьем

³⁹ Шмурло Е. Ф. Сборник документов... С. 500; Ястребов А. О. Ходатайство Петра I... С. 123–140.

⁴⁰ СК. Л. 81; Шмурло Е. Ф. К истории сношений... С. 57–75; Шмурло Е. Ф. Сборник документов... С. 313–315, 321, 324, 325, 328, 501.

⁴¹ СК. Л. 102.

⁴² Шмурло Е. Ф. П.В. Постников... С. 114–147.

лице): «Благодаря многочисленным беседам о религии с лучшими богословами Европы и собственной склонности к учёбе и наукам, которую усердно развивал, он полностью разочаровался в ошибочных верованиях Церкви греческой и, как следствие, московской, и признаёт, что обе они суть схизматические. Он предпочёл навсегда догмам своей Церкви истину догм Римско-католической и в настоящий момент твёрд в своих чувствах»⁴³. Б.П. Шереметев подавал латинянам большие надежды на продвижение церковной унии во властных кругах. Ян Милан писал, что «Шереметев, с тех пор как возвратился, необычайно прославляет нашу веру, хвалит нас и говорит, что теперь он должен притворяться вследствие преследования собратьев». Его маршалок А.А. Курбатов, напротив, по возвращении из Италии своим несоблюдением конспирации приводил московских иезуитов в замешательство, так как они там находились нелегально, а он, казалось, не был готов соблюдать тайну их принадлежности к Ордену⁴⁴. Впоследствии ни Шереметев, ни Курбатов не демонстрировали преданности католичеству, но можно заметить, что их латинские симпатии всё-таки проявились, хотя и в заметно меньшей степени, чем того хотелось бы Риму⁴⁵.

Г.Ф. Долгоруков, тайно принявший католичество в Италии, также скрывал свои убеждения. Заслужив от Пирлинга сомнительное звание «робкий предтеча»⁴⁶, он тем не менее воспитал своих детей под руководством члена ордена театинцев Арчелли⁴⁷. П.А. Голицын, часто посещавший в 1698 г. греческую церковь в Венеции, открыто латинству не симпатизировал. Однако его родственники были так или иначе связаны с Римской церковью. Его брат вместе с одним из князей Долгоруковых (и других сановников) в начале 1700-х гг. обучался у московских иезуитов, а его дочь Ирина Петровна (1700–1751), супруга С.П. Долгорукова, приняла вместе с детьми католичество в Голландии, где её муж служил по дипломатической части при посланнике Б.И. Куракине в 1717–1727 гг.⁴⁸ Оба видных петровских дипломата, Голицын и Долгоруков, через семейные браки находившиеся в близком родстве, были проводниками российской политики на римском направлении, отличавшейся исключительным прагматизмом. Первый доверительно сообщал папскому нунцию в Вене в 1701 г., что царь всем сердцем желает соединить русскую и латинскую Церкви, обещал помощь с проездом миссионеров в Китай. Второй в то же время и в схожих словах обнадеживал варшавского нунция Пиньятелли⁴⁹. Эти обещания остались лишь словами. И всё-таки тайный католик (Долгоруков) и отец первой русской католички (Голицын) внесли вклад в дело проникновения римской веры в Россию. П.А. Голицын привёз в Россию Палладия (Роговского), его дочь – своего духовника аббата Жюбе, Г.Ф. Долгоруков – воспитателя

⁴³ *Mazon A.* Op. cit. P. 16–19 (пер. с фр. А.О. Ястребова).

⁴⁴ Письма и донесения иезуитов... С. 41.

⁴⁵ *Шмурло Е.Ф.* Поездка Б.П. Шереметева... С. 22; *Харлампович К.В.* Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Казань, 1914. С. 239, 418–419; СК. Л. 12–28.

⁴⁶ *Pierling P.* Op. cit. P. 308.

⁴⁷ АРАН, ф. 1609, оп. 1, д. 70, л. 33.

⁴⁸ Письма и донесения иезуитов... С. 61; *Флоровский А.В.* Латинские школы в России в эпоху Петра I // XVIII век. Т. 5. Л., 1962. С. 320; *Андреев А.Н.* Дело «о княгине Ирине Петровне Долгоруковой, совращенной с детьми в католичество» (1746–1751) // Культура и искусство в памятниках и исследованиях. Сборник научных трудов. Челябинск, 2006. С. 207–233; *Андреев А.Н.* Обращение в католицизм семейства И.П. Долгоруковой // Вопросы истории. 2009. № 3. С. 100–113.

⁴⁹ *Pierling P.* Op. cit. P. 169–172.

семьи театинца Арчелли, ставшего в России востребованным педагогом при императорском дворе⁵⁰.

Выдающийся деятель петровского времени, родоначальник целой династии дипломатов кн. Б.И. Куракин проходил курс навигации в Далмации, в Венеции бывал нечасто, поэтому доминиканских миссионеров и греческого митрополита Мелетия мог не знать. Его связи с католической церковью тем не менее не ограничивались только дипломатическим протоколом. Он принимал деятельное участие в судьбе первого русского семинариста в Урбанианском коллегииуме Рима М.Ф. Волкова, обучавшегося там в начале 1700-х гг.⁵¹

В похожем с П.А. Голицыным положении оказался ещё один венецианский стольник — Ю.Ф. Ладыженский. Скромный и менее титулованный, чем его соученик по итальянским корабельным студиям, он тем не менее стал отцом ещё одного московского первопроходца, на сей раз «первого иезуита из московских дворян» А.Ю. Ладыженского (1693–1756)⁵². Последний в начале 1700-х гг., конечно, с разрешения отца, обучался в школе Эмилиани, а впоследствии, за границей, куда отправился в 1710 г., принял католичество и вступил в Общество Иисуса.

Наконец, может быть, самые скромные плоды принёс в России тот, на кого возлагались самые большие надежды. Иеромонах Палладий (Роговский) был «возвращён в православие» митрополитом Филадельфийским Мелетием и направлен в Москву по указанию своих римских руководителей — иезуитов⁵³. Вначале они сообщали об о. Палладии в своих письмах с большим энтузиазмом, но впоследствии тот же Эмилиани писал с сочувствием и сожалением, что «тот несчастный монах в смущении допустил, что у него в руках сломали пальму мученичества, которой с такой жадностью ищут другие, и несчастнейшее создание опять публично перешло к заблуждениям Фотия». Впрочем, тут же оговаривается, что Палладий перед смертью одумался, но его болезнь, «отнявшая у него язык», воспрепятствовала ему⁵⁴.

Надежды католиков на распространение своей миссии не погибли и впоследствии, тем более что от российских дипломатов и самого государя время от времени доносились обнадеживающие вести⁵⁵. При основании Синода Пётр якобы заявил, что не знает иного патриарха, кроме папы, и что именно отказ русских епископов подчиниться ему привёл к созданию Синода⁵⁶. По словам Сен-Симона, общавшегося в начале XVIII в. в Париже с кн. Б.И. Куракиным, царь якобы давал понять, что мог бы признать папу первым православным патриархом, но при условии ограничения его власти над государем по галликанскому образцу⁵⁷. Таких сигналов было много, и Пётр подавал их по мере политической необходимости. Подлинное же своё — крайне негативное — от-

⁵⁰ *Dolgoroukow P.V. Mémoires du prince Pierre Dolgoroukow. T. 1. Genève, 1867. P. 7; Pierling P. Op. cit. P. 308.*

⁵¹ *Флоровский А.В. Из истории русских «встреч с западом»... P. 228–233.*

⁵² *Флоровский А.В. Первый иезуит... С. 249–256; Андреев А.Н. Русский иезуит А.Ю. Ладыженский... С. 143–154; Гузевич Д., Гузевич И. Первое европейское путешествие... С. 774*

⁵³ *Pierling P. Op. cit. P. 416.*

⁵⁴ *Письма и донесения иезуитов... С. 76, 111, 112.*

⁵⁵ *Шмурло Е.Ф. Сношения России с Папским престолом в царствование Петра Великого: 1697–1707 // Историки-эмигранты: Вопросы русской истории в работах 20–30-х гг. М., 2002. С. 210–257.*

⁵⁶ АРАН, ф. 1609, оп. 1, д. 80, л. 6.

⁵⁷ *Самарин Ю.Ф. Стефан Яворский и Феофан Прокопович. Т. 5. М., 1880. С. 256.*

ношение к папству он также демонстрировал неоднократно, чему есть масса свидетельств⁵⁸.

Католики в Австрии и Италии во время Великого посольства рассчитывали приблизиться к царю через ближних стольников (в том числе родственников, например, А. Лопухина) и Б.П. Шереметева, а к нему — через А.А. Курбатова. Но сложилось всё ровно наоборот. Пётр «ловил» своих возможных союзников на московского боярина, как на наживку, а этот последний, в свою очередь, даже позволил крепостному человеку (Курбатову) принять католичество, чтобы убедить Рим в искренности своих намерений⁵⁹. Удивительно, как царь, совсем молодой тогда ещё человек, мог так долго вводить в заблуждение искушённый в дипломатических интригах Рим. Но несмотря на прагматизм государя в отношениях с католической церковью, реальное её влияние на русских, побывавших в Италии, оказалось намного глубже, чем может показаться с первого взгляда. О многом говорит любопытная деталь — люди из групп, выделенных Флоровским, даже не связанные ранее с Венецией, так или иначе пересекались друг с другом, либо были связаны с католичеством через своих ближайших родственников⁶⁰. Мы видим среди них настоящих первопроходцев европейского образования и латинской духовности — первых докторов богословия и медицины, первого иезуита из московских дворян, первую русскую католичку.

Соглашусь с А.В. Флоровским, что «явление русского католичества в конце XVII и в начале XVIII в. представляет значительный культурно-исторический интерес как одно из важных слагаемых того исторического процесса, которое характеризовалось оживлением и усилением русских встреч с западом»⁶¹. Этому способствовал особый, кросс-культурный статус Венеции, важнейшей составляющей которого для русских была греческая община и её глава — митрополит Филадельфийский Мелетий Типальд.

⁵⁸ *Терновский Ф.* Император Пётр I в его отношениях к католичеству и протестантству // Труды Киевской духовной академии. 1869. Вып. 3. С. 373–405.

⁵⁹ *Шереметев П.* Владимир Петрович Шереметев: 1668–1737. Т. 2. М., 1914. С. 109.

⁶⁰ АРАН, ф. 1609, оп. 1, д. 97, л. 24.

⁶¹ *Флоровский А.В.* Из истории русских «встреч с западом»... Р. 228.

«Сия духовная... учинена подлинно по воле и просьбе означенного... купца»: завещания иностранных negociантов при Санкт-Петербургском порте начала 1770-х гг.

Наталия Козлова

«This testament... is truly realized by the will and request of the mentioned... merchant»: the wills of foreign merchants at the Saint Petersburg port of the early 1770s

Natalia Kozlova

(Lomonosov Moscow State University, Russia)

DOI: 10.31857/S0869568722050053, EDN: KKUPAV

Хорошо известны значение и ценность духовных завещаний как источников, отражающих различные аспекты семейной и частной жизни, имущественных отношений, а также разнообразные вопросы социальной истории. Духовные и другие семейно-правовые документы князей, служилых землевладельцев и гостей XV–XVII вв. начали публиковать уже во второй половине XIX в. Имеются и публикации отдельных духовных, сговорных и рядных записей некоторых известных представителей предпринимательской среды XVII–XIX вв.¹ Публикация подобных документов стала значительно масштабнее в последние два десятилетия: введены в научный оборот более 1200 семейно-правовых актов дворян, купцов, церковно- и священнослужителей, канцеляристов, лекарей, аптекарей Москвы XVIII в., их жён и вдов². Более 500 из них – духовные завещания, и только 10 текстов относились к проживавшим в Москве иноземцам.

Среди завещаний иностранных купцов одно составлено «гречанином города Гиздарска» М.Ю. Богдановым (1725), другое – английским «торговым иноземцем» Е.Е. Белем (1745)³. В обеих духовных с разной степенью подробности определялась судьба оставшегося имущества, упоминались наследники, решался вопрос о долгах. Греческий купец в соответствии с православной традицией поминания усопших вменял душеприказчику, тоже греку, «душу свою строить и поминать». Английский купец возлагал на жившую при нём около 30 лет вдову греческого исповедания, которой он оставлял двор, всё имуще-

© 2022 г. Н.В. Козлова

¹ Черкасова А.С., Мосин А.Г. «На благо любезного Отечества» // Демидовский временник. Кн. 1. Екатеринбург, 1994. С. 246–275; Юркин И.Н. Демидовы в Туле. Из истории становления и развития промышленной династии. М.; Тула, 1998. С. 259–261; Брянецев М.В. Купеческие завещания // Право: история, теория, практика. Сборник статей и материалов. Вып. 3. Брянск, 1999; Козлова Н.В. Духовные гостей Михаила Шорина (1711 г.) и Алексея Филатьева (1731 г.) // Очерки феодальной России. Вып. 5. М., 2001. С. 188–203; Четырина Н.А. «Заведение приносит не прибыль, а значительный убыток». Судьба баварского подданного предпринимателя в Сергиевом Посаде. Первая половина XIX в. // Исторический архив. 2012. № 6. С. 156–161.

² Городская семья XVIII века. Семейно-правовые акты купцов и разночинцев Москвы / Сост., вводная статья и коммент. Н.В. Козловой. М., 2002; Дворяне Москвы: свадебные акты и духовные завещания петровского времени / Сост., очерки и коммент. Н.В. Козловой и А.Ю. Прокофьевой. М., 2015.

³ Городская семья XVIII века... № 54, 70. С. 115, 139–140.

ство и долговые письма, заботу о его погребении согласно лютеранскому закону. Подлинность обоих завещаний свидетельствовали духовные отцы купцов: иеромонах Свято-Никольского греческого монастыря и пастор лютеранской церкви. Переводы с греческого и немецкого языков, на которых написаны подлинные тексты, сделаны учеником Эллино-греческой школы и переводчиком Иностранной коллегии.

На фоне этих скудных сведений о малоизвестных иноземцах Москвы содержание выявленных среди документов Юстиц-конторы двух завещаний иностранных негоциантов, англичанина Эдварда Фоула и немецкого купца Самуэля Зенка, в течение десятилетий живших в северной российской столице и торговавших с разными странами Европы, представляет значительный интерес. Тексты завещаний содержат новые биографические сведения не только о завещателях и их ближних и дальних родственниках, но и о лицах, связанных с ними личными и деловыми отношениями. Имеются в духовных зарисовки делового, бытового и личного характера; сакральные фразы, содержащие посвящение Богу и характеризующие физическое и душевное состояние составителя акта; перечни наследства; поручения, даваемые душеприказчикам, наконец, имена духовных отцов и свидетелей. Эти сведения позволяют оттенить внутренний мир, круг личных забот и характер отношений, существовавших внутри семьи и между людьми из ближайшего окружения торговых иноземцев в России времени правления Екатерины II. В итоге появляется возможность представить конкретное лицо не изолированно, а в контексте окружавших его сетей взаимоотношений. При сравнении с уже опубликованными завещаниями других иноземцев и российских купцов удаётся сделать наблюдения как относительно общих черт подобных эго-текстов XVIII в., так и ряда особенностей, свойственных завещаниям западноевропейских негоциантов.

Духовная английского купца и содержателя канатной фабрики Эдварда (Герварта) Фоула (Фауэлла) написана «на четырехрублевом» гербовом листе. При её составлении 17 мая 1771 г. присутствовали два свидетеля – генеральный консул Великобритании в Санкт-Петербурге Самуил Сваллоу и английский купец Георг Кетлей, скрепившие подписями её соответствие последней воле завещателя. Английский купец Э. Фоул и его душеприказчики английские же купцы Н. Каванах и Дж. Саффри, постоянно проживая в Санкт-Петербурге, вели торговлю через Санкт-Петербургский порт, принимали и отправляли за море иностранные и российские товары. Э. Фоул, как и его брат Томас, известен деятельностью в Петербурге с 1740-х гг. Первоначально братья торговали раздельно, а в 1753 г. объединились в одну компанию, что позволило им увеличить товарооборот. В среднем до 1760 г. к ним ежегодно приходило 11 кораблей (в 1759 г. – 24). Достигнув наибольших успехов в годы Семилетней войны, фирма братьев Фоул в 1761 г. распалась: Томас объединился с другими компаньонами, а Эдвард стал вести дела самостоятельно⁴.

Душеприказчики Фоула также входили в сообщество британских торговцев, купцов и промышленников Санкт-Петербурга. По сведениям английского историка Энтони Кросса, британские купцы и промышленники вместе с семьями в последние десятилетия XVIII в. «составляли самую большую и самую важную группу в Британской общине Петербурга»⁵. Джеймс Саффри

⁴ *Захаров В.Н.* Западноевропейские купцы в российской торговле XVIII века. М., 2005. С. 108, 570.

⁵ *Кросс Э.* Британцы в Петербурге: XVIII век. СПб., 2005. С. 102.

(1722–1781) не позднее 1771 г. стал компаньоном своего товарища по масонской ложе видного купца Тимоти Рейкса (1730–1810) в фирме «Рейнгольт и Рейкс»⁶. Другой душеприказчик, содержатель сахарной фабрики Николай Каванах (1725–1783), в 1740-х гг. состоял приказчиком у Томаса Фоула и в августе 1748 г. от имени своего хозяина участвовал в аукционе на поставку со следующего года в течение пяти лет для российской армии английских сукон⁷. В дальнейшем, начав торговать самостоятельно, Каванах стал известным в Петербурге сахарозаводчиком и вошёл в торговую компанию «Затрапезный, Каванах и К^о»⁸. На судах этой фирмы, ходивших под английским флагом, доставлялось сырьё для сахарного завода Каванаха и вывозилось полотно, производимое на мануфактуре Затрапезного. Объявления о продаже с публичного торга имевшихся на фабрике Каванаха сотен пудов патоки («погорелаго сахара») неоднократно появлялись в «Санкт-Петербургских ведомостях»⁹. Николай Каванах с женою Мэри Козенц жил в собственном доме на дворе сахарной фабрики, размещавшейся на Васильевском острове между 11-й и 12-й линиями, сдавая здесь же жильё подмастерьям своей фабрики и купцам¹⁰. В объявлении газеты «Санкт-Петербургские ведомости» от 10 июля 1780 г. Н. Каванах значится в списке отъезжающих из столицы на родину¹¹. Такие объявления давались об иностранцах, чтобы те, кто имел до отъезжающих какие-то дела, мог успеть их решить.

Э. Фоул был женат и имел двух дочерей, умерших в раннем возрасте¹². Возлагая на душеприказчиков обязанности по реализации содержащихся в завещании предписаний, Фоул выказывал уверенность, что они ему «покажут сей последней знак долго бывшей и постоянной дружбы». В благодарность за услугу душеприказчиков и в качестве знака своего к ним почтения каждый из них получал 150 голландских червонцев. Завещание английского купца лишено размышлений о скоротечности земной жизни и вечности бессмертной души. Нет в нём и обращения к милосердию Всевышнего, дарующего упокоевание души в Царствии Небесном, как в завещании немца-лютеранина Самуэля Зенка. Распоряжения англичанина, в том числе и касающиеся сакрального предмета, чётки и лаконичны. Вручая «душу свою всемогущему Богу и тело земле», он тут же переходит к мирским вопросам имущественного характера и перечисляет вещи, передаваемые «любезной и законной жене» Марье: её платье, часы, ювелирные изделия, бельё, кровать с постелью. Собственное платье и бельё завещатель оставил племяннику. Большинство распоряжений начинаются с фразы «завещаю и требую», усиливавшей категоричность предписаний.

⁶ Там же. С. 41, 99, 101.

⁷ Указатели к газете «Санкт-Петербургские ведомости» XVIII века: Именной (алфавитный). См. номера от 19.08.1748 (URL: <https://vedomosti1728.ru/card.cgi?r=82&id=21425>).

⁸ *Кросс Э.* Британцы в Петербурге... С. 82–83; *Захаров В.Н.* Западноевропейские купцы... С. 113, 129–130, 444.

⁹ Указатели к газете «Санкт-Петербургские ведомости» XVIII века: Именной (алфавитный). См. номера от 06.01.1777 и от 17.01.1777 (URL: <https://vedomosti1728.ru/card.cgi?r=82&id=21425> (дата обращения: 11.09.2021)).

¹⁰ Там же. См. номера от 19.04.1756. С. 6.

¹¹ Там же. См. номера от 14.05.1779 и от 10.07.1780.

¹² *Андреев А.Н., Андреева Ю.С.* База данных «Иностранцы Санкт-Петербурга первой половины XVIII века по метрическим записям англиканского прихода» (URL: <https://culture.susu.ru/nauchnaya-deyatelnost> (дата обращения: 26.11.2021)).

За отсутствием детей всё своё движимое и недвижимое имение, состоящее из домов, канатной фабрики, домашнего серебра, уборов, Фоул распорядился продать и обратить в деньги, прибавив к полученной сумме взысканные по векселям и крепостям долги. Уже из первых поступлений, не дожидаясь получения всей суммы, но после погашения собственных долгов, следовало начать денежные выплаты указанным в завещании лицам. Среди них упомянута племянница Фоула Анна, дочь Вилима Прескота, получавшая 500 руб., мастер канатной фабрики Фоула Томас (100 руб.), душеприказчики. Оставшуюся сумму, согласно воле Фоула, надлежало положить под проценты в России или в Англии; проценты пожизненно выплачивались по полугодиям жене Марье и сестре Екатерине в равных долях. В случае смерти одной из них проценты доставались другой сестре Фоула — Марье Аткинсон, а в конечном итоге дочерям обеих сестёр. Английский купец предусмотрел и ситуацию малолетства племянниц или их детей, поручив душеприказчикам отдать их долю капитала на сохранение доверенным по их выбору людям. Учтена и возможность смерти одного или обоих душеприказчиков до произведения всех расчётов. В этом случае обязанности последних переходили на их собственных душеприказчиков. Фоул заочно утверждал их, «как бы для того их имена здесь внесены были». Напоследок завещатель объявил все прежние, когда-либо составленные завещания недействительными и уничтоженными. Духовную завещатель при свидетелях подписал и скрепил печатью.

Фоул не зря полагался на своих душеприказчиков. Выполняя волю соотечественника и друга, они по его кончине не раз публиковали в «Санкт-Петербургских ведомостях» объявления для тех, кто имел к умершему английскому купцу и содержателю канатной фабрики Фоулу законные требования, предлагая явиться к его душеприказчикам. Первое объявление дали уже 28 июня 1771 г., спустя шесть недель после составления завещания. В объявлении сообщалось и о продаже после умершего Фоула канатной фабрики на Васильевском острове с садом и со всеми фабричными строениями и инструментами. Аналогичное объявление появилось 2 сентября, а до этого, 10 августа, душеприказчики организовали продажу с публичного торга оставшихся в доме Фоула серебра, медной и оловянной посуды и других домашних вещей¹³. Через год, 3 июля 1772 г., душеприказчики представили духовную Фоула в Юстиц-контору, где её с английского языка перевели на русский язык и зарегистрировали, взяв пошлины и записав в конторскую книгу. Решение о признании духовной соответствующей последней воле Фоула вынесено 25 сентября 1772 г. и записано на подлинном тексте завещания с приложением конторской печати и скрепою секретаря¹⁴. Соответствие перевода оригиналу подтвердил переводчик Коллегии иностранных дел Иван Ньюман. Подлинную духовную отдали душеприказчикам 22 октября 1772 г.

Вторая духовная составлена иностранным купцом немецкого происхождения Самюэлем Зенке, чьи торговые операции были связаны с Данцигом. До раздела Речи Посполитой в 1793 г. город находился на её территории, но его купцы и ремесленники в основном были немцами. Местные коммерсанты вели активную торговлю на Балтике. Некоторые из них постоянно находились

¹³ Указатели к газете «Санкт-Петербургские ведомости» XVIII века: Именной (алфавитный). См. номера от 28.06.1771, 02.08.1771 и 02.09.1771 (URL: <https://vedomosti1728.ru/card.cgi?r=82&id=50735> (дата обращения: 11.08.2021)).

¹⁴ РГАДА, ф. 285, оп. 1, ч. 1, д. 197, л. 82–82 об.

в Санкт-Петербурге. В конце 1740-х – начале 1750-х гг. в столице России действовала иностранная компания «Зенке и Кейзер», ежегодно принимавшая из Данцига до девяти кораблей. После 1753 г. деятельность компании не прослеживается, зато в документах Санкт-Петербургской таможни упоминается торгующий самостоятельно коммерсант Петер Готтлиб Кейзер¹⁵. В «Ведомостях» о стоимости привозимых из-за моря в Санкт-Петербург товаров за 1764, 1765 и 1772 гг. упоминается голландский купец Самуэль Зенке, получавший товаров на суммы от 1363 до 4121 руб.¹⁶ Вероятнее всего, данцигский купец 1740-х – начала 1750-х гг. и голландский купец 1760-х – начала 1770-х гг. – один и тот же коммерсант. О его немецком происхождении свидетельствует язык завещания, составленного незадолго до его смерти 17 июня 1772 г. О совместных торгах с Кейзером Зенке вспомнил на смертном одре, завещав «по торгу товарищу» «в знак памяти» 300 руб.

Завещание писалось во время тяжёлой болезни. Как человек, верующий в бесконечное милосердие Всевышнего, он надеялся на упокоение своей души в Царствии Небесном. Перечень земных дел, об устройении которых спешил позаботиться Зенке, открывает распоряжение относительно пристойного погребения его тела «по христианскому обыкновенью», на что определялась значительная сумма в 500 руб. Своими наследницами купец Зенке назначил двух сестёр, проживавших вместе с мужьями в Мариенбурге, и мачеху. Дав конкретные указания о выделяемых им денежных средствах и определив порядок их получения, он подробно расписал вклады на сумму в 7100 руб., предназначенные на церковную благотворительность (всего же в разные раздачи назначались 12900 руб.). Они адресовались как конкретным кирхам в Санкт-Петербурге (св. Анны на Литейной стороне (3 тыс. руб.), и св. Екатерины на Васильевском острове (2400 руб.)), так и пасторам этих церквей Гроту (200 руб.) и духовнику купца Лонзерту (500 руб.). Примечательно, что завещатель постарался за счёт части денег, предназначенных кирхам, обеспечить существование двум старым и больным людям. Он оговорил, что кирха св. Екатерины сначала получает только 2 тыс. руб., а ещё 400 руб., предназначенные ей, следует отдать под проценты, чтобы половину их использовать на содержание старика стекольщика Траута, а другую – на содержание слепой Жанны-Софьи Мак, живущей у некоего башмачника. И только после их смерти капитал в 400 руб. поступал в полное распоряжение кирхи.

«Бедным людям» предназначались и суммы, что оставались от 500 руб., выделенных на погребение. О малоимущих, больных и увечных людях завещатель заботился, жертвуя из средств, назначенных дочерям, четвёртую часть (1 тыс. руб.) Иерусалимскому госпиталю в Мариенбурге. Немалые суммы, остававшиеся за всеми расходами и выплатами, передавались в сиротский дом в Данциге. Формы реализации благотворительной деятельности немецкого негоцианта отражали его религиозность и соответствовали «доброму чину милостыни», давно усвоенному западным обществом и активно внедряемому со времён Петра I в российскую практику общественного призрения. Любопытно, что в завещании Зенке ни разу не упомянуты нищие и характерная для духовных русского православного люда ручная милостыня, сохранявшаяся, несмотря на её зако-

¹⁵ Захаров В.Н. Западноевропейские купцы... С. 175–176.

¹⁶ Внешняя торговля России через Петербургский порт во второй половине XVIII – начале XIX в.: Ведомости о составе купцов и их торговых оборотах / Ред.-сост. А.И. Комиссаренко, И.С. Шаркова. М., 1981. С. 19, 40, 61.

нодательный запрет и негативную оценку церковной властью как «суетной милостыни». К частной благотворительной деятельности Зенке можно отнести и записанный в его завещании отказ от долговых претензий к некоему Антону Антоверу.

Любопытен круг лиц, кому немецкий купец выделил значительные суммы. Во-первых, это два душеприказчика, «эксекюторы» последней воли купца – немецкие купцы Милдан Даниэль Христиан и Матвей Гетше. Они, как и Зенке, постоянно жили в Санкт-Петербурге и вели торговлю в столичном порту. Первоначально в 1760-х гг. в скромных объёмах её начал Милдан, а позднее к нему подключился Гетше. С 1767 г. портовые ведомости вплоть до 1777 г. фиксировали ежегодный приход в адрес фирмы «Милдан и Гетше» от 1 (1767) до 12 (1771) торговых кораблей¹⁷. В 1765 г. они совместно продали привозных товаров на сумму в 3555 руб., а в 1772 г. – на 11585 руб. В том же 1772 г. они отпустили за море российских товаров на 53738 руб.¹⁸ Сбыт иностранных товаров фирма осуществляла с помощью как столичных, так и провинциальных торговцев, предоставляя им по векселям кредит. В 1773 г. она представила к взысканию с должников векселя на сумму в 1336 руб., 89% из них приходились на российских купцов¹⁹. Завещатель испытывал к душеприказчикам полное доверие, не сомневаясь, что они приложат старание, «дабы в противность сей духовной ничего учинено не было, но паче исполнена была оная во всех частях непременно». В знак дружбы и благодарности за порученный им труд Зенке просил «господ эксекюторов» принять от него 800 руб. Среди других лиц, отмеченных Зенке особо, значатся учитель Императорской Академии наук Иоганн Шульц (ему завещаны все печатные книги, бельё и домашнее имущество, 50 руб. наличными деньгами); бывший торговый партнёр Зенке Кейзер (300 руб.); лекарь Эберман (100 руб.); дядя завещателя Демлер (500 руб.); хозяин квартиры на Васильевском острове, где жил Зенке (50 руб.).

Завещание Зенке на немецком языке в присутствии в качестве свидетелей пяти немецких купцов составил императорский публичный нотариус Санкт-Петербургского порта Фёдор Медер, по просьбе Зенке прибывший на его съёмную квартиру. Текст прочли вслух, после чего завещание подписали нотариус, завещатель и свидетели, скрепившие подписи печатями. Всего через неделю, уже после смерти Зенке, 25 или 26 июня его душеприказчики представили завещание в Юстиц-контору. Там его перевёл на русский язык переводчик Юстиц-коллегии Лифляндских и Эстляндских дел титулярный советник Христиан Крендер. После освидетельствования подлинности завещание записали в книгу, взяв пошлины. Подлинную духовную 4 июля 1772 г. отдали душеприказчикам.

Завещательные письма иноземных купцов содержатся в составе крепостных записей, выявленных в коллекции записных книг частнопроводных актов фонда Юстиц-конторы Российского государственного архива древних актов²⁰. Их структура в целом соответствует строению подлинных текстов духовных, записываемых в соответствующие книги при их освидетельствовании и регистрации. Но всё же она имела и отличия, присущие крепостным записям как особому виду регистрационных документов. В них присутствовала вводная

¹⁷ Захаров В.Н. Западноевропейские купцы... С. 598

¹⁸ Внешняя торговля России... С. 44, 64.

¹⁹ Захаров В.Н. Западноевропейские купцы... С. 647.

²⁰ РГАДА, ф. 285, оп. 1, д. 810, л. 6–8, 9 об.–13.

часть, где сообщалось, кто и когда представил в Юстиц-контору духовную для освидетельствования и записи в книгу, а также имелась заключительная развёрнутая ремарка, воспроизводящая процедуру проверки её подлинности посредством допросов писца и свидетелей, регистрации и взятия соответствующих пошлин. Её текст полностью воспроизводил надпись, записываемую на подлинном акте или его копии. В самом конце шли подписи лиц, представивших духовную для регистрации и получившие её на руки. Всё это — обычные структурные части крепостных записей духовных завещаний лиц разной социальной принадлежности, национальности и вероисповедания. Отдельные нюансы, конечно, встречались, но они были вызваны, например, тем, что процедура освидетельствования духовных иноземцев предварялась их переводом на русский язык, чью идентичность оригиналу подписью подтверждал переводчик. При написании духовной иноземца мог присутствовать публичный нотариус, своей подписью, помимо свидетелей, утверждавший её соответствие воле завещателя.

Характерные для духовных российских дворян, купцов и разночинцев пять клаузул, свойственных ещё византийским образцам XIV–XV вв., в основном воспроизводились и в завещаниях иностранных купцов, ремесленников, лекарей, аптекарей, учителей. Нередко текст начинался с *invocatio* (посвящения Богу): «Во имя Светыя и Благодетельныя Троицы»; «во имя Божие», «во имя Всесвятой и Неразделимой Троицы»; «во имя Святыя Троицы, Отца и Сына и Святаго Духа»; «во имя Святой Троицы, Бога Отца, Сына и Святаго Духа» и др. Далее следовало имя завещателя (*intitulatio*), правда, иногда оно указывалось только в конце при подписании документа. В третьей части определялось физическое и душевное состояние её составителя и излагались причины написания духовной (*arenga*): «Хотя телом слаб, но духом тверд», «Состоя в полном уме и разуме». Западные коммерсанты и лица разных занятий, подобно российским купцам, дворянам и разночинцам, составляли завещания в случае болезни («при умножении лет моих, видя слабость сил своих», «в крайней болезни, от которой... едва освободиться могу», «в зело тяжкую болезнь впал», «тяская ж болезнь, которою я Божиим допущением ныне посещен») и ожидания возможной смерти («будучи приводить мне на память приближающуюся мою кончину», «ежели Всевышний по своей праведной воли меня от сей временной жизни в вечную отозвать соизволит», «слабое мое сложение ежедневно мне воспоминает готовиться к смерти»)²¹.

Четвёртая клаузула — *dispositio* (распоряжение по существу дела). Эта часть наиболее разнообразна по содержанию. Даваемые на пороге смерти распоряжения лютеран и православных обычно начинались с вопросов сакрального характера. Правда, их место, значение и содержание принципиально различаются. Английский купец был лаконичен, записав в своей духовной фразу: «Препоручая душу свою всемогущему Богу и тело земле». Зенке оставил более пространную запись, но суть её та же: «Препоручая... душу мою безконечному милосердию Всевышняго Творца в безсумненной надежде, что он оную, любя своего Сына, моего Спасителя, в Царствие Небесное к себе примет в вечное блаженство... Тело мое по разлучении с душою похоронить честно и пристойно по христианскому обыкновению». Во всех других известных завещаниях западных иноземцев XVIII в. можно встретить тот же рефрен: «Мою грешную душу

²¹ Городская семья XVIII века... № 173, 191, 192. С. 292, 321, 323.

поручаю в руцы Бога Всевышняго моего Творца и во все глубочайшия святые раны моего Спасителя Иисуса Христа, а тело свое грешное земли предаю»²²; «вручить в истинном уповании душу мою в руце Спасителя моего несумненно... и погреть тело мое честно»²³. Ещё точнее, в соответствии с лютеранским вероучением, выразился в завещании 1774 г. мастер слесарного дела Еким Стендер: «И того ради хочу я, когда тело от души растанется, мою чрез кровь Господа и Спасителя Иисуса Христа искупленную душу предать в руки Бога Отца, умершее тело — земле, которая есть наша мать, толко таким образом, чтоб оное по христинскому обыкновению было погребено»²⁴.

Для религиозного сознания лютеранина характерна вера в то, что спасение души человека в руках Божиих, и даётся оно не по делам и заслугам, а как проявление всемогущества и милосердия Всевышнего. Достичь же спасения можно только через личную веру в Бога и в искупительную жертву Иисуса Христа, а потому умершие не нуждаются в молитвах живых. В лютеранской Церкви нет практики поминания усопших в 9-й и 40-й день, а совершаемые таинства справляются бесплатно. Не случайно встречающиеся в завещаниях западноевропейских купцов упоминания о денежных отчислениях, предназначенных в конкретные кирхи и пасторам, а также родственникам, душеприказчикам и разным лицам, определялись не ради поминовения души, а «в знак дружбы», «в знак памяти», в благодарность за услуги. Напротив, для православного человека забота об «устроении души» и заблаговременной организации поминовения служб являлась важнейшей частью даваемых на пороге смерти распоряжений²⁵. Основным средством упокоения души после смерти признавалась молитва о прощении грехов и душевном спасении умершего, молитва живых за мёртвых, согласно православному восприятию смерти, могущая отмолить души умерших и способствовать их «устроению». Отсюда проистекало стремление умирающего «попечаловатиси о бедной и многогрешной душе» своей и учинить «пристойное и полезное распоряжение на случай внезапнаго часа смертнаго». Этим целям служили щедрые вклады в монастыри и церкви, раздача милостыни нищим, по тюрьмам и богадельням.

Пятая клаузула — *sanctio* (заключения против нарушителей воли завещателя) нередко встречается в завещаниях православных и лютеран. Но и здесь были особенности. Обычной фразой во многих духовных московских дворян и купцов являлась угроза Страшного суда как неминуемая расплата и подведение всех итогов. Свойственное религиозному сознанию понимание его неизбежности побуждало наследников точно исполнять все распоряжения завещателя. Весьма серьёзным являлось и проклятие, настигавшее нарушителей воли усопшего²⁶. В завещаниях иноземцев угроза Страшного суда не встретила ни разу. Самым суровым предостережением против нарушения воли усопшего служило проклятие. «Ежели кто к сему моему завету что прибавит или убавит, тот буди проклят, еже я так хочу и желаю», — приписала в завещании 1731 г.

²² Там же. № 173. С. 292.

²³ Там же. № 186. С. 316.

²⁴ Там же. № 191. С. 321–322.

²⁵ Козлова Н.В. «Душу свою грешную строить и поминать...». Забота о душевном спасении и благотворительность купцов и разночинцев Москвы XVIII века // Города Европейской России конца XV — первой половины XIX в. Материалы международной научно-практической конференции 25–28 апреля 2002 г. Тверь—Кашин—Калязин. Тверь, 2002. С. 349–359.

²⁶ Дворяне Москвы... № 223. С. 295.

иноземка Анна-Елизавета Иохемс²⁷. Чаще иноземцы в точном исполнении своей воли уповали на законность требований («и дабы сие самым делом надлежащим образом исполнено было, потому что все сие законно»)²⁸ и на старание душеприказчиков («дабы в противность сей духовной ничего учинено не было, но паче исполнена была она во всех частях непременно»)²⁹. Английский купец Э. Фоул, опасаясь, чтобы упущения в форме тестаменты не стали препятствием для его точного исполнения, в присутствии ему стили провозгласил, что духовная «в формах совершенна, и чтоб какой ни есть ее недостаток в формах не удерживал почести сию духовную законной, обязательной и достаточной ко всему тому, к чему она назначена». Зенке в свойственной ему мягкой манере помимо надежды на душеприказчиков акцент сделал на важности учёта воли, выраженной «для часа смерти».

К собственноручным подписям западноевропейских купцов-завещателей, душеприказчиков и свидетелей прикладывались их личные печати. Такие печати имелись у всех западных коммерсантов и их приказчиков и ремесленников. Ими скреплялись частная и деловая корреспонденция, договоры, соглашения и различные документы в удостоверение их подлинности. Во второй половине XVIII в. личные печати имелись и у российских купцов, осуществлявших отъездные торги и имевших штат приказчиков. Однако завещания отечественных представителей торгового мира печатью не скреплялись. Также не употребляли их в утверждение своей подписи душеприказчики и свидетели. Объясняя этот феномен, можно было бы сделать вывод о сохранении у православных сакрального восприятия духовного завещания, в то время как для протестантов оно стало уже сугубо деловым документом. Однако такое наблюдение было бы поспешным, поскольку употребление личных печатей среди россиян не встречается и при оформлении различных частноправовых документов – купчих, закладных, отпускных. При их регистрации прикладывалась только печать крепостной конторы.

Духовные завещания как источники, исходящие от конкретного человека, к тому же написанные от первого лица, по своему происхождению и характеру можно отнести к эго-документам. Возникая при определённых обстоятельствах частной жизни, они отражают конкретные проявления индивидуальности. В них запечатлены разнообразные детали и моменты личной и профессиональной биографии авторов, сведения о домашнем быте, уровне достатка, отношениях с близкими и друзьями. В завещаниях находят отражение культурно-религиозные модели, особенности языкового стиля и типа мышления, свойственные индивидуальным особенностям личности. Как и другие эго-источники, тексты духовных в ракурсе исторической антропологии открывают возможности для их междисциплинарного исследования и позволяют соотносить «личное» с социально обусловленным³⁰.

²⁷ Городская семья XVIII века... № 174. С. 295.

²⁸ Там же. № 192. С. 324.

²⁹ РГАДА, ф. 285, оп. 1, д. 810, л. 7–7 об.

³⁰ Суржикова Н.В. Эго-документы: интеллектуальная мода или осознанная необходимость // История в эго-документах: Исследования и источники. Екатеринбург, 2014. С. 6–13.

Русско-китайские торговые отношения и развитие пушного промысла на севере Тихого океана, конец XVII – первая треть XVIII в.

Александр Петров, Иван Грузинов

**Russian-Chinese trade relations and the development of fur trade
in the north of the Pacific Ocean, late 17th – early 18th centuries**

Aleksandr Petrov, Ivan Gruzinov

*(both – Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow;
Moscow State Linguistic University, Russia),*

DOI: 10.31857/S0869568722050065, EDN: KKZAHW

Торгово-экономические отношения России и Китая имеют давнюю историю и обширную историографию. Между тем влияние торговых отношений с Китаем на продвижение русских на Дальний Восток и освоение новых территорий ещё слабо изучены¹. Поэтому перед нами стояла задача рассмотреть истоки процесса освоения севера Тихого океана в контексте развития русско-китайских отношений. В данной статье мы попробуем обобщить и систематизировать накопленные в историографии сведения, предложить свою концепцию развития событий, а также наметить направления дальнейших поисков.

Первые идеи о возможности выстроить взаимоотношения с соседним азиатским государством появились в России ещё в XVI в. В 1525 г. русский посол в Риме Д. Герасимов, основываясь, вероятно, на данных средневековых и античных карт, рассказывал о возможности добраться до Китая Северным морским путём², однако в тот момент должного развития данные инициативы не получили. В середине XVII в. московский двор увидел необходимость во взаимодействии с молодой маньчжурской Цинской империей. Практическую форму эта потребность обрела во время первого посольства России в Китай в 1654–1656 гг. под руководством Ф.И. Байкова³. При этом грамоты царя Алексея Михайловича не были переданы Цинскому императору: посол, как и многие другие иностранные дипломаты после него, отказался от соблюдения обязательного ритуала в виде земных поклонов⁴. Такое нарушение протокола являлось достаточно грубым, поэтому Байков не получил аудиенции у Сына Неба и был

© 2022 г. А.Ю. Петров, И.И. Грузинов

Статья подготовлена за счёт гранта Российского научного фонда № 22-18-00043 (<https://rscf.ru/project/22-18-00043/>) в Институте всеобщей истории РАН.

¹ Так, в трёхтомнике «История Русской Америки, 1732–1867» в основном рассматривался более поздний, чем в данной статье, хронологический период, а значение русско-китайской торговли отмечается уже в конце XVIII в. (История Русской Америки, 1732–1867. В 3 т. / Под ред. Н.Н. Болховитинова. М., 1999).

² Цит. по: *Ефимов А.В.* Из истории великих русских географических открытий. М., 1971. С. 56–57.

³ Россия и Китай: четыре века взаимодействия. История, современное состояние и перспективы развития российско-китайских отношений / Под ред. А.В. Лукина. М., 2013. С. 24.

⁴ *Венюков М.* Очерк старых и новых договоров России с Китаем. СПб., 1861. С. 5.

вынужден покинуть Китай, увезя с собой и привезённые дары⁵. Тем не менее, находясь в Пекине, он выяснил, какие китайские товары могла бы приобретать русская казна (бархат, камка, драгоценные камки и проч.), и определил спрос на русскую продукцию (меха)⁶. Следует отметить, что благодаря развившемуся экспорту пушнины в Китае сформировался стереотип о России как о холодной стране, жители которой активно пользуются мехом, чтобы согреться⁷.

Результаты двух следующих посольств оказались весьма ограниченными. Лишь в рамках визита С. Аблина удалось реализовать предназначенные на продажу товары⁸. Относительно удачным было посольство 1672 г. под руководством И. Милованова и Г. Кобякова, которых, несмотря на растущую напряжённость на границе Китая и России, приняли благосклонно. Однако визит в Пекин российского посланника Н.Г. Спафария вновь не принёс ожидаемого результата – заключения торгового договора – из-за несоблюдения ритуалов⁹. Отчасти в свете указанных неудач российские правители убедились в необходимости заключения предметного и точного договора, каковым в итоге стал подписанный русским посланником Ф.А. Головиным 29 августа 1689 г. Нерчинский трактат. Помимо общеизвестных положений об установлении границ двух государств и уничтожении крепости Албазин, он определял порядок наказания людей, пересекающих границу с целью грабежа. Это было важно, «дабы не возникла война из-за бесчинства отдельных частных людей и было бы предотвращено кровопролитие». Примечателен пятый раздел договора, гласивший, что «люди какого бы то ни было положения, имеющие охранные грамоты для проезда, могут свободно следовать в земли обеих держав и повсюду продавать и покупать, как им будет необходимо для обоюдной торговли»¹⁰. Серьёзное влияние на содержание договора оказали иезуиты Т. Перейра и Ф. Жербильон, хотя и в отечественной, и в китайской литературе роль этих посланников либо сведена к минимуму, либо вовсе замалчивается¹¹.

Нерчинский трактат обладал серьёзными недостатками. Одна из основных целей документа заключалась в установлении границ, однако описание демаркационных линий было крайне неточным. Нерешёнными остались вопросы торговых отношений между Китаем и Россией. Желание Петра I разрешить их привело к отправке нового посольства под руководством Э.И. Идеса, но и его визит не принёс ожидаемых результатов¹². Более того, следствием попыток посольства установить торговые отношения стал прямой запрет китайским купцам выезжать за пределы Срединной империи¹³.

⁵ Мясников В.С. Империя Цин и Русское государство в XVII веке. М., 1980. С. 102.

⁶ Там же. С. 99.

⁷ Самойлов Н.А. Россия и Китай в XVIII – начале XX в.: тенденции взаимодействия и взаимовлияния // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2010. Вып. 2. С. 5.

⁸ Мясников В.С. Империя Цин и Русское государство... С. 102.

⁹ Венюков М. Указ. соч. С. 6.

¹⁰ Российско-китайские отношения. История и современность. Хрестоматия / Сост. Д.В. Кузнецов. [Электронный ресурс]. Благовещенск, 2014. С. 9.

¹¹ Венюков М. Указ. соч. С. 9; Хэ Гуичунь. «Чжун-Э нибучу» дэ цяньдин юй есухуэйши [«Нерчинский китайско-русский договор»: (его) подписание и иезуиты] // Вестник Фуцзяньского педагогического университета. Сер. Философия и общественные науки. 1989. Вып. 4. С. 102–109.

¹² Идес И., Бранд А. Записки о русском посольстве в Китай (1692–1695) / Вступ. ст., пер. и коммент. М.И. Казанина. М., 1967. С. 384–385.

¹³ Венюков М. Указ. соч. С. 10.

Любопытно, что при подписании Нерчинского трактата цины совершенно проигнорировали Сахалин, который на тот момент являлся предметом пристального внимания Российского государства. По всей видимости, это связано с тем, что китайцы считали этот остров отдельным государством. Ещё на Тырском памятнике XV в. в устье Амгуни имелось упоминание о «заморских ку-и-сцах», «доступ к которым возможен только на судах». Согласно данным Б.П. Полевого, это было одной из причин устаревшего названия Сахалина на китайском языке – Кудеао, или «Айнский остров»¹⁴. Иезуиты на основании китайских источников стали на картах показывать напротив устья Амура особый остров с надписью «Regnum Haue»¹⁵. Впрочем, подтвердить такую этимологию названия географического объекта на китайском языке пока не удалось.

Имеются различные оценки Нерчинского трактата в историографии. Одни историки признают его существенным прорывом в развитии двусторонних отношений, другие – и вовсе победой российской дипломатии. П.Я. Яковлева охарактеризовала договор как равноправный¹⁶. Б.Г. Щебенков видел укрепление российско-китайских связей в развитии товарно-денежных отношений¹⁷. П.И. Кабанов указал на заложенные трактатом возможности для дальнейших переговоров по уточнению границ¹⁸. М.И. Сладковский утверждал, что благодаря договору были урегулированы пограничные споры и определены правовые основы для развития торговли¹⁹. В то же время В.М. Хвостов и Г.В. Мелихов отметили, что трактат был подписан под угрозой вторжения превосходящих маньчжуро-китайских войск, поэтому не может считаться равноправным²⁰. В.А. Александров указывал, что передача Цинской империи больших территорий в Приамурье задержала социально-экономическое, хозяйственное и культурное развитие региона почти на два века²¹. А.К. Прохоров, опираясь на источники из Поднебесной, отметил, что Цинская империя подчинила территории, никогда ранее ей не принадлежавшие²².

Определённым компромиссом видится позиция академика РАН В.С. Мясникова, который подчеркнул, что Нерчинский трактат способствовал нивелированию конфликта в самом начале международных отношений на Дальнем Востоке²³. Впрочем, следует отметить, что именно заключение соглашения с Россией помогло Цинской империи создать необходимую для её стабильного развития буферную зону в Приамурье и начать войну с Джунгарским ханством²⁴.

¹⁴ Полевой Б.П. Русские географические открытия на Дальнем Востоке с 30-х гг. XVII в. до 60-х гг. XIX в. Дис. ... д-ра ист. наук. Л., 1985. С. 87.

¹⁵ Florovsky A. Maps of the Siberian Route of the Belgian Jesuit, A. Thomas (1690) // *Imago Mundi*. 1951. Vol. 8. P. 103–108.

¹⁶ Яковлева П.Т. Первый русско-китайский договор 1689 года. М., 1958. С. 211.

¹⁷ Щебенков Б.Г. Русско-китайские отношения в XVII в. М., 1960.

¹⁸ Кабанов П.И. Амурский вопрос. Благовещенск, 1959. С. 21–22.

¹⁹ Сладковский М.И. Очерки экономических отношений СССР с Китаем. М., 1957. С. 26.

²⁰ Хвостов В.М. «Китайский» счёт по реестру и правда истории // *Международная жизнь*. 1964. № 10. С. 21–27; Мелихов Г.В. Маньчжуры на Северо-Востоке (XVII в.). М., 1974. С. 185–192.

²¹ Александров В.А. Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). М., 1969. С. 192–195.

²² Прохоров А.К. К вопросу о советско-китайской границе. М., 1975. С. 82.

²³ Мясников В.С. Историческое значение Нерчинского договора // *И не распалась связь времён... К столетию со дня рождения П.Е. Скачкова*. М., 1993. С. 85–90.

²⁴ Мясников В.С. Империя Цин и Русское государство... С. 252.

Представляется, что договор 1689 г. заложил основу для дальнейшего взаимодействия с Китаем и показал возможность договариваться по широкому кругу вопросов. Следует подчеркнуть, что даже слабые переговорные позиции позволили России получить существенный результат — это можно расценивать как успех внешней политики в регионе, очень отдалённом от центра страны. Думается, что указанный опыт был использован в истории Русской Америки, когда удалось достигнуть договорённости с коренным населением Америки, Испанией, США и Великобританией.

Период с конца XVII в. до 1712 г. был временем относительного спокойствия на границе, а условия договора успешно соблюдались. С 1698 г., когда в Китай отправился первый казённый караван, пушнина стала главным (85%) экспортным товаром России в Цинское государство, остальная часть приходилась на кожевенные и мануфактурные изделия²⁵. Следует отметить, что торговый путь существовал и раньше (описан ещё в дневнике Спафария в 1675 г.), но носил частный характер. Торговые люди из Нерчинска самостоятельно проникали на китайскую территорию через Аргунский пограничный острог и затем шли по степи в направлении рек Хабур, Ган, Тербула, Мерген, Хинган, Каникал, Хайлар, Дзадук, Унера, Улучи и далее²⁶. Такой маршрут был достаточно опасен, в том числе потому, что цинские власти потворствовали нападениям местного населения на торговые караваны.

Российское государство стремилось жёстко контролировать торговлю пушниной с Китаем, что было отчасти продиктовано некоторыми статьями Нерчинского договора. Формально он позволял проводить торговые операции всем желающим, однако московское купечество пыталось монополизировать рынок²⁷. Только крупные купцы могли скупать у сибирских охотников пушнину и сбывать её²⁸, формируя основу русского экспорта в Китай в виде шкурок соболя, норки, лисиц, горностаев и проч.²⁹

Уже тогда выяснились недостатки казённой караванной торговли, ограниченной небольшим ассортиментом. Страны обменивались, с одной стороны, мехами, с другой — драгоценными металлами и камнями, шёлком и предметами роскоши, которые в основном предназначались для царского двора. При этом рост населения Сибири, которому нужны были продовольствие и ткани, и спрос в Поднебесной на российские товары из кожи, железа и сукна провоцировали поиск новых форм организации торговли. Уже в 1711 г. Пётр I отменил указ о государственной монополии на караванную торговлю с Китаем и частично передал её купцам с целью расширить перечень товаров³⁰. Тем не менее нельзя не подчеркнуть тот факт, что изначально импульс для разви-

²⁵ Мишакова О.Э. «Дипломатическая» роль Кяхты в развитии экономических отношений России и Китая в XVIII в. // Гуманитарный вектор. 2011. № 3(27). С. 19–25.

²⁶ Спафарий Н.Г. Путешествие через Сибирь до границ Китая. Чита, 2009. С. 104–113.

²⁷ Александров В.А. Указ. соч. С. 209.

²⁸ Там же.

²⁹ Гончарова О.В. Участие служилых людей (казаков) в пушном промысле и пушной торговле в Сибири // Казачество. 2016. № 9(22). С. 45–54; Жалсараев А.Д. Время, события, люди. Хронологический перечень дат и фактов этнической Бурятии. Улан-Удэ, 2011. С. 56.

³⁰ Романова Г.Н. Торговые связи России и Китая в конце XVII — начале XX в. // Зарубежный Восток: вопросы истории торговли с Россией. М., 2000. С. 160–161; Сладковский М.И. История торгово-экономических отношений народов России с Китаем (до 1917 г.). М., 1974. С. 130–132; История Северо-Восточного Китая XVII–XX вв. Кн. 1. Маньчжурия в эпоху феодализма (XVIII — начало XX в.). Владивосток, 1987. С. 221.

тия межгосударственной торговли дала именно сибирская пушнина и попытки определить для неё подходящий рынок сбыта.

С 1689 по 1713 г., т.е. до заключения Кяхтинского договора, через Нерчинск, в тот период — основной торговый пункт на границе с Цинской империей, было пропущено 14 торговых (в основном частных и смешанных) караванов, включая миссию под руководством П. Худякова, формально завершившуюся уже в 1713 г. При этом, по всей видимости, успех неказённых караванов заключался в более низкой стоимости пушнины у частных торговцев из Нерчинска, которые зачастую не следовали установленным правилам и экономили на сборах³¹.

Можно предположить, что одним из способов избавиться от контрабандных поставок пушнины и в то же время расширить рынок сбыта могла стать морская торговля, благодаря которой исчезал дополнительный «посредник» в лице пограничного населения, а пушнину можно было поставлять напрямую в порты китайских приморских провинций. Идеи о том, что до Китая можно добраться морем через северо-восток Азии, стали проникать в Россию в начале XVIII в. и нашли отражение в документах того времени. Петра I занимала высказанная его сподвижником по заграничным путешествиям, корабельным мастером Ф.С. Салтыковым мысль о возможности плавания через Северный Ледовитый океан в Китай и Индию «по устью Амурское и вдоль между Епоном и Китаеми»³². 24 апреля 1713 г. Салтыков писал царю: «Велеть построить корабли на Енисейском устье и на иных реках, понеже оной реки устье позади Ледоватаго моря, и в Сибири от Енисейскаго устья до Китаи все надлежит вашему владению оной морской берег»³³. В следующем году он предложил послать из Архангельска корабли на поиски северного морского пути, чётко поставив задачу о «взыскании свободного пути морскаго от Двины реки даже до Амурскаго устья и до Китай»³⁴.

Между тем из-за огромных пространств и слабого представления о границах имелись определённые сложности. Визиты архимандрита Илариона (Лужайского), начальника первой Пекинской духовной миссии, и врача Гарвинга в Китай и китайских чиновников в Россию в 1712–1714 гг. показали важность развития двусторонних отношений и необходимость направления новых делегаций. Особенно это относилось к развитию торговых связей, в том числе с Японией и другими странами в Азиатско-Тихоокеанском регионе. При этом отмечалось, что даже японцы с их запретами имеют китайские товары, которые русские перекупают с большой наценкой. А.Я. Ельчин доносил Петру I в 1715 г., что «японцы и из Матманского города с торгами и привозят к ним платье японское камчатое и китайчетое»³⁵.

В 1712–1714 гг. было предпринято путешествие в Россию китайской делегации, названной по имени одного из послов — Тулишэня³⁶. Гостей на границе

³¹ Кириллова С.В., Шевцов В.В. Нерчинск — Пекин: русские торговые караваны в 1689–1703 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 435. С. 121–126.

³² Андреев А.И. Очерки по источниковедению Сибири. XVIII век. М.; Л., 1965. С. 14.

³³ Салтыков Ф.С. «Пропозиции» корабельного мастера Петру I о постройке кораблей в устьях рек Сибири, плавании их в Тихий океан, открытии новых островов и морской торговле с Китаем и другими странами, 24 апреля 1713 г. // Пропозиции Фёдора Салтыкова. СПб., [1892]. С. 28–29.

³⁴ РГАДА, ф. 9, отд. II, кн. 13, л. 958–962.

³⁵ Там же, отд. II, д. 43, л. 375–376.

³⁶ Ипатова А.С. История российско-китайских отношений в документах и материалах // Новая и новейшая история. 2013. № 2. С. 70–93.

встречал и в дальнейшем сопровождал подполковник П. Ступин. Основной задачей миссии считалось привлечение калмыков, проживавших в низовьях Волги, к военным действиям на стороне Цинской империи против Джунгарского ханства. А.В. Ефимов полагал, что экспедиция снаряжалась также для подготовки карты России, на которой были бы обозначены выходы к морям с севера и востока. Её составление держалось в секрете от российской стороны вплоть до 1764 г., когда в «Ежемесячных сочинениях и известиях о учёных делах» было опубликовано «Описание путешествия, коим ездили китайские посланники в Россию, бывшие в 1714 году у калмыцкого тайши Аюка на Волге», первоначально изданное в Пекине в 1723 г. Судя по этой карте, китайцы весьма приблизительно представляли себе выход к Охотскому морю. Они полагали, что расстояние от озера Байкал до выхода к Тихому океану можно преодолеть практически полностью по рекам, причём южнее Ангары. Выход к морю в северном направлении представлялся китайцам более сложным. К примеру, Ангара, по их данным, обрывалась вскоре после Байкала.

В предписаниях, данных Ступину перед встречей китайской делегации (опубликованы в «Памятниках Сибирской истории» и в «Ежемесячных сочинениях и известиях о учёных делах»³⁷), отмечалась важность изучения пути от Удского острога до Нерчинска и говорилось о направлении для этих целей двух лиц, которым следовало изучить китайскую границу. Задача была весьма сложная, так как предстояло пройти тысячи вёрст по территории, известной лишь охотникам на пушного зверя. Кроме того, предписывалось изучить острова и территории, которые находились напротив Колымского устья и Камчатки. По всей видимости, и в России, и в Китае полагали, что реки Колыма, Анадырь и Камчатка текут параллельно друг другу и впадают в море поблизости одна от другой. Предписания Ступину хранились в секрете и стали известны широкой публике лишь 50 лет спустя, когда уже имелись более чёткие представления о географии Дальнего Востока и севера Тихого океана благодаря путешествиям В. Беринга.

Проход через российские владения китайских посланников требовал ответных действий со стороны Цинского государства. В знак признательности император Канси удовлетворил просьбу российских властей по размещению в Пекине духовной миссии, которая находилась в столице Китая в 1715–1716 гг.³⁸ Следует отметить, что запрос на размещение представителей духовенства на тот момент давно назрел. Пётр I ещё в 1700 г. впервые распорядился подыскать подходящих для отправки в Сибирь и Китай служителей³⁹, повторив свои указания в 1703, 1706 и 1710 гг. Особую важность направление православных священников приобрело в 1712 г., когда скончался миссионер о. Максим Леонтьев, который осуществлял духовную работу с оставшимися в Китае бывшими албазинцами⁴⁰. Однако из-за сопротивления иезуитов, проживавших при Цинском дворе, отправка духовной миссии откладывалась, и ситуация разрешилась только после завершения посольства Тулишэня. Вообще, отношение иезуитов к развитию русско-китайских отношений требует дополнительного изучения с привлечением документов из итальянских архивов.

³⁷ Ефимов А.В. Из истории великих русских географических открытий. М., 1950. С. 125–127.

³⁸ Головин С.А. Российская духовная миссия в Китае: исторический очерк. Благовещенск, 2013. С. 22.

³⁹ ПСЗ-1. Т. 4. № 1800.

⁴⁰ Дацышен В.Г. Христианство в Китае: история и современность. М., 2007. С. 132.

Впрочем, судьба духовной миссии складывалась неблагоприятно. Во-первых, она оказалась на довольствии цинского правителя, получая чины в соответствии с китайской ранговой системой, что можно трактовать как «переподчинение» отечественных посланников. Во-вторых, уже в 1717 г. часть членов миссии была отправлена в Тобольск из-за болезней. В 1718 г. скончался глава духовной миссии, архимандрит Иларион (Лежайский), что поставило под вопрос продолжение нахождения в Пекине российских подданных⁴¹.

Отчасти поэтому Пётр I в 1719 г. снарядил посольство Л. Измайлова с амбициозными целями, отражёнными в том числе в инструкциях от Коллегии иностранных дел и Коммерц-коллегии: добиться разрешения на постройку в Пекине православной церкви и права на назначение вице-консулов в «разные второстепенные города»⁴². Российская делегация, выехав из Санкт-Петербурга 16 июля 1719 г., добралась до Пекина 18 ноября 1720 г.⁴³ Согласно свидетельствам, практически все поставленные цели были достигнуты (в том числе учреждение генерального консульства в Пекине), однако вскоре отношения ухудшились⁴⁴. В некоторых трудах причиной называется непрофессионализм оставленного по результатам посольства Измайлова в Пекине консула – уроженца Швеции Л. Ланга⁴⁵. Он продержался в должности не более 17 месяцев, испортив отношения с императором Канси из-за «мелочности и надменности». По всей видимости, Ланг честно исполнял свои обязанности, но отказывался давать взятки и преподносить дорогие подарки местным бюрократам, что нарушало традиции и представления о взаимодействии между государственными служащими и иностранными посланниками⁴⁶. Одним из последствий стал запрет на торговлю между Россией и Китаем в 1722 г.⁴⁷

Впрочем, феномен личности Ланга являлся лишь одним из факторов ухудшения двусторонних отношений. Ещё в конце посольства Измайлова через границу перешла группа монголов численностью в 700 человек, которые присягнули российскому императору. Китайские власти потребовали вернуть беглецов, в противном случае угрожая свернуть переговоры, что и произошло: Измайлов покинул Пекин 12 февраля 1721 г.⁴⁸ Другим немаловажным фактором стало поведение русских купцов в Пекине, которые нередко устраивали пьяные дебоши⁴⁹.

Помимо прочего, Измайлову не удалось добиться от китайской стороны разрешения на ведение духовной деятельности в Пекине и иных городах Поднебесной. Мотивировка отказа заключалась в том, что, во-первых, русский духовный

⁴¹ Там же. С. 134.

⁴² *Бантыш-Каменский Н.Н.* Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792 год. Казань, 1882. С. 85–88; *Филитов Т.Ф.* Георг Иоганн Унферцагт и его описание путешествия в Китай в составе русского посольства Л.В. Измайлова 1719–1722 гг. // Россия и Китай: научные и культурные связи (по материалам архивных, рукописных, книжных и музейных фондов). Вып. 2. СПб., 2012. С. 12–18.

⁴³ Историческое обозрение Сибири. Кн. 1: с 1585 до 1742 года. М., 1838. С. 429.

⁴⁴ *Венюков М.* Указ. соч. С. 12–13.

⁴⁵ *Бантыш-Каменский Н.Н.* Указ. соч. С. 96–97.

⁴⁶ *Березницкий С.В.* Караванная торговля России с Китаем и отечественная наука XVIII века. СПб., 2017. С. 51; *Куриц Б.Г.* Русско-китайские сношения в XVI, XVII, XVIII столетиях. Днепропетровск, 1929. С. 66–67.

⁴⁷ Историческое обозрение Сибири. Кн. 1. С. 429–430.

⁴⁸ *Ипатова А.С.* История российско-китайских отношений... С. 70–93.

⁴⁹ *Мишакова О.Э.* «Дипломатическая» роль Кяхты... С. 19–25.

посланник не имел необходимых документов; во-вторых, цинская сторона ожидала решения о передаче им монгольских беглецов — без их возврата рассмотрение вопроса о нахождении духовной миссии было невозможно⁵⁰. Значительное влияние на принятие такого решения, вероятно, оказали иезуиты, прочно укрепившиеся при дворе китайского правителя ещё в XVII в. По всей видимости, они справедливо воспринимали Российское государство и его посланников как конкурентов и старались заблокировать упрочение русско-китайских отношений.

Со смертью императора Канси в 1722 г. отношения Цинской империи с представителями иностранных государств становятся более напряжёнными. Новый богдыхан, правивший под девизом Юнчжэн, начал проводить политику изоляционизма. На это повлияло большое количество факторов, связанных преимущественно с наметившимися негативными тенденциями внутри государства: разложение низовой прослойки «знамённого» (военного) сословия, продолжавшееся притеснение «подлого люда» (людей, которые не относились к крестьянам, чиновникам, ремесленникам и торговцам) и проч.

Не последнюю роль в формировании внутривнутриполитических вызовов сыграли иностранные подданные, в отношении которых начались проверки. Расследование выявило большое количество злоупотреблений, начиная с того, что иезуиты старались выполнять работу, к которой не могли иметь отношения (например, были поварами, конюхами, музыкантами, камердинерами, торговцами на ярмарках и проч.), и заканчивая прямым манипулированием верой и религией. Известны случаи, когда во время проповеди они использовали одежды шэньши (учёных-чиновников), апеллировали к наукам и искусствам, адаптировали тезисы своего религиозного учения к китайским реалиям и дарили иконы, утверждая, что они имеют чудодейственные свойства⁵¹. Такое поведение, угрожавшее внутренней стабильности в стране, вызвало соответствующую реакцию властей. В 1724 г. Юнчжэн приказал выслать из Китая иностранных миссионеров, оставив только самых необходимых, а храмы — их было около 300 — в большинстве своём обращались в общественные дома. Развивались идеи, изложенные в «священном указе» Канси 1670 г., направленном против инакомыслящих и запрещавшем отправку христианских богослужений.

Распоряжение нового императора повлияло и на русско-китайские отношения. Впрочем, опасения, связанные с запретом на проведение духовной деятельности православных миссионеров, не оправдались. Более того, Юнчжэн, по всей видимости, надеясь на стабилизацию отношений между государствами и отправил посольство в Россию⁵², представленное двумя знатными министрами: гуном (князем) Олондаем (иные варианты написания его имени — Олой, Ао Лундай) и тайным советником, главой красного знамени⁵³ и Лифаньюаня (Палаты вассальных территорий) Тэгудом⁵⁴. Миссия должна была обсудить с представителями российских властей в Селенгинске некоторые вопросы, свя-

⁵⁰ *Бантыш-Каменский Н.Н.* Указ. соч. С. 99–100.

⁵¹ Очерк христианской проповеди в Китае // Труды Киевской духовной академии. 1860. Кн. 4. С. 279.

⁵² *Бантыш-Каменский Н.Н.* Указ. соч. С. 110.

⁵³ Система знамён — синтез систем военной и гражданской администрации в Цинской империи. Глава красного знамени — полководец соответствующих (приписанных к этому знамени) армий и политический администратор в районах их размещения.

⁵⁴ Письмо агента Л. Ланга халхаскому Тушэту-хану Ванчжиль Доржи и цзюньвану Дандзондоржи о своём намерении послать в Пекин гонца с письмом (URL: <https://www.abirus.ru/content/564/623/626/14338/16913/16915/17001.html> (дата обращения: 15.04.2021)).

занные с демаркацией границ. Статус и специфика отношений между Российской и Цинской империями неоднократно обсуждались в Сенате, Коллегии иностранных дел и в Коммерц-коллегии. 20 января 1724 г. Сенат отправил Л. Ланга для межевания границ, которое, однако, не было осуществлено⁵⁵.

После смерти Петра I вопрос определения границ оставался достаточно острым. 10 февраля 1725 г. Коллегия иностранных дел определила посылку грамоты сибирскому губернатору М.В. Долгорукову в Тобольск, с сообщением о назначении послом в Китай С.Л. Владиславича-Рагузинского и с требованием подготовить для посольства выписки из документов о сношениях с Цинской империей⁵⁶. 3 марта 1725 г. Екатерина I повелела Лангу уведомить китайский двор о смерти российского государя, а также сообщить, что вскоре в Пекин будет направлен новый посланник для разрешения вопросов, связанных с границей⁵⁷.

Цинские власти считали первостепенным вопрос о пограничном размежевании русских и монгольских земель, хотели закрепить своё господство в Халхе и добиться признания новых границ⁵⁸. Зная о заинтересованности России в установлении добрососедских торгово-экономических отношений и опасаясь сближения русских с монголами, цины оказывали политическое давление: в 1724 г. они остановили русский караван и постоянно требовали выдать перебежчиков. Именно в это время вступила в завершающую стадию подготовка крупной экспедиции по изучению северной части Тихого океана под руководством В. Беринга, инициированная Петром I. В его инструкции чётко указывалось: «На оных ботах [плыть] возле земли, которая идет на норд, и по чаянию (понеже оной конца не знают) кажется, что та земля — часть Америки»⁵⁹. Экспедиции Беринга следовало оказывать всяческую помощь, в том числе сибирским властям, подвластные территории которых граничили с Китаем⁶⁰. Вероятно, сведения об экспедиции дошли до Цинской империи, которая поспешила приступить к заключению полномасштабного договора с Россией.

В 1727 г. в ходе посольства в Китай С. Владиславич подписал Буринский трактат, фиксирующий границы между Россией и Цинской империей на тех участках, которые не были определены Нерчинским договором. Это позволило отклонить часть притязаний китайской стороны на те земли, которыми уже владела Россия, и обозначить границы по линии монгольских караулов⁶¹. Важнейшим достижением для России стало фиксирование за ней земель к югу от Кузнецка и Красноярска.

В 1728 г. Россия заключила Кяхтинский договор с Китаем, который во многом подтвердил условия Нерчинского и Буринского трактатов. В большинстве трудов отмечается, что договор подписан 21 октября 1727 г., однако при его изучении становится очевидно, что в этот день был составлен проект,

⁵⁵ ПСЗ-I. Т. 7. № 4429. С. 208–209.

⁵⁶ АВПРИ, ф. Сношения России с Китаем, оп. 62/2, д. 2, л. 8–11 об.

⁵⁷ *Бантыш-Каменский Н.Н.* Указ. соч. С. 113.

⁵⁸ *Читимдоржиев Ш.Б.* Взаимоотношения Монголии и России в XVII–XVIII вв. М., 1978. С. 93.

⁵⁹ ПСЗ-I. Т. 7. № 4679.

⁶⁰ РГАВМФ, ф. 223, оп. 1, д. 29, л. 113; *Иерусалимский Ю.Ю., Давыдов В.В.* Роль Петра Великого в освоении Русской Арктики // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. История и политические науки. 2022. № 2. С. 58–67.

⁶¹ АВПРИ, ф. Сношения России с Китаем, оп. 62/1, д. 12а, л. 588–589.

но подписан (в тексте используется термин «разменян») он только 14 июня 1728 г.⁶² В преамбуле указано, что договор составлен по велению Екатерины I, а подписывался уже в первый год правления Петра II. Как пишет исследователь В.Г. Дацышен, это произошло по настоянию китайской стороны исходя из её собственных представлений о корректности упоминания того или иного правителя⁶³.

В текстах Кяхтинского трактата, подписанных сторонами, наблюдались существенные разночтения, однако они не сильно повлияли на суть документа. Впервые юридически определялась линия границы между странами, что позволило выставить пограничные посты и караулы, а также создать специальное учреждение — пограничную канцелярию, которая базировалась в Селенгинске и следила за тем, чтобы русско-китайская торговля шла в специально определённых для этого местах⁶⁴. России разрешалось отправлять караваны в Пекин всего три раза в год, однако появились зоны беспошлинной торговли в Кяхте и Цурухайту, что обеспечило значительный рост общего торгового объёма⁶⁵. Кроме того, в Пекине разрешалось вести работу русской духовной миссии. С этого времени торговля между двумя державами стала быстро развиваться⁶⁶, хотя поначалу носила обменный характер (использование денег и кредита запрещалось), а до середины XIX в. шла практически исключительно через Кяхту.

Ежегодный товарооборот в этой приграничной слободе исчислялся миллионами рублей⁶⁷, хотя подобные показатели были достигнуты далеко не сразу. На первые торги 15 августа 1728 г. прибыли всего 10 русских и 4 китайских купца, а уже к концу года появился гостиный двор с 24 лавками и 32 купеческими избами⁶⁸. Изначально из-за того, что часть отечественных товаров — пушнина, изделия из золота и серебра — была запрещена к продаже частными лицами, китайские покупатели не особо интересовались продукцией из России. Ситуацию несколько выправляла продажа ревеня, однако важность этого продукта меркнет на фоне запросов на меховые изделия, нелегально поставлявшиеся в Китай.

В 1743 г. по указу Сената Кяхтинский форпост возводится в ранг торговой слободы и туда поселили около ста семей «для распространения купечества»⁶⁹. В этот момент изначально мелкий пункт на границе двух империй стал опорной точкой для расширения влияния России. В дополнение к сложившимся границам происходило преобразование экономической политики в отношении

⁶² Сборник договоров России с Китаем 1689–1881 гг. СПб., 1889. С. 50–60. О разночтениях при датировке подписания договора см.: *Дацышен В.Г.* «Кяхтинский трактат 21 октября 1727 г.»: проблемы текста и датировки // *Общество и государство в Китае*. Т. 47. 2017. № 1. С. 635–649.

⁶³ *Дацышен В.Г.* «Кяхтинский трактат 21 октября 1727 г.»... С. 635–649.

⁶⁴ *Мишакова О.Э.* Кяхта: от караванной торговли до порто-франко. Из истории торговых отношений России и Китая в XVIII – первой половине XIX вв. // *Вестник Бурятского государственного университета*. 2011. № 7. С. 46–50.

⁶⁵ *Самойлов Н.А.* Кяхта и Маймайчэн: геокультурное пространство взаимодействия России и Китая в XVIII–XIX вв. // *Вестник Санкт-Петербургского государственного университета*. Сер. 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2009. № 4. С. 190–197.

⁶⁶ *Чэнь Кайкэ.* Чжун-Э гуаньси шишан дэ ву тяо лу [Пятый путь в истории российско-китайских отношений] // *Элосы сюэкань*. Т. 10. 2020. Вып. 56. С. 70–91.

⁶⁷ *Дэн Вэньчу.* Тянься 1: Мин Цин дуйвай чжаньлю шиши [Поднебесная 1: исторические факты внешнеполитической стратегии династий Мин и Цин] // *The Paper* (URL: https://www.thepaper.cn/newsDetail_forward_10214193 (дата обращения: 30.03.2021)).

⁶⁸ *Мишакова О.Э.* Кяхта: от караванной торговли до порто-франко... С. 46–50.

⁶⁹ ОР РГБ, ф. 20, п. 3, д. 5, л. 19.

сибирских земель, что означало окончательное закрепление России в регионе и позволило без лишних опасений за стабильность сухопутных связей новых и старых территорий страны двигаться дальше на восток, к Тихому океану.

Следует отметить, что Россия в лице Китая нашла отличный рынок для сбыта сибирских товаров. Логистика, подразумевавшая доставку товаров с востока России, т.е. практически через весь континент, была относительно затруднена и нерентабельна: из-за развития производства шерсти в Англии и ввоза в Европу пушнины из Северной Америки международная торговля мехами в западном направлении сулила только убытки⁷⁰. Спасением виделась Цинская держава, интересовавшаяся русской пушниной. Один обоз с мехом стоил около 100 тыс. руб.⁷¹ Допустимо сказать, что это был уникальный отечественный продукт, недоступный другим государствам. В какой-то степени меха выступали аналогом опиума для Британской Ост-Индской компании, сыгравшей трагическую для Китая роль в XIX в.

В китайских источниках указывалось, что агрессоры в лице русских казаков в районе Амура притесняли национальные меньшинства этих мест Китая⁷², а цинские власти применяли прекращение торговли в сочетании с отпором в военных действиях⁷³. Таким образом, политика Российского государства в отношении Китая оценивалась исключительно как экспансионистская и трактовалась практически как попытка колониального захвата⁷⁴. Более того, такой подход был синонимичен понятию «эпохи унижений Китая» (пусть этот термин и вошёл в обиход значительно позже) из-за того, что Россия якобы имела исключительные преимущества перед остальными колониальными державами и ещё до Опиумных войн продвигала неравноправные отношения⁷⁵. Несмотря на изменившиеся взгляды в китайской науке, которые тяготеют к оценке Кяхтинского трактата как договора двух равных государств⁷⁶, отголоски такой трактовки по-прежнему слышны, что однозначно вредит современным двусторонним отношениям.

Впрочем, проследить определённые параллели с неравноправной торговлей опиумом можно. Контрабанда в районе Маймайчэна (поселение-спутник Кяхты по китайскую сторону границы) однозначно предполагала нарушения условий международных соглашений и местных законов, поэтому вопросы «юридической чистоты» проведения торговых операций между русскими и китайскими купцами имели место. Другое дело, что сама контрабанда, о которой в 1730 г. писал Ланг⁷⁷, возникала не только по вине российских властей. Китай под различными предлогами приостанавливал торговые операции в Кяхте

⁷⁰ Романова Г.Н. Становление российско-китайских торговых связей (XVII – первая треть XVIII в.) // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2014. № 2(67). С. 101–112.

⁷¹ Клиффорд Ф. Великий торговый путь от Петербурга до Пекина. История российско-китайских отношений в XVIII–XIX веках. М., 2019.

⁷² История китайско-советских торгово-экономических отношений. Харбин, 1992. С. 29.

⁷³ Cahen G. Some early Russo-Chinese relations. Shanghai, 1939.

⁷⁴ Критика исторических взглядов советских ревизионистов. Пекин, 1977. С. 16.

⁷⁵ Там же. С. 17.

⁷⁶ Су Фэнлинь. Цун «Нибучу тьяоюэ» дао «Цякэту тьяоюэ» – Чжун-Э вэньхуа цзяолю дэ лишн пяньдуань [От Нерчинского договора к Кяхтинскому – фрагменты истории культурного взаимодействия Китая и России] // История и современное состояние китайско-российских отношений. Кайфэн, 2004.

⁷⁷ Записки Л. Ланга о поездке в Пекин // Русско-китайские отношения в XVIII в.: материалы и документы. Т. 2. 1725–1727 гг. М., 1990. С. 120.

в 1733, 1737, 1744, 1747, 1751, 1753, 1756 и 1757 гг. В 1760 г. объём контрабандных операций составил 1 млн 358 тыс. руб.⁷⁸

Однако в периоды, когда ни российские, ни китайские власти не чинили препятствий, в Кяхте развивались уникальные методы взаимодействия. На протяжении десятилетий здесь сформировалась своеобразная система торговли. Ежегодно из русских купеческих компаний выбиралось по одному уполномоченному или поверенному, которые оценивали качество и определяли, сколько необходимо русской продукции, для того чтобы выменять определённое число китайских товаров и наоборот. Торговля велась исключительно путём обмена⁷⁹, использование денег, драгоценных металлов и кредита запрещалось⁸⁰.

Меновой характер коммерческих отношений создавал сложности, торговля становилась многоступенчатой⁸¹. Русским купцам необходимо было приобрести товар в России, привезти в Кяхту, там выменять его на китайский, вывезти последний и продать в России. Иными словами, русские купцы увеличивали свою прибыль посредством обмена своего товара на китайский, с последующей его продажей в России. Они стремились максимально нарастить объёмы продажи пушнины на китайский рынок: вывозили шкуры речных бобров, лис, песцов, рысей, волков, выдр. Особенным спросом пользовались лапы животных (преимущественно лис, песцов и рысей), популярные в традиционной медицине. Стоит заметить, что уже в начале XVIII в. на рынке в Кяхте стали появляться шкуры морских бобров (каланов) и их хвосты, которые получали с Алеутских, Курильских и Командорских островов. К 1720-м гг. русские купцы стали продавать шкуры медведей, выхухолей, норок, росомех, морских котиков⁸².

На взаимодействие России и Китая влияли различные традиции и подходы к ведению международных отношений. Цинская держава стала продолжателем тысячелетнего уклада, который подразумевал трактовку Поднебесной как центра мира, сюзерена для всех остальных стран. Россия же серьёзно укрепила свои позиции на международной арене и заявила о себе как о мировой державе. Академик Мясников отмечал, что взаимодействие двух стран по формационным характеристикам относится к однотипному, а по цивилизационным — к смешанному виду межгосударственных связей⁸³.

Различной была и мотивация для развития отношений между странами. Для России важны были экономические аспекты. Благодаря петровским реформам экономика показывала рост, для чего требовалось привлекать финансовые ресурсы. Цинская держава придерживалась политических категорий, полагая, что укрепление России может привести к изменению положения Китая как регионального гегемона (хотя, конечно, богдыханы в тот период рас-

⁷⁸ Бантыш-Каменский Н.Н. Указ. соч. С. 242.

⁷⁹ Лапин П.А. «Китайский плутовской устав», или секретная инструкция китайским пограничным властям о ведении торговых дел с Россией (первая половина XVIII — вторая половина XIX вв.) // Общество и государство в Китае. Т. 45. 2015. № 2. С. 627.

⁸⁰ Корсак А.К. Историко-статистическое обозрение торговых сношений России с Китаем. Казань, 1857. С. 95–96.

⁸¹ Яо Сяньгао. Чжунго цзиньдай дуйвай мао ши цзыляо [Исторические материалы о китайской внешней торговли в Новое время]. Т. 2. Пекин, 1962.

⁸² Отчёт Главного правления Российско-американской компании за 1840–1841 гг. СПб., 1842. С. 25.

⁸³ Мясников В.С. Историко-культурные особенности взаимодействия России и Китая // Мясников В.С. Квадратура китайского круга: избранные статьи в 2 кн. Кн. 1. М., 2006. С. 451.

сма тривали себя властителями мира). Поэтому основной целью заключения соглашений между Россией и Китаем цины считали разграничение территорий и утверждение правового положения новых земель в составе Поднебесной, а не экономическое взаимодействие.

Таким образом, специфика русско-китайских отношений в конце XVII – начале XVIII в. повлияла на выход русских к Тихому океану, а Цинская держава становится важнейшим рынком пушнины, являясь своего рода экономическим стимулом освоения новых территорий. Заключение соглашений с Китаем происходило в одно время с формированием задач экспедиции В. Беринга. Эти события, повлиявшие на исторические процессы в Азиатско-Тихоокеанском регионе, были взаимосвязаны и в конечном счёте способствовали движению России на Восток. Дальнейшее изучение проблематики статьи требует привлечения сведений из зарубежных архивов, в первую очередь Китая и Западной Европы.

Греческая революция и мифологема заговора тайных обществ

Михаил Белоусов, Ясын Абдуллаев

The Greek revolution and the myth of the conspiracy of secret societies

Mikhail Belousov (Saint Petersburg State University, Russia),

Yasyn Abdullaev (University of California, Berkeley, USA)

DOI: 10.31857/S0869568722050077, EDN: KLDNLC

В 1814 г. в Одессе группа влиятельных членов греческой диаспоры основала тайное «Общество друзей» («Филики Этерия»). Его деятельность отражала широко распространившиеся в конце XVIII – начале XIX в. в Европе и России идеи филэллинизма¹ и была направлена на освобождение греческого народа из-под власти Османской империи². Одним из наиболее важных шагов на пути к достижению этой цели стало назначение в конце 1820 г. на должность генерального инспектора общества героя Отечественной войны 1812 г. генерал-майора кн. А.К. Ипсиланти. 22 февраля (6 марта) 1821 г. вместе с группой верных ему людей он выехал в пределы вассальной Порте Молдавии и дал сигнал к началу антитурецкого восстания. Одновременно в Валахии развернулось крестьянское движение под руководством Т. Владимиреску, ветерана русско-турецкой войны 1806–1812 гг.³ Несмотря на скорый разгром обоих мятежей, смерть Владимиреску и бегство кн. Ипсиланти, события в Дунайских княжествах стали катализатором освободительной войны уже на территории самой Греции, 25 марта (6 апреля) 1821 г. она началась на Пелопоннесе. Данный конфликт затянулся на восемь лет, охватил Балканы и взбудоражил Европу и Ближний Восток.

Как отмечали современники, греческая революция вызвала живой отклик в русском обществе и на долгое время стала одной из главных тем для дискуссий в различных салонах, кружках и правительственных сферах. Ещё С.М. Соловьёв, а вслед за ним С.С. Татищев и С.А. Жигарев писали о сложном выборе российского самодержавия между сочувствием к единоверцам и осуждением восставших «бунтовщиков», напоминавших своими действиями испанцев и итальянцев⁴. Советские историки делали акцент на «реакционно-

© 2022 г. М.С. Белоусов, Я.С. Абдуллаев

Исследование выполнено в рамках гранта Российского научного фонда «Антропология политического кризиса: кейс междоусарствия 1825 года», проект № 19-78-00040.

¹ О западном филэллинизме и его самом известном представителе – бароне Дж.Г. Байроне написано несколько работ: *Beaton R.* Byron's War: romantic rebellion, greek revolution. N.Y., 2013; *Rosen F.* Bentham, Byron and Greece: constitutionalism, nationalism, and early liberal political thought. Oxford, 1992.

² Подробнее о «Филики Этерия» см.: *Frangos G.D.* The Philike Etaireia, 1814–1821: A social and historical analysis. Ph.D. Diss. N.Y., 1971.

³ О Т. Владимиреску и его связях с Россией см.: *Tappe E.D.* The 1821 revolution in Romanian principalities // *The Greek struggle for independence* / Ed. R. Clogg. L., 1973. P. 134–155; *Jelavich B.* Russia and the formation of the Romanian national state. Cambridge, 1984. P. 35–49.

⁴ *Соловьёв С.М.* Император Александр Первый. Политика – дипломатия. СПб., 1877. С. 478; *Татищев С.С.* Внешняя политика императора Николая Первого. Введение в историю внешних сношений России в эпоху Севастопольской войны. СПб., 1887. С. 140; *Жигарев С.А.* Русская по-

сти» политики царизма в Восточном вопросе⁵. Восстание Ипсиланти и последовавшие за ним события стали рассматриваться как эпизод национально-освободительного движения⁶, а формирование внешней политики Российской империи тех лет изображалось как противоборство условных партий «войны» и «мира». Так, А.В. Фадеев усматривал в правящих кругах «прогрессивных» сторонников вмешательства в борьбу на Балканах и их «реакционных» противников⁷. Академик А.Л. Нарочницкий, писавший об охранительном курсе царского правительства, отмечал в нём известный раскол и несогласие с императором многих «умеренно-либеральных» деятелей⁸. В зарубежной историографии подробно освещалось отношение русского общества к греческой революции 1821 г., а также влияние на возникавшие разногласия двойного руководства МИД в 1815–1821 гг.⁹

В обозначенном в историографии противостоянии сторонников нового крестового похода на Восток и приверженцев международной контрреволюции «голуби» явно находились в меньшинстве, но это с лихвой компенсировалось солидарностью с ними Александра I. Кроме царя, к их числу обычно относят вел. кн. Константина Павловича, графов К.В. Нессельроде и Д.А. Гурьева, а также Д.П. Татищева. Более решительная позиция «ястребов» среди правительственных особ считалась популярнее. С теми или иными оговорками её разделяли гр. И.А. Каподистрия, генералы гр. М.С. Воронцов, А.П. Ермолов, А.А. Закревский, П.Д. Киселёв и А.И. Чернышёв, послы в Париже и Лондоне К.О. Поццо-ди-Борго и гр. Х.А. Ливен, посланники в Вене и Константинополе гр. Ю.А. Головкин и барон Г.А. Строганов. Согласно классическим представлениям, пока одни призывали немедленно аннексировать Дунайские княжества, объявить войну Турции и помочь православным братьям в их борьбе против мусульманского ига, других более беспокоили потенциально деструктивные последствия балканских событий для спокойствия и безопасности Европы, их революционный характер и возможная связь с мятежами в Испании и Италии.

Однако постулируемое обычно наличие двух «партий» плохо объясняет логику поступков основных действующих лиц этих событий, а деление политической элиты на «национальных патриотов», защищавших интересы России, и «космополитических реакционеров», верных идеям Священного союза, не помогает выявить особенности восприятия и описания имперской бюрократией греческой революции, отразившихся в комплексе различных делопроизводственных и нарративных источников, в мемуарах, эпистолярии, публицистике и т.д.

литика в восточном вопросе (её история в XVI–XIX веках, критическая оценка и будущие задачи). Т. 1. М., 1896. С. 301.

⁵ *Девтеров А.А.* Греческий вопрос в политике Российской империи во второй половине XVIII – первой трети XIX вв. Автореф. ... дис. канд. ист. наук. Майкоп, 2003.

⁶ *Ариш Г.Л.* Тайное общество «Филики Этерия». Из истории борьбы Греции за свержение османского ига. М., 1965; *Ариш Г.Л.* Этеристское движение в России: освободительная борьба греческого народа в начале XIX в. и русско-греческие связи. М., 1970.

⁷ *Фадеев А.В.* Россия и Восточный кризис 20-х годов XIX в. М., 1958. С. 47–85.

⁸ *Нарочницкий А.Л.* Греческое национально-освободительное движение и Россия // Вопросы истории. 1980. № 12. С. 67–68.

⁹ *Prousis Th. C.* Russian cultural response to the Greek war of independence (1821–1830). Ph.D. Diss. Indianapolis, 1982. P. 67–68; *Grimstead P.K.* The Foreign ministers of Alexander I: political attitudes and the conduct of Russian diplomacy, 1801–1825. Berkeley, 1969. P. 203–204.

Выступление кн. Ипсиланти и восстание в Морее произошли в тот период, когда основное внимание сановников и дипломатов империи было сосредоточено на событиях в Испании, Пьемонте и Неаполе. Со времён Французской революции многие её современники привыкли видеть в различных кризисах прежде всего следствие подрывной деятельности тех или иных тайных обществ¹⁰. В политическом истеблишменте 1820-х гг. широкое распространение получил миф о заговоре некоего могущественного «руководящего комитета революционеров», находившегося будто бы в Париже и управлявшего сетью тайных обществ по всей Европе. Считалось, что они желали разрушить все «троны и алтари» от Пиренеев до Петербурга и через своих многочисленных агентов из представителей «свободных профессий», офицеров и интеллигенции могли совершить переворот в любой точке света¹¹. Подобный конспирологический подход являлся культурной доминантой, во многом определявшей восприятие и интерпретацию происходившего в мире, независимо от оценки греческих повстанцев или отношения к идее войны с Турцией.

В полной мере это проявлялось в среде российского генералитета. Так, начальник штаба 2-й армии генерал-майор Свиты Киселёв, судя по его переписке с Закревским и бароном И.И. Дибичем, где постоянно обсуждались планы предстоящего конфликта, был настроен весьма воинственно¹². В 1822 г. в собственноручной записке о «гетерии» он признавал её роль в разжигании революции в Валахии и дестабилизации обстановки на Балканах, однако отмечал, что «это общество не имело никакого отношения к масонству-карбонарству и ко всем другим сектам, существовавшим до сих пор. Оно не знало ни лож, ни собраний и не имело никаких ритуалов, составляющих их»¹³. Поэтому Киселёв в июле 1822 г. с радостью писал Закревскому о победах греков над мусульманским флотом и сожалел о пассивности России, хотя ещё в январе выражал надежду на то, что «русские пойдут к Пиренейским горам, где республиканцы объявили смертную войну всем царям и в особенности дому Бурбонов»¹⁴.

Закревский, занимавший тогда должность дежурного генерала Главного штаба, критически отзывался о действиях кн. Ипсиланти, «не важно отличившегося», и называл его поступок «противным нашей политике»¹⁵. Он высказывался за войну прежде всего потому, что «необузданные толпы могут ворваться в наши пределы, тогда срам будет порядочный»¹⁶. При этом, скорее всего, имелись в виду как беженцы, так и революционеры. «Успех возмущений» на территории Османской империи казался Закревскому крайне опасным и для России, а восстание в Валахии он ставил в один ряд с европейскими револю-

¹⁰ Подробнее о теории заговора в связи с масонством и тайными обществами см.: *Roberts J.M. The mythology of the secret societies. L., 1973; Биберштайн И.Р. Миф о заговоре. Философы, масоны, евреи, либералы и социалисты в роли заговорщиков. СПб., 2010; Смит Д. Работа над диким камнем. Масонский орден и русское общество в XVIII в. М., 2007.*

¹¹ *Белюсов М.С., Абдуллаев Я.С. Первые испанские революции и правящие круги Российской империи // Российская история. 2021. № 1. С. 46–57.*

¹² Сборник Императорского Русского исторического общества (далее – Сборник ИРИО). Т. 78. СПб., 1891. С. 64; *Фадеев А.В. Указ. соч. С. 115. О деятельности Киселёва на посту начальника штаба 2-й армии см.: O'Meara P. General P.D. Kiselev and the Second Army HQ at Tul'chin, 1819–1829 // Slavonic and East European Review. Vol. 88. 2010. № 1/2. P. 261–290.*

¹³ ОР РНБ, ф. 859, к. 9, д. 13, л. 60 об.

¹⁴ Сборник ИРИО. Т. 78. С. 84, 106.

¹⁵ Там же. Т. 73. СПб., 1890. С. 154.

¹⁶ Там же. Т. 78. С. 246–247.

циями. «По известиям Вашим о происшествиях в Турине весьма ясно, чего ожидать следует, — делился он своими соображениями с кн. П.М. Волконским 25 марта (6 апреля) 1821 г. — Бунтовщики могут действовать в тыл австрийцам, коих войска, посланные к Неаполю, едва ли достаточны будут уничтожить и неаполитанскую армию. Заключение Ваше на счёт ненадёжного положения Франции и даже Германии не подлежит сомнению... Прибавьте к этому происшествие, Вам, конечно, уже известное, о беспокойствах в Молдавии и Валахии: будут ли равнодушно смотреть на это турки?.. Словом, больших происшествий ожидать должно, и благоразумная предусмотрительность требует брать заблаговременно меры»¹⁷.

Конспирологическая риторика была характерна и для члена Государственного совета гр. П.Х. Витгенштейна, командовавшего 2-й армией, которая дислоцировалась на границе с Османской империей. Он не скрывал своей симпатии к грекам¹⁸. Вместе с тем в переписке с гр. Ф.В. Остен-Сакеном 24 апреля 1821 г. гр. Витгенштейн отзывался о Владимиреску как о «карбонарии», пусть и поднявшем изначально бунт против валашского боярства, а не султана¹⁹. Любопытно, что к данному письму прилагалась «Записка о греческом восстании 1821 г.», в которой описывалось устройство «могущественной» и «многочисленной» «Филики Этерии». При этом постоянно проводились аналогии с масонскими ложами, а само тайное общество изображалось настоящим демиургом революции. Именно его лидеры, по словам автора записки, воспользовавшись удачным стечением обстоятельств, произвели «возмущение в Греции ныне случившееся»²⁰.

Как результат деятельности тайных обществ рассматривал греческое восстание и генерал-майор кн. Н.Р. Кантакузен, желавший через Киселёва, ходатайствовавшего за него в 1822 г. перед кн. Волконским, добиться милости Александра I. Павлу Дмитриевичу кн. Кантакузен рассказывал, что его обманом втянули в этеристское дело и теперь ему грозит месть заговорщиков, защитит от которой может только монарх²¹. 16(28) января 1822 г. кн. Кантакузен писал, что своими корнями «Филики Этерия» уходит во времена Французской революции, но создано общество было лишь в 1816 г., явно «в масонском жанре», причём при наборе новых членов его лидеры демонстрировали «суеверие и притворство»²². Долгое время конспираторы собирали деньги, вербовали агентов и осознанно готовили революцию, возглавить которую предстояло кн. Ипсиланти. Но тому не удалось договориться о совместных действиях с Владимиреску, сказавшись его «вероломство», а когда он узнал, что «система греческой Этерии в этих двух княжествах оказалась разрушена», то вместе с братьями бежал в Австрию²³. Тем самым ответственность за начало греческой революции генерал перекладывал на тайное общество «масонского жанра».

Схожие суждения высказывали и служащие МИД. Как вспоминал Д.Н. Свербеев, начинавший свою карьеру по дипломатическому ведомству, в 1821–1822 гг. он верил в «солидарность филэллинов и их главного женеvско-

¹⁷ Там же. Т. 73. С. 151.

¹⁸ *Bitis A.* The Russian army and the Eastern question, 1821–1834. Ph.D. Diss. L., 2000. P. 62.

¹⁹ ОР РНБ, ф. 859, к. 9, д. 13, л. 20.

²⁰ Там же, л. 26 об.—28 об.

²¹ Там же, л. 61–62 об.

²² Там же, л. 44 об.

²³ Там же, л. 39–41 об.

го комитета с карбонарами и революционерами всех цветов». Более того, по его словам, и Александр I подозревал «по внушениям из Вены, что возмущение греков было в связи с итальянской тогдашней небольшой революцией». Со временем Свербеев изменил свою позицию. Уже в 1823 г. его смутила беседа между консервативно настроенными французским и баварским посланниками в Швейцарии, которые, желая побороть «тайные общества, скрытно действующие против свободы народов», поддерживали самые радикальные антиконституционные меры. А в 1825 г. гр. Каподистрия предоставил Свербееву, в то время — атташе русского представительства в Женеве, протоколы женеvских собраний «Филики Этерии». Убедившись при их чтении, что «общество филэллинов... не имело ни малейшей связи со всеми другими разрушительными обществами, как, напри[m]ер, председательствуемvм Лафайетом *Comité Directeur*, существование коего подразумевалось в Париже, или с вентами итальянских карбонари и скрывающихся в Германии их адептов», Свербеев даже пытался переслать эти протоколы гр. Нессельроде, надеясь через него повлиять на царя²⁴.

Глава русской миссии в Константинополе в 1816–1821 г. барон Строганов, получив известие о восстании кн. Ипсиланти, направил ему 6(18) марта 1821 г. письмо, в котором порицал действия молодого генерал-майора, называя их «порождением разрушительных принципов», противоречащих политике Александра I, и призывал его «прекратить гражданскую войну» и «остановить кровопролитие»²⁵. 18(30) марта барон также направил ноту турецкому правительству, предупреждая Порту о разгорающейся революции. В ней, как и в похожих по содержанию обращениях к великому визирю, он выражал презрение к бунтовщикам и убеждал советников султана наказать виновных²⁶. Даже в ультиматуме, врученном 18(30) июля и содержавшем требования очистить княжества от османских войск и возобновить навигацию в проливах, говорилось о том, что император не сочувствует мятежу, решительно осуждая «действия зачинщиков революции» и их «пагубные заблуждения», направленные на расшатывание государственного порядка как в Турции, так и в Европе²⁷.

Поццо-ди-Борго, считавшийся одним из самых последовательных сторонников урегулирования кризиса на Балканах без участия европейских держав, 7(19) августа 1821 г. сообщал Нессельроде о позиции прусского правительства: «Рассматривая греческое восстание в его связи с тем духом вольнодумства, который нарушает и ставит под угрозу социальный порядок в Европе, берлинский двор всё же проводит справедливое различие между положением и кознями тех людей, которые сеют смуту... и положением греков-христиан, находящихся в рабстве у турок — варваров и мусульман. С точки зрения всеобщей политики, в этом восстании можно усмотреть новые опасности, которые необходимо отвратить»²⁸. Гр. Ливен в своём донесении в Петербург 27 ноября (9 декабря) 1821 г. привёл слова лорда Каслри о том, что «восстание в Греции

²⁴ *Свербеев Д.Н.* Мои записки / Отв. ред. С.О. Шмидт. М., 2014. С. 329–330, 334, 348.

²⁵ Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы российского Министерства иностранных дел. Сер. 2 / Отв. ред. А.Л. Нарочницкий (далее — ВПР). Т. 4(12). М., 1980. С. 50; *Prokesh-Osten A.* Geschichte des Abfalls der Griechen vom türkischen Reiche im Jahre 1821 und der Grundung des hellenischen Koingreiches. Aus diplomatischem Standpuncte. Bd. 3. Wien, 1867. S. 70.

²⁶ РГИА, ф. 1630, оп. 1, д. 127, л. 1 об.—3. См. также: Там же, ф. 1040, оп. 1, д. 81.

²⁷ *Апу Г.Л.* Этеристское движение в России... С. 311; *Prokesh-Osten A.* Op. cit. Bd. 3. S. 100.

²⁸ ВПР. Сер. 2. Т. 4(12). С. 252.

при его нынешнем состоянии создаёт своего рода прибежище для мятежников всех стран». Со своей стороны, граф также проводил черту между «законными интересами угнетённых греков, имеющих в силу договоров право взывать к России о заступничестве, и преступниками, выступающими ныне под знаменем мятежа в едином строю с возмутителями спокойствия Европы»²⁹.

Посланник в Турине Г.Д. Мочениго 3(15) сентября 1821 г. ожидал, что «сила возмущения в Греции заставит главарей вспыхнувшего восстания вступить в сношения с вожаками мятежников в Италии и Испании»³⁰. В том, что смута в Греции наверняка эксплуатируется европейскими революционерами для распространения своих возмутительных теорий, не сомневался и русский посланник в Берлине барон Д.М. Алопеус. Вместе с тем он напоминал, что восставшие греки — это «народ, который может иметь свои недостатки, но несчастье и угнетение которого требуют уважения и сострадания»³¹. Татищев проявлял интерес к восточным делам ещё будучи посланником в Мадриде³². В 1821 г. он враждебно отзывался о политике Порты в отношении её христианских подданных, но одобрял жёсткие меры, принятые для борьбы с бунтовщиками³³. Возглавив в 1822 г. русское посольство в Вене, Татищев достаточно быстро сблизился с кн. К. Меттернихом и 25 марта (6 апреля) 1823 г. уверял Петербург, что «мы не имеем никакой причины не быть довольными точкой зрения венского кабинета на Восточный вопрос»³⁴. Судя по всему, он и сам тогда разделял позицию кн. Меттерниха, видевшего в греческой революции одну из главных угроз для легитимного порядка как в Османской империи, так и в Европе. Временно управлявший торговыми делами в Константинополе М.Я. Минчаки в 1824 г., сетуя на превращение Мореи в «окровавленного призрака», обрекающего себя на гибель, винил в этом «опасения, надежды, притязания и корыстные расчёты, порождённые революцией, которая разожгла такие страсти». Спасение Эллады от нараставшего хаоса он связывал с коллективным вмешательством великих держав³⁵.

Представления современников о событиях первой половины 1820-х гг. на Балканском полуострове ярко отразил «Исторический мемуар о происхождении и успехах Этерии», составленный в 1825 г. Д.В. Дашковым, бывшим недолгое время исправляющим должность управляющего делами константинопольской миссии, на основе заметок кн. А. Ханджери, гр. Булгари, купцов Мавро и Барби и др.³⁶ В нём происхождение «Филики Этерии» переносилось в эпоху

²⁹ Там же. С. 386.

³⁰ Там же. С. 285.

³¹ Собрание трактатов и конвенций, заключённых Россией с иностранными державами / Сост. Ф.Ф. Мартенс. Т. 7. СПб., 1885. С. 417.

³² Видимо, не случайно в его личном фонде сохранилась анонимная записка «Изложение средств, которые могут при нынешних обстоятельствах служить умиротворению Греции» (ОР РНБ, ф. 762, оп. 1, д. 83, л. 5). В ней воспроизводилось мнение, высказанное гр. Н.С. Мордвиновым в письме к барону Строганову 15(27) июля 1821 г. и позднее опубликованное: *La Pacification de la Grece* (№ 1196) // Архив графов Мордвиновых. Т. 6. СПб., 1902. С. 286–290.

³³ ОР РНБ, ф. 762, оп. 1, д. 85, л. 1 об.—2.

³⁴ Собрание трактатов и конвенций... Т. 4. Ч. 1. СПб., 1878. С. 322.

³⁵ ВПР. Сер. 2. Т. 5(13). М., 1982. С. 517–520. См. также его письмо к гр. Нессельроде 5(17) марта 1824 г.: Там же. С. 369.

³⁶ РГИА, ф. 1630, оп. 1, д. 168, л. 14–19 об. Записку кн. Ханджери, датированную 18 мая 1825 г., см.: Там же, л. 5–11. В материалах Н.К. Шильдера сохранилась копия записки Дашкова: ОР РНБ, ф. 859, к. 9, д. 13, л. 75–87.

Французской революции, а непосредственное основание в 1814 г. приписывалось членам «европейской революционной секты». При этом утверждалось, что первоначально это была типичная европейская революционная организация, которой руководили карбонарии, следовавшие якобинским правилам и статутам. Сменившие их затем греческие патриоты стремились уже к осуществлению национальных идей, но их методы оставались такими же антилегитимистскими. Образовав «секретный комитет в Вене», этеристы собирали деньги на «политический заговор», привлекали добровольцев из российской диаспоры, а с 1818 г. уже вели агентурную работу в Петербурге и даже пытались привлечь на свою сторону гр. Каподистрию. Именно они финансировали и организовывали восстание кн. Ипсиланти, который лишь осуществлял планы могущественного тайного общества. Однако его неудачный поход в Валахию подорвал репутацию и финансовые средства Этерии, уже не влиявшей на движение в Морее, и к 1825 г. переключившейся в основном на сбор пожертвований для повстанцев через свои европейские комитеты³⁷.

Остро реагировали на происходившие на Балканах события и высшие сановники империи, в частности, министр внутренних дел гр. В.П. Кочубей и министр духовных дел и народного просвещения кн. А.Н. Голицын, принадлежавшие к ближайшему окружению императора. Узнав о восстании кн. Ипсиланти, гр. Кочубей сразу же приказал градоначальникам Одессы и Таганрога гр. А.Ф. Ланжерону и П.А. Бабкову приостановить выдачу паспортов местным грекам, желавшим перейти границу с Турцией, поскольку «у императора вызовет чувство глубокого огорчения участие кого-либо из подданных в мятеже, который, вне зависимости от его причины, его величество никогда бы не смог одобрять в принципе»³⁸. 15(27) ноября 1825 г. в письме к герцогу А.Э. Ришелье граф утверждал, что царь, несмотря на притеснения христиан, не хотел разрушения Османской империи³⁹. Не одобрял восстания в Дунайских княжествах и кн. Голицын, в остальном сочувствовавший грекам и участвовавший в оказании им гуманитарной помощи. Ответственность за мятеж возлагалась им, как и другими, на тайные общества, а кн. Ипсиланти воспринимался как изменник, нарушивший клятву верности царю⁴⁰. Оказание помощи карбонариям и подобным им заговорщикам глава «сугубого Министерства» считал совершенно недопустимым⁴¹.

Бессарабский вице-губернатор Ф.Ф. Вигель впоследствии вспоминал про 1820-е гг.: «Вспыхнули Португалия, Неаполь, Сардиния, а в следующем году и Греция. Ещё скорее сие пагубное действие можно было сравнить с электрическим проводником, который в минуту пожирает великое пространство; ибо порывы бури, возникшей на берегах Таго, к концу года (хотя весьма слабо) отозвались и на берегу Невы». Восстание кн. Ипсиланти «совпадало с другими совершившимися на Западе, казалось, в тайной связи с ними и как бы продолжением мятежной цепи». Учитывая «демократический дух этого возмущения»,

³⁷ РГИА, ф. 1630, оп. 1, д. 168, л. 14 об.—15 об., 17—19.

³⁸ *Ари Г.Л.* Этеристское движение в России... С. 310.

³⁹ Сборник ИРИО. Т. 54. СПб., 1886. С. 634—635.

⁴⁰ *Ари Г.Л. И.* Каподистрия и греческое национально-освободительное движение 1809—1822 гг. М., 1976. С. 226—227.

⁴¹ О необходимости вооружённой борьбы со злом, уже «революционизировавшим три страны», Голицын много дискутировал с Александром I (*Николай Михайлович, вел. кн.* Император Александр I: опыт исторического исследования. Т. 1. СПб., 1912. С. 552).

поддерживать его было нельзя, тогда как жестокости турок, служившие одной из причин воинственности русского общества, Вигель связывал с тайными подстрекательствами «самих же либералов»⁴².

Талантливый рассказчик и внимательный наблюдатель И.П. Липранди, в начале 1820-х гг. служивший в Одессе чиновником по особым поручениям при гр. Воронцове, в своих позднейших записках отмечал, что «дерзкое предприятие этеристов» началось «в весьма ограниченном круге», который мемуарист называл не иначе, как «шайкой». Однако затем, нуждаясь в финансовых и людских ресурсах, оно быстро разрослось при попустительстве гр. Ланжерона и Н.Н. Инзова. Липранди подробно описал биографии разных членов тайного общества, подкуп ими местных чиновников, поиск денег и добровольцев для похода, предводитель которого «князь Александр был человеком вполне ничтожным, что из всех его действий и видно»⁴³. Тем самым перед читателями складывалась картина тщательно спланированной от начала и до конца военной революции⁴⁴.

Много внимания греческим делам всегда уделял А.С. Стурдза, вплоть до 1821 г. совмещавший литературную деятельность с исполнением обязанностей секретаря канцелярии гр. Каподистрии⁴⁵, потомок господарей Молдавии и грек-фанариот по матери. В составленном им 3(15) февраля 1821 г. тексте проекта царского рескрипта на имя гр. Каподистрии говорилось о разрушительной силе «таинственных и преобразующих» обществ, особенно карбонарских вент и иллюминатских сект, пытавшихся подорвать основы древних монархических устоев и всего социального и политического порядка в Европе. Возникновение «несметной толпы революционных клубов» напрямую связывалось в документе с масонскими ложами, распространившимися по всему континенту, включая Россию. Стурдза считал, что только строгий правительственный надзор за масонами мог предотвратить их соединение в полноценный «арсенал революционных фракций»⁴⁶.

Как установили Т. Прусис и С. Гервас, борьба в Греции являлась единственным случаем, когда гр. Каподистрия и его секретарь публично встали на сторону восстания против законной власти⁴⁷. Стурдза принадлежал к числу сторонников объявления войны Турции и создания независимого греческого государства⁴⁸. Однако обосновывалось это всё в том же конспирологическом духе. В переписке с графами Каподистрией и Нессельроде весной 1821 г.

⁴² Вигель Ф.Ф. Записки. М., 2000. С. 243, 266.

⁴³ РГИА, ф. 673, оп. 1, д. 234, л. 10.

⁴⁴ Там же, д. 237, л. 69–70 об.; д. 236, л. 13–17 об., 39–46, 71 об.–74. Об основных произведениях Липранди см.: Достян И.С. Русская общественная мысль и балканские народы. М., 1980. С. 201–207.

⁴⁵ Подробнее о нём см.: *Ghervas S. Alexandre Stourdza (1791–1854): Un intellectuel orthodoxe face a l'Occident.* Geneva, 1999; *Ghervas S. Réinventer la tradition: Alexandre Stourdza et l'Europe de la Sainte-Alliance.* P., 2008; *Martin A.M. Romantics, Reformers, Reactionaries: Russian Conservative Thought and Politics in the Reign of Alexander I.* DeKalb, 1997. P. 170–173; *Парсамов В.С.* Жозеф де Местр и Александр Стурдза: из истории религиозных идей александровской эпохи. Саратов, 2004. С. 5–21.

⁴⁶ Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН (далее – РО ИРЛИ), ф. 288, оп. 1, д. 25, л. 2–7.

⁴⁷ *Prousis Th. C. Aleksandr Sturdza: A Russian Conservative Response to the Greek Revolution // East European Quarterly.* Vol. 26. 1992. № 3. P. 320; *Ghervas S. Le philhellénisme d'inspiration conservatrice en Europe et en Russie // Peuples, états et nations dans le Sud-Est de l'Europe.* Bucharest, 2004. P. 103–110.

⁴⁸ РО ИРЛИ, ф. 288, оп. 2, д. 15, л. 5–8 об., 13–20 об., 21–24 об.

Стурдза доказывал, что греков нельзя уравнивать с испанскими или неаполитанскими революционерами, поскольку они не являлись подданными христианского монарха, а оставались рабами и данниками чужеземного мусульманского владыки, угнетавшего их народ более 400 лет⁴⁹. В записке «О греческих делах» 27 июля 1821 г. он признавал «возможность и даже правдоподобность» подготовки выступления кн. Ипсиланти руководящим комитетом в Париже, но ему казалось, что подобные «частные интриги» не имели значения на фоне основной причины восстания — стремления освободиться от жестоких, кровожадных и некомпетентных султанов и визирей, от турецкой тирании, и защитить от них свою родину и веру⁵⁰. Характерно, что тогда же в коротком литературно-публицистическом произведении «Греция в 1821 и 1822 году»⁵¹ Стурдза наделил одного из персонажей нарочито конспирологическими взглядами, согласно которым единственной причиной революции провозглашался заговор парижского комитета карбонариев, а греки приравнивались к его прихвостням. Его воображаемый корреспондент, наоборот, опровергал эти представления и раскрывал освободительный и религиозный характер начавшейся борьбы.

Гр. Каподистрия, этнический грек довольно свободолюбивых убеждений, в 1816–1822 гг. управлявший МИД вместе с гр. Нессельроде и, по мнению современников и исследователей, олицетворявший «либеральное» направление внешней политики Александра I, сильно переживал за судьбу своих соотечественников. Он не разделял взглядов руководителей «Филики Этерии»⁵², называя это тайное общество «сектой», видевшей в бунте против законной власти султана единственный способ освобождения Греции. Граф надеялся осуществить его под покровительством Российской империи после успешной русско-турецкой войны. Этеристам, по его мнению, следовало не поддаваться «гибельному заблуждению страстей», пожалеть «себя и их столько же несчастный, сколько и невинный народ... отказаться от своих революционных происшествий и жить по-прежнему под властью теперешних их правительств, пока Провидение не решит иначе»⁵³.

Действия кн. Ипсиланти застали гр. Каподистрию врасплох. Он не скрывал, что не понимает, «к чему всё это приведёт»⁵⁴. В частном письме к Стурдзе 30 марта (11 апреля) 1821 г. граф с явным огорчением отмечал: «В момент, когда Европе со всех сторон угрожают революционные взрывы, как не признать в том взрыве, который произошёл в княжествах, идентичный результат тех же самых интриг, которые навлекли на один из полуостровов несчастья войны и военной оккупации, а на другой — ещё более ужасный бич демагогического деспотизма»⁵⁵. 15 апреля он ставил перед бароном Строгановым вопрос: «Что станется со столькими несчастными, оказавшимися вовлечёнными в этот огромный заговор, от которого будет зависеть судьба Греции или Турецкой империи?». С лета 1821 г. активно добиваясь вступления России в войну с сул-

⁴⁹ Там же, д. 25, л. 29–32 об.; д. 28, л. 1–3.

⁵⁰ Там же, д. 22, л. 3; *Prousis Th. C. Aleksandr Sturdza...* P. 324.

⁵¹ [Stourdza A.] *La Grèce en 1821 et 1822. Correspondance politique publiée par un Grec.* P., 1823. P. 1–10, 13–30, 40–56, 78–81. Первая публикация появилась в 1822 г.

⁵² *Аруи Г.Л.* Новые данные об отношении царского правительства к «Филики Этерии» // Первый конгресс балканских исследований. Сообщения советской делегации. М., 1966. С. 8–15.

⁵³ Сборник ИРИО. Т. 3. СПб., 1868. С. 217, 370–372.

⁵⁴ *Аруи Г.Л. И. Каподистрия и греческое национально-освободительное движение...* С. 216.

⁵⁵ РО ИРЛИ, ф. 288, оп. 1, д. 185а, л. 2.

таном, гр. Каподистрия отнюдь не изменил своего отношения к революционерам. Они по-прежнему вызывали у него чувства ненависти и отвращения. В провале «вдохновителей этой великой катастрофы... Ипсиланти, Кантакузины, Суццо» граф видел заслуженное воздаяние свыше⁵⁶. В «Заметке для памяти», приложенной к письму генеральному консулу в Дунайских княжествах А.А. де Пини, 11(23) октября 1821 г. гр. Каподистрия размышлял о том, что грекам необходимо заручиться поддержкой Европы против турок, а для этого нужно отказаться от планов введения республиканского или представительного правления, избегая той «заразы», которую революции «внесли» в общественную жизнь⁵⁷. Так или иначе, призрак заговора тайных обществ часто тревожил гр. Каподистрию на исходе его службы в России, что отражалось в его официальных и частных, публичных и конфиденциальных текстах.

Но ещё более последовательно об ответственности тайных обществ за кровопролитие и беспорядки в Османской империи заявлял статс-секретарь гр. Нессельроде, которого в историографии принято считать одним из главных сторонников реакционного курса во внешней политике⁵⁸. Находясь вместе с императором на конгрессе в Лайбахе, граф 23 февраля (7 марта) 1821 г. писал де Пини, что «в Валахии, так же, как и в Мадриде, Лиссабоне и Неаполе, кучка изменивших присяге бунтовавших солдат открыла ворота и пыталась ввергнуть государство в руки Анархии. Там, как и здесь, предводители лицемерно выражали глубочайшее уважение к государю... стремясь в то же время захватить власть и осуществить свои планы переворота»⁵⁹. Гр. Ланжерону 2(14) апреля он сообщал, что за кн. Испиланти стоит греческое тайное общество, «так называемые “друзья”», — получившая «ужасное влияние» на Востоке «секта», члены которой «есть не только среди большого числа греческих офицеров и чиновников, а также натурализовавшихся и оставшихся торговцев, но и среди русских национальных агентов и купцов»⁶⁰.

В депеше, разосланной им 28 апреля (10 мая) 1821 г. российским представителям в Европе, категорически порицались все революционные движения, включая и восстание в Валахии⁶¹. В сентябре 1822 г., обращаясь в циркулярном письме к главам дипломатических ведомств великих держав, гр. Нессельроде указывал на то, что волнения в Греции являлись «исключительно делом рук сект заговорщиков, торжествующих в Испании и Португалии, одержавших временную победу в Италии и всё ещё пытающихся потрясти устои нескольких государств Европы»⁶². Летом 1824 г. он вновь напомнил Алопеусу, гр. Ливену, Поццо-ди-Борго и Татищеву о потенциальной опасности для России «последней из революций»⁶³. 18(30) декабря того же года граф делился с Алопеусом и Поццо-ди-Борго своими соображениями о необходимости скорейшего умиротворения Греции, дабы «революционная чума» не распространилась далее,

⁵⁶ *Ари Г.Л.* И. Каподистрия и греческое национально-освободительное движение... С. 217, 219.

⁵⁷ Там же. С. 245.

⁵⁸ См., в частности: *Шебунин А.Н.* Европейская контрреволюция первой половины XIX в. Л., 1925. С. 185–187; *Фадеев А.В.* Указ. соч. С. 63–64.

⁵⁹ Цит. по: *Фадеев А.В.* Указ. соч. С. 47. Копию депеши см.: *Prokesh-Osten A.* Op. cit. Bd. 3. S. 59.

⁶⁰ ОР РНБ, ф. 859, к. 9, д. 13, л. 5–5 об.

⁶¹ История внешней политики России. Первая половина XIX века (от войн России против Наполеона до Парижского мира 1856 г.). М., 1999. С. 191.

⁶² ВПР. Сер. 2. Т. 4(12). С. 584.

⁶³ Там же. Т. 5(13). С. 566.

в том числе и в Россию⁶⁴. Весной 1825 г. ему казалось, что «банкиры и либералы», снабжавшие греков деньгами и оружием и направлявшие к ним волонтеров, постепенно приобретут такое влияние на повстанцев, «которое кабинеты не смогут ни уменьшить, ни побороть». А это, вероятно, «приведёт к освобождению Греции от турецкого господства, но лишь для того, чтобы она подпала под ярмо людей, чьи усилия направлены всецело на ниспровержение социального порядка»⁶⁵.

О.В. Орлик отмечала, что со временем даже такой апологет реакции, как Нессельроде, стал склоняться к более решительной политике. Так, 6(18) августа 1825 г. в его инструкции Алопеусу, Поццо-ди-Борго и Татищеву рекомендовалось не принимать в расчёт доводы иностранных дипломатов, а 10(22) октября в одном из последних своих докладов Александру I он подверг резкой критике действия Австрии и интриги кн. Меттерниха⁶⁶. Но и тогда граф не переставал верить в мировой заговор тайных обществ и, в частности, в центральный комитет в Париже, который будто бы при помощи военных революций повсеместно распространял хаос, анархию и безначалие. В той же августовской инструкции 1825 г., направленной представителям России в Вене, Берлине и Париже, говорилось о «злосчастных волнениях», способных привести либо к «уничтожению христианского народа, обитающего на границе христианского мира», либо к губительной «победе такой власти, которая является по существу демократической и революционной»⁶⁷. Подобных представлений гр. Нессельроде придерживался и впоследствии. При Николае I он стал лишь менее зависимым от Меттерниха и более расположенным к активному поведению на международной арене⁶⁸.

Под сильным влиянием мифа о всеевропейском заговоре в начале 1820-х гг. находилось не только окружение российского императора, но и сам Александр I. Пытаясь оправдаться, кн. Ипсиланти 24 февраля (8 марта) отправил ему письмо, в котором объяснял свои мотивы и призывал царя стать «освободителем Греции»⁶⁹. Александр I был неприятно удивлён случившимся на Дунае. Прочитав послание своего бывшего флигель-адъютанта, ставшего предводителем повстанцев, он 10(22) марта, сообщил кн. Голицыну: «Независимо от того, что происходит в Пьемонте, в Валахии вспыхнуло восстание против власти Османской империи, и мы только что получили известие, что князь Ипсиланти... внезапно прибыл в Яссы и объявил тамошнему господарю, что он призван греками Эпира и Мореи... чтобы освободить их от владычества Порты... Но нет сомнения в том, что толчок к этому мятежному движению был дан тем же центральным комитетом в Париже, намеревавшимся этой диверсией спасти Неа-

⁶⁴ Там же. С. 658.

⁶⁵ Там же. Т. 6(14). М., 1985. С. 132–133.

⁶⁶ Орлик О.В. Россия в международных отношениях, 1815–1829: от Венского конгресса до Адрианопольского мира. М., 1998. С. 98–100.

⁶⁷ ВПР. Сер. 2. Т. 6(14). С. 236.

⁶⁸ О влиянии кн. Меттерниха на гр. Нессельроде см.: Кудрявцева Е.П. Два канцлера: Меттерних и Нессельроде // Вестник МГИМО-Университета. 2019. № 1(64). С. 45–58. Тем не менее составленная в 1830 г. в III отделении Собственной е.и.в. канцелярии «картина общественного мнения в 1829 году» сообщала императору, что в обществе гр. Нессельроде «всегда подозревают в тайной приверженности венскому кабинету и в предосудительной близости с Меттернихом и Лебцельтерном» (Граф А.Х. Бенкендорф о России в 1827–1830 гг. // Красный архив. 1930. Т. 1(38). С. 128).

⁶⁹ Prokesh-Osten A. Op. cit. Bd. 3. S. 61–62; Апу Г.Л. Россия и борьба Греции за освобождение: от Екатерины II до Николая I. М., 2013. С. 259–260.

поль и не допустить, чтобы мы уничтожили одну из синагог Сатаны, созданных исключительно для распространения антихристианской доктрины. Ипсиланти в письме, адресованном мне, открыто говорит, что он принадлежит к тайному обществу, образованному с целью спасения и возрождения Греции. Однако все эти тайные общества подчиняются центральному комитету в Париже. У революции в Пьемонте были аналогичные цели»⁷⁰.

14(26) марта в официальном письме, написанном гр. Каподистрией, царь обвинял мятежного князя в обмане своих соотечественников и заявлял, что этеристы не могут рассчитывать на какую-либо помощь России, «так как было недостойно его подрывать устои Турецкой империи позорной и преступной акцией тайного общества». Тем не менее поступок кн. Ипсиланти бросал тень на политику Петербурга и способствовал ухудшению русско-турецких отношений⁷¹. Поэтому весной 1821 г. Александр I требовал от барона Строганова не только оказать давление на султана и не допустить кровавых расправ над христианским населением, но и разъяснить позицию императора: «Пусть Порта знает, что мои принципы никогда не позволят мне поощрять восстание»⁷². На Веронском конгрессе осенью 1822 г. царь назвал революцию в Греции «преступным предприятием»⁷³. В ноябре 1822 г. он говорил виконту Ф.Р. де Шатобриану: «Более не может быть английской, французской, русской, прусской, австрийской политики; теперь есть лишь всеобщая политика, которая должна, ради всеобщего блага, совместно осуществляться народами и монархами. Я должен первым доказать свою приверженность принципам, на которых я основал союз. Для этого представился случай: греческое восстание. Ничто, казалось бы, не соответствует в большей степени моим интересам и интересам моих народов, чем религиозная война против Турции (так считает общественное мнение моей страны), но в пелопонесских беспорядках я усмотрел знак революции. Поэтому я предпочёл остаться в стороне. Королям должно быть позволено состоять в открытом союзе, защищающем от тайных обществ... Провидение дало мне 800 тысяч солдат не чтобы удовлетворять мои амбиции, а чтобы защищать религию, мораль и справедливость, и чтобы воцарился принцип порядка, на который опирается человеческое общество»⁷⁴.

Австрийский посланник в Петербурге гр. Л. Лебцельтерн в донесении кн. Меттерниху 2(14) августа 1824 г. характеризовал Александра I как одного из главных защитников спокойствия и порядка в Европе от революционной угрозы⁷⁵. Но сам Меттерних хорошо понимал страхи царя: «Он нуждается в со-

⁷⁰ Николай Михайлович, вел. кн. Император Александр I... Т. 1. С. 558. О том, что кн. Ипсиланти действует по указанию парижских революционеров «из всех стран», желавших «разорения всех тронов и ниспровержения общественного порядка» и попытавшихся таким образом «прийти на помощь своим братьям в Италии», летом того же года царь говорил французскому послу в Петербурге О. де Лаферроне (Там же. Т. 2. СПб., 1912. С. 374–375).

⁷¹ Prokesh-Osten A. Op. cit. Bd. 3. S. 65–67.

⁷² ВПР. Сер. 2. Т. 4(12). С. 94.

⁷³ Рэй М.-П. Александр I. М., 2013. С. 380; Фадеев А.В. Указ. соч. С. 65. Делегации временного греческого правительства не позволили тогда принять участие в заседаниях как «совершенно недостойной симпатии» (Nichols I.C. The European Pentarchy and the Congress of Verona, 1822. The Hague, 1971. P. 254).

⁷⁴ Рэй М.-П. Указ. соч. С. 381; Шильдер Н.К. Указ. соч. Т. 4. С. 259; Николай Михайлович, вел. кн. Император Александр I... Т. 1. С. 295–296.

⁷⁵ Николай Михайлович, вел. кн. Донесения австрийского посланника при русском дворе Лебцельтерна за 1816–1826 гг. СПб., 1913. С. 161–162.

ветниках, ибо потерял всех своих советников; на Каподистрию он смотрит, как на вождя карбонариев; он не доверяет своей армии, своим министрам, своему дворянству, своему народу... А знаете ли Вы единственный истинный мотив нежелания императора Александра видеть хотя бы один только корпус армии, всего десять тысяч человек, расположенным за границей? Это — его убеждение, что корпус перейдёт на сторону врагов, настолько либеральная работа бравых ребят, окружавших государя, разложила эту самую армию»⁷⁶. В 1825 г., уже склоняясь к вооружённому вмешательству в греческие дела, Александр I, судя по его циркулярному обращению 4(16) апреля к союзным монархам, руководствовался не только чувством христианского человеколюбия, но и стремлением устранить революционную угрозу, исходившую от восставших⁷⁷.

В самом начале кризиса царь достаточно чётко сформулировал свою позицию: «Если мы ответим туркам войною, парижский главный комитет восторжествует, и ни одно правительство не останется на ногах. Я не намерен предоставить свободу врагам порядка»⁷⁸. Тогда ему казалось, что турки сами справятся с инсургентами и ввязываться в конфликт не стоит. Но к 1825 г. он убедился в том, что прекратить беспорядки на Балканах и потушить в Греции «пожар мировой революции» можно лишь силой великих держав. Таким образом, наметившийся поворот во внешней политике России был обусловлен не противоборством партий «мира» и «войны» или сугубо дипломатическими причинами (соперничество с Англией и разочарование в механизме коллективной безопасности), а внутренней логикой тех конспирологических соображений и страхов, которые высказывались в 1820-х гг. практически всеми высокопоставленными сановниками, независимо от их политических или ведомственных разногласий.

⁷⁶ Цит. по: *Шебунин А.Н.* Указ. соч. С. 180.

⁷⁷ *Дебидур А.* Дипломатическая история Европы. Т. 1. М., 1947. С. 246. *Prokesh-Osten A.* Op. cit. Bd. 4. Wien, 1867. S. 153–157.

⁷⁸ Цит. по: *Андреева Т.В.* Тайные общества в России в первой трети XIX в. Правительственная политика и общественное мнение. СПб., 2009. С. 504.

«Моральный барьер прусским насилиям». Политика России на завершающем этапе объединения Германии (1866–1870)

Александр Медяков

«A moral barrier to Prussian violence».
Russian policy during the final stage of the German Unification
(1866–1870)

Aleksandr Medyakov

(Lomonosov Moscow State University, Russia)

DOI: 10.31857/S0869568722050089, EDN: KLDRDK

Центральное место в германской политике Российской империи занимали отношения с двумя немецкими великими державами¹. А одной из их основ долгое время являлась, по выражению немецкого историка К. Цернака, «негативная политика в отношении Польши» (*negative Polenpolitik*)². Уже само соучастие в разделах Польши создавало определённую общность интересов трёх стран³. Опыт Крымской войны и «военной тревоги», пережитой Россией в связи с польским восстанием 1863 г., убеждал в верности стратегических соображений, сформулированных в 1865 г. кн. А.М. Горчаковым: «Германия – это дорога Польши. Мы должны были желать, чтобы согласие между двумя великими немецкими державами не было нарушено, потому что мы не могли бы принять сторону одной без того, чтобы не бросить другую в объятия наших противников. Мы должны были желать, чтобы Германский союз не был поколеблен, потому что междуусобная война открыла бы двери иностранной интервенции, которая могла бы захватить и Польшу»⁴. Вместе с тем, как видно из этой формулировки, за десять месяцев до начала австро-прусской войны перспектива создания единого германского государства в Петербурге ещё не просматривалась. Когда же она стала обозначаться яснее, русские дипломаты начали всё более чётко противиться подобным планам Пруссии, даже несмотря на возникавшую в случае их осуществления возможность наглухо закрыть «дорогу Польши».

В центре германской политики России после окончания австро-прусско-датской войны 1864 г., в ходе которой кн. Горчаков по мере сил старался сдерживать прусские амбиции, находилось обсуждение дальнейшей судьбы уже

© 2022 г. А.С. Медяков

¹ Об освещении в научной литературе позиции, занятой Россией в период объединения Германии, и, в частности, о распространённых представлениях о «благожелательном нейтралитете» Петербурга и будто бы обеспечивших его «сделках» подробнее см.: *Медяков А.С. «Русская благодарность»? Русско-прусские отношения 1863–1864 гг. и их оценка в историографии // Российская история. 2021. № 6.*

² См.: *Zernack K. Polen in der Geschichte Preußens // Handbuch der preussischen Geschichte / O. Büsch (Hrsg). Berlin; N.Y., 1992.*

³ Так, старший советник МИД барон А.Г. Жomini отмечал важность «солидарности интересов между нами, Пруссией и Австрией, которая была создана политикой императрицы Екатерины через систему Раздела» (ГА РФ, ф. 828, оп. 1, д. 1360, л. 3).

⁴ Россия и Пруссия в Шлезвиг-Гольштинском вопросе / Публ. С. Лесника и Е. Моравской // Красный архив. 1939. № 2(93). С. 107.

оторванных от Дании Шлезвига и Гольштейна. Императорское правительство желало, чтобы они, оставаясь в Германском союзе, были переданы герцогу П. Ольденбургскому, служившему олицетворением «исторического права и консерватизма»⁵. Александр II даже официально отказался в его пользу от наследственных прав собственной династии на герцогства⁶. Одновременно в Петербурге надеялись на то, что кандидатура герцога поможет нейтрализовать «тайные замыслы Пруссии»⁷. Кроме того, царь советовал своему прусскому «дяде и союзнику» искать компромиссное решение с Австрией, чтобы не подвергать опасности внутренний мир в Германии⁸. Возможность столкновения двух германских великих держав при этом явно недооценивалась, хотя даже трения между ними считались нежелательными, поскольку от них могли выиграть «революция»⁹ и Наполеон III, у которого, по мнению кн. Горчакова, та или другая сторона искали бы поддержки в случае обострения конфликта¹⁰. Так же полагал и император¹¹. Гаштейнскую конвенцию, поделившую 14 августа 1865 г. управление Гольштейном и Шлезвигом, соответственно, между Австрией и Пруссией, в России приняли сдержанно, видя в ней лишь временное решение¹².

С осени 1865 г. германская политика Петербурга всё более активно связывалась с попытками обеспечить «успокоение» на Востоке, избегая преждевременного конфликта на Балканах и ограничиваясь лишь моральной поддержкой местных христиан. В связи с этим особую тревогу вызывала «беспокойная политика» кн. А. Кузы в Дунайских княжествах, которая могла вынудить турок на ответные меры и тем самым привести в движение весь регион¹³. Кроме того, с охлаждением русско-французских отношений в начале 1860-х гг. в России росло опасение, что на Дунае появится враждебный ей «авангард Запада», как ещё в июле 1864 г. докладывал императору кн. Горчаков¹⁴. В ноябре 1865 г. русский вице-канцлер недвусмысленно указал Берлину на связь между изменениями на севере и на юге, заговорив о возможных компенсациях в случае тех или иных приобретений Пруссии на Балтике. При этом непосредственная цель его заключалась не в некоей сделке, а в том, чтобы посеять сомнения в полном невмешательстве России в шлезвиг-гольштейнские дела¹⁵. Тем не менее речь шла

⁵ ГА РФ, ф. 828, оп. 1, д. 1432, л. 166.

⁶ Там же, л. 230; ф. 722, оп. 1, д. 1155, л. 43–74; *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1863–1864 // Под ред. Л.Г. Захаровой. М., 2003. С. 533; Россия и Пруссия в Шлезвиг-Гольштейнском вопросе. С. 105–106.

⁷ На них, в частности, указывал вел. кн. Константин Николаевич, однако Александр II осенью 1864 г. оспаривал наличие у Берлина аннексионистских намерений (ГА РФ, ф. 678, оп. 1, д. 772, л. 56; *Dalwigk R.* Die Tagebücher aus den Jahren 1860–71. Stuttgart, 1920. S. 146).

⁸ ГА РФ, ф. 828, оп. 1, д. 1434, л. 168 и далее; *Revertera F.* Erinnerungen eines Diplomaten in St. Petersburg 1864–68 // *Deutsche Revue.* 1904. Bd. 2. S. 38; *Шнейерсон Л.М.* Австро-прусская война 1866 г. и дипломатия великих европейских держав: из истории «германского вопроса». Минск, 1962. С. 68.

⁹ В апреле 1865 г. император писал супруге, что «серьёзный конфликт между двумя великими германскими державами, который поделил бы Германию на два враждебных лагеря, был бы при- скорбным и пошёл на пользу только революции» (ГА РФ, ф. 728, оп. 1, д. 2475, л. 293).

¹⁰ Там же, ф. 828, оп. 1, д. 1434, л. 322 и далее.

¹¹ *Revertera F.* Op. cit. S. 39.

¹² ГА РФ, ф. 828, оп. 1, д. 1435, л. 265, 274.

¹³ Там же, д. 1360, л. 6, 23.

¹⁴ Там же, д. 1432, л. 304.

¹⁵ Там же, д. 1436, л. 83, 119.

и о содействии Пруссии на Востоке, где «пока эта помощь нам была меньше, чем ничего»¹⁶.

После свержения кн. Кузы в феврале 1866 г. прусская поддержка стала для Петербурга ещё более ценной. Страх превращения княжеств во «французский лагерь на Дунае» теперь усилился слухами о возрождении старых французских планов передать Молдавию и Валахию Австрии в качестве компенсаций за уступку итальянцам Венеции¹⁷. Между тем, по мнению кн. Горчакова, сохранение итальянских земель в австрийских руках имело принципиальное значение, как «подобие Польши» («*une espèce de Pologne*»), поскольку наличие этих владений препятствовало смещению центра тяжести интересов монархии Габсбургов на восток¹⁸. В итоге подобная комбинация была объявлена Россией в европейских столицах поводом для войны¹⁹, а русскому послу в Константинополе поручили «раскрыть глаза турецким министрам»²⁰.

С марта 1866 г. по мере того, как отношения между Веной и Берлином обострялись, Петербург использовал все имевшиеся у него дипломатические рычаги для предотвращения войны, пытаясь опереться на «лояльность короля», чтобы умерить «амбиции Бисмарка». Когда Франц Иосиф попросил Александра II о посредничестве²¹, царь направил Вильгельму I письмо, указав в нём на те угрозы, с которыми столкнётся вся Европа в случае разрыва между Австрией и Пруссией, и будто бы даже получил обнадеживающий ответ²². Затем два месяца он склонял Вену и Берлин к примирению, а кн. Горчаков видел в этих действиях едва ли не единственную основу для серьёзных политических комбинаций²³. При этом вице-канцлер исходил из того, что «Бисмарк хочет войны» и «находит противодействие лишь в инстинктах короля»²⁴.

Особые надежды в Петербурге возлагали на идею обоюдного разоружения²⁵ и возмущались тем, что «друг Бисмарк не хочет кусать яблоко мира»²⁶. Недовольство вызывали и его проекты реформы Германского союза, по сути, разрушавшие данное образование²⁷. Австрию при этом кн. Горчаков считал «менее виноватой, но более неуклюжей» из-за того, что она спешила с мобилизацией и этим сблизжала позиции короля и гр. Бисмарка²⁸. Неудивительно, что император и его дипломаты поддержали обе инициативы коллективного вмешательства

¹⁶ Там же, л. 120.

¹⁷ Впрочем, кн. Горчаков не исключал, что эти слухи умышленно распускались гр. Бисмарком, дабы усилить недоверие между Веной и Петербургом (Там же, д. 1437, л. 88 и далее). О проектах обмена Дунайских княжеств на Венецию см.: *Senner M.* Die Donaufürstentümer als Tauschobjekt für die österreichischen Besitzungen in Italien (1853–1866). Stuttgart, 1988.

¹⁸ ГА РФ, ф. 828, оп. 1, д. 1438, л. 204.

¹⁹ Там же, д. 1437, л. 238, 246; АВПРИ, ф. 137, оп. 475, д. 55, л. 7, 30; *Revertera F.* Op. cit. S. 139.

²⁰ ГА РФ, ф. 828, оп. 1, д. 1438, л. 212.

²¹ *Quellen zur Geschichte des Weimarer und Berliner Hofes in der Krisen- und Kriegszeit 1865/67 / W. Steglich (Hrsg.).* Bd. 2. Frankfurt a/M, 1996. S. 1–33.

²² *Die auswärtige Politik Preußens 1858–1871* (далее – APP). Bd. VI. Oldenburg, 1939. S. 703; ГА РФ, ф. 828, оп. 1, д. 1438, л. 250, 312; *Denkwürdigkeiten des Botschafters General v. Schweinitz.* Bd. 1. Berlin, 1927. S. 201.

²³ ГА РФ, ф. 828, оп. 1, д. 1438, л. 320.

²⁴ Там же, л. 133.

²⁵ Подробнее см.: *Шнеерсон Л.М.* Указ. соч. С. 115.

²⁶ ГА РФ, ф. 828, оп. 1, д. 1438, л. 107; *Revertera F.* Op. cit. S. 131.

²⁷ *Les origines diplomatiques de la guerre de 1870–1871.* Т. 8. P., 1914. P. 212–213, 251; *Quellen zur Geschichte...* S. 12; *Denkwürdigkeiten des Botschafters...* Bd. 1. S. 206.

²⁸ *Les origines diplomatiques...* Т. 9. P., 1914. P. 15.

в австро-прусский спор: и лондонскую идею совместного выступления представителей Франции, Англии и России в столицах трёх потенциальных участников войны с призывом к разоружению, и поступившее из Парижа предложение созвать конгресс великих держав²⁹.

22 мая 1866 г., анализируя во всеподданнейшем докладе сложившееся положение, кн. Горчаков утверждал, что для России выгоднее всего было бы допустить войну между соседними странами, «которые оплачивают услуги лишь неблагодарностью», и тем самым ослабить их, но только при условии, если бы затем удалось сохранить влияние на определение результатов конфликта. Однако это не представлялось возможным. Победа Берлина казалась князю нежелательной, так как она привела бы не только к увеличению Пруссии, но и к распаду Австрии, а это неизбежно вызвало бы дестабилизацию на Балканах. Отсюда делался вывод, что «единственным благоприятным шансом, который могла бы дать нам война, является триумф Австрии как в Германии, так и в Италии». Но в этом случае трудно было просчитать подозрительную политику Франции. Поэтому войне следовало предпочесть мир, используя для его достижения назначенный конгресс³⁰, на котором, как полагал вице-канцлер, мог бы возникнуть союз трёх негерманских держав для сдерживания бисмарковского натиска. Французскому послу кн. Горчаков прямо говорил тогда, что усиление Пруссии в конечном счёте не выгодно «ни вам, ни нам»³¹.

1 июня Вена отклонила приглашение на конгресс, и война стала неизбежной. Ещё в начале 1866 г. Александр II решил в этом случае соблюдать строгий нейтралитет³², согласившись по просьбе австрийцев не объявлять о нём заранее, дабы дополнительно не поощрять Пруссию³³. Вместе с тем в Петербурге не до конца осознавали далекоидущие цели политики гр. Бисмарка и ожидали, что приблизительное равенство сил противников после первых же сражений заставит их вступить в переговоры, в которых будут участвовать и нейтральные державы³⁴.

С начала войны и вплоть до решающего сражения при Садовой (Кёниггреце) кн. Горчаков сосредоточился на «выведении из апатии» Англии³⁵. 2 июля вице-канцлер предложил императору создать «моральный барьер прусским насилиям» с помощью коллективного демарша представителей нейтральных стран в Берлине. Российские дипломаты в Лондоне, Париже и Берлине получили указание заняться его подготовкой³⁶.

От «доброжелательности» к Пруссии были весьма далеки и настроения, преобладавшие в правящих кругах России, где многие едва скрывали симпатии к Австрии³⁷. Кн. Горчакова обрадовала победа австрийцев над итальянски-

²⁹ Ibid. P. 17, 47.

³⁰ ГА РФ, ф. 828, оп. 1, д. 1438, л. 250–259.

³¹ Les origines diplomatiques... Т. 9. P. 90.

³² ГА РФ, ф. 828, оп. 1, д. 1437, л. 18.

³³ Там же, л. 181. См. также: *Mosse W.E. The European Powers and the German Question 1848–1871.* N.Y., 1958. P. 224.

³⁴ АВПРИ, ф. 137, оп. 475, д. 55, л. 32; ГА РФ, ф. 828, оп. 1, д. 1438, л. 369; *Шнейерсон Л.М.* Указ. соч. С. 202.

³⁵ ГА РФ, ф. 828, оп. 1, д. 1439, л. 78, 104, 109.

³⁶ Там же, л. 150–156.

³⁷ Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел, в двух томах / Под ред. П.А. Зайончковского. Т. 1. М., 1961. С. 132. Тем не менее В.С. Дударев считает, что именно наличие противоречий с Австрией помешало России оказать активное сопротивление Пруссии, а поражение Вены

ми войсками при Кустоцце, и он выражал надежду на то, что подобные успехи на севере позволят «поставить заслон прусской заносчивости»³⁸. Действия гр. Бисмарка, направленные на «революционизирование» венгров, и его попытки вовлечь в войну Сербию вызывали раздражение³⁹. «Вести переговоры с венгерскими эмигрантами — значит протягивать руку революции, и это [делает] он, человек консервативного принципа *par excellence*», — негодовал кн. Горчаков⁴⁰.

Катастрофическое поражение Австрии и её союзников 3 июля при Кёниггреце, разрушившее расчёты на затяжной характер войны, в Петербурге встретили с большим разочарованием. На следующий день вел. кн. Константин Николаевич записал в дневнике: «К 5 часам Саша приехал к нам обедать и привёз первую депешу об огромной победе вчера пруссаков около Кёниггреца. Ужасная досада»⁴¹. Сам император писал супруге о «бедных австрийцах»⁴². Кн. Горчаков утешал австрийского посланника гр. Ф. Ревертеру, заявляя о своём сочувствии и надеждах на лучшее⁴³. Другим ударом стало обращение Франца Иосифа за посредничеством к Наполеону III, фактически оставлявшее Россию и Англию в стороне от урегулирования конфликта. «Это ещё больше внушит Напи (Наполеону III. — *А.М.*), что он единственный арбитр в мире!», — возмущался Александр II в письме к императрице Марии Александровне⁴⁴. Выражал недовольство и кн. Горчаков⁴⁵. «Непостижимый демарш Австрии» породил также определённые подозрения. Кн. Горчаков полагал, что теперь Париж получает «союзника, географическое положение которого может быть очень пагубным для наших интересов»⁴⁶. А царь ещё до Кёниггреца допускал, что Франция может воспользоваться войной для нового вмешательства в польские дела⁴⁷. В дальнейшем подобные подозрения не только сохранялись, но и заметно влияли на политику России вплоть до завершения объединения Германии.

Изменившаяся в ходе войны ситуация вынуждала кн. Горчакова проявлять гибкость и ни в коем случае не отдаляться от Пруссии. Вместе с тем он долго не отказывался от идеи коллективного демарша, и лишь уклончивость Англии и недоверие к непредсказуемой политике Наполеона III заставили его пойти навстречу Пруссии. Но первой предпосылкой для этого должна была стать умеренность военных целей Берлина⁴⁸, уверенность в которой как раз отсутствовала. В Петербурге не принимали низведения германских монархов до роли «пруссских префектов» и возражали против исключения из их союза Австрии, допуская столь глубокие перемены только с санкции «Европы»⁴⁹.

воспринималось как наказание за «проявленную ею неблагодарность во время Крымской войны» (Дударев В.С. Бисмарк и Россия. 1851–1871. СПб., 2021. С. 331).

³⁸ *Revertera F.* Op. cit. S. 135; *Mosse W.E.* Op. cit. P. 238–239.

³⁹ *Gonda I.* Bismarck és az 1867-es osztrák-magyar kiegyezés. Budapest, 1960; *Јакшић Г., Вучковић В.Ј.* Спљна политика Србије за владе кнеза Михаила (Први балкански савез). Београд, 1963. С. 257.

⁴⁰ ГА РФ, ф. 828, оп. 1, д. 1439, л. 66.

⁴¹ Там же, ф. 722, оп. 1, д. 1157, л. 50.

⁴² Там же, ф. 728, оп. 1, д. 2475, ч. 3, л. 2.

⁴³ *Revertera F.* Op. cit. S. 135.

⁴⁴ ГА РФ, ф. 728, оп. 1, д. 2475, ч. 3, л. 9.

⁴⁵ *Revertera F.* Op. cit. S. 135; *Les origines diplomatiques...* Т. 11. Р., 1920. Р. 44.

⁴⁶ ГА РФ, ф. 828, оп. 1, д. 1439, л. 185.

⁴⁷ Об этом он, в частности, предупреждал наместника в Царстве Польском гр. Ф.Ф. Берга: ГА РФ, ф. 728, оп. 1, д. 2733, ч. 4, л. 18. См. также: Дневник П.А. Валуева... Т. 2. С. 135.

⁴⁸ ГА РФ, ф. 828, оп. 1, д. 1439, л. 210 и далее.

⁴⁹ Там же, л. 226, 239 и далее; *Quellen zur Geschichte...* S. 44.

В этой неясной ситуации Горчаков предпочитал «не сжигать корабли ни на одной стороне» и сохранять определённое равновесие в отношениях с Пруссией и Францией⁵⁰. Узнав в ходе обмена мнениями о готовности Парижа примириться с удалением монархии Габсбургов из Германии, вице-канцлер сообщил послу в Константинополе Н.П. Игнатьеву, что отныне «надевшая французскую ливрею» Австрия легко может быть задействована Наполеоном III в любых антирусских комбинациях, особенно в Польше и на Востоке⁵¹. У Певческого моста не хотели, чтобы, потеряв позиции в Германии, Вена полностью сосредоточила своё внимание на Балканах. К тому же безусловное доминирование в Германии одной великой державы явно нарушало европейское равновесие⁵². Поэтому, в отличие от Франции, в России желали сделать Австрию ведущей силой будущего Южного союза, который включал бы также Баварию, Вюртемберг и Баден и в какой-то мере мог уравнивать созданный Пруссией Северогерманский союз⁵³.

При этом в Петербурге по-прежнему пытались «европеизировать» внутригерманский конфликт. Создать коалицию нейтральных стран для воздействия на ход войны не удалось, но оставалась возможность повлиять на её результаты, вынеся их на рассмотрение «европейской конференции». Кн. Горчаков считал её созыв чем-то едва ли не само собой разумеющимся («*a matter of course*»)⁵⁴. Во всеподданнейшем докладе 23 июля 1866 г. и в инструкциях послам вице-канцлер выражал надежду на то, что благодаря этому итоги столкновения окажутся «смягчены», а пересмотр общих решений 1815 г. не будет отдан на усмотрение Пруссии и Франции⁵⁵. Царь также писал супруге: «Мне кажется, что всю эту путаницу нельзя прекратить иначе, чем конгрессом, ведь речь идёт о полной трансформации всего центра Европы»⁵⁶. В это время он резко осуждал «растущую заносчивость Пруссии»⁵⁷ и заявлял, что не позволит превратить себя в простого «регистратора» свершившихся событий⁵⁸. На следующий же день после подписания 26 июля Никольсбургского перемирия Россия направила Пруссии формальный запрос, выражая уверенность, что окончательное соглашение будет представлено на обсуждение европейского конгресса. Однако гр. Бисмарк соглашался на его созыв лишь в том случае, если он соберётся только для того, чтобы санкционировать заранее подготовленные и зафиксированные решения⁵⁹. По мнению кн. Горчакова, России, Англии и Франции следовало теперь потребовать участия в конгрессе «по своему праву» («*on their own right*»), «т.е. потому что они — великие державы, потому что они были главными архитекторами того здания, которое разрушают», — писал он барону Ф.И. Бруннову⁶⁰. Но ни

⁵⁰ ГА РФ, ф. 828, оп. 1, д. 1439, л. 245.

⁵¹ Там же, л. 232.

⁵² Там же, л. 246.

⁵³ «Европа пережила беспокойные времена». Переписка императоров Александра II и Наполеона III. 1856–1867 гг. / Публ. Л.А. Пуховой // Исторический архив. 2007. № 6. С. 173.

⁵⁴ ГА РФ, ф. 828, оп. 1, д. 1439, л. 317.

⁵⁵ Там же, л. 276–280; *Les origines diplomatiques...* Т. 11. Р. 193.

⁵⁶ ГА РФ, ф. 728, оп. 1, д. 2475, ч. 3, л. 9.

⁵⁷ Там же, ф. 722, оп. 1, д. 1157, л. 60.

⁵⁸ Там же, ф. 828, оп. 1, д. 1439, л. 301, 305.

⁵⁹ *Шнеерсон Л.М.* Указ. соч. С. 269; *The diplomatic reminiscences of Lord Augustus Loftus. 1862–1879.* Vol. 1. L.; P.; Melbourne, 1894. P. 102–108.

⁶⁰ ГА РФ, ф. 828, оп. 1, д. 1439, л. 321; *Les origines diplomatiques...* Т. 11. Р. 272; *Denkwürdigkeiten des Botschafters...* Bd. 1. S. 241.

в Париже, ни в Лондоне подобный взгляд поддержки не встретил. Фактически Петербург оказался в изоляции и вновь заговорил о повороте к «национальной политике», о том, что Россия не может одна отстаивать европейское право и отныне будет защищать лишь собственные интересы⁶¹. Какие именно и каким образом, при этом не уточнялось.

4 августа кн. Горчаков изложил барону Бруннову своё видение сложившейся ситуации и будущей политики империи. Не доверяя ни дружбе с Берлином, лишь «менее невыгодной» из-за её географического положения и старых симпатий, ни «переменчивым настроениям и тайным мыслям на берегах Сены»⁶², вице-канцлер выдвинул идею «малого равновесия» между Францией и Пруссией, которое, в отличие от разрушенного европейского равновесия, предполагалось сохранять и использовать исключительно в национальных интересах России⁶³.

В августе 1866 г. поездка прусского генерал-барона Э. фон Мантойфеля в Петербург вызвала в дипломатических кругах «некоторую сенсацию»⁶⁴. Сам выбор генерала с его давними русскими связями свидетельствовал о расположении к России⁶⁵, где с нетерпением ждали «нашего друга Эдвина», который должен был передать императору разъяснения прусского короля и гр. Бисмарка, касавшиеся нового положения дел в Германии, а также обсудить возможные способы компенсации нарушенного баланса сил. Упрёки Александра II, указывавшего в письмах к прусскому королю на нарушение прав немецких монархов⁶⁶, гр. Бисмарк отверг решительно и даже с несколько угрожающими интонациями⁶⁷. Однако он вновь высказал готовность идти навстречу русским пожеланиям, относившимся к пересмотру трактата 1856 г.⁶⁸ В беседах с бароном Мантойфелем кн. Горчаков не ставил под сомнение, что при очередном обострении восточного вопроса Пруссия возвысит свой голос в пользу России⁶⁹. Император поделился с генералом своими «личными мыслями», поручив ему устно передать их королю, и они, без сомнения, также подразумевали реализацию решений Парижского конгресса⁷⁰.

Пражский мир 23 августа 1866 г. существенно изменил ситуацию. Преобразования в Германии стали свершившимся фактом. Тем временем начавшееся в августе восстание на Крите заставляло Петербург опасаться различных альянсов на Востоке, в которые Франция могла втягивать Австрию или Пруссию. Учитывая эти обстоятельства, на Особом совещании, состоявшемся 6 октября в Царском Селе, какие-либо споры о трактатах 1866 г. решили отложить до лучших времён.

Теперь же оставалось только примириться с новой реальностью. Размышляя в письме к посланнику в Берлине П. П. Убри об имевшихся тогда у русской дипломатии возможностях, кн. Горчаков констатировал: «Чем больше я изучаю политическую карту Европы, тем более убеждаюсь, что серьёзная и интимная

⁶¹ Les origines diplomatiques... Т. 12. Р., 1921. Р. 210–211; Шнейерсон Л. М. Указ. соч. С. 302–303.

⁶² ГА РФ, ф. 828, оп. 1, д. 1439, л. 313, 327, 333.

⁶³ Там же, д. 1440, л. 19.

⁶⁴ The diplomatic reminiscences... Р. 139; Les origines diplomatiques... Т. 12. Р. 102.

⁶⁵ ГА РФ, ф. 828, оп. 1, д. 1440, л. 4.

⁶⁶ Quellen zur Geschichte... S. 47–51; APP. Bd. VIII. Oldenburg, 1934. S. 43.

⁶⁷ Bismarck O. Die gesammelten Werke. Bd. 6. Berlin, 1929. S. 120.

⁶⁸ Ibid. S. 115.

⁶⁹ АВПРИ, ф. 133, оп. 469, 1866 г., д. 66.

⁷⁰ APP. Bd. VIII. S. 43; Горяинов С. Босфор и Дарданеллы. СПб., 1907. С. 127–128.

антанта с Пруссией есть лучшая комбинация, если не единственная»⁷¹. В письме к гр. Бисмарку 15 октября вице-канцлер в самых решительных выражениях поддерживал дружеские отношения с Пруссией⁷². Австрия как потенциальный партнёр, напротив, быстро теряла значение. После войны её вес на международной арене значительно снизился. Ещё до Кёниггреца Александр II отметил на письме гр. Берга, упомянувшего о традиционной связи трёх «северных дворов»: «В настоящий момент Австрия не значит ничего»⁷³. К тому же, как сразу же после заключения Пражского мира признал русский посол в Вене гр. Э.Г. Стакельберг, потери в Италии и Германии делали её «хранителем ворот на Восток», противостоящим России⁷⁴.

Тем не менее в Петербурге не отказывались от идеи Южного союза, отводя в нём главную роль именно австрийцам, без которых, как ожидалось, подобная конфедерация будет поглощена Пруссией (во всяком случае, Александру II это представлялось «весьма вероятным»)⁷⁵. В отчёте МИД за 1866 г. кн. Горчаков развил целую «теорию» о «естественном» подразделении Германии на две части. Сосуществование Северогерманского союза Пруссии и Южного союза, ведомого Австрией, предоставляло будто бы Европе «гарантию против агрессивной державы в 40 млн человек» и одновременно не позволяло монархии Габсбургов сосредоточить все свои силы на Востоке. Но вместо того, чтобы сделать эту идею основой соглашения с Россией, Наполеон III предпочёл секретно договариваться с Пруссией⁷⁶.

На дальнейший процесс германского объединения под эгидой Пруссии в России смотрели ничуть не более доброжелательно, чем на его начало. Критское восстание, сербо-турецкие трения и попытка создания Первого балканского союза⁷⁷, обострение проблемы Боснии и Герцеговины, волнения в Дунайских княжествах⁷⁸ заставляли русских дипломатов опасаться скорого всеобщего взрыва на Балканах и отвлекали их внимание от постепенно нараставших на западе Европы франко-пруссских противоречий.

Не менее сложным оставалось положение Австрии. «Эта империя, — писал кн. Горчаков в апреле 1867 г., — занимает важное место в европейском равновесии, и её падение привело бы к опасной путанице. Мы должны желать её сохранения и, поскольку она существует, предпочитать отношения доброго соседства»⁷⁹. Между тем смещение центра тяжести австрийской политики на Балканы приобрело ещё более неблагоприятный для России характер вследствие преобразования в 1867 г. монархии Габсбургов в дуалистическую Австро-Венгрию⁸⁰. «Рост венгерского влияния и его вмешательство во все сферы может

⁷¹ ГА РФ, ф. 828, оп. 1, д. 1440, л. 116.

⁷² Там же, л. 148.

⁷³ Там же, ф. 728, оп. 1, д. 2742, ч. 4, л. 230–240.

⁷⁴ АВПРИ, ф. 133, оп. 469, д. 219, 1866 г., л. 187, 224.

⁷⁵ Там же, л. 179.

⁷⁶ Там же, ф. 137, оп. 475, д. 55, л. 50.

⁷⁷ *Жакшић Г., Вучковић В.Ј.* Ор. cit; *Медяков А.С.* Югославянская политика Андраши (1867–1871 гг.) // Центральная Европа в Новое и Новейшее время. М., 1998.

⁷⁸ *Чертан Е.Е.* Великие державы и формирование румынского независимого государства. Кишинёв, 1980.

⁷⁹ АВПРИ, ф. 137, оп. 475, д. 55, л. 71–72.

⁸⁰ О влиянии дуализма на внешнюю политику Франца Иосифа см.: *Медяков А.С.* Между Востоком и Западом. Внешняя политика монархии Габсбургов в первые годы дуализма (1866–1871). М., 2010.

быть гибельным для наших единоверцев и далее усиливать вражду между Австрией и нами», — докладывал гр. Стакельберг в феврале 1868 г.⁸¹ В то же время провозглашённый Россией «принцип невмешательства» воспринимался в Вене как поощрение балканских народов к восстанию, а состоявшийся в Москве «панславистский конгресс»⁸² и вовсе казался новому канцлеру Франца Иосифа гр. Ф.Ф. Бойсту⁸³ реальной угрозой безопасности двуединого государства.

Всё это способствовало укреплению крайне нежелательной для России связи между Францией и Австрией. Наполеон III стремился вовлечь Вену в орбиту своей антипрусской политики, а гр. Бойст, отчасти сочувствуя этому, не без успеха добивался поддержки Франции на Востоке. В Петербурге ясно понимали цели французского императора: «Союз с венским кабинетом разом отвечал бы его взглядам против нас и против Пруссии; он давал бы ему базу для действий в Польше и на Востоке; наконец, он открывал бы для него почву, где он надеется сблизиться с Англией»⁸⁴. Между Парижем и Веной шли тайные переговоры о заключении союза⁸⁵, и в Петербурге подозревали, что при этом намечалось либо восстановление «польской империи», либо образование большой центрально-европейской конфедерации с включением в неё польских земель⁸⁶.

В феврале 1868 г. в России получили от секретного агента план, согласно которому в случае войны на Рейне австрийские войска должны были перейти русскую границу и занять польские губернии для последующего восстановления Польши и включения её в состав монархии Габсбургов на таких же условиях, что и Венгрия⁸⁷. Под впечатлением от этого донесения Александр II в марте 1868 г. с усмешкой сообщил прусскому представителю, что «в Вене уже говорят о коронации Франца Иосифа в Варшаве». Тот сразу же ответил, что «солидарность Пруссии и России в отношении Польши непоколебима, как закон природы», и в таком случае прусские войска будут сражаться вместе с русскими⁸⁸.

Кн. Горчаков считал подобные замыслы нереалистичными, но всё же полагал необходимым учитывать их, допуская, что, спасаясь от гибели, «эта империя-гибрид» может пойти на любой риск⁸⁹. Вместе с тем в том же марте 1868 г. князь писал: «В целом мы не можем не понимать, что поглощение Германии Пруссией не в наших интересах. В этом отношении определённая общность взглядов должна нас сблизить с Францией». Однако поддержка ею польских повстанцев и эмигрантов и соперничество на Востоке привели к отчуждению между двумя империями. И до тех пор, пока Франция не давала гарантии прекращения своей враждебной политики, России следовало мириться с усилением Пруссии, с которой её связывали славные воспоминания, общие

⁸¹ АВПРИ, ф. 133, оп. 469, 1868 г., д. 149, л. 365. На донесении сохранилась помета Горчакова: «Да».

⁸² О Славянском съезде 1867 г. в Москве см.: Славянские форумы и проблемы славяноведения. М.; Ставрополь, 2008.

⁸³ Подробнее о нём см.: *Медяков А.С.* Граф Бойст: повороты судьбы главного противника Бисмарка // Новая и новейшая история. 2010. № 5.

⁸⁴ АВПРИ, ф. 137, оп. 475, д. 57, л. 4–5.

⁸⁵ Подробнее см.: *Медяков А.С.* Между Востоком и Западом...

⁸⁶ APP. Bd. VIII. S. 248; *Veuga D.* Russische Orientpolitik und die Entstehung des Deutschen Kaiserreiches 1866–1870/71. München, 1974. S. 48.

⁸⁷ АВПРИ, ф. 133, оп. 469, 1868 г., д. 149, л. 404–405; д. 151, л. 414.

⁸⁸ APP. Bd. IX. Oldenburg, 1936. S. 760.

⁸⁹ АВПРИ, ф. 133, оп. 469, 1868 г., д. 149, л. 404–405; д. 151, л. 414.

интересы в Польше, а также отсутствие всяких национальных предрассудков и противоречий на Востоке⁹⁰.

Таким образом, выбор, сделанный русским канцлером, не был ни безусловным, ни однозначным. «Союз сердец» марта 1868 г. — устная договорённость между Петербургом и Берлином о выставлении наблюдательных корпусов на границе с Австрией в случае австро-русского или франко-прусского конфликтов — отнюдь не означал предоставления Россией Пруссии свободы рук в борьбе с Францией. Соглашение мыслилось не столько перспективно, сколько ситуативно и объяснялось конкретным положением дел в Европе и прежде всего нарастанием кризиса на Балканах⁹¹, который, по словам гр. Стакельберга, ставил Россию перед жёсткой дилеммой: «Обнажить шпагу, не будучи готовыми, или потерять престиж»⁹². Показательно, что только российский посланник в Вене был полностью посвящён в ход совершенно секретных переговоров Убри с гр. Бисмарком. Ведь именно Австрии предназначалась роль вероятного противника России, тогда как «антифранцузская» часть соглашения являлась лишь своего рода платой за поддержку на Востоке. Более того, Горчаков, по собственному признанию, попытался «добавить неопределённости» в конкретные военные обязательства, утверждая, что сосредоточить 100 тыс. человек при сохранении остальной армии в состоянии мирного времени — слишком сложно и дорого. Но «император хотел быть более позитивным» и не стал сокращать первоначально оговоренную численность обсервационных войск⁹³.

Между тем к началу 1869 г. обстановка на Балканах в целом была нормализована, а угроза всеобщей войны — устранена. Всё это создавало основу для некоторого смягчения русско-австрийских отношений. Осенью 1869 г. при личной встрече в швейцарском местечке Уши гр. Бойст и кн. Горчаков постарались снять напряжение между империями⁹⁴. Однако это сугубо тактическое сближение никак не повлияло на уже устойчивую ориентацию России на Пруссию, а Австрии — на Францию.

Завершающий шаг в объединении Германии был сделан в 1870–1871 гг., когда возникла ситуация, предусмотренная соглашением 1868 г.: Пруссия оказалась в состоянии войны с Францией, соответственно, а России предстояло парализовать вступление в конфликт Австро-Венгрии.

России в австрийских военных планах действительно отводилось особое место, хотя гр. Бойст в своих мемуарах, а вслед за ним некоторые историки, отрицали её определяющее влияние на сохранение империей Габсбургов ней-

⁹⁰ Там же, ф. 137, оп. 477, д. 56, л. 4–6. Австрийский посланник в Петербурге ещё 8 мая (26 апреля) 1867 г. сообщал гр. Бойсту: «Русское правительство не желает, чтобы прусская держава обосновалась в центре Европы без всякого противовеса. Независимые аллюры Бисмарка дали ему достаточно понять, что в тот день, когда Пруссия освободится от всех стеснений, связанных с её тревогами в отношении Австрии и Франции, она может стать для России неудобным соседом» (Haus-, Hof- und Staatsarchiv Wien (далее — HHStA), PA, X, 58).

⁹¹ АВПРИ, ф. 133, оп. 469, 1868 г., д. 87, л. 123; APP. Bd. X. Oldenburg, 1939. S. 759–760.

⁹² АВПРИ, ф. 133, оп. 469, 1868 г., д. 149, л. 425. Кн. Горчаков обратил внимание на эту фразу, оставив помету: «Весьма верно».

⁹³ Там же, ф. 172, оп. 514/2, д. 71, л. 247.

⁹⁴ Там же, ф. 133, оп. 469, 1869 г., д. 41, л. 227–229. Характерно, что Александр II отнёсся к этим переговорам весьма сдержанно, отметив: «Факты покажут нам, насколько уверения Бойста могут иметь ценность для нас» (Там же).

тралитета⁹⁵. Объясняя в Париже свою политику, граф заявил: «Мы знаем... что Россия... немедленно вступит в действие, если мы возьмёмся за оружие... Русский нейтралитет зависит от нашего»⁹⁶. Вюртембергский представитель в Вене писал, что «здесь в настоящее время вся политическая ситуация сводится к возможной позиции русского правительства по отношению к франко-германской войне и к вытекающим для Австрии последствиям»⁹⁷. Поведение России считал главной причиной австрийского нейтралитета и прусский посланник в Петербурге⁹⁸. Но несмотря на это, выжидая, австрийцы активно вооружались и надеялись на продолжительную войну, на исходе которой рассчитывали вмешаться и сказать решающее слово. Гр. Бойст писал: «Через четыре или пять месяцев, когда время года защитит нас от передвижений русских войск, мы, возможно, сможем говорить по-другому... слово “нейтралитет”, которое мы произнесли не без сожалений, является лишь средством приблизиться к истинной цели австрийской политики»⁹⁹. В черновике личного послания Франца Иосифа Наполеону III вполне определённо выражалось намерение «помочь Вашему величеству восстановить равновесие, нарушенное событиями 1866 г.»¹⁰⁰. Насколько это было связано с тем, что русское вето прозвучало недостаточно громко?

На принятие политических решений в Петербурге влияли несколько важных и часто разнонаправленных факторов. С осени 1866 г., несмотря на очевидную близость с Пруссией, кн. Горчаков стремился сохранить определённое равновесие между Берлином и Парижем, с которым он всё же надеялся со временем наладить сотрудничество. Однако Франция, постоянно указывая на общую заинтересованность в ограничении быстрого роста прусской мощи, оказалась не готова к уступкам России на Востоке. Особую роль в Петербурге отводили южногерманским государствам, они рассматривались как своеобразный барьер для дальнейшего увеличения Северогерманского союза. При этом сказывались и родственные связи императорской семьи с Вюртембергом и Гессен-Дармштадтом. Беседуя в конце июня 1870 г. с вюртембергским премьер-министром Ф.Г.К. Фарнбюлером, царь заявил, что «пока он жив, *он не допустит аннексии государств Южной Германии Пруссией* (выделено в тексте. — А.М.)»¹⁰¹. Из разговоров с гр. П.А. Шуваловым и другими русскими гостями, сопровождавшими Александра II в поездке по Германии, баварский посланник также сделал вывод, что «если Южная Германия сама не сдастся и не впадёт в национал-либерализм, её доброе дело всегда найдёт симпатии по всей Европе»¹⁰². Так воспринималось положение дел за три недели до начала войны.

Конечно, в России не могли не понимать, что дальнейшие победы Берлина резко изменили бы европейское равновесие в пользу Пруссии, могущество которой лишило бы Петербург былого влияния в Германии, после чего и южногерманские государства, вероятно, потеряли бы свою независимость. Но

⁹⁵ *Beust F.F.* Aus Drei-Viertel Jahrhunderten. Erinnerungen und Aufzeichnungen. Bd. II. Stuttgart, 1887. S. 394; *Beyrau D.* Op. cit. S. 201.

⁹⁶ *Vitzthum von Eckstädt K.F.* Denkwürdigkeiten 1866 bis 1873. Manuscript. Dresden, 1894. S. 199.

⁹⁷ Hauptstaatsarchiv Stuttgart (далее — HStA St), E 40/72, Bü. 453.

⁹⁸ Denkwürdigkeiten des Botschafters... Bd. I. S. 265.

⁹⁹ *Vitzthum von Eckstädt K.F.* Op. cit. S. 198–205.

¹⁰⁰ Die Rheinpolitik Kaiser Napoleons III. von 1863 bis 1870 und der Ursprung des Krieges von 1870/1871 / H. Oncken (Hrsg.). Bd. III. Berlin; Leipzig, 1926. S. 475–476.

¹⁰¹ *Ibid.* S. 401, 406–408.

¹⁰² Bayerisches Hauptstaatsarchiv München (далее — BHStA), Gesandtschaft Stuttgart, 234.

ещё опаснее оказалось бы поражение пруссаков, в этом случае Россия могла столкнуться с двумя враждебно настроенными по отношению к ней державами на собственных границах¹⁰³. Именно этим противоречием, а вовсе не династическими предрассудками Александра II и не «острым, но поверхностным умом Горчакова»¹⁰⁴, объяснялась некоторая двойственность русской политики в июле—августе 1870 г.

В начале июня на встрече с Вильгельмом I в Эмсе Александр II подтвердил и даже расширил взятое в марте 1868 г. обязательство парализовать возможное австрийское выступление против Пруссии, пообещав выставить армию в 300 тыс. человек и занять Галицию¹⁰⁵. Однако эти заверения делались в спокойной международной обстановке, тогда как в начале кризиса Россия попыталась предотвратить разрыв между Францией и Пруссией. В беседе с австрийским посланником кн. Горчаков «весьма решительным тоном, какого я никогда от него не слышал», заявил: «Я дал знать в Берлин, что мы очень решительно даём совет соблюдать величайшую умеренность и уступать, насколько возможно»¹⁰⁶.

Всё изменила «эмсская депеша». Даже если она не имела того влияния на решения французского правительства, которое ей традиционно приписывают¹⁰⁷, в Европе вызванный ею резонанс оказался очень велик. В частности, именно после неё Александр II перестал сдерживать свои прусские симпатии: 15 июля он заявил о том, что больше не станет ограничивать свободу действий Вильгельма I, поскольку задета честь короля, а на следующий день сообщил в Берлин о готовности в случае вступления в войну Австрии исполнить свои обещания. Кроме того, император согласился передать Пруссии пушки, заказанные Россией на заводах А. Круппа¹⁰⁸.

Несколько иначе вёл себя кн. Горчаков. Сильно страдая от подагры, он каждое лето отправлялся на воды в местечко Вильдбад в Вюртемберге. Не стал исключением и 1870 г. Между тем в начале июльского кризиса, когда все министры спешили в свои столицы — отменил отпуск гр. Бойст, возвращался в Берлин из своего имения гр. Бисмарк — отъезд кн. Горчакова вызывал всеобщее удивление. Но именно теперь его поездка получила политическое значение, что отмечали и зарубежные дипломаты¹⁰⁹. Однако в историографии она до сих пор практически не освещалась.

12 и 13 июля кн. Горчаков встречался с гр. Бисмарком в Берлине. Поскольку вечером 13 июля граф сфабриковал «эмсскую депешу», данный визит вполне может рассматриваться как последняя попытка сохранить мир. Александр Михайлович сделал всё, чтобы смягчить эффект от дополнительных требований французов. Он обрушил на собеседника «поток взволнованных увещаний» и даже показал ему одну из телеграмм русского посланника в Париже. Со своей стороны, гр. Бисмарк указывал на угрозу австро-французского союза,

¹⁰³ АВПРИ, ф. 133, оп. 470, 1870 г., д. 104, л. 79.

¹⁰⁴ *Duroselle J.-B.* Die europäischen Staaten und die Gründung des Deutschen Reiches // Reichsgründung 1870/71. Tatsachen, Kontroversen, Interpretationen / Th. Schieder, E. Deuerlein (Hrsg.). Seewald; Stuttgart, 1970. S. 403.

¹⁰⁵ *Beyrau D.* Op. cit. S. 187.

¹⁰⁶ ННStA, PA, X, K. 62, № 32D.

¹⁰⁷ *Wetzel D.* Duell der Giganten. Bismarck, Napoleon III und die Ursachen des deutsch-französischen Krieges 1870–1871. Paderborn; München; Wien; Zürich, 2004. S. 187.

¹⁰⁸ АВПРИ, ф. 133, оп. 470, 1870 г., д. 44, л. 81, 90.

¹⁰⁹ Там же, л. 6, 64.

однако кн. Горчаков сомневался в том, что Франц Иосиф решится вступить на подобный путь¹¹⁰. Впрочем, все усилия князя оказались тщетны, поскольку фактически курс на войну в Париже и Берлине взяли ещё до публикации «эмсской депеши».

22 июля царь принял решение соблюдать нейтралитет, «пока не будут затронуты интересы России». Эта оговорка особенно не понравилась в Вене, которой она, собственно, и была адресована. Гр. Бойст немедленно обратил внимание Парижа на то, что Россия выставляет условия и, следовательно, готова при определённых обстоятельствах изменить свою позицию¹¹¹. В беседах с южногерманскими представителями австрийский канцлер охарактеризовал русский нейтралитет как «очень растяжимый»: «Это всё равно, как если бы сказать, что мы останемся нейтральными, пока нам это нравится»¹¹². Но и в Петербурге не доверяли нейтралитету Австрии, о котором объявил своим циркуляром гр. Бойст 20 июля. Ведь в то же самое время монархия Габсбургов начала ускоренно вооружаться.

По сути, две нейтральные империи преследовали противоположные цели: Австрия вооружалась, готовясь к возможному вступлению в войну и соответственно к расширению конфликта; Россия стремилась избежать опасной и дорогостоящей мобилизации и сохранить по возможности двусторонний характер столкновения. Благодаря перлюстрации переписки французского министра иностранных дел герцога А. де Грамона и посла в Петербурге Э.Ф. Флëри в России знали о планах, согласно которым Австрия должна была пропустить через свою территорию на границу Баварии итальянские войска, а затем и сама вступить в войну. Поэтому, когда 20 июля герцог де Грамон дал указание Флëри выяснить позицию царя в случае поддержки Франции её союзниками, Александр II вновь заявил, что если двинется Австрия, то двинется и Россия. Однако он гарантировал, что Пруссия не нападёт на Австрию. И всё же ему хотелось обойтись предостережениями и дипломатическими объяснениями, о которых были заранее оповещены пруссаки¹¹³.

На экстренной аудиенции 23 июля российский император уверял австрийского посланника гр. Б. Хотека в том, что не желает войны и выступает за «строгий, не вооружённый нейтралитет» (выделено в тексте. — А.М.), пока не будет затронут какой-либо прямой интерес России. «Я называю прямым интересом польский вопрос.., — пояснял он. — С момента, когда вы займёте вооружённую и угрожающую позицию, я поменяю свой нейтралитет на вооружённый и двину свои войска к вашим границам». Перейдя затем к делам Южной Германии (положение которой весьма редко обсуждалось с австрийцами), Александр II высказал идею, показавшуюся гр. Хотеку «несколько парадоксальной»: *даже* в случае победы Пруссии Бавария, Вюртемберг и Баден могут оказаться в лучших условиях, чем ранее. По словам монарха, находясь в согласии, Австрия и Россия вместе смогут высказать мнение, которое услышит и победоносная Пруссия. «Я считаю, — говорил царь, — что Австрии должен быть передан протекторат над Южной Германией, и я уже имею согласие

¹¹⁰ Там же. д. 43, л. 114–120. На докладе кн. Горчакова о беседе с гр. Бисмарком Александр II написал о Франце Иосифе: «У меня уже давно нет к нему никакого доверия!» (Там же). См. также: *Wetzel D.* Op. cit. S. 178–179.

¹¹¹ *Die Rheinpolitik...* Bd. III. S. 471.

¹¹² BHStA, Gesandtschaft Wien, 1712; HStA St, E 40/72, Bū. 453.

¹¹³ АВПРИ, ф. 133, оп. 470, 1870 г., д. 44, л. 113, 126; HHStA, PA, X, K. 62, № 35A.

Наполеона на это соединение». Вместе с тем Александр II дал своё слово чести и гарантировал от имени короля Пруссии, что Австрия не подвергнется нападению, «пока вы останетесь нейтральными и не будете делать демонстраций и концентраций»¹¹⁴. В этих высказываниях ощущались всё те же две тенденции русской политики — стремление локализовать войну и одновременно положить предел усилению Пруссии.

В том же направлении действовал и находившийся в Германии кн. Горчаков. Покинув Берлин, он по пути в Вильдбад посетил Штуттгарт и Мюнхен. В столице Вюртемберга у князя оставалось много знакомых ещё с тех пор, когда он служил там посланником. За долгие годы у него сложились доверительные отношения с Фарнбюлером и особенно с королевой Ольгой Николаевной, которые видели в нём последовательного сторонника независимости королевства. И на этот раз российский канцлер выразил надежду на то, что России удастся защитить интересы Южной Германии¹¹⁵.

1 августа кн. Горчаков выехал в Мюнхен, где вечером 2 августа долго беседовал с баварским премьер-министром гр. О. фон Браем и «во всех отношениях дал ему понять свои совершенные симпатии к южногерманским государствам»¹¹⁶. Князь также высказался за скорейшее окончание войны, но признал, что она может продлиться долго, если не будет внешних импульсов, а именно — посредничества России, Австрии и Англии¹¹⁷. По-видимому, он рассчитывал воспользоваться посредничеством гр. Брая для налаживания неформального контакта с Австро-Венгрией. Графы Бойст и Брай были давними друзьями, общались на «ты» и состояли в личной переписке. Вместе с тем гр. Брай принадлежал к династии баварских дипломатов, издавна связанных с Россией: пост посланника в Петербурге занимал в своё время не только он сам, но и его отец, а в 1870 г. там же в баварском посольстве служил его сын.

Кн. Горчаков вспоминал о встрече в Уши, которую он считал отправной точкой улучшения отношений между Россией и Австрией, и предлагал создать «антанту с целью восстановления мира». Но первым условием подобного сотрудничества являлся «принятый обоими правительствами и с необходимостью внутренне связанный нейтралитет». При этом князь уверял, что Александр II твёрдо намерен «преследовать мирные тенденции как на Западе, так и на Востоке (выделено в тексте. — А.М.)». По просьбе кн. Горчакова содержание беседы гр. Брай, увидевший в инициативе канцлера «далёкий проблеск мира», в личном письме изложил гр. Бойсту¹¹⁸.

Однако гр. Бойст с ответом не спешил. В те дни он ожидал быстрого наступления французов, не исключал восстания в Польше, вторжения России в Галицию и последующего объявления войны соседней империи¹¹⁹. Инициативы российского императора, высказанные им в беседе с гр. Хотеком, были отклонены, а на письмо гр. Брая австрийский канцлер ответил более чем через месяц. Тогда он уже соглашался пойти навстречу предложениям кн. Горчакова,

¹¹⁴ ННStA, PA, X, K. 62, № 35B; ВНStA, MA I, № 647; *Duroselle J.-B.* Op. cit. S. 404.

¹¹⁵ ВНStA, MA III, № 646.

¹¹⁶ НStA St, E 50/02, Bü. 454.

¹¹⁷ ВНStA, MA I, № 646

¹¹⁸ Ibid. № 644; АВПРИ, ф. 133, оп. 470, 1870 г., д. 104, л. 80.

¹¹⁹ *Beust F.* Op. cit. S. 393. Об опасениях Александра II и кн. Горчакова на этот счёт см.: *Нарочницкая Л.И.* Россия и войны Пруссии в 60-х годах XIX века за объединение Германии сверху. М., 1960. С. 170.

но за это время прусские победы полностью изменили и ситуацию в Европе, и позицию России¹²⁰.

14 августа Александр II и кн. Горчаков обсудили положение дел с гр. Хотеком, после чего тот на следующий же день отбыл в Вену для консультаций. Царь советовал Австрии беречь силы и громче требовать восстановления мира и равновесия. Он утверждал, что Россия не согласится с навязанным Франции миром, если он нарушит европейский баланс, и предлагал вынести спорные проблемы на рассмотрение конгресса¹²¹. Кн. Горчаков и вовсе доказывал, что державы могли бы весом своих слов надавить на ту сторону, которая менее расположена к миру. Он даже не желал предоставлять Пруссии инициативу при заключении перемирия, а собирался навязать его ей с помощью общего демарша нейтральных государств. Самым благоприятным моментом не просто для посредничества (*mediation*), а для вмешательства (*interposition*) ему представлялось сражение с нерешённым исходом, которое не задевало бы слишком сильно ни честь, ни жизненные интересы сторон. А затем уже конгресс должен был урегулировать положение Южной Германии, пересмотреть условия Пражского мира и т.д. Характерно, что отторжение Эльзаса и Лотарингии у Франции князь называл совершенно недопустимым. В случае выдающихся успехов Пруссии он допускал лишь создание из этих территорий и Люксембурга независимого государства под покровительством великих держав. Кроме того, кн. Горчаков не скрывал своего неодобрения «дурных средств» гр. Бисмарка, признавал сильную Австрию важным элементом европейского равновесия и выражал готовность вступить за неё в случае угрозы со стороны Пруссии¹²².

Очевидное сходство этих предложений с прежними высказываниями Александра II и его канцлера свидетельствовало о последовательности и серьёзности их намерений, вовсе не сводившихся к тому, чтобы любой ценой удержать Австро-Венгрию в состоянии нейтралитета. Это подтверждала и инструкция новому посланнику в Вене Е.П. Новикову, датированная 1(13) августа: «Если Австрия не двинется или не будет чрезмерно вооружаться, мы поступим так же... Но подобное положение вещей может привести к более значительным результатам: в первую очередь к тому, чтобы развить и упрочить антанту, которая способствовала бы укреплению европейского равновесия»¹²³.

С миссией гр. Хотека в Петербурге связывали большие надежды, однако обстоятельства не позволили им осуществиться. Когда он вернулся из Вены, кн. Горчаков 29 августа констатировал, что вмешательство нейтральных держав уже маловероятно и невыполнимо, поскольку, «к сожалению, (выделено в тексте. — А.М.) изменилось в последние восемь дней положение вещей», и пруссаки уже ничего и ни от кого не будут слушать¹²⁴. Таким образом, главной причиной охлаждения Петербурга к идее коллективного демарша стала беспрерывная череда французских поражений.

Тем не менее даже после катастрофы Франции под Седаном 1–2 сентября в России продолжали надеяться на умеренные условия мира, участие нейтральных посредников в его заключении и обсуждение итогов войны на европей-

¹²⁰ BHStA, MA I. № 644; HHStA, PA, X, K. 63.

¹²¹ HHStA, PA, X, K. 62.

¹²² Ibid. См. также: *Duroselle J.-B.* Op. cit. S. 404–405; *Beyrau D.* Op. cit. S. 210; *Шнейерсон Л.М.* Указ. соч. С. 165–167.

¹²³ АВПРИ, ф. 133, оп. 470, 1870 г., д. 148, л. 121–122.

¹²⁴ Там же, д. 43, л. 217; HHStA, PA, X, K. 62.

ском конгрессе. На полях донесения Новикова о предложенном гр. Бойстом посредничестве России, Австрии и Италии, инициатором которого выступил бы Петербург, Александр II написал: «Я считаю, что момент ещё не настал»¹²⁵. Следовательно, он не исключал подобной инициативы в дальнейшем. 12 сентября Горчаков сетовал, обращаясь к императору, на то, что гр. Бисмарк, постоянно напоминая о монархической солидарности, «говорит только об антанте по этому пункту, в то время как хранит полное молчание о нашем участии в обсуждении мира, который существенно изменит политическую ситуацию в Европе»¹²⁶. Даже после знаменитой депеши 19(31) октября об отказе России выполнять решения Парижского трактата, касавшиеся нейтрализации Чёрного моря, баварский поверенный доносил в Мюнхен о намерении кн. Горчакова «связать ревизию договоров 1856 г. с предстоящим заключением мира между Францией и Германией и тем самым сделать большую часть преобразования Европы предметом обсуждения европейским конгрессом»¹²⁷. Однако в конце концов России пришлось просто принять новые политические реалии.

Подводя итог, следует сказать, что вопреки распространённым в литературе утверждениям, российские политические круги следили за объединением Германии под прусским руководством далеко не «благожелательно», напротив, с большой степенью опасения и недовольства. Россия не только не оказывала Пруссии поддержки в этом процессе, но и последовательно, хотя и в меру своих сил, пыталась сдерживать Берлин.

Причины, по которым ей это не удалось, были многообразны. В историографии совершенно справедливо указывается на то, что активность России в Европе заметно сдерживалась масштабной внутренней реорганизацией, происходившей тогда в империи. Однако не менее существенное значение имели и внешнеполитические обстоятельства, жёстко ограничивавшие возможности дипломатов. Анализируя в подробном, звучащем почти как завещание, докладе историю русско-пруссских отношений XIX в., кн. Горчаков в 1880 г. утверждал: «Вековые политические ошибки Франции – вот что создало наш альянс с Пруссией». Именно они привели к объединению германских государств, которое не соответствовало ни традициям, ни интересам России, стремившейся, напротив, всеми силами сохранить конфедеративное устройство Германии «как неопасный (*inoffensive*) элемент, необходимый для равновесия в центре Европы». По словам канцлера, «в конечном счёте, постоянная, при всех правлениях, враждебность к нам Франции должна была побудить нас тщательно изучить ценность этой традиции и спросить себя, действительно ли раздробленность Германии полезна нашим интересам. Она не помешала ни вторжению в Россию в 1812 г., ни коалиции 1853 г., ни дипломатической кампании, вызванной в 1863 г. польским вопросом. Ослабленная своей расчленённостью Германия, не могущая нас прикрыть от агрессии Запада, открывала путь к нам нашим врагам»¹²⁸.

Размышления князя отнюдь не сводились к оправданию *post factum* собственных действий. И именно представление об «агрессии Запада» ставило пределы любой антипрусской политике Петербурга. В 1864 г. Пруссия была

¹²⁵ АВПРИ, ф. 133, оп. 470, 1870 г., д. 146, л. 331.

¹²⁶ Там же, д. 43, л. 292.

¹²⁷ ВНStA, MA I, № 635. Разумеется, восстановление суверенных прав Российской империи пересмотру при этом не подлежало.

¹²⁸ ГА РФ, ф. 828, оп. 1, д. 1467, л. 128–129.

для кн. Горчакова «барьером против Франции»¹²⁹, а в 1865 г. Германия закрывала «дорогу к Польше». В 1868 г. канцлер видел «реальные преимущества» в том, что между Россией и Францией возникла сильная и антипольски настроенная держава¹³⁰. В 1870 г. в Петербурге не без оснований опасались последствий австро-французского союза, представлявшего угрозу для западных губерний Российской империи¹³¹. Конечно, отмена унижительных статей Парижского мира оставалась для русской дипломатии вожделенной целью, и считалось, что возможная поддержка Франции значила для её достижения гораздо больше, чем позиция далёкой от Востока Пруссии. Однако с точки зрения элементарных интересов безопасности польский вопрос безусловно превосходил в значимости даже восточный и, соответственно, «естественная дружба» Пруссии оказывалась важнее, чем «мираж» французской помощи на Востоке. Исход австро-прусской войны и обострение франко-прусских противоречий в сочетании с реваншизмом Австрии расставили эти приоритеты ещё более отчётливо. «Мы не можем принять на себя обязательства против нашего соседа и единственного союзника, — писал гр. Стакельберг, — *ни для того чтобы ускорить гибель одного трактата., ни даже за обещание помощи в решении великой восточной проблемы* (выделено мной. — А.М.)»¹³². Во всех подобных рассуждениях решающими оказывались именно соображения безопасности собственной страны. Так, оценивая угрозу франко-прусского столкновения, А.Г. Жomini в 1868 г. отмечал: «Несмотря на наше отвращение к неблагоприятной роли спасителя Европы, мы не сможем искать прибежища в нейтралитете. Если мы позволим Франции и Австрии разгромить Пруссию, наши позиции на Востоке и в Польше станут хуже, чем в 1812 г.»¹³³.

Политика России в годы объединения Германии не была историей «благодарности» или «сделок», предоставивших Пруссии свободу рук в обмен на помощь в разрешении конкретных проблем в Польше и на Востоке. При безусловно присутствовавшей недооценке значимости германского вопроса в широкой исторической перспективе нельзя говорить о некоей близорукости русских дипломатов в 1866–1871 гг. В каждой из происходивших тогда войн Россия руководствовалась исключительно собственными интересами, и едва ли её нейтралитет можно было назвать вполне «доброжелательным» в отношении Пруссии: в 1866 г. в Петербурге желали победы Австрии, а в 1870 г. заботились не столько об обеспечении успеха Пруссии, сколько об устранении угрозы, возникавшей в случае её разгрома. В целом, в России ясно понимали всю невыгодность объединения Германии, но в конце концов были вынуждены его принять, причём далеко не только по причине недостатка сил для того, чтобы его предотвратить, но и в качестве своеобразного меньшего зла по сравнению с возможной «агрессией Запада».

¹²⁹ Подробнее см.: *Медяков А. С.* «Русская благодарность»...

¹³⁰ ГА РФ, ф. 828, оп. 1, д. 1362, л. 6.

¹³¹ Об австрийских и французских военных планах подробнее см.: *Медяков А. С.* Между Востоком и Западом...

¹³² АВПРИ, ф. 133, оп. 469, 1867 г., д. 163. т. II, л. 459. Александр II оставил возле этой фразы помету: «Весьма справедливо» (Там же).

¹³³ Там же, 1868 г., д. 151, л. 423.

Поездка М.Г. Черняева по Европе после сербско-турецкой войны (конец 1876 – начало 1877 г.)

Юрий Курдин, Александр Панов, Александр Ширинянц

**M.G. Chernyaev after the Serbian-Turkish war
(late 1876 – early 1877)**

Yuri Kurdin, Aleksandr Panov

*(both – State University of Nizhny Novgorod, Arzamas branch, Russia),
Aleksandr Shirinyants (Lomonosov Moscow State University, Russia)*

DOI: 10.31857/S0869568722050090, EDN: KLDTKE

Михаил Григорьевич Черняев (1828–1898) в 1860–1870-х гг. пользовался репутацией популярного полководца. Он начал свой боевой путь на Дунае и в Севастополе во время Восточной войны 1853–1856 гг. и прославился летом 1865 г. после того, как с минимальными жертвами сумел захватить Ташкент и обеспечить включение в состав Российской империи обширных земель Средней Азии. «Ташкентский лев», как тогда прозвали Черняева, был назначен первым военным губернатором Туркестанского края. Однако, несмотря на бесспорные военные дарования и любовь солдат, чрезмерная самостоятельность генерала вызывала недовольство в Петербурге. В 38 лет ему пришлось выйти в отставку и заняться публицистикой, склонность к которой он проявлял до конца жизни¹. На этом поприще Черняев сблизился со славянофилами, а в конце 1873 г. приобрёл права на выпуск ежедневной газеты «Русский мир»². Появлявшиеся в ней статьи часто имели оппозиционный характер, в них критиковалась внутренняя и внешняя политика правительства и особенно – деятельность военного министерства. И хотя Михаил Григорьевич нередко ошибался в своих оценках и прогнозах, его честность и принципиальность не вызывали сомнений.

© 2022 г. Ю.А. Курдин, А.Р. Панов, А.А. Ширинянц

Исследование выполнено в рамках Программы развития Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

This research was performed according to the Development Program of the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow University «Preservation of the World Cultural and Historical Heritage».

¹ См., в частности, его поздние публикации: *Черняев М.Г.* Султаны Кенисара и Садык // *Русский вестник*. Т. 203. 1889. № 8. С. 27–39; *Черняев М.Г.* Наше военное воспитание // *Русский вестник*. Т. 201. 1889. № 4. С. 244–256; Т. 206. 1890. № 1. С. 35–54; Т. 212. 1891. № 2. С. 76–111; Т. 213. 1891. № 4. С. 105–147; и др.

² Подробнее об этом издании см.: *Чернуха В.Г.* Правительственная политика в отношении печати. 60–70-е годы XIX века. Л., 1989. С. 129–141. Другим активным публицистом «Русского мира» стал генерал-майор Р.А. Фадеев, также ратовавший за активизацию внешней политики России и выступавший против милотинских реформ в армии. О нём подробнее см.: *Лебедев С.В., Линицкая Т.В.* Русский геополитик XIX века Ростислав Фадеев // *Геополитика и безопасность*. 2010. № 1(9). С. 29–34; *Сулима Е.Н., Шепелев М.А.* Геополитические идеи Ростислава Фадеева // *Вестник Московского университета*. Сер. 27. Глобалистика и геополитика. 2016. № 4. С. 56–66.

В историографии о Черняеве обычно лишь бегло упоминали, в основном в связи с боевыми действиями в Средней Азии и Сербии³. Крупнейшее исследование, посвящённое ему, было написано Д. Маккензи, использовавшим разнообразные источники, в том числе документы из советских и югославских архивов⁴. Подробно проследив жизненный путь Черняева, американский историк дал генералу весьма нелестную характеристику, отметив его некомпетентность, хвастливость, неразборчивость в средствах и т.п.⁵ Тем не менее в последнее время интерес к фигуре Михаила Григорьевича постепенно растёт⁶.

В начале Восточного кризиса 1875–1878 гг. Черняев, действуя на свой страх и риск, фактически нелегально покинул Россию, чтобы возглавить сербскую армию, и в 1876 г. его имя стало символом единства славянских народов. Несмотря на отсутствие официальной поддержки российского правительства, он пользовался огромной популярностью, а поток пожертвований и добровольцев, отправившихся в Сербию⁷, наглядно свидетельствовал о силе панславистских настроений в русском обществе⁸. Правда, война с султаном сложилась для Бел-

³ Долгое время память о нём сохранялась благодаря его детям и прежде всего Антонине Михайловне Черняевой, подготовившей в начале XX в. серию публикаций в «Русском архиве» и выпустившей под псевдонимом книгу: *Михайлов А.* Михаил Григорьевич Черняев. СПб., 1906 (*Масанов И. Ф.* Словарь псевдонимов русских писателей, учёных и общественных деятелей. Т. 4. М., 1960. С. 514).

⁴ *MacKenzie D.* The Lion of Tashkent: The Career of General M.G. Cherniaev. Athens (Georgia), 1974.

⁵ Неудивительно, что рецензенты указывали на предвзятость Маккензи: *Williams D.S.M.* The Lion of Tashkent: The Career of General M.G. Cherniaev by David MacKenzie // *The Slavonic and East European Review*. Vol. 53. 1975. № 132. P. 435; *Rainey T.B.* The Lion of Tashkent: The Career of General M.G. Cherniaev by David Mackenzie // *The American Historical Review*. Vol. 81. 1976. № 1. P. 187.

⁶ *Шемякин А.Л.* Генерал М.Г. Черняев и Сербская война // *Русский сборник. Исследования по истории России*. Т. 2. М., 2006. С. 199–217; *Шемякин А.Л.* Генерал М.Г. Черняев и Сербская война // *Токови историје*. 2006. Бр. 1–2. С. 7–28; *Шемякин А.Л.* М.Г. Черняев и Сербия // *Величие и язык Российской империи. Международный исторический сборник*. М., 2012. С. 187–200; *Шемякин А.Л.* Генерал «от коммерции». М.Г. Черняев в Сербии в 1879–1881 гг. // *Токови историје*. 2012. Бр. 3. С. 361–378; *Брежнева С.Н.* Генерал М.Г. Черняев: личность на фоне военной кампании по завоеванию Туркестана Россией // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия. История России*. 2014. № 1. С. 114; *Брежнева С.Н.* «Ташкентский лев» генерал М.Г. Черняев // *Личность в истории в эпоху Нового и Новейшего времени (памяти профессора С.И. Ворошилова)*. Материалы международной научной конференции. СПб., 2010. С. 217; *Кочуков С.А.* Михаил Григорьевич Черняев // *Проблемы истории российской цивилизации. Сборник научных трудов*. Саратов, 2009. С. 149–156; *Кочуков С.А.* Русский Гарибальди (русский военный деятель Михаил Григорьевич Черняев) // *Чтения по военной истории*. СПб., 2011. С. 131–136; *Червинская О.* Писатель как историограф: сербский вопрос и личность генерала М.Г. Черняева в рецепции Ф.М. Достоевского (непрочитанная страница «Дневника писателя») // *Исторична панорама*. Вып. 10. Чернівці, 2010. С. 41–66; *Сергеевкова В.В.* Белорусская составляющая биографии российского генерала Михаила Григорьевича Черняева // *Российские и славянские исследования*. Вып. VIII. Минск, 2013. С. 304–308.

⁷ Подробнее см.: *Кузьмичёва Л.В.* Русские добровольцы в сербо-турецкой войне 1876 г. // *Россия и Восточный кризис 70-х гг. XIX в.* М., 1981. С. 77–98; *Окорочков А.В.* Русские добровольцы. М., 2007. С. 32–44; *Кочуков С.А.* К вопросу об отношении русского общества к Балканскому кризису 1876 г. // *Общественная мысль, движения и партии в России XIX – начала XX вв.* Ч. 1. Брянск, 2008. С. 37–43; *Кочуков С.А.* Русские добровольцы на Балканах в 1876 г. // *Проблемы истории российской цивилизации*. Вып. 4. Саратов, 2009. С. 10–15.

⁸ О русском панславизме см.: *Болдин В.А.* Панславистские политические концепции: генезис и эволюция. М., 2018; *Мырикова А.В., Шириняни А.А.* Введение к исследованию истории и идео-

града неудачно: армия была разбита, и лишь дипломатическое вмешательство России спасло сербов от катастрофы.

После заключения перемирия в ноябре 1876 г. положение Черняева оказалось довольно сложным. В Петербурге не желали эскалации конфликта с Турцией и не одобряли самовольной деятельности генерала, считая её авантюрой. К тому же, выехав на Балканы, он не только спутал карты российским дипломатам, но и нарушил слово, данное императору. В «Автобиографии» Михаил Григорьевич пытался оправдать себя тем, что обещал не ездить к герцеговинцам, восставшим против турок, тогда как о сербах речи не шло⁹. Тем не менее просьбу Черняева об аудиенции Александр II решительно отклонил. Как отметил в дневнике Д.А. Милютин, «ему был дан ответ, что не только не разрешается, но и воспрещается возвращение в Россию». По словам военного министра, «в глазах государя Черняев поступил и бесчестно, и противозаконно: бесчестно — потому, что обещал... исполнить волю государя, запретившего ему ехать на театр войны; противозаконно — потому, что без разрешения оставил подданство русское и вступил в службу иностранного государства. По русским законам Черняев подлежал бы суду и уголовному наказанию»¹⁰. 17 ноября генерал вновь обратился к царю, уверяя его: «Моя скромная задача состоит в том, чтобы удерживать напор мусульманских сил на страну, вверившую мне свою защиту, пока не раздастся Твоё царственное слово»¹¹. Однако стоявшая под посланием подпись — «верноподданный слуга» вызвала у Александра II ехидное замечание: «Чей верноподданный слуга? Короля Сербии?»¹². По свидетельству А.М. Черняевой, позднее «русское правительство вызвало М.Г. Черняева в Кишинёв с целью возложить на него поручение к правительству Сербии, содержание которого он не одобрил и поэтому решительно от себя отклонил»¹³. В начале декабря Александр II уже готов был простить Михаила Григорьевича и дать ему должность в Действующей армии, но эта идея встретила решительное противодействие канцлера кн. А.М. Горчакова¹⁴.

Между тем в ноябре 1876 г. в Сербию был послан генерал-лейтенант А.П. Никитин, которому в Петербурге предоставили значительные финансовые средства и поручили наблюдать за боевой подготовкой сербских войск. Теперь уже и сербским правительством, ориентировавшимся на позицию Александра II, Черняев явно воспринимался как *persona non grata*. В России после поражения сербов и возвращения добровольцев на него посыпались многочисленные обвинения в плохой организации снабжения войск, в ошибках при военном планировании и распушенности офицеров его штаба¹⁵. Даже председатель Московского славянского комитета И.С. Аксаков, всеми силами старавшийся приободрить своего соратника, 4 января 1877 г. откровенно признавался в письме: «Не могу иначе, как с грустным и тяжёлым чувством смотреть на

логии панславизма XIX века. М., 2010; Прокудин Б.А. Панславизм в истории политики и мысли России XIX века. М., 2018; и др.

⁹ Черняев М.Г. Статьи, письма, воспоминания / Под ред. А.А. Ширинянца. М., 2018. С. 30.

¹⁰ Милютин Д.А. Дневник. 1876–1878 / Под ред. Л.Г. Захаровой. М., 2009. С. 149–150.

¹¹ Черняев М.Г. Статьи, письма, воспоминания. С. 55–56.

¹² Особое прибавление к описанию русско-турецкой войны 1877–78 гг. на Балканском полуострове. Вып. I. СПб., 1899. С. 72.

¹³ Черняев М.Г. Статьи, письма, воспоминания. С. 354.

¹⁴ Милютин Д.А. Дневник. 1876–1878. С. 168.

¹⁵ McKenzie D. Op. cit. P. 182.

результаты всей моей лично и вообще нашей деятельности в 1876 году: вместо спасения Сербии — её чуть не погубили, треть территории в руках неприятеля, истощение, разорение, посрамление, вместо “братолюбия чуть не братоненавидение”, ибо масса возвратившихся добровольцев разнесли по всей России такое презрение к сербам»¹⁶.

Выбирая между поселением в Киев и отъездом за границу¹⁷, Черняев предпочёл отправиться в поездку по Европе. В тех обстоятельствах это вполне устраивало и российские власти, желавшие, чтобы в обществе и в прессе поскорее утихли дебаты о сербской кампании. Сам же Черняев, отнюдь не обделённый честолюбием, напротив, хотел этим турне вновь привлечь к себе внимание, воспользовавшись повсеместным интересом в западноевропейских странах к событиям на Балканах. А поскольку приглашение было получено им из Англии, он рассчитывал и там стать «предметом больших оваций»¹⁸. Любопытно, что Аксакову, с которым генерал продолжал переписываться, данное путешествие казалось стяжанием пустых оваций и потехой для самолюбия¹⁹.

Поездка Черняева по Европе продолжалась с декабря 1876 по апрель 1877 г. Несмотря на то что он совершал её как частное лицо, не облечённое какими-либо официальными полномочиями, в том, как его встречали в различных государствах, отчётливо проявлялось отношение к «восточному вопросу» и активизации российской политики. Поездка Михаила Григорьевича довольно скупо освещалась его биографами и заслуживает самостоятельного анализа с учётом откликов, появлявшихся в местной прессе.

Наиболее резонансным оказалось пребывание Черняева в Австро-Венгрии. Именно туда он направился из Сербии, сделав остановки в Вене и Праге. Австро-Венгрия в то время являлась союзником России, хотя между империями имелись разногласия, и каждая из них намеревалась использовать борьбу на Балканах с пользой для себя. 3(15) января русский посол в Вене Е. П. Новиков и министр иностранных дел Франца-Иосифа гр. Д. Андраши подписали в Будапеште секретную военную конвенцию, согласно которой Австро-Венгрия обещала России в случае её войны с Турцией благожелательный нейтралитет в обмен на право оккупации Боснии и Герцеговины, отказ от создания на Балканах крупного славянского государства и т. п.²⁰

Многонациональное население Австро-Венгрии по-разному воспринимало начавшийся кризис, но её славянские народы, несомненно, симпатизировали сербам, и Черняев мог надеяться на радушный приём у чехов. 11 января 1877 г. в Праге его встречала многотысячная толпа²¹. Для генерала подготовили насыщенную программу на несколько дней: она включала встречи с местными политическими и общественными деятелями, церковные службы и даже специальный спектакль Национального театра. Однако выражение чехами славянской

¹⁶ Черняев М. Г. Статьи, письма, воспоминания. С. 59. О переписке Черняева и Аксакова см.: Курдин Ю. А., Панов А. Р. «Что выгодно для России, то выгодно и для серба, и для болгарина, и для всего славянства». Сербо-турецкая кампания 1876 г. в освещении переписки М. Г. Черняева с И. С. Аксаковым // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 71. М., 2020. С. 271–282.

¹⁷ Черняев М. Г. Статьи, письма, воспоминания. С. 354.

¹⁸ Там же. С. 58.

¹⁹ Там же. С. 61, 63.

²⁰ Сборник договоров России с другими государствами (1856–1917). М., 1952. С. 149–155.

²¹ Denni zpravy // Narodni Listy. 1877. № 11. 12 ledna. S. 2.

солидарности сразу обрело характер демонстрации против австро-венгерского господства. Так, например, наряду с выкриками «Долой турок!» и «Да здравствуют русские!», в Праге слышались и слова «Долой мадьяр!». Дабы пресечь подобные выступления, австрийцы фактически насильственно выдворили Черняева из страны, предписав ему немедленно покинуть город. К гостинице, где он остановился, стянули не только полицейских, но даже войска, сдерживавшие толпу, численность которой оценивалась в 8–10 тыс. человек²². Генерал отправил несколько телеграмм, пытался связаться с гр. Андраши, российским посольством в Вене и кн. Горчаковым, но в итоге ему пришлось подчиниться давлению и покинуть империю Габсбургов вечером 13 января.

Вместе с тем столь грубое решение неожиданно возникшей проблемы дало пищу для многочисленных газетных публикаций. Главный печатный орган младочехов «Narodni Listy» 15 января решительно возмущался действиями властей, описав произошедший скандал в статье «Австрийское гостеприимство». Черняева в газете назвали почётным гостем, дав весьма лестные характеристики ему и его кампании против Турции, а на гр. Андраши возлагалась ответственность за неподобающее обращение со столь видным представителем дружественной соседней страны, в котором усматривалось оскорбление славянских чувств, затрагивающее как Россию, так и чешскую нацию²³. С сожалением о нежелательных последствиях изгнания Черняева и впечатлении, произведённом этим в России, размышляли и в «Posel z Prahy»²⁴.

В немецкой прессе высказывались диаметрально противоположные мнения. К примеру, либеральная газета «Bohemia» связывала «высылку» (*Ausweisung*) Черняева с нейтральным положением Австро-Венгрии. Читателям напоминалось о дурной славе генерала, известного будто бы лишь своими отступлениями. Каких-либо претензий со стороны России автор заметки не ожидал²⁵. Венская «Neue Freie Presse» несколько раз возвращалась к пребыванию Черняева в Праге. Сначала в публикации, помещённой в разделе «Kleine Chronik», с иронией говорилось о том, как восторженно чехи принимали разбитого генерала²⁶. Однако уже на следующий день на первой полосе с возмущением, граничившем с истерией, гневно обвинялись чехи, игнорирующие интересы империи, и власти, допустившие в столице имперской провинции подобную акцию. В вину Черняеву ставились и действия, направленные против политики собственного правительства, и жертвы, вызванные войной. Он изображался «героем пера и меча», «сербским Уориком»²⁷ (видимо, имелась в виду попытка Черняева провозгласить сербского князя Милана королём, напомнившая австрийским публицистам о действиях английского «делателя королей»). В последующие дни тема вновь затрагивалась в газете в статье «Скандал Черняева в Праге» и в фельетоне «Венские прогулки»²⁸.

Официальных протестов со стороны России по поводу выдворения генерала не последовало. Более того, несколько месяцев спустя, протестив Михаила

²² Chyrynik // Narodnie Noviny. 1877. № 6. S. 3.

²³ Rakouske pohostinstvi // Narodni Listy. 1877. № 14. 15 ledna. S. 1.

²⁴ Čerňajev // Posel z Prahy. 1877. № 14. 15 ledna. S. 1.

²⁵ Politische Tageschronik // Bohemia. 1877. № 15. 15 Januar. S. 1.

²⁶ Kleine Chronik // Neue Freie Presse. 1877. № 4447. 13 Januar. Morgenblatt. S. 4–5.

²⁷ Neue Freie Presse. 1877. № 4448. 14 Januar. Morgenblatt. S. 1.

²⁸ Der Tschernajeff-Scandal in Prag // Neue Freie Presse. 1877. № 4449. 15 Januar. Morgenblatt. S. 2; Wiener Spaziergange // Ibid. № 4455. 21 Januar. Morgenblatt. S. 1.

Григорьевича, Александр II с укором сказал ему: «Ты меня чуть не поссорил с моим другом и соседом — австрийским императором»²⁹. Показательно, что в «Русском инвалиде», официальной газете Военного министерства, имя Черняева вообще не упоминалось ни в рубрике «Внешние известия», ни в «Общем обзоре важнейших политических событий», помещённом в первых номерах 1877 г. и содержавшем краткую характеристику борьбы на Балканах в 1876 г.

Другие издания отнеслись к пражскому инциденту более эмоционально. Влиятельные «Московские ведомости»³⁰ увидели в овациях, которыми генерала встретили чехи, «восторженные, безусловные изъявления сочувствия к России и сознания духовного и кровного родства с её народом». Неудивительно, что в редакции враждебно воспринимали противостоявший данному порыву «государственный механизм, при всех очевидных признаках его политического разложения, при не менее бросающихся в глаза признаках разложения финансового и экономического, это выродившееся, не имеющее ни твёрдого внутреннего сцепления, ни прочной точки опоры государство, именуемое Австро-Венгрией»³¹. М.Н. Каткова не пугала даже возможность столкновения с Веной: симпатии славянского мира казались ему гораздо важнее. Схожим образом описывала приём, устроенный «борцу за славянское дело» на чешской земле, и «Петербургская газета»³². Для либерального «Голоса», близкого к МИД и указывавшего на различия «между наносными фикциями и фантазиями новейших “славянофилов” и реальными задачами России в славянском деле»³³, Черняев во второй половине 1876 г. являлся одним из основных раздражителей. Поэтому 3 января 1877 г. газета сухо сообщила читателям: «По приглашению здешних властей генерал Черняев выехал из Праги. Последствием этого распоряжения было устройство народной сходки на Росмаркт, которая, впрочем, была рассеяна полицией»³⁴. Несколько дней спустя в ней отмечалось: «По поводу демонстрации, произведённой здесь во время пребывания генерала Черняева, начато следствие. Редактор “Народных листов”, Барам, арестован»³⁵.

Из Австро-Венгрии Черняев через Дрезден и Лейпциг³⁶ направился во Францию. Германская пресса внимательно отслеживала его перемещения. При этом её оценки в целом соответствовали позиции немецких газет Австро-Венгрии. Так, «Allgemeine Zeitung» в середине января 1877 г. почти ежедневно сообщала о Черняеве. Демонстрациям чехов её сотрудники сначала не придали особого значения, приняв их за ответ на предшествовавшие выступления

²⁹ Черняев М.Г. Статьи, письма, воспоминания. С. 31.

³⁰ О роли газеты см., в частности: Круликова О.М. Газета М.Н. Каткова «Московские ведомости» (1863–1887 годы): к вопросу об истоках и характере политического влияния // Тетради по консерватизму. 2018. № 3. С. 85.

³¹ Катков М.Н. Собрание передовых статей Московских ведомостей. 1877 год. М., 1898. С. 24, 26.

³² Новейшие известия // Петербургская газета. 1877. 4 января. С. 2.

³³ Михневич В.О. Пятнадцатилетие газеты «Голос». 1863–1877. СПб., 1878. С. XI. См. также: Волошина С.М. Власть и пресса: к вопросу об участии иностранных корреспондентов газеты «Голос» в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. // Литературный факт. 2019. № 4(14). С. 255; Луночкин А.В. Газета «Голос» в общественном движении России 70 – начала 80-х гг. XIX в. Автореф. ... дис. канд. ист. наук. СПб., 1995. С. 13.

³⁴ Телеграммы, доставленные Международным телеграфным агентством // Голос. 1877. 3 января. С. 2.

³⁵ Там же. 6 января. С. 4.

³⁶ Nachtrag // Leipziger Tageblatt. 1877. 17 Januar. S. 16.

венгерских студентов в поддержку Турции³⁷. 15 января издание, пока ещё без подробностей, разместило известие о высылке генерала, будто бы спровоцировавшего беспорядки³⁸. Наконец, 16 января на его страницах появилось внешне беспристрастное изложение хроники происходившего в Праге и развёрнутые комментарии, отражавшие мнение редакции. В них журналисты иронизировали над Черняевым и его поражениями в Сербии, неоднократно используя выражение «*komödienhafter Unfähigkeit*» (комедийная неспособность, беспомощность). Но их явно тревожило то, что даже разгромленный полководец сумел произвести столько шума. Рекомендую Австро-Венгрии руководствоваться энергичным призывом «*Principiis obsta*» (противодействуй в начале), газета заявляла: «Мы не поддерживаем полицейское государство; но в критический момент у государства либо есть свои полицейские силы, либо они вообще не нужны»³⁹. В том же духе высказалась и популярная немецкая газета «*Berliner Börsen-Zeitung*», в которой Черняев характеризовался как «беспокойный агитатор» и «обанкротившийся авантюрист», проявивший полную неспособность и не пользовавшийся уже поддержкой в России⁴⁰.

Тем временем 17 января Черняев уже был в Париже и, по выражению «*Le Petit Parisien*», репортёры следовали за ним по пятам⁴¹. Одна из наиболее влиятельных газет «*Journal des Débats Politiques et Littéraires*», имевшая консервативный оттенок, не скрывала сочувствия австро-венгерским властям, сумевшим с исключительной вежливостью предотвратить плачевные столкновения между немецким и чешским населением Праги, хотя перед ними находился человек, который «всегда вёл себя вопреки австро-венгерским интересам», своеобразный «странствующий революционер» и проповедник «международной революции», разжигавший национальные страсти. Автор статьи удивлялся популярности генерала, не умевшего ни вести войну, ни распоряжаться вверенными ему ресурсами, и недоумевал: «Неужели достаточно издавать шум, чтобы быть великим человеком, и иметь уверенность в себе, чтобы внушать доверие другим?»⁴². «*Le Figaro*», обратив внимание на пророссийские и антивенгерские возгласы пражан, усомнилась в существовании союза между Петербургом и Веной, о котором говорили дипломаты обеих стран⁴³. «*Le Temps*», стремительно набиравшая тогда популярность, достаточно обстоятельно и объективно представила скандал в Богемии, отрицала какую-либо вину самого Черняева и даже вступила по этому поводу в полемику с немецкими изданиями⁴⁴.

Конечной целью путешествия Черняева была Англия. Ход сербско-турецкой войны и развитие ситуации на Балканах вызывали там самый пристальный интерес и были напрямую связаны с борьбой консерваторов и либералов. Б. Дизраэли, возглавивший в 1874 г. правительство, отказался реагировать на сообщения о жестоком подавлении турками вспыхнувшего весной 1876 г. восстания болгар. Премьер-министр открыто сомневался в правдивости поступавших сведений, несмотря на волну выступлений с осуждением как турецких

³⁷ Österreichisch-ungarische Monarchie // Allgemeine Zeitung. 1877. 14 Januar. S. 5.

³⁸ Telegraphische Berichte // Allgemeine Zeitung. 1877. 15 Januar. S. 5.

³⁹ Österreichisch-ungarische Monarchie // Allgemeine Zeitung. 1877. 16 Januar. S. 5.

⁴⁰ Politische Nachrichten // Berliner Börsen-Zeitung. 1877. 17 Januar. S. 2.

⁴¹ Hier et aujourd'hui // Le Petit Parisien. 1877. 20 Janvier. P. 2.

⁴² Journal des Débats Politiques et Littéraires. 1877. 17 Janvier. P. 1.

⁴³ Paris au jour le jour // Le Figaro. 1877. 19 Janvier. P. 2.

⁴⁴ Lettres d'Allemagne // Le Temps. 1877. 19 Janvier. P. 2.

зверств, так и пассивности британской дипломатии. Либеральная оппозиция во главе с У. Гладстоном, изложившим свои мысли в брошюре «Болгарские ужасы и восточный вопрос», активно включилась в протестное движение. Она требовала, чтобы Великобритания отказалась от поддержки Османской империи и совместно со всей Европой добилась вывода турецкой администрации из Боснии, Герцеговины и Болгарии. Допускалось при этом и осторожное сближение с Россией⁴⁵. Сочувствие британских либералов к борьбе и поражению сербов⁴⁶ и стало основанием для приглашения Черняева. То, что генерал ни в коей мере не был связан с российским правительством и имел статус чуть ли не изгоя, препятствием не являлось. Он мог выступать перед публикой как герой, самоотверженно сражавшийся за справедливое дело и представлявший в Сербии не свою страну, а всех равнодушных людей, независимо от их национальности. Черняев прибыл в Великобританию 1 февраля и оставался там до 11 марта, поселившись на острове Уайт. В Лондоне 13 февраля полковник Мур дал в его честь обед, на котором среди гостей присутствовали бывшие члены правительства Гладстона Дж. Гошен и У. Форстер⁴⁷. Через несколько дней банкет в честь русского гостя состоялся и в Манчестере⁴⁸.

Британские газеты немало писали о визите Черняева и предшествовавших ему событиях. Рассказывая о пражских происшествиях со слов собственного корреспондента, «Times» признавали, что «издалека нелегко судить о том, насколько реальной была опасность нарушения общественного порядка»⁴⁹. 20 января в газете поместили интервью Черняева, данное «Courrier de France». При этом издание не стало комментировать довольно радикальные заявления Черняева о том, что он планировал сербскую войну с самого начала восстания в Герцеговине, объявил Милана королём с согласия славянских комитетов, а с помощью создания Сербского царства на Балканах рассчитывал вынудить Александра II дать конституцию своим подданным и тем самым добиться победы неофициальной России над официальной⁵⁰.

Близкая к правительству «Morning Post» 16 января 1877 г. выразила надежду на то, что «урок изгнания генерала не пропадёт даром для наших славянофильских политиков». Дело панславистов казалось автору полностью проигранным, поскольку Австро-Венгрия показала, что не собирается играть в «русскую игру», а Турция сумела доказать свою жизнеспособность, тогда как славяне и их русские покровители произвели «чрезвычайно дурное впечатление»⁵¹. 22 января, говоря об итогах Константинопольской конференции и приводя слова Черняева о том, что в начале марта он возобновит командование сербской армией, газета крайне низко оценила военные способности сербов и рекомендовала им воздержаться от продолжения борьбы во избежание неминуемого поражения. Особую опасность для балканских славян представляла, по мнению автора, Российская империя, которая «жалеет их не потому, что

⁴⁵ Гладстон У. Болгарские ужасы и восточный вопрос. СПб., 1876. С. 56, 58, 60. Подробнее см.: Humanitarian Intervention in the Long Nineteenth Century: Setting the precedent. Manchester, 2015. P. 153.

⁴⁶ Гладстон У. Указ. соч. С. 47–49.

⁴⁷ Home News // Paisley & Renfrewshire Gazette. 1877. 17 February. P. 2.

⁴⁸ Western Daily Press. 1877. 15 February. P. 6.

⁴⁹ General Tchernayeff // Times. 1877. 15 January. P. 5.

⁵⁰ Ibid. 20 January. P. 5.

⁵¹ Morning Post. 1877. 16 January. P. 4.

они угнетены, а потому, что не она их угнетатель»⁵². Но в целом, хотя восточный кризис затрагивался тогда почти в каждом номере, подробности пребывания Черняева в Англии «Morning Post» интересовали мало.

20 февраля 1877 г. лорд Дерби заявил перед парламентом, что сербская армия почти полностью состояла из русских добровольцев, и тем самым Россия фактически принимала участие в войне. Это вызвало гневную отповедь со стороны Черняева, который написал письмо редактору либеральной газеты «London Daily News»⁵³, приведя в нём собственные расчёты и утверждая, что «с начала войны и до заключения перемирия по всей Сербии находилось не более трёх тысяч русских добровольцев, включая офицеров и солдат»⁵⁴. Это обращение (направленное также в «Times») перепечатали многие газеты, причём не только лондонские: «Sheffield Daily Telegraph», «Maryport Advertiser», «Christchurch Times», «Burnley Gazette», «Exmouth Journal», «Glasgow Herald» и др.

Но, кроме этого письма, какими-либо значимыми выступлениями пребывания Черняева в Великобритании не ознаменовалось: о нём не вспоминали даже либеральные издания, хотя летом—осенью 1876 г. его имя не сходило с газетных полос. Нет никаких указаний на то, что он встречался с Гладстоном и другими лидерами либеральной партии. Очевидно, интерес к нему быстро угас. Когда он переехал из Великобритании во Францию, его имя попадало в прессу всё реже и реже. Скитаясь по Европе, генерал нигде не нашёл ни моральной, ни материальной поддержки. По мере приближения русско-турецкой войны таяли и его надежды на возвращение в Сербию: Милан ответил на его письмо, но не звал в Белград⁵⁵. Тем временем сложное положение, в котором оказалась его семья, убедительно подталкивало Михаила Григорьевича к примирению с правительством. В апреле 1877 г. он получил возможность вернуться в Россию.

Поездка М.Г. Черняева служила наглядной иллюстрацией того, как накануне войны 1877—1878 гг. в Европе воспринимали российскую активность на Балканах. С одной стороны, проправительственные издания различных стран практически единодушно представляли генерала возмутителем спокойствия и едва ли не революционером, и это так или иначе влияло на образ России и на оценку её стремления к изменению установившегося положения. Выпады против Черняева носили оттенок враждебности к славянскому движению и к России, которая, казалось, была готова его возглавить. С другой стороны, позитивное отношение к Михаилу Григорьевичу в либеральных кругах вовсе не свидетельствовало ещё о пророссийских симпатиях, поскольку он открыто обособился от официального Петербурга и действовал как оппозиционер. Между тем даже те, кто выражали сочувствие балканским славянам и выступали против Турции, отнюдь не обязательно становились друзьями России.

⁵² Ibid. 22 January. P. 4.

⁵³ В 1876 г. «London Daily News» первыми опубликовали сведения своего корреспондента об истинном положении дел в Болгарии (*Robinson J.R. Fifty years of Fleet street. L., 1904. P. 183*). К Черняеву редакция относилась благожелательно и даже дважды воспроизводила его заявления, согласно которым в Праге он «не сделал ничего, что могло бы привлечь внимание общественности, и не сказал ничего такого, что могло бы встревожить австрийское правительство» (London Daily News. 1877. 18 January. P. 4).

⁵⁴ *Tchernaijeff M. The Russians in the Servian Army // London Daily News. 1877. 24 February. P. 5.*

⁵⁵ *McKenzie D. Op. cit. P. 178.*

**Англо-афганская война 1878–1880 гг.
в донесениях русского военного агента в Лондоне
А.П. Горлова**

Александр Томилин

**The Anglo-Afghan war of 1878–1880
in the reports of the Russian military agent in London A.P. Gorlov**

Aleksandr Tomilin

(Great Russian Encyclopedia, Moscow)

DOI: 10.31857/S0869568722050107, EDN: KLEBSW

В последнее время внимание исследователей разведки и её роли в формировании русско-британских отношений в Средней Азии во второй половине XIX в. всё чаще привлекает фигура военного агента в Лондоне генерал-майора Свиты А.П. Горлова¹. Однако освещение им событий англо-афганской войны до сих пор практически не анализировалось. Между тем без этого невозможно определить, насколько донесения, поступавшие из Англии, влияли на политику Петербурга в Афганистане и Средней Азии.

Канцлер кн. А.М. Горчаков в официальной переписке со статс-секретарём по иностранным делам гр. Дж. Гранвиллем в 1872–1873 гг. рассматривал Афганистан как «известную промежуточную зону» между российскими и британскими владениями, «которая предохраняла бы их от непосредственного соприкосновения»². Однако Восточный кризис 1870-х гг. и, в частности, появление в феврале 1878 г. в Мраморном море эскадры вице-адмирала Дж. Горнби заставили русское командование всерьёз задуматься о возможности похода в Индию. Весной 1878 г. было решено выделить для этого в Туркестане особый «отряд возможно большей силы» и заключить союз с афганским эмиром, к которому отправился генерал-майор Н.Г. Столетов. Ему поручалось собрать сведения о стране и её особенностях как потенциального театра военных действий, о местных войсках и настроениях населения, о положении и возможностях англо-индийской армии и т.п.³

После подписания Берлинского трактата разрыва с Англией удалось избежать, и 18 июля военный министр Д.А. Милютин телеграфировал туркестан-

© 2022 г. А.Р. Томилин

¹ См., в частности: *Ильина Т.Н.* А.П. Горлов и винтовки Х. Бердана // Архивы и время. Сборник материалов всероссийской научно-практической конференции. СПб., 2002; *Ильина Т.Н.* Военный агент А.П. Горлов. Биография // Victoria. Gloria. Fama. Материалы международной научной конференции, посвящённой 300-летию Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. Ч. 4. СПб., 2003; *Ильина Т.Н.* Военные агенты и русское оружие. СПб., 2008; *Лисицына Н.Н.* Русские военные агенты в Лондоне в конце XIX – начале XX века: взгляд на Восток // Клио. 2005. № 1(28); *Арбеков А.Б.* Роль военных агентов (атташе) в англо-российском соперничестве на востоке в середине 70-х гг. XIX века на примере деятельности А.П. Горлова // Война и оружие: новые исследования и материалы. Труды Десятой международной научно-практической конференции. Ч. I. СПб., 2021. С. 85–100.

² Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. М., 1952. С. 114.

³ «Большая игра» в Центральной Азии. «Индийский поход» русской армии. Сборник архивных документов / Сост. Т.Н. Злотникова. М., 2005. С. 80–100.

скому генерал-губернатору К.П. фон Кауфману о том, что Александр II повелел «вовсе отменить предполагавшееся с целью демонстрации наступательное движение со стороны Туркестанского округа и Красноводска», а «собранные на границе отряды возвратить в места постоянного расположения». 20 июля генерал-губернатор подписал соответствующий приказ⁴. В новых условиях необходимость в поддержке эмира отпала. Но со Столетовым, прибывшим в Кабул 29 июля (10 августа), телеграфной связи не было, и в начале августа он вместе с Шир-Али-ханом составил «проект дружественной конвенции» с Афганистаном, согласно которому Россия признавала независимость эмира и обещала ему дипломатическую, финансовую и материальную помощь, а также защиту от нападения третьей державы. 9 сентября Кауфман прямо писал гр. Милютину, что речь шла о возможности «получить протекторат над Афганистаном»⁵.

Появление Столетова в Афганистане воспринималось в Лондоне как прямая угроза Индии. И уже 24 сентября (6 октября) Горлов «секретно» информировал о том, что «занятие Афганистана в принципе решено, английское правительство узнало с радостью о появлении русской миссии в Кабуле, и предлог для покорения Афганистана был найден». Активизацию британцев Александр Павлович объяснял их желанием сохранить свой престиж в Азии и прежде всего — в Индии⁶.

Ещё с 1875 г. англичане пытались наладить дипломатические связи с Кабулом, но встречали сопротивление эмира. В том же году министр по делам Индии лорд Солсбери писал об Афганистане: «Мы не можем оставить ключи от ворот в руках охранника сомнительной честности, который настаивает на особых условиях своей службы, которые он не обязан строго соблюдать»⁷. Ситуация лишь осложнялась голодом в Бенгалии в 1873—1874 гг. и в Мадрасе в 1877 г., а также всплеском недовольства местного населения⁸. Британский поверенный в делах Р.Ф. Томсон сообщал из Тегерана 2 июля 1878 г.: «Не подвергается сомнению, что народ Индии поднимет восстание, когда до них дойдёт слух о русских войсках, направляющихся к их стране, чтобы восстановить их свободу»⁹.

В конце октября — начале ноября Горлов изложил в своих донесениях британский план войны, согласно которому планировалось занять войсками выходы с горных перевалов на юге (Кандагар, Джалалабад и Кветта), запирая Индию от возможного вторжения. Для этого, по его сведениям, были созданы три отряда общей численностью 34 тыс. человек при 150 орудиях¹⁰. На деле же армия вторжения, сформированная с августа 1878 г., насчитывала 37 тыс. солдат при 144 орудиях¹¹. Таким образом, Горлов располагал довольно

⁴ Там же. С. 129—130.

⁵ Там же. С. 153—159. Подробнее о миссии Столетова см.: *Айранетов О.Р.* История внешней политики Российской империи. 1801—1914 гг. Т. 3. М., 2018. С. 507—509, 532—534.

⁶ РГВИА, ф. 401, оп. 3/927 (1878), д. 15, л. 75—76.

⁷ *Robson B.* The road to Kabul. The Second Afghan War 1878—1881. L.; N.Y.; Sydney, 1986. P. 40.

⁸ Подробнее см.: *Сидорова С.Е.* Индийский хлопок и британский интерес. Овеществлённая политика в колониальную эпоху. СПб., 2016. С. 305—313. В то же время только доходы от экспорта хлопка из Индии увеличились в 1860—1870-х гг. с 225 до 516 млн фунтов стерлингов (Там же. С. 311).

⁹ «Большая игра»... С. 108.

¹⁰ РГВИА, ф. 401, оп. 3/927 (1878), д. 15, л. 116, 121. См. также: «Большая игра»... С. 172—174, 192—195.

¹¹ *The Second Afghan War 1878—1880. Abridged Official Account.* L., 1908. P. 18.

точными сведениями¹², и они были особенно важны, поскольку русские силы в Туркестане выглядели гораздо скромнее. В Хивинском походе в 1873 г. участвовали всего 5,5 тыс. человек¹³. Для похода в Афганистан летом 1878 г. Кауфман смог собрать до 14 тыс. человек¹⁴, что потребовало наивысшего напряжения всех имевшихся ресурсов. По мнению оренбургского генерал-губернатора Н.А. Крыжановского, из Туркестана можно было направить в Афганистан 15–20 тыс. солдат, но в этом случае быстро заменить их в крае новыми подразделениями не удалось бы¹⁵. Британцы же имели возможность снабжать свои части по железной дороге и восполнять потери за счёт новых призывов. По словам Н.И. Гродекова, не трудно было представить судьбу русского отряда, «когда он, отрезанный от всякого сообщения с Аму-Дарьёй в течение 5 месяцев, очутился бы лицом к лицу с английскими войсками, сравнительно свежими и могущими выставить могущественную артиллерию»¹⁶. К тому же в России не имели никаких представлений ни о природных условиях, ни о населении Афганистана. Для изучения его северных областей Кауфман послал двух полковников Генерального штаба – П.П. Матвеева и Н.И. Гродекова, приказав им исследовать пути, ведущие от Ферганской обл. к границам Индии¹⁷. Однако Матвееву помешали погодные условия и слезка афганцев, Гродеков же пришёл к выводу, что ключом к Герату является не Мервский оазис, а персидский Хорасан¹⁸.

Отмечая в дневнике, что все ожидают разрыва Англии с Афганистаном, гр. Милютин 20 сентября телеграфировал Кауфману о необходимости «вывести эмира из заблуждения насчёт немедленной нашей помощи и советовать крайнюю осторожность в сношениях с англичанами для избежания рискованного столкновения». По сути, граф ставил перед генерал-губернатором невыполнимую задачу: «Желательно сохранить установившиеся хорошие отношения наши с эмиром, не давая, однако же, предлога Англии утвердиться в Афганистане»¹⁹. Тем временем правительство Б. Дизраэли активно настраивало общественное мнение, внушая через прессу, что Россия жаждет заполучить Афганистан как ключ к богатствам Индии²⁰. 7(19) ноября Горлов констатировал, что газетная кампания возымела успех, и раздражение британцев достигло чрезвычайных размеров: «Война в Афганистане, по общему мнению, есть война против России»²¹.

В октябре, после очередной попытки англичан прислать своё посольство, эмир заявил, что не согласится на это без разрешения Кауфмана, которому уже отправил письмо с просьбой принять Афганистан в русское подданство.

¹² Для сравнения, российский поверенный в делах в Лондоне действительный статский советник М.Ф. Бартоломей 3(15) октября 1878 г., ссылаясь на «журналы», писал, что англичане намерены послать в Индию 14,3 тыс. солдат при 84 орудиях («Большая игра»... С. 170–171).

¹³ *Айранетов О.Р.* История внешней политики... С. 277.

¹⁴ «Большая игра»... С. 98–99, 124, 130–131, 209, 261.

¹⁵ Там же. С. 162.

¹⁶ Записка Ген[ерального] шт[аба] генерал-майора Гродекова о путях из Закаспийского края в Герат // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. 5. СПб., 1883. С. 108–109.

¹⁷ РГВИА, ф. 400, оп. 1, д. 578, л. 1.

¹⁸ Записка Ген[ерального] шт[аба] генерал-майора Гродекова... С. 114.

¹⁹ *Милютин Д.А.* Дневник. 1876–1878 / Под ред. Л.Г. Захаровой. М., 2009. С. 475; «Большая игра»... С. 163.

²⁰ РГВИА, ф. 401, оп. 3/927 (1878), д. 15, л. 83.

²¹ Там же, л. 115 об.

Генерал-губернатор немедленно отозвал Столетова из Кабула для доклада о сложившейся обстановке²². А генерал Ч. МакГрегор 22 октября записал в дневнике: «Эмир, сосредотачивая крупные силы у Хайберского прохода, тем самым бросает нам вызов, и мы должны принять его»²³.

26 октября (7 ноября) Горлов информировал министра, что английский военный отряд перешёл границу с Афганистаном, не встретив сопротивления. Об этом было «доложено его величеству 7 ноября»²⁴. В Петербурге решили отозвать посольство из Кабула²⁵. Посол в Лондоне гр. П.А. Шувалов заверил британцев в том, что независимость Афганистана будет сохранена. «Поддержание эмира афганского в борьбе с Англией было бы уместно только в том случае, если бы разрыв с Англией сделался бы неизбежным, — писал Милютин Кауфману 6 декабря. — Это и имелось в виду в начале текущего года, когда мы готовились к войне. Теперь же не может быть и речи о каких-нибудь активных мерах с нашей стороны, и если эмир, решившись на войну с Англией, рассчитывает на материальную нашу поддержку, то полагаю, что не мы, не посольство наше в Кабуле ввели его в подобное заблуждение»²⁶. Ради сохранения мира приходилось жертвовать новоприобретённым союзником.

23 декабря гр. Милютин узнал от Кауфмана, что Шир-Али покинул Кабул, а перед тем «объявил народу, что не хочет входить ни в какие сделки с англичанами» и «едет в Петербург к государю императору представить всё дело на его суд». Своё решение Шир-Али-хан ещё 1 декабря передал «английским генералам» и теперь ожидал соизволения царя на свою поездку. На следующий день на совещании у Александра II при участии графа, канцлера и товарища министра иностранных дел Н.К. Гирса было «решено дать ответ генералу Кауфману в том смысле, чтобы отклонить Шир-Али от его намерения, дабы не усложнить ещё более наших отношений, и без того уже натянутых, с англичанами»²⁷. Кн. Горчаков в тот же день телеграфировал об этом в Туркестан²⁸. Кауфман пытался убедить канцлера и военного министра не отказывать эмиру «в почётном гостеприимстве» и хотя бы в «нравственной поддержке», но добился лишь позволения Шир-Али «временно остановиться в Ташкенте»²⁹. 8 января 1879 г., после очередного совещания с кн. Горчаковым, гр. Милютиным и Гирсом, Александр II поручил Кауфману задерживать эмира «сколько можно», пока гр. Шувалов не выяснит «намерения Англии». «Если бы мы получили категорическое обязательство от английского кабинета не распространять ост-индской границы к северу Гиндукуша и сохранить независимость Афганистана, — писал в дневнике гр. Милютин, — если бы мы могли устранить всякие сомнения насчёт враждебных против нас планов Англии, то, конечно, лучше избежать всякого нового повода к раздражению нашей соперницы на востоке. Если же, напротив того, окажется необходимым готовиться к предстоящему

²² Милютин Д.А. Дневник. 1876–1878. С. 473.

²³ War in Afghanistan 1879–1880. The Personal Diary of Major General Sir Charles Metcalfe MacGregor. Detroit, 1985. P. 68.

²⁴ «Большая игра»... С. 190–192.

²⁵ Милютин Д.А. Дневник. 1876–1878. С. 489.

²⁶ «Большая игра»... С. 217.

²⁷ Милютин Д.А. Дневник. 1876–1878. С. 490.

²⁸ «Большая игра»... С. 230.

²⁹ Там же. С. 231–235.

рано или поздно разрыву с Англией, то было бы нерасчётливо прервать начавшиеся связи с Афганистаном»³⁰.

Со своей стороны, Горлов на основе сведений, полученных от резидентов, составил краткий очерк афганской кампании³¹. По его словам, «особенно трудны в этой войне сообщения и снабжения, это так же худо организовано и в Индии»³². Действительно, связь и интендантская часть у британских войск оставляли желать лучшего, солдаты по два дня могли не получать пищи, наблюдался сильный падёж вьючных животных³³. Вместе с тем афганцы сопротивлялись скорее номинально, нередко с помощью золота удавалось заключать мир с их племенными старейшинами. Поэтому англичане двинулись на Кандагар и Герат, полагая, что Герат есть ключ к Афганистану, а Кандагар — задвижка от Герата³⁴. Судя по всему, этому рапорту придавалось большое значение, поскольку его вместе с картами с пометой «секретно» отправили Кауфману³⁵.

Горлов отмечал, что проблемы, с которыми столкнулась британская армия в Афганистане, вызвали брожение среди туземцев. Он даже предлагал через тайного осведомителя выйти на одного из раджей и поддержать антиправительственное движение в Индии³⁶. Горлов видел, что после неудач в Южной Африке, где англичане в январе 1879 г. приступили к покорению зулусов, и волнений среди индусских правителей, желавших уже перейти к вооружённому сопротивлению³⁷, в Лондоне всё чаще задумывались о завершении войны в Афганистане с аннексией Джелалабада и Кветты³⁸.

В марте боевые действия от Джелалабада до Кандагара превратились в бесконечную погоню за небольшими группами афганцев, что выматывало преследователей физически и морально³⁹.

Из британской прессы у Горлова складывалось впечатление, что «та самая нация, которая в прошлую турецкую войну выдумывала про наши войска самые несообразнейшие клеветы о жестокостях против турок и кавказцев и проливала такие лицемерные слёзы, совершает над горцами нечеловеческие зверства, засвидетельствованные не врагами, как это было сделано против нас, но их же собственными корреспондентами»⁴⁰. Ф.С. Робертс оправдывал такие действия как «меры для поддержания порядка среди фанатичного, вероломного и мстительного населения»⁴¹.

14(26) мая в ауле Гандамак новый эмир Якуб-Бек-хан, сын Шир-Али, заключил мир с британским командованием. Англичане обязались вывести своих солдат из Афганистана, границей которого становилась р. Кабул, тогда как округа с важными горными перевалами присоединялись к индийским владени-

³⁰ Милютин Д.А. Дневник. 1879–1881 / Под ред. Л.Г. Захаровой. М., 2011. С. 22–23.

³¹ РГВИА, ф. 401, оп. 3/927 (1879), д. 4, л. 1.

³² Там же, л. 22 об.

³³ Там же, л. 3, 22. См. также: *Roberts of Kandahar F.S. Forty-one years in India. From subaltern to Commander-in-Chief. Vol. 2. L., 1897. P. 131.*

³⁴ РГВИА, ф. 401, оп. 3/927 (1879), д. 1, л. 5–6.

³⁵ Там же, л. 9.

³⁶ Там же, л. 31. К этой теме Александр Павлович периодически возвращался с 1877 г.

³⁷ Этому Горлов посвятил отдельный рапорт (№ 19): Там же, л. 54.

³⁸ Там же, л. 51.

³⁹ Там же, л. 58. В иных случаях они, наоборот, сводились к сидению в лагере с редкими вылазками в сторону перевала: *Duke J. Recollections of the Kabul campaign 1879–1880. L., 1883. P. 15.*

⁴⁰ РГВИА, ф. 401, оп. 3/927 (1879), д. 1, л. 79 об.

⁴¹ *Roberts of Kandahar F.S. Op. cit. Vol. 2. P. 229.*

ям империи. В Кабуле появился и дипломатический представитель Великобритании — майор Л. Каваньяри. Сообщая об этом 21 мая (2 июня) в Петербург, Горлов высказал предположение, что поспешность подписания соглашения объяснялась прежде всего беспорядками в Индии, куда для борьбы с мятежниками приходилось отряжать отряды в 3 тыс. человек с артиллерией⁴².

Но, несмотря на эти затруднения, победы англичан тревожили Петербург. На рубеже 1878—1879 гг. начальник Азиатской части Главного штаба генерал-лейтенант Л.Н. Соболев в записке о предстоящем походе в Туркмению указывал: «Правильное устройство нашего среднеазиатского театра военных действий необходимо особенно в настоящее время, когда великобританское правительство напрягает все свои силы к созданию могущественного военно-стратегического положения в Южной Азии, начиная от западной части Малой Азии и до восточных пределов Ост-Индии, для чего, между прочим, оно и ведёт современную нам афганскую войну»⁴³. По свидетельству посланника в Тегеране И.А. Зиновьева, события в Афганистане также заметно влияли на персов и мервских туркмен, признавших себя в конце 1877 г. вассалами шаха⁴⁴. В соответствии с соображениями Зиновьева, мнениями генерал-майора А.И. Глуховского и полковника А.Н. Куропаткина Особое совещание, в котором под председательством кавказского наместника вел. кн. Михаила Николаевича участвовали Гирс, гр. Милютин, начальник Главного штаба гр. Ф.Л. Гейден и генерал-майор В.В. Гурчин, 21 января 1879 г. высказалось «в пользу решительных действий с целью занятия пункта среди самого оазиса Текинского»⁴⁵. Для того чтобы занять линию на границе с Персией по рекам Атерк и Узбой, был образован отряд под командованием генерал-лейтенанта И.Д. Лазарева (в августе его сменил генерал-майор Н.П. Ломакин) из 8,5 батальонов пехоты, 10 эскадронов и сотен (общей численностью 10 200 человек при 34 орудиях)⁴⁶. 30 июля он выступил в поход, 28 августа штурмовал Геок-Тепе⁴⁷, но был отбит и, как писал в дневнике Милютин, своим бегством «перед этой сволочью» нанёс существенный урон обаянию и престижу России в Средней Азии⁴⁸. Уже осенью туркмены возобновили набеги на Закаспийскую область⁴⁹.

Летом 1879 г. Горлов, ссылаясь на своих осведомителей, доложил о повышенном интересе к данной экспедиции в Лондоне. В Туркмению даже направили двух офицеров для передачи местным племенам денег и оружия⁵⁰. Горлов полагал, что это позволит приковать все англо-индийские силы к Средней Азии и, ввиду непрекращающихся волнений в Индии, вынудит британцев при-

⁴² РГВИА, ф. 401, оп. 4/927 (1879), д. 1, л. 101 об., 166 об.; *Balfour B.* The history of Lord Lytton Indian administration, 1876 to 1880: compiled from letters and official papers. L., 1899. P. 326–328.

⁴³ *Сергеев Е.Ю.* Большая игра. Мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М., 2012. С. 168.

⁴⁴ *Гродеков Н.И.* Война в Туркмении. Поход Скобелева в 1880—1881 гг. Т. 1. СПб., 1883. С. 133; *Терентьев М.А.* Завоевание Средней Азии. Т. 3. СПб., 1906. С. 6; *Хидоятов Г.А.* Из истории англо-русских отношений в Средней Азии в конце XIX века (60—70х гг.). Ташкент, 1969. С. 205.

⁴⁵ *Милютин Д.А.* Дневник. 1879—1881. С. 25.

⁴⁶ *Гродеков Н.И.* Указ. соч. Т. 1. С. 134—135, 143; *Терентьев М.А.* Указ. соч. Т. 3. С. 7.

⁴⁷ *Гродеков Н.И.* Указ. соч. Т. 1. С. 150—151.

⁴⁸ *Милютин Д.А.* Дневник. 1879—1881. С. 92, 96.

⁴⁹ *Куропаткин А.Н.* Завоевание Туркмении (поход в Ахал-теке в 1880—1881 гг.). СПб., 1899. С. 101.

⁵⁰ РГВИА, ф. 401, оп. 3/927 (1879), д. 1, л. 110—111, 174; *Хидоятов Г.А.* Указ. соч. С. 204. Это подтверждалось и донесениями Зиновьева из Тегерана.

слать в регион подкрепления, ограничив тем самым возможности метрополии в других частях света⁵¹.

29 августа (10 сентября) Горлов доложил о резне, устроенной 3 сентября афганцами в британском посольстве в Кабуле, и о том, что лорд Литтон приказал Робертсу немедленно ввести войска в Афганистан⁵². Горлов справедливо считал эти части наиболее боеспособными⁵³. Учитывая ошибки предыдущей кампании, Робертс реорганизовал обоз, умело вёл кавалерийскую разведку⁵⁴ и уже 30 сентября (12 октября) занял Кабул, объявив его на осадном положении и потребовав от старшин сдать всё оружие, имевшееся у местного населения⁵⁵. Якуб-хан отрёкся от престола и выехал в Индию. Тогда же, по данным Горлова, англичане, одолев зулусов, получили возможность перебросить в Афганистан из Африки два полка кавалерии, два батальона пехоты и три артиллерийских батареи⁵⁶. Из самой метрополии собирались отправить волонтёров и два полка пехоты, с 1877 г. усиленно готовившихся к ожидавшемуся столкновению с Россией⁵⁷.

Победы англичан в Афганистане на фоне поражения русских в Туркмении заставили Петербург продолжить движение к Геок-Тепе. В феврале 1880 г. на Особых совещаниях, несмотря на категорические возражения гр. Гейдена, предлагавшего даже очистить Закаспийскую область, и министра финансов С.А. Грейга, возобладало мнение гр. Милютина и генерал-лейтенантов Н.Н. Обручева и М.Д. Скобелева, настаивавших на новой экспедиции. 1 марта Александр II назначил Скобелева начальником Закаспийского отряда⁵⁸, а в мае Горлов получил распоряжение доставлять генералу все политические известия из Англии⁵⁹.

15(27) мая Горлов информировал о желании Лондона закончить войну с Афганистаном и вывести войска из Кабула, сохранив контроль над Кандагаром и возведя на престол Абдурахман-хана (внука создателя эмирата Дост Магомет-хана). 20 июня он провозгласил себя эмиром и через два дня был признан Великобританией. При этом он отказался от права вести самостоятельную внешнюю политику, полностью передав её в руки англичан, которые, в свою очередь, согласились с тем, что в Кабуле их будет представлять не офицер или дипломат, а один из местных мусульман, состоящий при эмире⁶⁰. Однако война не закончилась, поскольку на власть продолжал претендовать Аюб-хан, сын Шир-Али-хана. Вместе с тем, по наблюдениям Горлова, 10(22) июля «крики против России почти совсем стихли», и «Англия, судя по выражению её через

⁵¹ РГВИА, ф. 401, оп. 3/927 (1879), д. 1, л. 126.

⁵² Там же, л. 195 об.

⁵³ Там же, л. 189.

⁵⁴ War in Afghanistan... P. 47, 78; *Mitford R.C.W.* To Kabul with cavalry brigade. L., 1881. P. 26.

⁵⁵ РГВИА, ф. 401, оп. 3/927 (1879), д. 1, л. 220.

⁵⁶ Там же, л. 172 об., 185.

⁵⁷ Там же, л. 84–85, 188; *Wilmot A.F.* History of Zulu war. L., 1880. P. 84; Иностранное военное обозрение // Военный сборник. 1879. № 1. С. 83.

⁵⁸ *Милютин Д.А.* Дневник. 1879–1881. С. 159–160, 166–167, 170. Примечательно также появление в 1880 г. записки генерал-майора гр. Ю.А. Борха (командовавшего бригадой в Туркестане) «Экспедиция в Ахал-Теке», в которой допускалась возможность захвата британцами в течение года не только Герата, но и Мерва, и указывалось, что «рождается вопрос о том, русское или английское влияние должно первенствовать в Персии» (*Тихомиров М.Н.* Присоединение Мерва к России. М., 1960. С. 45).

⁵⁹ *Гродеков Н.И.* Указ. соч. Т. 1. С. 243.

⁶⁰ *Ромодин В.А.* Афганистан во второй половине XIX – начале XX вв. Официальная история и историография. М., 1990. С. 75–76.

прессу, почти совсем вошла по отношению к России в среднее, нормальное, русло»⁶¹. Видимо, на это влияла и обстановка парламентских выборов, состоявшихся летом 1880 г., после которых консервативное министерство лорда Биконфильда уступило место либеральному кабинету во главе с У. Гладстоном.

Впрочем, и при новом правительстве политика Британии в Афганистане не изменилась. Одной из важнейших её задач оставалась аннексия Кандагара, на которой настаивали как военные (в частности, генералы Робертс и Стюарт), так и политики, видевшие в нём ключевой пункт для защиты Индии от афганцев и русских⁶². Между тем 27 июля англичане потерпели поражение у аула Майванд, после чего Аюб-хан осадил Кандагар, что сразу же вызвало беспорядки на северо-западе Индии, для подавления которых пришлось привлекать войска. «На эти обстоятельства, — писал Горлов, — мне кажется, следует обратить особое внимание, так как они дают верное преставление о характере положения английской власти в Индии. Небольшого поражения в Афганистане было достаточно, чтобы потрясти всю страну от Кандагара до Бомбея включительно, а между тем эта западная часть Индии всегда считалась гораздо более прочною и преданною Англии, нежели кишашая недовольством и враждебностью долина Ганга и вообще Бенгальское президентство». По мнению Александра Павловича, в случае войны с Россией достаточно было двух поражений англичан, чтобы в Индии немедленно вспыхнуло восстание, способное если не опрокинуть, то очень сильно поколебать британское владычество в этой стране. Неудивительно, что в парламенте болезненно интересовались тем, двинется ли армия Скобелева на Герат, а ответ правительства, признавшего, что получить сведения об этом весьма затруднительно, едва ли мог кого-то успокоить⁶³. Действительно, ещё в 1879 г., реагируя на донесения Горлова о том, что корреспондент газеты «Daily News» является шпионом, доступ журналистов к войскам в Туркестане ограничили, а людей, близких к находившимся в Персии английским офицерам, арестовали⁶⁴.

1 сентября 1880 г. Робертс разбил Аюб-хана при Кандагаре. Ни в самой битве, ни в предшествовавшем ей марше по полупустыне из Кабула в Кандагар Горлов не видел ничего выдающегося, поскольку войска хорошо снабжались водой и провизией, а афганцы так и не были до конца разгромлены⁶⁵. Гораздо большее значение он придавал появившемуся в сентябре известию о намерении правительства вывести войска из Кандагара после восстановления там порядка. Вызванное им раздражение среди военных лишь усилилось после того, как 12 января 1881 г. Скобелев взял штурмом Геок-Тепе. И хотя Гирс и гр. Милютин тогда же заверили британского посла лорда Дафферина в том, что дальнейшее продвижение к Мерву не входит в планы Петербурга⁶⁶, безопасность Мерва и Кандагара обсуждалась в Палате общин в феврале и марте 18 раз⁶⁷.

⁶¹ РГВИА, ф. 401, оп. 4/928 (1880), д. 4, л. 27–28 об.

⁶² Hansard's Parliamentary debates. Third series. Vol. 258. L., 1881. P. 1947; *Boulgher D. G. Ought we to hold Candahar?* L., 1879; *D. B. Our Afghan policy and occupation of Candahar.* L., 1880. P. 3, 10–11.

⁶³ РГВИА, ф. 401, оп. 4/928 (1880), д. 4, л. 25, 33.

⁶⁴ Там же, оп. 3/927 (1879), д. 1, л. 120–122; *Хидояттов Г. А.* Указ. соч. С. 122.

⁶⁵ РГВИА, ф. 401, оп. 3/927 (1879), д. 1, л. 42–47.

⁶⁶ Там же, оп. 4/928 (1880), д. 4, л. 48; Афганское разграничение. Переговоры между Россией и Великобританией 1872–1885. СПб., 1886. С. 31.

⁶⁷ Hansard's Parliamentary debates... Vol. 258. P. 167, 342, 1860; Vol. 259. L., 1881. P. 333, 342, 382. На войска, занимавшие Кандагар (16 104 человек при 56 орудиях), выделялось 950 тыс. фунтов стерлингов в год (Hansard's Parliamentary debates... Vol. 258. P. 762–763). При этом содержание

Летом 1881 г. Горлов констатировал: «Нет сомнения, что... убеждение о неизбежности военного столкновения между Россией и Англией где-нибудь в Афганистане живёт не только в консервативном лагере, но также среди либералов, и никакой попытке разубедить их не предоставляется ни малейшего впечатления, так как они принимаются только за желание усыпить бдительность англичан. Вообще все военные того мнения, что борьба с Россией в Азии будет длиться непрерывно, улучшая, с одной стороны, организацию и качество войск, а с другой — подготавливая выгодные условия на месте, изучая страну как и с русской, так и с их стороны, занимая войсками стратегические пункты, проводя железные дороги вдоль афганской границы далеко вовнутрь Афганистана, заводя связи с полунезависимыми народностями, обитающими в том месте, а именно: начиная с северной границы Кашмира и оканчивая всей северной окраиной Персии до Каспийского моря»⁶⁸. Тем самым генерал чётко очерчивал как будущий театр войны, так и вероятного противника — англо-индийскую и афганскую армии. Но в марте 1882 г. Горлова по состоянию здоровья отозвали из Лондона, где его сменил генерал-майор К.К. Ланц, первый же рапорт которого был посвящён положению Афганистана⁶⁹. В дальнейшем этот регион занимал центральное место в его донесениях.

Рапорты А.П. Горлова о боевых действиях в британской Индии и реакции англичан на русскую политику в Средней Азии позволяли вскрыть ряд проблем, таких как низкий мобилизационный потенциал Туркестана, отсутствие необходимой логистики в военном округе и приграничных областях, незнание командованием местных условий. Осознание этих недостатков помогало постепенно менять ситуацию. Так, в 1899 г., судя по отчёту генерал-губернатора С.М. Духовского, против 70 тыс. англо-афганской армии Туркестанский военный округ мог выставить по мобилизации уже 93 тыс. человек, которые через 12–28 дней двинулись бы к Кабулу и Герату и за 65 дней были бы усилены, благодаря железнодорожным перевозкам, одним-двумя корпусами из внутренних губерний⁷⁰. Кроме того, активная подготовка при Александре III военных востоковедов заметно расширила возможности ведения разведки в регионе.

гарнизона было сопряжено со значительными трудностями, а его численность, по оценке Горлова, не могла составлять менее 10 тыс. человек (РГВИА, ф. 401, оп. 4/928 (1880), д. 4, л. 33).

⁶⁸ РГВИА, ф. 401, оп. 4/928 (1881), д. 4, л. 7.

⁶⁹ Там же, л. 9.

⁷⁰ Там же, ф. 400, оп. 4, д. 26, л. 9–10.

Особый артиллерийский запас и Босфорская экспедиция

Сергей Чекмарёв

Special artillery reserve and the Bosphorus expedition

Sergei Chekmarev

(Lomonosov Moscow State University, Russia)

DOI: 10.31857/S0869568722050119, EDN: KLGRCY

В советской историографии «проблема проливов» традиционно рассматривалась как часть более масштабного «Восточного вопроса» — комплекса противоречий ведущих мировых держав (прежде всего Великобритании и России) в регионах Чёрного и Средиземного морей, а также Балкан и Южной Европы, находившихся полностью или частично под властью Турции¹. В современных исследованиях Босфорская экспедиция рассматривается чаще всего как часть балкано-турецкого направления внешней политики Петербурга. Исследуется деятельность Главного штаба под руководством Н.Н. Обручева, который планировал и готовил военную экспедицию, отмечается ведущая роль англо-русского соперничества в регионе². Англо-русское противостояние относительно Босфора и Дарданелл нашло своё отражение и в западной историографии, прежде всего в работах по истории британского военно-морского флота³. При этом Босфорская экспедиция как вариант решения «Восточного вопроса» значительно менее изучена. Данная статья ставит перед собой цель раскрыть такой аспект её подготовки, как формирование Особого артиллерийского запаса.

Генезис идеи. К моменту проведения Босфорской экспедиции идея одновременного использования против превосходящих сил неприятельского флота береговой артиллерии и минных заграждений была не нова. Так, подобная схема защиты была опробована Россией, хоть и с неоднозначными результатами, ещё в Крымскую войну на Балтийском море. Уже в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. применялись общие принципы минно-артиллерийской позиции, созвучные их современному пониманию. Так, в конце апреля 1877 г. для прикрытия переправы русских войск через Дунай у Браилова была «вооружена» батарея из четырёх осадных орудий, после чего сапёры немедленно начали устанавливать на реке минное заграждение для дополнительной защиты от мониторов. Группа турецких кораблей попыталась помешать установке мин и сорвать переправу, русская батарея в ответ открыла огонь.

© 2022 г. С.А. Чекмарёв

¹ *Хвостов В.М.* Проблемы захвата Босфора в 90-х гг. XIX в. // Историк-марксист. 1930. Т. 20; *Княпина Н.С.* Балканы и проливы во внешней политике России в конце XIX века (1878–1898). М., 1994; *Рыбачёнок И.С.* Разногласия в правящих кругах России о направлении внешней политики в 1886–1887 годах // Вестник Московского университета. Сер. История. 1973. № 5.

² *Айранетов О.Р.* Внешняя политика Российской империи 1801–1914 гг. М., 2006; *Айранетов О.Р.* Англо-русское противостояние в Восточном Средиземноморье и проблема захвата Босфора в 90-х гг. XIX века // Россия и реформы. М., 1997; *Айранетов О.Р.* Забытая карьера «Русского Мольтке». Николай Николаевич Обручев (1830–1904). СПб., 1998.

³ *Kennedy P.M.* The Rise and Fall of British Naval Mastery. L., 1976; *Marder A.J.* The Anatomy of British Sea Power. N.Y., 1940; *Панастратиев И.* Британская стратегия: Русский флот и Черноморские проливы, 1890–1904 // Русский сборник. Исследования по истории России. Т. IX. М., 2010.

Первоначально обстрел не приносил результата, однако впоследствии русские артиллеристы дважды попали по ближайшему броненосному корвету «Луфти-Джелиль». Оба снаряда пробили палубу и вызвали детонацию порохового погреба, что повлекло немедленную гибель корабля⁴. Огонь вёлся из 9-дюймовой мортиры (229 мм) и 24-фунтовой (152 мм) пушки на расстояние от 3,5 до 4 тыс. м.

В феврале 1878 г., когда русские войска уже приближались к Константинополю, в Мраморное море под стены турецкой столицы вошла британская эскадра адмирала Д. Хорнби, состоявшая первоначально из четырёх, а потом и шести броненосцев⁵. Официальным поводом появления эскадры служила, естественно, защита «жизни и собственности британских подданных»⁶. Было понятно, что при дальнейшем обострении ситуации английская эскадра не преминет прорваться в Чёрное море.

По просьбе Александра II Э.И. Тотлебен немедленно приступил к планированию и подготовке адекватного угрозе силового ответа. Итогом стала всеподданнейшая записка «О захвате Босфора», представленная императору в марте 1878 г.⁷ Предлагалось захватить ударом с тыла все турецкие укрепления на западном берегу Босфора от Буюк-Дере до Чёрного моря, выставить в проливе минные заграждения (для чего 500 мин было отправлено в Одессу и подготовлено к отправке ещё 300) и установить на возвышенностях дополнительные батареи на 50 мортир (в основном 6- и 9-дюймовых). Орудия и мины планировалось перевозить на судах «Русского общества пароходства и торговли» (РОПиТ). Армии следовало обеспечить создание на Верхнем Босфоре плацдарма, защищённого с моря и суши.

Замысел Особого запаса. Общая задача Босфорской операции была поставлена в 1881 г. на Особом морском совещании высшего политического и военного руководства, решения которого получили полное одобрение Александра III. Совещание констатировало «постепенно приближающуюся окончательную развязку Восточного вопроса» и указало на необходимость русскому флоту «готовиться к тому, чтобы в момент наступления развязки овладеть устьями Босфора, укрепиться на обоих его берегах и, став прочно у входа в Чёрное море, оградить его воды и берега от всякого посягательства. Такую операцию можно совершить посредством быстрого десанта»⁸. За действия и подготовку кораблей эскадры отвечал Черноморский флот, десанта и экспедиции в целом — Одесский военный округ, что было впоследствии подтверждено высочайшей инструкцией 1897 г.⁹

Задача стояла сложная, прежде всего с логистической и организационной точек зрения. Предстояло подготовить то, что русская военная мысль того времени именовала «смешанной морской экспедицией». Под этим понималась операция, «при которой сухопутные войска, для того чтобы достичь театра военных действий, должны предварительно совершить морской переезд, какой производится под охраною флота, имеющего целью способствовать вместе

⁴ Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877–78 гг. Вып. 2. СПб., 1898. С. 58.

⁵ Parkinson R. The Late Victorian Navy. The Pre-Dreadnought Era and the Origins of the First World War. Woodbridge, 2008. P. 17.

⁶ Дневник Д.А. Милютина. Т. 3. М., 1950. С. 19.

⁷ РГВИА, ф. 400, оп. 4, д. 587, л. 4–6.

⁸ Киняпина Н. С. Балканы и проливы во внешней политике России... С. 173.

⁹ РГВИА, ф. 400, оп. 4, д. 588, л. 37.

с тем выполнению той же задачи, которая поставлена и конвоируемым сухопутным войскам»¹⁰.

К 1890-м гг. планы экспедиции оформились окончательно. Суть замысла сводилась к прорыву броненосцев Черноморского флота в Верхний Босфор и высадке там десанта с последующим блокированием минными постановками и артиллерийскими позициями. При этом турецкие береговые батареи подавлялись огнём эскадры и штурмом десантных подразделений с суши. Следует отметить, что к 1895 г. Россия имела на Чёрном море уже пять эскадренных броненосцев, вскоре эскадру усилил «Три святителя». Вооружены они были 32 12-дюймовыми (305 мм) и 40 6-дюймовыми (152 мм) орудиями¹¹.

По оценкам зарубежных историков, в 1895–1904 гг. в гаванях Мальты на постоянной основе базировались от 12 до 14 современных британских броненосцев¹², превосходивших боевые возможности Черноморского флота. В связи с этим командование Одесского военного округа неоднократно заявляло, что «какое бы широкое развитие ни получил бы наш Черноморский флот, противники наши всегда могут явиться сюда с большими силами и потому преграждение пролива одними только нашими морскими силами всегда будет недостаточно надёжным»¹³. Возникла и получила развитие идея привлечения Особого артиллерийского запаса, специально доставленного в район высадки, и обустройства на его основе минно-артиллерийской позиции. В первой половине 1900 г. командующий войсками Одесского военного округа гр. А.И. Мусин-Пушкин и начальник штаба округа генерал А.П. Протопопов подготовили для доклада военному министру пакет итоговых аналитических записок по экспедиции, касающихся в том числе Особого артиллерийского запаса¹⁴.

Структура и предназначение Особого запаса. В марте 1885 г. Александр III по ходатайству Обручева и главы Морского министерства адмирала И.А. Шестакова воссоздал Комиссию по обороне Черноморского побережья – своеобразный межведомственный инструмент по комплексному решению задач подготовки экспедиции. Комиссия возглавлялась командующим войсками Одесского военного округа, в неё также входили начальник штаба округа, командующие Черноморским флотом и практической эскадрой, а также директор РОПиТа¹⁵. При обсуждении общих принципиальных вопросов в заседаниях Комиссии принимали участие высшие чины Министерства финансов и МИД.

Вопросы, связанные с Особым артиллерийским запасом, на заседаниях Комиссии обсуждались в первоочередном порядке. Созданный в 1886 г., он предназначался «на случай надобности вооружения берегов Черного моря» и состоял из 125 стволов, преимущественно пушек и мортир большого калибра¹⁶. При этом используемое название являлось скорее административным, сам запас представлял собой «лишь артиллерийские склады, разбросанные по различным пунктам побережья; никаких средств, равно как и плана сосредото-

¹⁰ Обручев Н.А. Смешанные морские экспедиции // Военный сборник. 1898. № 7. С. 23.

¹¹ Айрапетов О.Р. На пути к краху. Русско-японская война 1904–1905 гг. Военно-политическая история. М., 2014. С. 88.

¹² Kennedy P.M. Op. cit. P. 206.

¹³ РГВИА, ф. 400, оп. 4, д. 588, л. 44.

¹⁴ Там же.

¹⁵ РГАВМФ, ф. 1318, оп. 1, д. 11, л. 14.

¹⁶ РГВИА, ф. 400, оп. 4, д. 588, л. 41.

точения его в том или другом пункте, ещё не было выработано»¹⁷. Склады располагались в Одессе, а также в Севастопольской и Керченской крепостях. Впоследствии возникло намерение использовать артиллерию Особого запаса для организации батарей у Босфорского пролива как «средство для противодействия неприятельскому флоту в попытках к прорыву через положенное нашим флотом минное заграждение»¹⁸.

Комиссия по обороне, рассмотрев весной 1893 г. состояние Особого запаса, констатировала наличие 20 батарейных пушек, семи 6-дюймовых пушек, 36 9-дюймовых мортир. Позднее на плацдарм могли быть доставлены ещё 15 тяжёлых орудий (калибра 9 и 11 дюймов)¹⁹. Черноморский флот устами своего главного командира вице-адмирала Н.В. Копытова возражал против такой номенклатуры, мотивируя это «малой вероятностью попадания в подвижную цель при стрельбе из мортир». Флот требовал большего количества тяжёлых орудий и, кроме того, скорострельных пушек малого калибра «для стрельбы по мелким судам»²⁰. В результате комиссия приняла соломоново решение – добавить «до 40 6[-дюймовых] пушек наиболее современных систем (по возможности скорострельных), окончательное же выяснение числа орудий в зависимости от местных условий и распределения их по батареям возложить на специалистов, которых надлежит командировать на Босфор»²¹. При этом было признано необходимым включение в состав запаса специализированного «мортирного полка»²². Акцент на скорострельные 6-дюймовые пушки, таким образом, демонстрирует прежнюю приверженность традиционной идее защиты минных заграждений.

Об этом же свидетельствует первоначально значительная доля батарейных орудий. «Батарейной» (современный термин – дивизионная) называлась пушка модели Круппа образца 1877 г. калибра 4,2 дюйма, хорошо зарекомендовавшая себя в русско-турецкой войне 1877–1878 гг.²³ Она стреляла гранатами (осколочно-фугасное действие) и шрапнелью с максимальной дальностью около 5,3 тыс. м, обладала по тому времени неплохой скорострельностью (около 2 выстрелов в минуту) и, имея колёсный лафет и расчёт из семи номеров, была достаточно мобильной. Очевидно, что для брони линейных кораблей её снаряды большой угрозы не представляли, чего не скажешь о небронированных судах.

Уже в 1894 г. Копытов, командир практической эскадры Черноморского флота, в связи с увеличением английской эскадры Средиземного моря заявил, что в сложившихся условиях «одному Черноморскому флоту уже не под силу бороться с этой эскадрой, вошедшей в пролив»²⁴. В 1894–1895 гг. действительно произошёл «непомерный рост английских морских сил в Средиземном море»²⁵, и нельзя не отметить хорошую осведомлённость командования русского флота о силах и средствах предполагаемого противника.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же, л. 17.

¹⁹ РГАВМФ, ф. 1318, оп. 1, д. 7, л. 1 об.

²⁰ Там же.

²¹ Там же, л. 7 об.

²² Там же, л. 8 об.

²³ Военная энциклопедия / Под ред. В.Ф. Новицкого. Т. 4. СПб., 1911. С. 413.

²⁴ РГВИА, ф. 400, оп. 4, д. 588, л. 52 об.

²⁵ РГАВМФ, ф. 1318, оп. 1, д. 7, л. 7 об.

В 1895 г. на Босфор под очередным благовидным предложением и с согласия султана была направлена комиссия из подготовленных офицеров Одесского военного округа с негласным поручением непосредственно «выбрать места для расположения батарей особого запаса и составить, применяясь к местным условиям, расчёт работ по возведению их»²⁶. Следует отметить, что в 1896–1897 гг. в связи с кризисом на Крите обозначилась реальная возможность занятия Босфора в ходе действий европейских держав против Турции. Сформированный для данного случая Особый запас составлял «36 9[–дюймовых] мортир, 20 6[–дюймовых] орудий, 20 4-фунтовых пушек, 6 скорострельных и 3 версты железной дороги»²⁷.

Экспедиция 1897 г. не состоялась из-за изменения политической обстановки. К тому же в следующем году значительная часть пушек была направлена на Дальний Восток для обороны Порт-Артура. Для окончательного определения состава запаса в 1899 г. пришлось создавать особую комиссию под председательством известного преподавателя и учёного, генерала от артиллерии Н.А. Демьяненко²⁸. Он пользовался внушительным профессиональным авторитетом, а его решения в области артиллерии обладали значительным аппаратным весом, что могло послужить гарантией от постепенного разукрупнения Особого запаса в дальнейшем. В итоге прежняя структура была сохранена, изменилась лишь численность, составлявшая отныне 44 9-дюймовых береговых мортир, 16 9-дюймовых лёгких мортир, 20 6-дюймовых тяжёлых (в 190 пуд) пушек, 6 6-дюймовых пушек Кане, 20 батарейных пушек, 34 57-мм скорострельных пушки и 24 пулемёта Максима²⁹.

Первоначальная задача — защита установленных мин — возлагалась на 6-дюймовые пушки Кане и 57-мм скорострельные Норденфельда, а также на пулемёты³⁰. В береговой артиллерии мортиры традиционно считались оптимальным средством для навесной стрельбы по палубам военных судов³¹. Причина крылась в их устройстве и баллистике — дальность конкретного выстрела и траектория полёта мортирной бомбы могли меняться в зависимости от угла возвышения ствола и количества предварительно закладываемого порохового заряда. На практике это выражалось в том, что мортирная бомба попадала не в броневой пояс, а в слабо защищённую палубу. Помощник командующего Одесским военным округом генерал Д.П. Дохтуров отмечал: «Особый запас не имеет в своём составе орудий броневой. Имеющиеся в нем мортиры своим навесным огнём могут нанести весьма сильный вред неприятельским судам, стреляя по палубам этих судов; таким образом эти орудия могут называться палубобойными и в настоящее время считаются более грозными для судов, чем прицельные орудия, даже броневой»³².

Таким образом, структура запаса 1899 г. свидетельствует об опоре на орудия ближнего (6-дюймовые и батарейные пушки) и внутреннего боя (мортиры). Защиту минных заграждений от траления малыми судами в полном соответствии со своими тактико-техническими данными должны были осуществлять

²⁶ РГВИА, ф. 400, оп. 4, д. 588, л. 53.

²⁷ Петров М.А. Подготовка России к мировой войне на море. М.; Л., 1926. С. 86.

²⁸ Подробнее о Демьяненкове см.: Военная энциклопедия. Т. 9. СПб., 1912. С. 33.

²⁹ РГВИА, ф. 400, оп. 4, д. 588, л. 42.

³⁰ Там же, л. 5.

³¹ Военная энциклопедия. Т. 16. СПб., 1914. С. 441.

³² РГВИА, ф. 400, оп. 4, д. 588, л. 5.

скорострельные пушки Норденфельда и пулемёты, которые в то время тоже относились к артиллерии.

С учётом передового выдвинутого расположения и хорошего обзора моря форты вооружались 10-дюймовыми пушками большой дальности³³. 11-дюймовые пушки устанавливались на реконструируемую по этой же программе Константиновскую батарею. Очевидно, что условия Финского залива разительно отличались от узостей Верхнего Босфора с извилистым фарватером, крутыми берегами и ограниченной видимостью. Ввиду предполагаемого места расположения орудий, определённого неоднократными рекогносцировками артиллеристов, выбранный вариант Особого запаса представляется вполне обоснованным.

Замысел Э.И. Тотлебена, получивший практическое оформление при Обручеве, являлся простым до гениальности. В соответствии с ним десантная экспедиция обеспечивалась огневой мощью практически целой приморской крепости. «Главная оборона пролива должна быть основана на артиллерийском огне», — заключила в декабре 1894 г. Комиссия по обороне³⁴. Очевидно основываясь на своём сулинском опыте, глава комиссии по минным вопросам И.М. Диков утверждал, что если оборона пролива должна базироваться на артиллерии, то «само же занятие Босфора надо основывать преимущественно на минах... и в большом количестве»³⁵. Одновременно с помощью флота устранялся главный недостаток любых укреплений и фортификаций — их статичность и неподвижность. Особый запас «должен быть подвижен»³⁶ и мобилен.

Непосредственная подготовка к экспедиции. С самого начала подготовки Особого запаса комиссия исходила из признания «главным моментом успеха внезапность появления и быстрое устройство обороны на захваченном пространстве»³⁷. В апреле 1893 г. было принято решение о том, что «надлежит орудия, лафеты, основания и средства для выгрузки их на берегу хранить не в складах, а на судах, специально для сего приобретённых и приспособленных»³⁸. В августе—сентябре 1895 г. часть Особого запаса принимала участие в больших манёврах Черноморского флота, отрабатывавшего основные моменты экспедиции. Орудия перевозились на транспортах «Березань» и «Днестр», выгружались и проводили учебные стрельбы на Тендровской косе у Очакова³⁹. В последующем для размещения, хранения и транспортировки орудий Особого запаса были выделены три специализированных военных транспорта. С 1898 г. все орудия запаса согласно таблицы, кроме пушек Кане, уже хранились в «распределённом» виде, по крайней мере, на транспорте «Березань»⁴⁰.

С 1896 г. начались испытания «применения механических двигателей и электрической тяги для передвижения грузов при поставке Особого запаса на вооружение»⁴¹. Регулярно проводились тренировки расчётов орудий «с целью разработки наиболее простых и практических способов и приёмов выгрузки

³³ Раздолгин А.А., Скориков Ю.А. Кронштадтская крепость. Л., 1988. С. 322–325.

³⁴ РГАВМФ, ф. 1318, оп. 1, д. 8, л. 13 об.

³⁵ Там же, л. 20.

³⁶ Там же, л. 13 об.

³⁷ Там же, д. 7, л. 7 об.

³⁸ Там же, л. 8.

³⁹ Там же, ф. 920, оп. 1, д. 196, л. 258.

⁴⁰ РГВИА, ф. 400, оп. 4, д. 588, л. 41–42.

⁴¹ Там же, л. 53.

с судов, доставки на берег и производства вооружительных работ»⁴². В 1894 г. такие «опыты десантных манёвров» были произведены под Севастополем с 9-дюймовой тяжёлой мортирой и 6-дюймовой тяжёлой пушкой. В 1896 г. тренировались в выгрузке уже с 21 орудием, подчёркивалась необходимость строгой очерёдности в погрузке орудийного имущества на транспорты и соблюдения при этом обратной последовательности по отношению к выгрузке. Были приняты к исполнению рекомендации полковника Э.Х. Калнина, советовавшего грузить на каждое судно конкретные орудия в полном комплекте, что обеспечивало бы «скорость вооружения известной группы батарей»⁴³. Установлена также недостаточность имевшегося в запасе «количества переносной железной дороги» и подвижного состава. Длина дороги (и соответственно количество её частей, загружаемых на транспорты) увеличена до 25 вёрст⁴⁴.

С учётом неизбежности противостояния с британской эскадрой особое значение приобретала скорость разгрузки и приведения пушек в боевую готовность. К следующим учениям 1898 г. подготовили специальный временной график, включавший все работы по «прокладке пути, выгрузке, доставке и установке орудий», при этом общая продолжительность составляла 60 часов⁴⁵. Предполагалось задействовать уже 31 орудие из Особого запаса, причём большая часть — 9-дюймовых и 6-дюймовых мортир и пушек.

Итоги учений были в целом обнадеживающими. Выяснилось, что «весь манёвр оказался выполненным гораздо скорее, а именно в 48 часов», но непосредственно прокладка и сборка железнодорожного пути потребовали гораздо больше времени⁴⁶. На манёврах присутствовал военный министр А.Н. Куропаткин, указавший на «необходимость сформирования особой команды специально для прокладки железнодорожного пути»⁴⁷. Команда была сформирована из железнодорожных войск и приступила к обучению применительно к целям и задачам экспедиции.

С 1899 г. начались опыты по оперативной постройке из быстросохнущего бетона основания под 9-дюймовую береговую мортиру, чтобы «заменить громоздкие деревянные части имеющихся в запасе оснований бетоном, чем значительно облегчится перевозка»⁴⁸. В сентябре 1901 г. вновь прошли учения с выгрузкой, стрельбами из орудий запаса и обратной погрузке на транспорты. Броненосцы стреляли по Тендровской косе у Очакова, а у Севастополя проходила учебная высадка десанта. Там же в короткий срок были возведены батареи, 32 орудия для них сгружены с судов и перевезены к месту назначения по оперативной сооружённой железнодорожной ветке. Николай II одобрил результаты манёвров и повелел сделать их ежегодными⁴⁹.

Таким образом, вывод, сформулированный руководством Одесского военного округа к 1900 г., выглядит вполне обоснованным: «Особый артиллерийский запас в настоящем его виде представляет из себя могучую артиллерийскую силу, хранящуюся в совершенно готовом виде к постановке её в том или

⁴² Там же, л. 43.

⁴³ Там же, л. 49 об.

⁴⁴ Там же, л. 43.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же, л. 44.

⁴⁸ Там же, л. 35.

⁴⁹ Там же, д. 15, л. 85.

другом побережном пункте»⁵⁰. Использование орудий Особого запаса в ходе десантной операции планировалось во взаимодействии с корабельной артиллерией Черноморского флота и при установленной минной позиции. Руководство Одесского военного округа прямо указывало на это в 1900 г.: «Запас наш представляется совершенно необходимым дополнением артиллерии и мин Черноморского флота. Только совокупными действиями флота и запаса мы можем вполне надёжно преградить пролив, т.е. сделать прорыв неприятельского флота в Чёрное море совершенно невозможным»⁵¹.

Особый запас в планируемой операции. В 1900 г. Дохтуров составил итоговый подробный план десанта, исходивший из актуальных практических возможностей округа и флота⁵². По подсчётам русских военных специалистов, английский флот от места своего базирования на Мальте при средней скорости 8–10 узлов преодолевал путь до Дарданелл за 5–8 дней. Ожидалось, что броненосцы противника как основная ударная сила придут к Босфору на шестой-седьмой день после получения соответствующего приказа⁵³. По «Очерку плана действий» Дохтурова русская эскадра должна была выйти в море на рассвете следующего дня после сигнала к началу операции, а на рассвете четвёртого дня – прибыть к Босфору и высадить первый эшелон десанта. Британцев же ждали на седьмой день высадки и одиннадцатый день всей экспедиции.

В соответствии с планом, окончательная погрузка орудий запаса на закреплённые военные транспорты должна была начаться через час после получения условного сигнала⁵⁴. Перевозка орудий предусматривалась только вторым рейсом (на четвёртый день), транспорты которого должны были подойти к Босфору на шестой день. В 10 часов утра этого дня в бухте Буюк-Дере с транспортов «Березань», «Прут» и «Днепр» планировалась разгрузка Особого артиллерийского запаса и высадка обслуживающих частей. Одновременно предполагалась укладка необходимого железнодорожного пути и установка орудий на позициях.

Процесс приведения Особого запаса к боеготовности занимал 72 часа, до полудня десятого дня операции. С этого момента на обоих берегах Босфора уже должны были быть установлены и готовы к открытию огня 140 орудий. Впоследствии командование Одесского военного округа пришло к выводу: «Тогда оборона пролива тяжёлой артиллерией может перейти на обязанность Особого запаса. Но так как в течение первых 7-ми дней [после высадки] нельзя обойтись без отражения попыток судов противника прорваться через минное заграждение, то в этом случае необходимо рассчитывать на содействие бронёбойной артиллерии флота»⁵⁵. В результате части русской армии и корабли должны были прочно занять весь Верхний Босфор, блокировав пролив примерно по линии Терапия(Тарабья)–Бейкос.

Осенью 1900 г. в Одессе с участием Куропаткина состоялось совещание, посвящённое планированию и перспективам реализации экспедиции. В результате план признали реальным и в целом одобрили, подчёркнув решающую роль орудий Особого запаса в операции, а также необходимость его пополне-

⁵⁰ Там же, д. 588, л. 52.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же, л. 4.

⁵³ *Обручев Н.А.* Смешанная Морская экспедиция // Военный сборник. 1895. № 8. С. 129.

⁵⁴ РГВИА, ф. 400, оп. 4, д. 588, л. 6.

⁵⁵ Там же, л. 37.

ния пушками Кане хотя бы до установленного минимума. Военный министр напротив указания общего числа орудий запаса приписал: «как мало»⁵⁶.

Моделирование боевого столкновения. В 1902 г. в Санкт-Петербурге в преддверии больших учений состоялась военно-морская стратегическая штабная игра по теме захвата Верхнего Босфора. При её подготовке в Главном морском штабе (ГМШ) проведён ряд предварительных совещаний для анализа ключевых проблем организации экспедиции. Отдельно рассматривался вопрос о «действительности огня орудий Особого запаса по судам Средиземноморской эскадры английского флота»⁵⁷. Представляется, что осторожный оптимизм относительно перспектив Особого запаса базировался на нескольких основаниях. К важнейшим относились возможности подобранных артиллерийских позиций, вписанных в своеобразный рельеф Верхнего Босфора, а также учёт тактических и технических характеристик броненосцев оппонента. Немаловажными являлись судоходные особенности самого пролива, в целом облегчавшие задачи обороняющейся стороны.

Проливы Босфор и Дарданеллы являются непростыми для навигации, на что неоднократно указывали английские лоции XIX в.⁵⁸ Длина Босфора невелика — около 30 км, ширина колеблется от 700 м до 3,4 км, пролив отличается «многими извилинами» с изменениями глубин — от 13 до 110 м, большим количеством песчаных «банок» и мелей. Фарватер прохождения требует постоянного маневрирования судна, в том числе с поворотами на 45 и 80 градусов. Картину дополняют «беспреданно сильное течение» в 6 узлов, а также резкие перепады погоды и видимости в осенне-зимний период⁵⁹. Свою максимальную ширину в 3,4 км (примерно 1,85 морской мили) Босфор имеет в бухте Буюк-Дере. «Бухта сия обширна, и в ней становятся на якорь на 9, 8 и 7 саженьях»⁶⁰. В соответствии с планом Дохтурова именно Буюк-Дере (ориентир на современных картах — Сарыер) была выбрана для разгрузки Особого запаса с транспортов «Березань», «Прут» и «Днестр».

При разгрузке транспортов предполагался общий принцип: «тяжёлые орудия — по преимуществу на азиатский берег, а легкие — на европейский»⁶¹. На азиатском (восточном) берегу батареи устанавливались на лесистых отрогах Юша-Дага (район мечети «Могила Йуши»), идущих к мысу Сельви-Бурну. На европейском (западном) — в так называемом посольском парке. Поселение Буюк-Дере действительно являлось в XIX в. местом летнего пребывания русского посольства, так что территория этого плацдарма была изучена хорошо. Установка пушек производилась на конкретные позиции, определённые заранее. «Батареи на отрогах Юша-Дага, между местечком Умур-Еры и мысом Сельви были протрассированы накануне... 11-м сапёрным батальоном под руководством инженерных офицеров»⁶². При разгрузке следовало использовать уже установленные сапёрами пристани и ранее перевезённые паровые катера.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же, л. 58.

⁵⁸ Лоция Ионических островов и Архипелага, содержащая также наставления для плавания Дарданеллами, Мраморным морем и Константинопольским проливом, составленная гидрографом Английского флота И. Норием. Николаев, 1841. С. 190–194, 197–207.

⁵⁹ Там же. С. 197.

⁶⁰ Там же. С. 201.

⁶¹ РГВИА, ф. 400, оп. 4, д. 588, л. 37.

⁶² Там же.

По плану Дохтурова, процесс установки и приведения Особого запаса к боеготовности должен был занять трое суток. При этом в полном согласии с заветами Э.Х. Калнина выгрузку и сборку предполагалось осуществить независимо, так что «через сутки часть орудий, по преимуществу лёгких, будет уже стоять на вооружении»⁶³.

Заграждение из нескольких сотен мин формировалось на Босфоре южнее, ниже мыса Сельви-Бурну, перегораживая пролив примерно по линии Терапия—Бейкос. Оно находилось в прямой видимости от «посольского парка» на расстоянии примерно 4,5 км, т.е. в зоне поражения батарейных пушек, пушек Кане и «скорострелок» Норденфельда. Учитывая широкое применение шрапнели и общее количество орудийных стволов среднего и малого калибров, этот участок морской поверхности превращался в зону абсолютного поражения для слабо бронированных судов. Попытки разминирования фарватера таким образом гарантированно предотвращались.

При оценке позиций тяжёлых мортир и 6-дюймовых орудий на противоположном азиатском берегу необходимо отметить, что Бейкос, как и южная часть пролива, был расположен в зоне их уверенной досягаемости (3,5–4 км). У противоположной через пролив Терапии имеется «мель, её окружающая»⁶⁴, т.е. корабли с большой осадкой вынуждены принимать вправо — к азиатскому берегу, в зону отмеченной досягаемости. Соответственно британские броненосцы при подходе к линии минного заграждения Терапия—Бейкос значительно ограничивались в скорости, манёвре и курсе. При этом позиции русской тяжёлой артиллерии заслонялись от комендоров эскадры мысом Сельви-Бурну.

Артиллерийская наука того времени выделяла, кроме настильного и навесного, специальный тип огня — перекидной, «при котором снаряд перелетел бы через прикрытие и ударил бы в намеченную точку вертикально поверхности цели»⁶⁵. В рассматриваемом же эвентуальном конфликте после высадки только первого эшелона десанта (европейский берег — 19 батальонов, азиатский — 13) на мысе Сельви-Бурну могли находиться только русские наблюдатели и сигнальщики. Это обстоятельство гарантировало крупнокалиберным орудиям Особого запаса необходимую корректировку для точной стрельбы с закрытых позиций.

На вопросы разведки в зоне высадки, в том числе артиллерийской, русское командование обращало пристальное внимание ещё на стадии подготовки экспедиции. Рассматривались даже нетрадиционные способы, с вполне, впрочем, утилитарных позиций. Так, Комиссия по обороне на одном из своих заседаний в апреле 1893 г. отмечала: «Необходимо будет воспользоваться в широкой степи разными средствами, облегчающими наблюдение за действиями морских и сухопутных сил противника. В этом отношении громадную услугу мог бы доставить привязной шар». Планировалось организовать «высылку воздухоплавательной команды на один из десантных манёвров в Крыму для испытания шара в гористой местности»⁶⁶. Однако эта идея не получила практического воплощения.

Возвращаясь к проблеме результативности применения Особого запаса, необходимо отметить, что дальность выстрела мортир (7–7,5 км) и тяжёлых

⁶³ Там же.

⁶⁴ Лоция Ионических островов... С. 201.

⁶⁵ Военная энциклопедия. Т. 3. СПб., 1911. С. 103–106.

⁶⁶ РГАВМФ, ф. 1318, оп. 1, д. 7, л. 3 об.

пушек (примерно 8,5 км) полностью покрывала полосу пролива протяжённостью, по крайней мере, 4 км от минного заграждения на юг. Скорострельность и количество тяжёлых орудий позволяли сделать в сумме 84 выстрела за две минуты боя. При этом судоходные особенности пролива и установленные мины резко ограничивали боевые корабли противника в мобильности. Таким образом, для русских артиллеристов речь шла не о «стрельбе по движущимся целям», чего так опасались моряки применительно к мортирам, а о ведении сосредоточенного огня по заранее распланированным квадратам на ближней и средней дистанциях.

Лёгкие же 9-дюймовые мортиры с дальностью в 3 км практически закрывали бухту Буюк-Дере и ближайшие подступы к позициям артиллерии на обеих её берегах, решая вместе с пулемётами противодесантную и противопехотную задачи. При установке тяжёлых и лёгких мортир, пушек Норденфельда и Кане использовались «ноу-хау» Крымской войны — круговые основания для орудий. Это позволяло быстро менять сектора обстрела в радиусе 360°, оперативно реагируя на меняющуюся ситуацию боя, в том числе и на угрозу с сухопутного направления.

Следует отметить, что в 1890-х гг. основу Средиземноморской эскадры Великобритании составляли броненосцы типа «Ройял Соверен» («Royal Sovereign»), которые, по мнению английских современников, представляли собой оптимальную схему броненосца, своеобразный венец его эволюции, «совокупность силы и красоты». Водоизмещение составляло более 14 тыс. т, а осадка — 8 м. Длина и ширина — 125 м и 23 м соответственно. Главный броневой пояс превышал 450 мм, бронирование палубы — от 64 до 76 мм. Основное вооружение состояло из четырёх орудий главного калибра (343 мм) (по два в носовой и кормовой установках), а также из десяти 6-дюймовых орудий повышенной скорострельности и дальности (по пять на каждый борт)⁶⁷.

В то же время некоторые особенности данных броненосцев ставили под вопрос их неуязвимость в гипотетическом столкновении в Проливах. Вооружённые конфликты той эпохи продемонстрировали, что броневая палуба линкоров всё же пробивается снарядами тяжёлых мортир. Кроме того, корабли класса «Ройял Соверен» относились к барбетному типу, как и большинство английских броненосцев Средиземноморской эскадры. Орудийные установки главного калибра устанавливались не в башнях, а в барбетах — неподвижных ограждениях из брони, внутри которых на подвижной платформе располагались орудия. Защита сверху отсутствовала, что предопределяло поражаемость расчётов и казённых частей орудий от навесной мортирной стрельбы, в том числе простой шрапнелью⁶⁸. Кроме того, барбетная схема приводила к относительно медленной перезарядке орудий. Средняя скорострельность главного калибра достигала двух выстрелов в 3 минуты, чего было вполне достаточно для эскадренного боя, но мало для скоротечного огневого столкновения. Из скорострельных же пушек броненосца в связи с их бортовым размещением только часть была способна на продольный огонь⁶⁹. К тому же шесть из десяти этих орудий конструктивно оборудовались простыми артиллерийскими щитами, которые защищали от шрапнели, но пробивались средним калибром с по-

⁶⁷ Вильсон Х. Броненосцы в бою. М., 2003. С. 638, 639.

⁶⁸ Там же. С. 638.

⁶⁹ Там же. С. 639.

ражением расчёта. Остальные корабли эскадры сохраняли способность ведения «перекидного» огня, правда, оставаясь без точных данных о расположении русских батарей и находясь в зоне «уверенной досягаемости» тяжёлых мортир и пушек. Осада Порт-Артура показала высокую живучесть сухопутной тяжёлой артиллерии даже в укреплениях полевого типа⁷⁰.

Результативность огня наземной артиллерии по кораблям в проливных узостях проявилась в ходе неудачной попытки прорыва англо-французского флота через Дарданеллы в марте 1915 г. Командующий Средиземноморскими силами союзников генерал Я. Гамильтон отмечал: «Долговременная оборона противника была принуждена к молчанию, но мобильные орудия с закрытых позиций на полуострове и в Азии были очень активны и по-прежнему навязывали свою волю»⁷¹. Складывается впечатление, что только тяжёлые мортиры и могли справиться с прорывом новейших британских броненосцев через Босфор.

Описанный замысел расположения и применения орудий Особого запаса был нацелен на максимальное использование преимуществ специфической местности и таких характеристик мортир, как навесная траектория и мощностность снаряда. Низкая скорострельность при этом компенсировалась количеством. При ином подходе, как показало дальнейшее развитие событий, присущие тяжёлой артиллерии особенности проявлялись в негативном ключе. В ходе осады Порт-Артура, например, «совершенно непригодными для стрельбы по кораблям на большие дистанции оказались недалёкобойные и нескорострельные 9-дюймовые пушки, 11- и 9-дюймовые мортиры»⁷².

Намерения сторон. Англичане имели достаточно полное представление о составе Черноморского флота, но, судя по всему, не знали о замысле и планируемом использовании Особого запаса. При этом у них уже имелся опыт ведения боевых действий в проливных узостях, защищаемых артиллерией. Так, в 1807 г. эскадра адмирала Д. Дакворта предприняла экспедицию к Константинополю. При прорыве через турецкие артиллерийские позиции в Дарданеллах корабли английского адмирала понесли значительный урон, потери в людях достигли 300 человек⁷³.

Полагая основной целью России захват Константинополя и обоих Проливов, ещё в апреле 1885 г. британское Адмиралтейство пришло к выводу о необходимости значительного десанта для оккупации Дарданелл или о вовлечении Турции в войну с Россией. Причём турецкое военное сотрудничество «никем не гарантировалось»⁷⁴. Озабоченность Великобритании ситуацией вокруг Босфора начала расти по мере последовательного ввода в строй новых русских броненосцев, обеспечивавших Черноморскому флоту возможность «справиться в своих водах со слабым турецким флотом»⁷⁵. К 1890 г. англичане окончательно убедили себя, что Российская империя готовит *coup de main* по захвату турецкой столицы⁷⁶. Западная военная наука традиционно понимала под этим французским термином достижение целей всей операции одним стремительным ударом с использованием элемента внезапности.

⁷⁰ Денисов А.П., Перечнев Ю.Г. Русская береговая артиллерия. М., 1956. С. 175.

⁷¹ Hamilton J. Gallipoli Diary. Vol. 1. N.Y., 1920. P. 33.

⁷² Денисов А.П., Перечнев Ю.Г. Указ. соч. С. 176.

⁷³ Обручев Н.А. Указ. соч. С. 334.

⁷⁴ Папастратиакис Н. Британская стратегия... С. 196.

⁷⁵ Там же. С. 197.

⁷⁶ Marder A.J. Op. cit. P. 152.

В качестве немедленных «ответных» мер в апреле 1890 г. средиземноморская британская эскадра была формально разделена на две. Одна из них базировалась в Гибралтаре, другая — на Мальте. Последняя отвечала за Дарданеллы и всегда должна была состоять как минимум из пяти броненосцев (крайний вариант — четыре броненосца и тяжёлый крейсер)⁷⁷. В период обсуждения плана Дохтурова на одесском совещании и последующих учений Черноморского флота британский Комитет обороны империи пришёл к выводу о наличии у России достаточных возможностей, чтобы за неделю захватить Константинополь, а затем взять под контроль и Дарданеллы⁷⁸.

Как известно, в 1880–1890-е гг. ближайшей целью России в регионе являлась «старая задача — сделать Чёрное море внутренним морем»⁷⁹, однако Дарданеллы и Константинополь не выступали в качестве обязательного приза. В военном плане десантная экспедиция Черноморского флота всегда нацеливалась на «захват Верхнего Босфора и удержание его», в трактовке офицеров Главного штаба — «занятие оборонительной позиции, закрывающей вход в Чёрное море»⁸⁰. Закрепляющая эту цель высочайшая инструкция 1897 г. особо отмечала, что сделать это нужно было, «никоим образом не касаясь Константинополя»⁸¹. В беседах с британским премьер-министром лордом Р. Солсбери осенью 1896 г. Николай II своеобразно, но откровенно изложил свои намерения: «Владеть дверью [в Чёрное море] и иметь возможность укреплять её»⁸². Очевидно, что ему не поверили.

Отказ от оккупации турецкой столицы при уверенности англичан в обратном предоставлял ряд значимых преимуществ как политического, так и тактического характера. В частности, Россия резервировала для Великобритании возможность отступить, отказавшись от расширения конфликта, но при этом сохранив лицо. Соответственно перед экспедицией и Особым запасом не ставилась задача по полному или частичному уничтожению подошедшей британской эскадры. Речь шла скорее о причинении противнику неприемлемых для продолжения противоборства потерь. Используя современную терминологию, десант формировал на Верхнем Босфоре «зону запрета доступа» в Чёрное море. Для выполнения этой задачи в сложившихся в тот период условиях и с учётом реальных возможностей России замысел Особого запаса выглядит вполне реалистичным решением. Успех мероприятия при этом во многом зависел от правильного определения момента удара.

Попытки реализации. Характеристику оптимального момента проведения экспедиции одним из первых дал российский посланник в Константинополе А.И. Нелидов, представивший Александру III свой проект занятия Россией Проливов в декабре 1882 г. «неожиданным нападением при помощи внутренних усложнений или внешней опасности в Турции»⁸³. В разработках Главного штаба «внутренние усложнения» трактовались как война Турции с соседями,

⁷⁷ Ibid. P. 154.

⁷⁸ Папастратигакис Н. Британская стратегия... С. 214.

⁷⁹ Куропаткин А.Н. Разведывательная миссия в Турцию / Публ. В.А. Авдеева // Военно-исторический журнал. 1995. № 4. С. 69.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Проект захвата Босфора в 1897 году // Красный архив. 1922. № 1. С. 152–162.

⁸² Пономарёв В.Н. Свидание в Бальморале и англо-русские отношения в 90-х гг. XIX века // Исторические записки. 1977. № 99. С. 348.

⁸³ Нелидов А.И. О занятии проливов // Красный архив. 1931. Т. 3(46). С. 182–187.

а также восстание или дворцовая революция в Константинополе. Конец XIX в. действительно оказался богат подобными событиями. В 1893–1896 гг. в Турции разразился «армянский кризис», сопровождавшийся убийствами армянского населения и массовым исходом беженцев в российские пределы. Факты резни неоднократно официально фиксировались консулами европейских стран, в связи с чем события получили широкий международный резонанс, крайне негативный для Турции. Казалось бы, для десанта ситуация сложилась самая подходящая.

В июле 1895 г. в Петербурге было создано специальное Особое совещание. Военное министерство заявило о принципиальной готовности занять Босфор 35-тысячным десантом, однако ходатайствовало об увеличении числа орудий Особого запаса и транспортной флотилии. На осуществление «полной военной готовности» к проведению экспедиции отводилось 2–3 года⁸⁴. Предложения получили поддержку Николая II, и экспедицию отложили до указанного срока.

Следует отметить наличие двух основных подходов к силовому вмешательству в турецкие дела. Для Военного министерства достаточным поводом являлись упомянутые «внутренние сложности», ослаблявшие боеспособность армии Османской империи вообще и противодесантную оборону Босфора в частности. Другая группа высших сановников рассматривала десант скорее как крайнюю и вынужденную меру. Например, руководство МИД скептически отнеслось к замыслу экспедиции, полагая его «подёрнутым налётом политических иллюзий, от которых никогда не свободны проекты генерала Обручева»⁸⁵. Внутренние беспорядки в Турции дипломаты считали не благоприятствующим, а скорее вредным для России фактором. Так, гр. В.Н. Ламздорф, занимавший в то время пост начальника канцелярии министерства, полагал необходимым в «армянском» вопросе оказывать постоянное давление на Турцию с целью добиться от Константинополя серьёзных уступок, которые только и могли привести к умиротворению региона и к недопущению масштабного иностранного вмешательства⁸⁶. К этой группе примыкал и министр финансов С.Ю. Витте, который, по его словам, всегда выступал «весьма настоятельно, резко и решительно против этой затеи»⁸⁷.

В 1896 г. началось восстание греков на турецком Кипре, поддержанное добровольцами из материковой Греции и вылившееся в апреле–мае следующего года в «Тридцатидневную» войну между двумя странами. Обстановка в очередной раз благоприятствовала проведению Босфорской экспедиции, тем более что Англия под влиянием мирового возмущения от армянской резни на какое-то время отказала Турции в однозначной поддержке. Возникла реальная перспектива вмешательства в конфликт европейских держав. На этом фоне в феврале 1896 г. состоялось очередное Особое совещание по Босфору, на сей раз под председательством генерал-фельдмаршала И.В. Гурко. Окончательно были определены численность десантного отряда и конкретное распределение сил. По ходатайству Обручева принято решение о срочной закупке дополнительных судов для переоборудования их в специализированные военные транспорты постоянной готовности. Николай II одобрил выводы совещания, несмотря на протесты Витте, который всё же затормозил приобретение пароходов.

⁸⁴ РГВИА, ф. 400, оп. 4, д. 587, л. 217–219.

⁸⁵ Ламздорф В.Н. Дневник 1894–1896. М., 1991. С. 235.

⁸⁶ Там же. С. 329.

⁸⁷ Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 2. М., 1994. С. 97.

Тем временем Нелидов направил императору докладную записку, где утверждал, что вооружённое вмешательство великих держав в турецкие дела «в более или менее близком будущем почти неизбежно»⁸⁸. По всем признакам наступала ситуация, охарактеризованная Особым совещанием 1881 г., а именно «приближающаяся окончательная развязка Восточного вопроса». Позиция руководства России на тот момент соответствовала ранее предусмотренным действиям и сводилась к закреплению за собой стратегически важного пункта в Проливах.

В ноябре 1896 – январе 1897 г. состоялось несколько совещаний с участием Николая II и высшего военно-политического руководства империи. Управляющий Морским министерством П.П. Тыртов считал неизбежным «вступление европейских держав в Дарданеллы, а может быть, и в Константинополь»⁸⁹. Реакция предусматривалась простая, в общих чертах предопределённая ещё Александром III: «В этом случае нам предстоит, конечно, без согласия европейских держав, выйти с Черноморским флотом в Босфор и занять его укрепления десантом». В военном отношении цель формулировалась также традиционно – «надёжная, твёрдая оборона Босфорского пролива от прорыва неприятельских судов в Чёрное море»⁹⁰.

В январе 1897 г. император утвердил инструкцию для Одесского военного округа и Черноморского флота на проведение операции. Командующим был назначен главный командир Черноморского флота вице-адмирал Н.В. Копытов. Передовой эшелон десанта, перебрасываемый первым рейсом, составлял 30 500 человек (две пехотные дивизии и стрелковая бригада) при полевых орудиях. Подготовленный к перевозке на двух транспортах Особый запас состоял, как отмечалось, из 82 мортир и пушек. По плану командующего экспедицией в операции должны были участвовать все шесть броненосцев Черноморского флота⁹¹. Специально предусматривался «мирный» вариант, условием которого являлось «добровольное» согласие султана на занятие русскими войсками турецких береговых укреплений⁹². При этом согласие никак не влияло на развертывание Особого запаса в районе бухты Буюк-Дере и его скорейшее приведение в боевую готовность. Естественно, мирный характер действий экспедиционных войск применительно к туркам никоим образом не распространялся на чужую, попытавшуюся прорваться эскадру.

Примечательным является задействованный состав Особого запаса, относительно слабый на фоне дальнейшего своего состояния. Очевидно, руководство Военного министерства и командование Одесского военного округа полагали такой состав вполне достаточным, чтобы предотвратить различные необдуманные действия на Босфоре со стороны эскадры кого-либо из участников вмешательства. В соответствии с высочайше утверждённой инструкцией Нелидову поручалось при наступлении критического момента немедленно известить об этом командующих Одесского военного округа и Черноморского флота по телеграфу условной фразой: «Давно без известий»⁹³. Указанная теле-

⁸⁸ Проект захвата Босфора в 1896 г. // Красный архив. 1931. № 4–5(47–48). С. 50–70.

⁸⁹ Петров М.А. Указ. соч. С. 82.

⁹⁰ Там же.

⁹¹ Там же. С. 85.

⁹² Проект захвата Босфора в 1896 г. С. 67.

⁹³ Там же. С. 152–162.

грамма, по конфирмации императором, служила сигналом к началу операции и немедленной посадке войск на суда⁹⁴.

Однако вооружённое вмешательство европейских государств с выходом к Константинополю не состоялось, соответственно отсутствовал повод для осуществления задуманной операции. Известный военно-морской историк М.А. Петров подчёркивал: «Между тем приготовления к ней были вполне закончены, флот и десант находились в полной готовности»⁹⁵. С другой стороны, «самодеятельность» по захвату Босфора в условиях наличия в Восточном Средиземноморье эскадр четырёх крупнейших европейских держав могла привести к неприятным последствиям. Впечатления Александра II от Крымской войны — «когда вся Европа опрокинулась на нас»⁹⁶ — никто не хотел переживать лично.

В результате Босфорская экспедиция была в очередной раз отложена, а практические действия России свелись к участию в международных усилиях по морской блокаде Кипра, высадке на остров немногочисленного экспедиционного корпуса и другим мерам по локализации конфликта. Провозглашённая позже административная автономия острова не имела никакого отношения к решению Босфорской проблемы для России. Можно констатировать, что руководству страны не удалось «отстранить всё, что могло бы затруднить успешный исход мероприятия... создавать и укреплять благоприятные к тому условия»⁹⁷. По мысли Нелидова только такая политика являлась гарантией успеха Босфорской операции. В реальности же разнонаправленность внешнеполитических приоритетов привела к общей дезорганизации целеполагания и управления. Ситуация усугублялась личными качествами Николая II, не обладавшим в то время достаточным государственным опытом. Перед русско-японской войной Куропаткин не без сарказма отмечал в своём дневнике: «У нашего государя грандиозные в голове планы: взять для России Маньчжурию, идти к присоединению к России Кореи. Мечтает под свою державу взять и Тибет. Хочет взять Персию, захватить не только Босфор, но и Дарданеллы... Он всё же думает, что он прав, что лучше нас понимает вопросы славы и пользы России»⁹⁸.

Год несостоявшейся Босфорской экспедиции ознаменован резким усилением активности России на Дальнем Востоке, несмотря на постоянную оппозицию Военного министерства. Были приняты решения по значительному усилению русской эскадры на Тихом океане, развёрнута масштабная судостроительная программа. Летом 1897 г. началось строительство Маньчжурской железной дороги (КВЖД), являвшейся, по мысли Витте, стержнем «мирного проникновения в Маньчжурию»⁹⁹. В декабре русская эскадра вошла в гавань Порт-Артура, позднее было подписано соглашение с Китаем об аренде Россией этого порта и Квантунской области. В конце 1897 г. ушёл в отставку Обручев, а вслед за ним военный министр П.С. Ванновский.

На этом фоне происходило то, что занявший пост министра Куропаткин обозначил как «ослабление на Западе вследствие расхода огромных средств

⁹⁴ Там же.

⁹⁵ Петров М.А. Указ. соч. С. 85.

⁹⁶ Дневник Д.А. Милютин. Т. 2. М., 1949. С. 70.

⁹⁷ АВПРИ, ф. 138, оп. 467, д. 94/101, л. 1.

⁹⁸ Дневник А.Н. Куропаткина // Красный архив. 1922. № 2. С. 31.

⁹⁹ *Схиммельпенник ван дер Ойе Д.* Навстречу Восходящему солнцу: Как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией. М., 2009. С. 46.

на Дальнем Востоке»¹⁰⁰. На завершение подготовки и проведение экспедиции на Босфор стало банально не хватать ресурсов, уходивших во внеочередном порядке на Ляодунский полуостров. Стоимость требуемого артиллерийского вооружения только по морскому фронту Порт-Артура составляла более 43 млн руб., необходимые инженерные сооружения по сухопутному фронту крепости оценивались в 10 млн, по морскому – в 8 млн руб.¹⁰¹ Для сравнения, средняя стоимость постройки броненосца в то время немногим превышала 6 млн руб.¹⁰²

Дальневосточные нужды предсказуемо привели к попыткам растаскивания Особого запаса. В 1898 г. часть его пушек была отправлена в Порт-Артур (70 орудий, из них 52 – тяжёлых)¹⁰³. Тем не менее в условиях конкуренции и внутривластного соперничества Военное министерство в последние годы XIX в. активизировало подготовку экспедиции. В соответствии с «табелью» Демьяненкова Особый запас был увеличен до 140 орудий, а план Дохтурова на проведение операции разработан исходя из этого количества.

На Одесском совещании 1900 г. Куропаткин так разъяснил своё видение «оптимального момента»: «1) Непрочное здоровье султана и его отношение к окружающим лицам. Многочисленные партии при дворе, которые ожидают только смерти султана. Между ними есть и такие, которые, быть может, желали бы ускорить эту смерть. Представьте себе, наступает такая катастрофа, вспыхивает революция: наш посол телеграфирует, что в Константинополе полная анархия, резня. Такую телеграмму можно получить и скоро. 2) Как мы ни сдерживаем Болгарию и ни отдаляем развязку, но в Болгарии и Македонии неспокойно... На Балканском полуострове может вспыхнуть восстание, возникнуть хаос. Турки, может быть, проявят полное напряжение своих сил, чтобы восстановить порядок, а мы вынуждены будем разнимать или стать союзниками одной из сторон. 3) Европейская война может вспыхнуть помимо нас. Представим, что в Китае обстоятельства запутаются, Германия и Англия поссорятся между собою и свяжут себе руки. Если мы этим не воспользуемся, то ещё раз упустим благоприятный шанс»¹⁰⁴.

Очевиден отход от положений Особого совещания 1881 г. Речь уже не шла о защите своих интересов при международной операции против Турции. Как показал 1897 г., нужное развитие событий не гарантировалось. В 1900 г. предлагалось действовать самостоятельно, просто воспользовавшись благоприятной ситуацией. В этой связи состав Особого запаса может служить определённым индикатором конкретных намерений Российской империи. Запас «Тотлебена–Обручева» был относительно скромным и нацелен на противодействие в основном английской эскадре при дезорганизованной международным вмешательством турецкой армии. Особый запас в варианте «Демьяненков–Протопопов» состоял из 140 орудий и 24 пулеметов и был способен, совместно с десантными частями, к противостоянию значительным пехотным силам, поддержанным британской эскадрой. Постепенным расширением боевой задачи объясняются рекомендации и пожелания по усилению десанта и увеличению его числен-

¹⁰⁰ Дневник А.Н. Куропаткина. С. 20.

¹⁰¹ Айрапетов О.Р. История внешней политики Российской империи 1801–1914. Т. 4. М., 2018. С. 178.

¹⁰² Там же.

¹⁰³ Тем не менее к 1900 г. командованию Одесского военного округа почти удалось восстановить «табельную» численность орудий (РГВИА, ф. 400, оп. 4, д. 588, л. 42).

¹⁰⁴ Там же, л. 26.

ности, звучавшие в начале XX в. постоянно, в том числе на стратегической штабной игре 1902 г.

Тем временем под влиянием смены вех во внешней политике в военноморской среде сформировалась группа влиятельных сторонников активных действий «океанского флота» на Дальнем Востоке и усиления Средиземноморской эскадры как его резерва. Заметной фигурой в этой группе являлся вице-адмирал Н.Н. Ломен, возглавлявший Военно-морской учёный отдел ГМШ и негативно оценивавший способность Черноморского флота противостоять англичанам¹⁰⁵. Поднялась волна критики как замысла Босфорской экспедиции, так и роли Особого запаса. Возможно, под влиянием Ломена адмиралы и офицеры, выступавшие в качестве морских посредников на учениях 1902 г., в своих отзывах специально отметили, что надо захватывать не только Босфор, но оба пролива, для чего необходима мощная русская эскадра Средиземного моря¹⁰⁶. В действенность огня орудий Особого запаса морские посредники не верили, хотя присутствовали и на штабной игре, и на манёврах: «По устарелости своих орудий и медленности их установки, вследствие большого их веса, [Особый запас] не в состоянии выполнить главную свою задачу — оказать могущественную защиту минному заграждению ко времени прихода английского флота»¹⁰⁷. Однако эта точка зрения опровергалась неоднократно проводившимися в Одесском военном округе учениями по перевозке и быстрой установке мортир, а также успешными практическими стрельбами. Примечательно, что пессимистические оценки не подкреплялись тактическими эпизодами и расчётами из только что состоявшихся военно-штабной игры и манёвров. В доводах ГМШ угадывается определённая ангажированность.

В январе 1903 г., на фоне непростой международной обстановки, Куропаткину вновь удалось убедить Николая II в актуальности проведения экспедиции на Босфор и необходимости, «будучи бдительными на Востоке, обратить особое внимание на Запад»¹⁰⁸. В марте—апреле в Петербурге под председательством генерала Протопопова, яркого сторонника десантного проекта, работала комиссия, рекомендовавшая значительное усиление перебрасываемых сил, увязывая численность десантного отряда с мобилизацией турецких войск и скоростью их концентрации на Босфоре. Планировалось завершение формирования в Одессе штатного десантного батальона, приобретение четырёх военных транспортов, увеличение количества мин заграждения и т.д. Особый запас предлагалось практически удвоить¹⁰⁹.

Своеобразной изюминкой явился запрос на постройку 12 специальных малых броненосцев для прибрежного действия в ходе десанта. Образцом для них должен был послужить недавно вошедший в строй «Ростислав» — седьмой броненосец Черноморского флота, с мощной артиллерией, небольшого водоизмещения и уменьшенной осадки. На реализацию программы требовался 41 млн руб.¹¹⁰

Работу комиссии Протопопова можно рассматривать как попытку сформировать из Босфорской экспедиции определённую стратегическую альтерна-

¹⁰⁵ РГАВМФ, ф. 433, оп. 1, д. 51, л. 29.

¹⁰⁶ Там же, л. 15.

¹⁰⁷ Там же, л. 27.

¹⁰⁸ Дневник А.Н. Куропаткина. С. 20.

¹⁰⁹ Петров М.А. Указ. соч. С. 87.

¹¹⁰ Там же.

тиву операциям на Дальнем Востоке. В практическом же плане выполнение рекомендаций комиссии вылилось бы в создание ещё одного полноценного десантного отряда, усиленного «вторым изданием» Особого запаса в «прежней редакции» Демьяненкова. Таким способом, предположительно, улучшалась подготовка следующих эшелонов десанта, предназначенных к закреплению и расширению результатов первой высадки.

В августе–сентябре 1903 г. Черноморский флот провёл масштабные двусторонние манёвры с боевыми стрельбами, целью которых являлась последовательная отработка всех этапов экспедиции на Босфор. При этом часть кораблей «играла» за противодействующие английские броненосцы¹¹¹. К сожалению, организационная сумятица предыдущих лет не прошла даром. В ходе учений выявились значимые недостатки во взаимодействии флота и армейских подразделений. Броненосцы не сумели подавить артиллерийские батареи и учебные цели у Очакова, транспорты с десантом шли с отставанием от графика и т.д. «Опыт десантных операций, накопленный в правление Александра III, растрочен, о координации действий морских и армейских офицеров говорить не приходилось», — заключил О.Р. Айрапетов¹¹².

Необходимо отметить, что обнаруженные недочёты и ошибки являлись неизбежными в учениях крупного масштаба и не носили принципиального характера. В любом случае они не шли в сравнение с организационной неразберихой «отрядомании», вскоре ярко проявившейся на полях Маньчжурии, и могли быть устранены в достаточно короткий срок при выделении небольшой части тех ресурсов, которые уходили на Дальний Восток. В то же время расчёты Особого запаса в учениях проявили себя лучше других подразделений. Допустив отставание от графика при разгрузке с транспортов и сборке орудий, артиллеристы и сапёры под Балаклавой в течение суток собрали переносную железную дорогу в две колеи, на горе Кристи возвели четыре тяжёлые батареи, проложили необходимые телеграфные линии¹¹³. Однако на это не обратили должного внимания, и результаты учений были сочтены провальными. Данное обстоятельство и резкое ухудшение ситуации на Дальнем Востоке привели к тому, что в стратегических планах Черноморского флота на 1904 г. десант на Босфор уже не значился.

В апреле 1905 г. состоялось межведомственное совещание на уровне министров по рассмотрению перспектив дальнейшего развития флота России. В его решениях специально отмечалось, что задача Черноморского флота по организации Босфорской экспедиции «должна быть отдалена на несколько лет, так как Особый запас и вообще все не полные ещё средства, заготовленные военным ведомством для десантной экспедиции, в настоящее время получили другое назначение и употреблены для надобностей войны с Японией»¹¹⁴. Через месяц после этого совещания произошло Цусимское сражение.

Общие потери русских боевых кораблей в ходе войны привели к тому, что после подписания Портсмутского мирного договора единственным боеспособным флотом России оказался Черноморский, к тому же затронутый на какое-то время революционным брожением. Возникла необходимость в новой кораблестроительной программе, причём задача усложнялась появлением в 1906 г. но-

¹¹¹ РГАВМФ, ф. 243, оп. 1, д. 9723, л. 1–3.

¹¹² Айрапетов О.Р. История внешней политики Российской империи 1801–1914. Т. 4. С. 139.

¹¹³ Там же.

¹¹⁴ Петров М.А. Указ. соч. С. 96.

вого типа линейного корабля — дредноута, на порядок лучше защищённого и вооружённого, чем броненосцы старых типов.

В октябре 1906 г. начальник недавно созданного Морского Генерального штаба капитан I ранга Л.А. Брусилов представил императору специальный доклад о программе развития и реформ морских вооружённых сил России. Автор отметил, что «в настоящее время, в виду ничтожности сил, нам не представляется возможным вести какие-либо наступательные операции, а остается одно: использовать наши слабые силы для обороны важнейших пунктов побережья». Задача по захвату Босфора с Черноморского флота не снималась, но откладывалась на будущее, «пока не обезопасим себя на западе созданием флота на Балтийском море, где грозит нам наибольшая опасность»¹¹⁵. Правда, в 1907 г. в Совет государственной обороны поступило представление Военного министерства о «возврате в Особый запас всех позаимствованных из него во время войны орудий»¹¹⁶. Основные выводы Брусилова были закреплены уже в директивном документе «Стратегические основания для плана войны на море», одобренном Николаем II в марте 1907 г. Принятая летом того же года «Малая судостроительная программа» обусловила оборонительный характер действий России на Чёрном море, предусмотрев строительство для данного морского театра только миноносцев¹¹⁷.

В сложившихся условиях ни младотурецкая революция лета 1908 г., ни последовавшая осенью аннексия Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины не могли подвигнуть руководство России к совершению десанта на Босфор. Более того, при обсуждении военных мер по разрешению Боснийского кризиса морской министр И.М. Диков был готов направить в Средиземное море несколько кораблей Балтийского флота, но при этом возможность занятия Верхнего Босфора представлялась ему «вопросом неопределённого будущего»¹¹⁸.

В июле 1912 г. состоялось Особое совещание «по вопросу организации десантной экспедиции на Чёрном море» под председательством начальника Генерального штаба Я.Г. Жилинского¹¹⁹. Констатировалось, что «десантная экспедиция к Босфору при современном соотношении морских сил наших и турецких невыполнима». Прозвучало предложение, не нашедшее, впрочем, поддержки большинства, об «уничтожении Особого артиллерийского запаса и об упразднении Одесского крепостного артиллерийского батальона»¹²⁰. Позднее «государю императору благоугодно было согласиться с мнением меньшинства», его повелением Особый запас и Одесский артиллерийский батальон в том же году упразднили¹²¹.

* * *

Особый артиллерийский запас, сформированный в Одесском военном округе в последнее десятилетие XIX в., являлся специальной структурой для

¹¹⁵ Там же. С. 110.

¹¹⁶ *Болдырев А.В.* Босфорская операция осталась на бумаге // Военно-исторический журнал. 1995. № 1. С. 62.

¹¹⁷ *Петров М.А.* Указ. соч. С. 119.

¹¹⁸ *Козлов Д.Ю.* Российские планы войны на Чёрном море и «проблема Проливов» 1907–1914 гг. // Вопросы истории. 2007. № 8. С. 100–110.

¹¹⁹ Подробнее см.: *Болдырев А.В.* Босфорская операция осталась на бумаге. С. 60–67.

¹²⁰ Там же. С. 62.

¹²¹ Там же.

решения специфических задач. Его масштабы, способ доставки и применения преобразовали замысел десанта на Босфор в крупную морскую экспедицию, операцию почти уникальную для русского флота. На современном языке это была «проекция силы» в кризисный регион, считавшийся критически важным для безопасности страны. В процессе «проецирования» Особый запас выступал в качестве своеобразной «неубиваемой» козырной карты, позволявшей в конкретном месте противостоять, по крайней мере, на равных сильнейшей военно-морской державе того времени. Создание подобного артиллерийского формирования и разработка схемы его применения явились показателем развития и возможностей военного механизма Российской империи. В свою очередь способность (или неспособность) своевременно провести Босфорскую операцию в целом характеризовала стратегическое мышление и горизонт планирования уже высшего руководства страны. Внешнеполитическая и военная активность России в итоге сконцентрировалась на другом направлении. Как изысканно выразился в 1901 г. адмирал Тыртов, «центр тяжести перешёл с Ближнего Востока на Дальний»¹²².

Замысел Тотлебена и Обручева обеспечивал экспедиции на Босфор ряд значимых преимуществ — короткая операционная линия, выбор места и времени удара, численное и функциональное преобладание над противником на каждом этапе операции. В развернувшейся же русско-японской войне аналогичными преимуществами воспользовались армия и флот микадо, безответно расстреливавшие тяжёлой артиллерией в бухтах Порт-Артура корабли Первой тихоокеанской эскадры. Такая же участь готовилась для броненосцев британской эскадры на Верхнем Босфоре.

Специфичность Босфорской экспедиции и Особого артиллерийского запаса привела к тому, что в начале XX в. в Проливах использовались уже другие способы и формы десантных операций. Многочисленные манёвры и учения по совместному использованию орудий и минных постановок привели к окончательной доработке теории минно-артиллерийской позиции. Уже в 1901 г. общеизвестной считалась идея о том, что «связь артиллерии с минными заграждениями так велика, что ни одна, ни другая в отдельности не могут оказать продолжительного сопротивления неприятельскому флоту»¹²³. На практике эта идея была вскоре реализована путём организации минно-артиллерийских позиций в Финском и Рижском заливах. Бои с германским флотом в Моонзундском архипелаге осенью 1917 г. убедительно доказали их эффективность.

В целом проведение Босфорской экспедиции в любом из её вариантов предполагалось в условиях мирного времени, а не общеевропейских боевых действий. К тому же обязательным условием её успеха являлось безусловное преобладание на море Черноморского флота. Эти обстоятельства послужили основными причинами того, что Особый запас в виде отдельного формирования не был воссоздан и задействован по прямому назначению в годы Первой мировой войны.

¹²² РГВИА, ф. 400, оп. 4, д. 588, л. 74.

¹²³ *Шелов А.В.* Опыт исследования обороны береговых крепостей с моря // Инженерный журнал. 1901. № 7. С. 2.

Дипломатия Советского государства

Г.В. Чичерин в оценках французских дипломатов и публицистов (1918–1924)

Искандэр Магадеев

G.V. Chicherin as estimated by the French diplomats and media (1918–1924)

Iskander Magadeev

(Moscow State Institute (University) of International Relations, Russia)

DOI: 10.31857/S0869568722050120, EDN: KLNQLI

Личность Георгия Васильевича Чичерина, наркома по иностранным делам РСФСР и СССР, традиционно привлекала достаточно пристальное внимание отечественных и зарубежных историков. Этот дипломат и политик, совмещавший верность основным постулатам марксизма, с одной стороны, (хотя он и не был «стопроцентным большевиком», придерживаясь в своё время левого меньшевизма), и традиции «реальной политики» — с другой, нередко удостоивался позитивных оценок.

Однако те грани деятельности Чичерина, на которых акцентировали внимание исследователи, разнились. Если в советский период подчёркивалась его верность «ленинским принципам внешней политики Советского государства»¹, то после 1991 г. нередко на первый план стал выходить прагматизм и даже некоторый традиционализм его дипломатии. Так, в 1998 г. историк А.А. Ахтамзян отмечал, что «дипломатическая деятельность Г.В. Чичерина, [основанная] на принципах мирного сосуществования, предстаёт как альтернатива коминтерновской миссии на мировую революцию... Государственная прагматическая линия была направлена на обеспечение национальных интересов Союза ССР, точнее, традиционных национальных интересов России»². Вместе с тем в целом ряде исторических трудов внешнеполитическая деятельность Чичерина представляла амбивалентной, совмещавшей в себе революционную и «реалистскую» парадигмы. Они не столько были противопоставлены одна другой, сколько варьировались наркомом в зависимости от текущих целей, того или иного вопроса и международного контекста в целом³.

© 2022 г. И.Э. Магадеев

¹ Трофимова Л.И. Вступительная статья // Г.В. Чичерин. Статьи и речи по вопросам международной политики. М., 1961. С. 3. См. также: Горохов И.М., Замятин Л.М., Земсков И.Н. Г.В. Чичерин — дипломат ленинской школы. М., 1973; Петров В.С., Белов В.И., Каренин А.А. Ленинская внешняя политика СССР: развитие и перспективы. М., 1974.

² Ахтамзян А.А. Национальные интересы России и дипломатический стиль Г.В. Чичерина // Традиции российской дипломатии. Национальные интересы и дипломатическая деятельность Г.В. Чичерина. М., 1998. С. 15. См. также: Воронин Е.Р. Дипломатия Чичерина как инструмент обеспечения государственных интересов в условиях кризисного развития в Европе // Аналитические доклады Института международных исследований. Вып. 1(44). М., 2015.

³ О'Коннор Т.Э. Георгий Чичерин и советская внешняя политика 1918–1930 гг. М., 1991; Томас Л.Я. Жизнь Г.В. Чичерина. М., 2010; Макаренко П.В. Нарком Г.В. Чичерин и советская внешняя политика // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 349. С. 105–111;

Выявление различных граней внешнеполитической деятельности Чичерина предполагает и анализ её оценок за рубежом. При достаточно большом количестве биографических исследований, посвящённых нарком, характер восприятия его личности и деятельности французскими современниками исследовался намного реже и, как правило, лишь вскользь упоминался в обобщающих работах или статьях по советско-французским отношениям⁴. Если исходить из того, что дипломатия практически всегда является формой взаимодействия нескольких сторон, то позиция «партнёра» или противника важна для более глубокого понимания действий самой Москвы. Примечательно, что внимание к своего рода «перекрёстной истории» («они» — о «нас», «мы» — о «них») — характерная черта ряда российских исследований взаимоотношений СССР и стран Запада в 1920-е гг.⁵

Пример Франции представляется важным в нескольких отношениях. Во-первых, Третья республика в 1918–1924 гг. являлась одной из наиболее могущественных европейских держав. Даже в сентябре 1923 г., в разгар надежд Кремля на скорый «немецкий Октябрь», председатель Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала Г.Е. Зиновьев признавал, что «империалистическая Франция в военном отношении, несомненно, представляет собою крупную силу, имея громадное преобладание в области воздушного флота и в области техники вооружения вообще»⁶. Французские оценки в отношении Чичерина были одним из компонентов в выстраивании советско-французского взаимодействия и заслуживают внимания.

Во-вторых, сам Чичерин в своей дипломатии был склонен придавать отношениям с Третьей республикой серьёзное значение и иногда даже рассматривался своими товарищами по партии и правительству как своего рода «франкофил».

В-третьих, Франция нередко представляла в советских оценках как своеобразный лидер антисоветского «лагеря», подчас даже более непримиримый, чем Великобритания. В ноте от 12 марта 1921 г., переданной турецкому послу А. Фуаду, Чичерин отмечал, что «французское правительство является самым непримиримым и самым последовательным нашим врагом, никогда не колебавшимся и не отступавшим»⁷. Значило ли это, что его оценки во Франции были исключительно негативными? Ответ на этот вопрос позволит продемонстрировать нюансы советско-французских отношений периода непризнания.

Магадеев И.Э. Правящие элиты Запада и Советское государство // Война, революция, мир. Россия в международных отношениях. 1915–1925. М., 2019. С. 367–388.

⁴ *Ревякин А.В.* 1922–1924: за кулисами дипломатического признания // Россия и Франция. XVIII–XX вв. Вып. 1. М., 1995. С. 217–237; *Кёре С.* Русские или большевики? Франция и французы и признание Советского Союза // Россия и Франция: 300 лет особых отношений. М., 2010. С. 207–215; *Hogenhuis-Seliverstoff A.* Les relations franco-soviétiques 1917–1924. P., 1981; *Cœuré S.* La grande leur a l'Est: Les Français et l'Union soviétique. P., 1999; *Dessberg F.* Le triangle impossible: les relations franco-soviétiques et le facteur polonais dans les questions de sécurité en Europe (1924–1935). Bruxelles, 2009.

⁵ Россия и Запад. Формирование внешнеполитических стереотипов в сознании российского общества первой половины XX века. М., 1998; *Голубев А.В.* «Подлинный лик заграницы»: образ внешнего мира в советской политической карикатуре, 1922–1941 гг. М., 2018. О проблематике «образа Другого» в российско-французских отношениях см. также: *Гордон А.В.* Сквозь лабиринт стереотипов: Три века постижения Другого // Образ современной России во Франции. Опыт междисциплинарного анализа. М., 2012. С. 11–48.

⁶ Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б) и Коминтерн: 1919–1943 гг. Документы. М., 2004. С. 190.

⁷ Документы внешней политики СССР. Т. 3. М., 1959. С. 589.

В данной статье выявляются основные элементы восприятия личности и дипломатии Чичерина со стороны французских дипломатов, публицистов и «лидеров общественного мнения» в один из наиболее сложных периодов советско-французского взаимодействия: с осени 1918 г. — активизации французской интервенции в Советской России и до октября 1924 г. — времени официального установления дипломатических отношений СССР и Франции.

Не признавая в указанный период СССР, Париж крайне внимательно следил за внешнеполитической активностью Москвы в целом и за деятельностью Чичерина в частности⁸. Эффектное и эффективное появление наркома на Генуэзской конференции весной 1922 г. усилило внимание французских дипломатов и публицистов к его фигуре⁹. 100-летний юбилей данной конференции придаёт дополнительную актуальность изучению внешних оценок советской дипломатии на ранних этапах её развития.

Источниковой базой статьи послужили материалы Дипломатического архива Министерства Европы и иностранных дел Франции (фонд Корреспонденции по торговым и политическим вопросам¹⁰, а также личный фонд президента А. Мильерана¹¹), документы Исторической службы Министерства вооружённых сил Франции (фонды председателя Совета министров Ж. Клемансо¹² и французской военной миссии на Кавказе¹³), а также опубликованные тома «Дипломатических документов Франции»¹⁴.

Образ Чичерина, выходца из древнего дворянского рода и бывшего сотрудника МИД Российской империи, изначально не вписывался в стереотипные французские представления о большевиках. Характерный пример — афиша «Большевик с ножом в зубах», выпущенная иллюстратором А. Баррьером перед парламентскими выборами в Третьей республике (16 ноября 1919 г.) и изображавшая большевика в утрированном виде «мужика», охваченного дикими и неконтролируемыми эмоциями¹⁵. Французский сенатор А. Годен де Виллен в апреле 1922 г. полагал, что французское общественное мнение «и поныне наивно воспринимает большевиков как людей с ножом в зубах»¹⁶.

Согласно другой, «общепринятой на Западе метафоре», большевизм был «заразной болезнью, чумой, вирусом, моровым поветрием, грозящим мировой социалистической революцией»¹⁷. Бывший российский посол во Франции В.А. Маклаков не без гордости вспоминал, что после октября 1917 г. он

⁸ Враг, противник, союзник? Россия во внешней политике Франции в 1917–1924 гг. Т. 1–2. СПб., 2021.

⁹ Хормач И.А. Советское государство на международной конференции в Генуе по экономическим и финансовым вопросам. 10 апреля — 19 мая 1922 года // Новая и новейшая история. 2020. № 3. С. 80–106.

¹⁰ Archives du Ministère des Affaires étrangères (далее — AMAE). Correspondence politique et commerciale. Série Z-Europe, 1918–1940 (117 CPCOM). Vol. 351.

¹¹ AMAE. Papiers d'agents. Papiers Millerand (118 PAAP). Vol. 67.

¹² Service historique de la défense (далее — SHD) / Département de l'armée de terre (DAT) 6N 53.

¹³ SHD/DAT, 7N 3119.

¹⁴ Documents diplomatiques français (далее — DDF). 1920–1932. Vol. 1–11 (1920–1924). P.; Bruxelles, 1997–2013.

¹⁵ Le couteau entre les dents. 70 ans d'affiches communistes et anticommunistes. P., 1989.

¹⁶ M. Tchitcherine. Quelques souvenirs personnels de M. Gaudin de Villaine, sénateur // Le Gaulois. 1922. 10 avril.

¹⁷ Карлей М.Дж. Тайная война: Запад против России, 1917–1930. М., 2019. С. 55.

дал «формулу, которую с удовольствием повторяли французы: [большевизм —] это нарыв, который лопается»¹⁸.

Очевидно, что Чичерин и его деятельность не подходили под указанные стереотипы. Однако это не означало, что французские наблюдатели не воспринимали его как большевика и противника — напротив, он предстал в качестве более опасного врага, не выдававшего себя с первого взгляда. В докладе от 26 октября 1918 г. бывший военный атташе Франции в Российской империи генерал Ж. Лавернь полагал, что, «благодаря своей проницательности и двуличности, этот человек (Чичерин. — *И.М.*) подходит для проведения такой же, как и он сам, внешней политики»¹⁹.

Оценки, схожие с теми, что дал Лавернь, присутствовали и годы спустя, даже на фоне постепенного накопления более подробной информации о наркоте. Одновременное подчёркивание компетенции Чичерина и якобы его низких моральных качеств было характерно для ряда позднейших французских оценок. В апреле 1922 г. Годен де Виллен, происходивший по матери из российского дворянского и баронского рода фон Николаи и полушутя признававшийся в дальнем родстве с Чичеринными, нарисовал в интервью газете «Галуа» в целом нелицеприятный портрет наркома по иностранным делам РСФСР. Признавая образованность и дипломатические таланты Чичерина, французский сенатор не только называл его «противником», но и приписывал ему желание «уничтожить всё здание западной цивилизации». Годен де Виллен изображал Чичерина беспринципным человеком («большевизм [для него] — лишь инструмент для действия»), якобы успешно преумножившим своё состояние в период революции и Гражданской войны. Однако, когда Чичерин проявил своё дипломатическое искусство и эрудицию на Генуэзской конференции, сенатор признал: «Эти большевики, которые находятся в Генуе, продемонстрировали, что могут быть вежливыми, проницательными, изощрёнными, т.е. дипломатами до мозга костей. Союзникам необходимо быть начеку»²⁰.

В этом смысле эволюция французских оценок Чичерина оставалась внутренне противоречивой. Имелось своеобразное «ядро» суждений, которое мало подвергалось трансформации. В него входило представление о некоей «двуличности» и цинизме наркома, об отсутствии у него ярой приверженности революционным доктринам. Вместе с тем постепенно нарастало представление о достаточно высоком уровне компетенции и дипломатического мастерства Чичерина, его прагматизме и готовности к компромиссам. Решающую роль сыграли события Генуэзской и Лозаннской конференций.

Портрет Чичерина, составленный Годен де Вилленом, в немалой степени соответствовал тем представлениям о неприятном для французских элит образе умного и образованного большевика, который не укладывался в рамки стереотипа о мужике «с ножом в зубах». В одном из донесений начала 1919 г. посланник Франции в Швеции Л.Ш. Делаво характеризовал видного деятеля РКП(б) Д.З. Мануйльского как «одного из наиболее опасных советских лиде-

¹⁸ В момент написания этого письма бывшему российскому послу в США Б.А. Бахметеву (5 апреля 1922 г.) сам Маклаков исходил уже из другой метафоры: «Это не был нарыв, это была гангрена» («Совершенно лично и доверительно»: Б.А. Бахметев — В.А. Маклаков. Переписка. 1919–1951. В 3 т. Т. 2. М.; Стэнфорд, 2001. С. 248).

¹⁹ Rapport de Lavergne, 26 octobre 1918 (SHD/DAT, 6N 53).

²⁰ М. Tchitcherine. Quelques souvenirs personnels...

ров, поскольку он является умным и гибким»²¹. Представление Годен де Виллена, что ряд мер советского правительства приносит, среди прочего, личную выгоду большевистской верхушке, в том числе и Чичерину, разделяли в МИД Франции (Кэ д'Орсэ). В неподписанной записке от 19 октября 1922 г. цели введения советской властью монополии внешней торговли были описаны следующим образом: «1) взимание пошлин для государства; 2) ограничение операций, которые могут негативно сказаться на экономической ситуации [в стране]; 3) личная выгода, получаемая “контролёрами”»²². Французский посланник в Эстонии Л.М. де Вьен и вовсе характеризовал большевизм как «триумф авторитарной олигархии» и «тиранию банды, которая грабит и уничтожает»²³.

Однако словесный портрет Чичерина, данный главой французской делегации на Генуэзской конференции, министром юстиции Л. Барту, был более нюансированным. В нём отразилась некоторая эволюция, хотя и не абсолютная трансформация образа наркома, произошедшая по итогам личного общения, полного полемики²⁴. В письме от 16 апреля 1922 г., направленном председателю Совета министров и министру иностранных дел Франции Р. Пуанкаре, не пожелавшему приехать в Геную, Барту писал: «Господин Чичерин имеет быстрый, встревоженный взгляд и говорит шепелявым голосом, внезапно извергая на собеседника обильные потоки слов. Чувствуется, что он может обсуждать тот или иной вопрос, просто болтать или придираяться целыми часами, сохраняя при этом один и тот же спокойный тон, не допуская ни нотки в своём голосе, которая говорила бы, что он хочет в чём-то вас убедить. Этот бывший секретарь посольства²⁵ знает литературу и историю, к которой он умело апеллирует для поиска сравнений и сопоставления советской революции с революциями в других странах. Он комбинирует иронию с заносчивостью деклассированного аристократа... При этом господин Чичерин был бы удивлён тем, что мы всерьёз принимаем его аргументацию. Имея острый ум, он сам чувствует слабость своих аргументов и, отыграв свою роль, лукаво улыбается, удовлетворённый тем, что сумел не споткнуться и не попасться»²⁶. Исследователь, комментировавший пассажи из этого письма Барту, находил в них «смесь презрения и восхищения»²⁷.

Ключевыми вопросами, которые интересовали французских дипломатов и политиков, являлись место Чичерина в советской властной иерархии, степень его влияния на принятие решений Москвой, а также характер той внешнеполитической ориентации, которую отстаивал нарком. По всем этим вопросам количество достоверной и точной информации, имевшейся в МИД Франции, было относительно небольшим ввиду отсутствия официальных дипломатиче-

²¹ Цит. по: *Debo R.K.* The Manuilkii Mission: An Early Soviet Effort to Negotiate with France, August 1918 – April 1919 // *The International History Review*. Vol. 8. 1986. № 2. P. 226.

²² Note «Sur quoi a porté et porte la Nationalisation», 19 octobre 1922 (АМАЕ. 118 РААР 67. Fol. 83).

²³ De Vienne a Poincaré, 30 mai 1924 // DDF. 1924. Vol. 1. Bruxelles, 2013. P. 503.

²⁴ См., например, дискуссию между Чичериным и Барту 10 апреля 1922 г., на первом пленарном заседании конференции (Материалы Генуэзской конференции (подготовка, отчёты заседаний, работы комиссии, дипломатическая переписка и проч.). М., 1922. С. 82–84).

²⁵ По всей видимости, Барту перепутал должность Чичерина в Санкт-Петербургском главном архиве МИД, которую он занимал в 1898–1901 гг. (коллежский секретарь, с 1901 г. – титулярный советник), с дипломатической должностью «секретарь посольства» (*Турилова С.Л.* Документы о Г.В. Чичерине в АВПР // *Новая и новейшая история*. 1990. № 5. С. 218).

²⁶ DDF. 1922. Vol. 1. Bruxelles, 2007. P. 486.

²⁷ *Карлей М.Дж.* Указ. соч. С. 128.

ских отношений и общей затруднённости тогдашних контактов между Третьей республикой и Советским государством²⁸. 11 июня 1923 г. военный министр А. Мажино, убеждая Пуанкаре не идти на ликвидацию в целях экономии французской военной миссии в странах Балтии, сделал характерную ремарку: «Россия по-прежнему остаётся до такой степени непроницаемой, что важно и необходимо сохранить один из редких и наилучших источников информации»²⁹. Ответы, имевшиеся в Париже на отмеченные выше вопросы о Чичерине, были в лучшем случае приблизительными и зачастую упрощали более сложные реалии советской дипломатии. Вместе с тем они нередко схватывали реальные факты и обстоятельства.

В октябре 1918 г. Лавернь полагал, что «Чичерин всё же не имеет такого же статуса, каким обладают Ленин и Троцкий»³⁰. Даже с течением времени и по мере того, как нарком по иностранным делам приобретал известность во французской и международной общественности, сомнения в его политическом весе внутри Советского государства не исчезали. Хотя Генуэзская конференция во многом укрепила имидж Чичерина, в июне 1922 г. глава так называемой русской службы МИД Франции и бывший консул в Москве Ж.Ф. Гренар, размышляя о раскладе сил внутри советского руководства, не сомневался в том, что нарком находится «в немилости, по крайней мере в настоящее время», на что указывало его длительное отсутствие в РСФСР. В самой ситуации предполагаемой опалы Чичерина Гренар видел проявление того, что «борьба между ортодоксами и оппортунистами [в советском руководстве] приняла крайне ожесточённый характер»³¹. Участившиеся затем поездки Чичерина за границу «на лечение», а также его специфические отношения с заместителем М.М. Литвиновым, который выступал не столько подчинённым, сколько «со-наркомом», продвигавшим подчас собственную точку зрения на те или иные международные вопросы, укрепляли французскую дипломатию в скепсисе по поводу внутривластного влияния Чичерина.

Литвинов (иногда — на контрасте с Чичериным) предстал в оценках МИД Третьей республики как беспринципный пропагандист, чьи заявления не соответствовали действительности. Так, 23 июня 1923 г. в телеграмме для французских дипломатических представителей за рубежом Пуанкаре суммировал содержание предполагаемого циркуляра Литвинова, который, согласно французским сведениям, обвинял Францию и другие западные державы в «военных приготовлениях» против СССР. Пуанкаре призывал опровергать подобную информацию и не давать Москве зарабатывать на ней политические очки³². В январе 1922 г., на фоне слухов о возможной ликвидации ЧК, французская дипломатия даже не исключала того, что Литвинов и Я. Ганецкий возглавят некую «секретную ЧК», якобы созданную вместо официальной³³.

²⁸ О сложностях, с которыми сталкивались французские путешественники в Советскую Россию, см.: *Képe C.* Механизмы дипломатического признания СССР Францией в 1924 г. и разработка ментальной карты Европы по материалам французских путешественников в СССР // Российские и славянские исследования. Сборник научных трудов. Вып. 10. Минск, 2015. С. 149–157; *Mažuy R.* Croire plutôt que voir? Voyages en Russie soviétique (1919–1939). P., 2002.

²⁹ DDF. 1923. Vol. 1. Bruxelles, 2010. P. 657.

³⁰ Rapport de Lavergne, 26 octobre 1918 (SHD/DAT, 6N 53).

³¹ Note de Grenard pour Peretti, 21 juin 1922 (AMAE. 118 PAAP 67. Fol. 113 R-V).

³² DDF. 1923. Vol. 1. P. 704.

³³ Note du Ministère des Affaires étrangères «Impressions de Gorky sur la situation en Russie», 5 janvier 1922 (AMAE. 118 PAAP 67. Fol. 38).

Сама внешность Литвинова и, возможно, его прошлая репутация как «некабинетного» революционера и одного из организаторов экспроприаций, приводила к тому, что французские наблюдатели подчас противопоставляли его более изящному и дипломатичному Чичерину. В апреле 1922 г. Барту писал: «Господин Литвинов — это другая раса и другой мир. Круглолицый, с золотым лорнетом, за которым скрываются бегающие глаза, он говорит мало, будто стесняясь находиться здесь, где его расспрашивают почти как подсудимого... Он не пускается в объяснения, в которых он, без сомнения, запутался бы, и даже готов согласиться, испуская неловкий германский смешок, далёкий от улыбки господина Чичерина, что можно сойтись и на меньшей сумме (чем 50 млрд руб. советских контрпретензий, о которых говорил Литвинов в Генуе. — *И.М.*). Этот грубый сектант внушает физическое отвращение и вызывает такое недоверие, что вести переговоры с ним оказывается практически невозможно. Но, по всей видимости, он — в деле, и с его дерзостью надо считаться»³⁴. Как можно заметить, образ Литвинова-доктринёра в описании Барту был не только далёк от образа будущего наркома, сторонника сближения с западными странами в 1930-е гг., но и напрямую противопоставлялся Чичерину. Последний, как считал глава французской делегации, занимал более прагматичную и циничную позицию.

При констатации относительной слабости властных позиций Чичерина, представление о наркоме как об одном из видных представителей «умеренного лагеря» в руководстве Советского государства было важным для Парижа. Так, на Кэ д'Орсэ отмечали «крайнюю сдержанность» заявлений наркома для прессы в сентябре 1922 г., в период обострения ситуации вокруг кемалистской Турции (так называемый Чанакский кризис)³⁵. Даже та критика, которую Чичерин обрушивал на западные державы в декабре 1922 г. в ходе Лозаннской мирной конференции, рассматривалась французской дипломатией как тактический ход. В МИД Франции полагали, что нарком в итоге примет условия западных стран по режиму Черноморских проливов, дабы «подписать итоговый акт и войти тем самым в политические отношения с [западными] державами»³⁶. Образ Чичерина как представителя условного «умеренного» крыла советского руководства дополнял и то, что он нередко рассматривался как антипод более радикальной линии Коминтерна. Как писал социалист Ж. Лонге в сентябре 1921 г., «внешняя политика Чичерина и Красина, вероятно, нередко сталкивается с оппозицией в лице фанатиков Третьего Интернационала во главе с Зиновьевым»³⁷.

Размышления о предполагаемой борьбе «ортодоксов» и «оппортунистов» в Москве и о роли Чичерина как одного из представителей второй группы приобрели для французской дипломатии особую значимость по мере прогрессировавшей болезни В.И. Ленина, который воспринимался в Париже как признанный и практически незаменимый лидер большевиков³⁸, управлявший страной

³⁴ Barthou a Poincaré, 16 avril 1922 // DDF. 1922. Vol. 1. P. 486.

³⁵ Note de Grenard pour Peretti, 22 septembre 1922 // DDF. 1922. Vol. 2. Bruxelles, 2008. P. 316.

³⁶ Barrère a Poincaré, 7 décembre 1922 // DDF. 1922. Vol. 2. P. 567. О дипломатии Чичерина на Лозаннской конференции см.: *Сергеев Е.Ю.* Большевики и англичане. Советско-британские отношения, 1918–1924 гг. От интервенции к признанию. СПб., 2019. С. 423–432; *Хормач И.А.* Советская Россия на Лозаннской конференции по урегулированию на Ближнем Востоке (1922–1923 годы) // Новая и новейшая история. 2019. № 2. С. 74–92.

³⁷ *Longuet J.* La politique étrangère de la Russie des Soviets // Le Populaire. 1921. 29 septembre.

³⁸ Rapport de Lavergne, 26 octobre 1918 (SHD/DAT, 6N 53).

и партией «с характерной жёсткостью»³⁹ и ставивший на ключевые посты своих «верных учеников»⁴⁰.

Основываясь на информации, поступавшей из белоэмигрантских кругов, Гренар отметил в записке от 21 июня 1922 г.: «Подтверждено, что Ленин страдает от “*tabes dorsalis*” (форма нейросифилиса. — *И.М.*) в очень поздней стадии. Не может быть и речи о его выздоровлении»⁴¹. Тогда же Гренар наметил наркома по военным делам РСФСР Л.Д. Троцкого в преемники Ленина, подчёркивая, однако, что эта кандидатура встречает «сильную оппозицию»: «Троцкий нажил себе многих врагов из-за своего презрительного отношения и жестокости, а также ввиду демонстративного тщеславия, более невыносимого, чем спокойная гордость Ленина. Его искренняя приверженность коммунизму также не вызывает большого доверия. К тому же люди, окружающие его в Военном комиссариате, провоцируют опасения. Также опасаются установления Троцким военной диктатуры»⁴².

В декабре 1923 г. в МИД Франции исходили из наличия «очень ожесточённого конфликта, который разгорается в настоящее время в Центральном комитете Российской коммунистической партии между экстремистами и сторонниками компромисса с зарубежными капиталистами»⁴³. В подробной записке от 27 июня 1924 г. французский посланник в Латвии Д. де Мартель сообщал своему руководству о сохранявшихся внутренних разногласиях в Москве: «Троцкий, Чичерин и Красин в противовес Политбюро, которым управляют Зиновьев, Каменев и Сталин, группируют вокруг себя оппозицию, стремящуюся к демократизации партии, а также к тому, чтобы она не была построена исключительно на теоретических доктринах»⁴⁴.

Если французские дипломаты были готовы подчас подчёркивать сходство взглядов Троцкого и Чичерина по некоторым внутривнутриполитическим вопросам, то продвигаемая ими внешнеполитическая ориентация Страны Советов, как полагали в Париже, различалась. В ноябре 1922 г., вскоре после громкого визита в Советскую Россию крупного французского политика, председателя партии радикалов и радикал-социалистов Э. Эррио, посланник Франции в Эстонии А. Жильбер подчёркивал, что Ленин и Чичерин были единомышленны в своих призывах «к проведению политики франко-российской дружбы»⁴⁵. Напротив, Троцкий традиционно предстал во французских оценках как один из лидеров «прогерманской» фракции в Москве. Считалось, что нарком по военным и морским делам РСФСР буквально окружён немецкими военными советниками, являясь одной из центральных фигур советско-германского взаимодействия.

³⁹ Note de Service, 28 janvier 1922 (АМАЕ. 118 PAAP 67. Fol. 62).

⁴⁰ General Headquarters Cairo (Mésopotamie) a War Office, 28 juin 1920 (SHD/DAT, 7N 3119).

⁴¹ Note de Grenard pour Peretti, 21 juin 1922 (АМАЕ. 118 PAAP 67. Fol. 113).

⁴² АМАЕ. 118 PAAP 67. Fol. 113–113 R-V. О более ранних французских оценках в адрес Троцкого см.: *Соловьёв О.Ф.* Россия 1917: от Февраля к Октябрю глазами французов // Вопросы истории. 1998. № 1. С. 14; *Kriegel A.* Le dossier de Trotski a la Préfecture de Police de Paris // Cahiers du Monde russe et soviétique. Vol. 4. 1963. № 3. P. 264–300.

⁴³ Эта точка зрения была сформулирована в записке Кэ д'Орсэ от 28 декабря 1923 г.: DDF. 1923. Vol. 2. P., 2013. P. 785.

⁴⁴ DDF. 1924. Vol. 1. P. 611.

⁴⁵ Gilbert a Poincaré, 14 novembre 1922 // DDF. 1922. Vol. 2. P. 500. О визите Эррио в РСФСР в 1922 г. см.: *Лавренова А.В.* Поездка Эдуарда Эррио в Советскую Россию в 1922 году (по новым архивным материалам) // Новая и новейшая история. 2014. № 4. С. 57–68; *Враг, противник, союзник?..* Т. 1. С. 540–554.

24 ноября 1921 г. посланник Франции в Польше Г. де Панафьё сообщал в Париж о немецких надеждах добиться от Антанты послабления военных статей Версальского мирного договора. Берлин, считал французский дипломат, хотел сыграть на слухах о том, что «армия Троцкого» угрожает польским границам⁴⁶. Согласно информации, поступавшей на Кэ д'Орсэ в июне 1922 г., немецкие военные советники, «в особенности генерал Бауэр»⁴⁷, оказывали влияние на непосредственное развитие Красной армии, предлагая увеличить её боеспособность за счёт сокращения численности⁴⁸. Распространяя в ноябре 1923 г. слухи о покушении на Троцкого, якобы приведшем к пулевому ранению, французская пресса подчёркивала, что для лечения наркома приехал «некий специалист из Мюнхена»⁴⁹.

Во французских оценках Чичерин, напротив, нередко предстал деятелем, выступавшим за сближение с Парижем. Подобная информация неоднократно присутствовала в донесениях, поступавших на Кэ д'Орсэ из различных дипломатических миссий и посольств.

В депеше от 16 октября 1922 г. Панафьё описал реакцию официальной Варшавы на визит Эррио в РСФСР. Французский дипломат отмечал: «Поляки считают действительно разумным сократить опции своей русской политики. Они полагают, что варианту англо-германо-русского соглашения, за которое выступают Красин и Литвинов, можно противопоставить франко-польско-российскую комбинацию, к образованию которой призывает Карахан из Варшавы, а Чичерин пытается убедить в этом Москву»⁵⁰.

Даже с началом Рурского кризиса в январе 1923 г. информация о предполагаемом профранцузском настрое Чичерина продолжала поступать. 19 февраля 1923 г. посланник Чехословакии во Франции С. Оуский говорил гр. Э. Перетти дела Рокка, главе управления политических и торговых дел французского МИД, о том, что «именно Чичерин вёл переговоры в Берлине по [предполагаемому советско-германскому] военному договору». Вместе с тем чехословацкий дипломат считал, что «многие немецкие политики не доверяют господину Чичерину. Считается, что он поддерживает контакты с французским правительством с целью заключить политическое соглашение между Францией и Россией»⁵¹.

В Париже полагали, что советский нарком стремился использовать в качестве одного из немаловажных посредников для налаживания отношений с Францией А. Роллена – московского корреспондента влиятельной французской газеты «Le Temps»⁵². Ещё в конце декабря 1922 г. французская разведка фиксировала активные контакты Роллена с Чичериным в Лозанне. Возвраще-

⁴⁶ DDF. 1921. Vol. 2. Bruxelles, 2005. P. 615.

⁴⁷ По всей видимости, речь шла о приближённом к генералу Э. Людендорфу полковнике М. Бауэре. Согласно исследованию М. Мёрфи, Бауэр действительно «посещал Россию в 1922 г. с целью координации российско-германских военных переговоров после Рапалло». См.: *Murphy M. Bauer, Max // 1914–1918-online. International Encyclopedia of the First World War / Ed. by U. Daniel et al. Berlin, 2016 (URL: https://encyclopedia.1914–1918-online.net/article/bauer_max/ (дата обращения 07.07.2021))*.

⁴⁸ Note de Grenard, 21 juin 1922 (AMAE. 118 PAAP 67. Fol. 114).

⁴⁹ Russie: Trotsky blessé // Journal des débats politiques et littéraires. 1923. 15 novembre.

⁵⁰ DDF. 1922. Vol. 2. P. 410.

⁵¹ Note de Peretti, 19 février 1923 // DDF. 1923. Vol. 1. P. 256.

⁵² О Роллене см.: *Berréby G. Le Faux et son usage // Rollin H. l'Apocalypse de notre temps. P., 2005. P. 7–16. О роли других посредников в советско-французских отношениях периода непризнания см.: Враг, противник, союзник?.. Т. 2. С. 464–502.*

ние журналиста в Париж, как передавала 6 января 1923 г. французская секция централизации разведывательных данных⁵³ на основе информации, полученной из военного атташата в Берне, имело политический смысл. В окружении журналиста поездку связывали с «необходимостью, одобренной Кэ д'Орсэ, дать французской прессе и в особенности "Le Temps" новые директивы в духе увеличения просоветских материалов. Цель — оказать впечатление на Англию и заставить её опасаться франко-советского сближения»⁵⁴.

Из встречи с Ролленом 5 января 1923 г. Перетти вынес впечатление, что его собеседник — «убеждённый сторонник дела большевиков, хотя и не являющийся коммунистом». Информация Роллена о подлинном стремлении Чичерина к нормализации отношений с Францией, начиная с развития торговых связей, и о желании наркома получить письменный ответ от Парижа, вызвала у Перетти негативную реакцию: «Французское правительство не будет давать никакого ответа господину Чичерину. Правительство Советов⁵⁵ предпринимает новую попытку войти в регулярные дипломатические отношения с правительством Франции»⁵⁶. Перетти пригрозил даже придать демарш Чичерина огласке.

Ещё более серьёзное значение имел другой французский контакт наркома — уже упоминавшийся Эррио, в июне 1924 г. ставший председателем Совета министров Франции и инициировавший в итоге признание СССР. Переписка между ним и Чичериным, завязавшаяся после визита французского политика в РСФСР в сентябре—октябре 1922 г., развивалась в дружественном ключе. Ещё до прихода лидера радикалов к власти нарком стремился использовать этот канал связи и стимулировать демарши Эррио перед французским правительством для реализации интересов Москвы по целому ряду вопросов: участие советских республик в Лозаннской мирной конференции 1922—1923 гг.; развитие торговых отношений между СССР и Францией; подготовка дипломатического признания Советского Союза Третьей республикой; благоприятное для Москвы решение вопроса о российских кораблях, уведённых П.Н. Врангелем из Крыма в 1920 г.⁵⁷

Вместе с тем нельзя сказать, что образ Чичерина как условного «франкофила» полностью доминировал в дипломатической информации, поступавшей в Париж. Подчас нарком предстал во французских оценках как прогермански настроенный политик, не сильно отличаясь в этом смысле от Троцкого. Французский разведчик, полковник Э.Л. Досс, предпринявший поездку в Берлин в августе—сентябре 1920 г. и давший широкомасштабный обзор советско-германских связей на тот момент, обратил внимание на фигуру майора В. Шуберта, бывшего военного атташе кайзеровской Германии в России. Досс считал его «главой разведывательной службы в Кёнигсберге» и одним из важных звеньев в отношениях между большевиками и немецкими военными. Примечательно, что Шуберт был охарактеризован французским разведчиком как «друг

⁵³ Section de Centralisation des Renseignements (SCR) — контрразведывательный орган в структуре Разведывательной службы. Последняя функционировала в рамках 2-го (разведывательного) бюро Генштаба французской армии.

⁵⁴ SCR 2/11, D'un bon Informateur, 6 janvier 1923 (AMAE. 117 CPCOM 351. Fol. 4). См. также: *Hogenhuis-Seliverstoff A. Op. cit.* P. 238.

⁵⁵ Перетти, как и другие дипломаты, употреблял выражение «le Gouvernement des Soviets» («правительство Советов»). По всей видимости, это должно было принизить статус последнего и подчеркнуть, что речь не идёт о «регулярном» и признанном правительстве.

⁵⁶ Visite de Rollin a Peretti, 5 janvier 1923 (AMAE. 117 CPCOM 351. Fol. 2).

⁵⁷ Документы внешней политики СССР. Т. 5. М., 1961. С. 666—667; Т. 7. М., 1963. С. 279—280, 399.

Чичерина»⁵⁸. В апреле 1922 г. Годен де Виллен приписывал Чичерину «ненависть» к Франции⁵⁹. Наконец, в январе 1923 г. французский посол в Германии П. де Маржери не верил тем представителям правительства Веймарской республики, которые опровергали антифранцузский настрой Чичерина⁶⁰.

Официальный Париж также фиксировал жёсткий настрой наркома в отношении стран «санитарного кордона», пользовавшихся разнообразной поддержкой Франции. 6 октября 1922 г. Пуанкаре сообщал Панафье о недавнем заявлении Чичерина в адрес польского МИД. В нём речь шла о том, что «любое активное вмешательство» Румынии в кризис в Малой Азии, где кемалистская Турция противостояла грекам и британцам, «не оставит Россию равнодушной». Через Варшаву Чичерин стремился убедить Бухарест не обострять обстановку⁶¹.

Вышеприведённый анализ демонстрирует, что даже при отсутствии официальных отношений между Москвой и Парижем и при наличии сильных антисоветских настроений во Франции дипломатия Третьей республики стремилась в определённой степени нюансировать образ наркома иностранных дел. Советско-французское взаимодействие даже в этот период не сводилось исключительно к антагонизму, и Чичерин рассматривался как деятель, не питавший непреодолимой неприязни к Франции.

Краткое соотнесение французских оценок Чичерина с некоторыми советскими источниками позволит выявить, насколько суждения дипломатов Третьей республики соответствовали реальной ситуации. В целом близким к действительности было мнение, что нарком отнюдь не являлся полномочным «творцом» советской внешней политики, но пользовался уважением Ленина, который в письме А.А. Иоффе от 1 июля 1918 г. отзывался о Чичерине как о «работнике великолепном, добросовестнейшем, умном, знающем», хотя и признавал за ним «слабость — недостаток “командирства”»⁶².

Попытки французской дипломатии выяснить нюансы в позиции Чичерина, сопоставить её с точками зрения других представителей советского руководства также не были полностью оторваны от реальности. Так, нарком по иностранным делам рассматривался как профранцузски настроенный не только в Париже, но и своими товарищами по партии и правительству. Когда 12 января 1923 г. Политбюро РКП(б), реагируя на начало Рурского кризиса, приняло постановление о публикации воззвания от имени ВЦИК «по поводу насильственной оккупации французами Рурского бассейна и нависшей в связи с этим новой войной над Европой»⁶³, Чичерин был недоволен этим шагом, ломавшим возможность «политического сближения с Францией», о котором размышлял нарком⁶⁴. В письме на имя генерального секретаря ЦК РКП(б) И.В. Сталина от 19 января Чичерин выступил с суровой критикой чрезмерно тесных отношений с Берлином: «Получили ли мы какую-нибудь компенсацию от Германии за то, что мы ультра-германским по содержанию воззванием ВЦИК превратили

⁵⁸ Rapport du colonel Dosse, s.d. [après 11 septembre 1920] (SHD/DAT, 7N 3119).

⁵⁹ M. Tchitcherine. Quelques souvenirs personnels...

⁶⁰ Margerie a Paris, 2 janvier 1923 (AMAE. 117 CPCOM 351. Fol. 1).

⁶¹ DDF. 1922. Vol. 2. P. 371.

⁶² Ленин В.И. ПСС. Т. 50. М., 1970. С. 111.

⁶³ Москва—Берлин: политика и дипломатия Кремля, 1920—1941. Сборник документов / Отв. ред. Г.Н. Севостьянов. Т. 1. М., 2011. С. 96. Воззвание, датированное 13 января, было опубликовано через день. См.: Документы внешней политики СССР. Т. 6. М., 1962. С. 150—152.

⁶⁴ Документы внешней политики СССР. Т. 6. С. 145.

снова Францию в нашего яростного врага накануне уже подготовленного было восстановления франко-русских отношений»⁶⁵.

Сталин в записке для Политбюро от 29 января заклеил нереалистичность идей Чичерина: «Никакого намёка на соглашение с Францией у нас нет и, думаю, не будет в ближайшее время. Кредиты со стороны Франции в несколько сот миллионов Польше и Румынии — вот основа соглашения, только не с Россией, а против России»⁶⁶. Троцкий в письме Радеку 28 января 1923 г. также отмечал, что Чичерин преувеличивал возможность сближения СССР с Францией и был неправ, полагая, что «вся эта работа сорвана воззванием [председателя ВЦИК М.И.] Калинина»⁶⁷. Отчасти угадывая разногласия в советской внешней политике, Маклаков 1 февраля писал российскому дипломату-эмигранту Б.А. Бахметеву: «Наконец, самый Рур. Тут большевики выступили, и очень крикливо; и, однако, это выступление производит только одно раздражение; выступая за немцев, они в то же время усиленно твердят, что хотят сблизиться с Францией»⁶⁸.

Не было полностью лишено смысла и подчёркивание французскими дипломатами нюансов в позициях Чичерина и его заместителя по НКВД Литвинов на самом деле нередко демонстрировал выраженный антифранцузский настрой. В начале 1924 г. он писал Сталину: «Нет такой страны в мире, где бы мы не сталкивались с противодействием Франции нашим интересам и нашим стремлениям. Свою антисоветскую активность она проявляет буквально везде и повсюду. Она не позволяет войти в сношения с нами Юго-Славии [*sic*], Греции; она давит на Муссолини и не даёт ему пойти на соглашение с нами; она формально обязывает Чехо-Словакию [*sic*] не расширять и не углублять взаимоотношения с нами; она поднимает скандал в Латвии, вследствие провоза через Ригу в СССР одного аэроплана; она интригует против нас в Дании и Швеции, и везде, где только может»⁶⁹.

Однако говорить о какой-то неизменной приверженности или антипатии к Франции в случае Чичерина и Литвинова не приходилось: оба советских дипломата готовы были варьировать (в определённых пределах) своё отношение к Третьей республике в зависимости от менявшейся международной ситуации. В конце 1924 г. Литвинов полагал, к примеру, что «успех и сохранение более или менее дружественных отношений с Германией возможны лишь при одновременном создании [Москвой] прочных опорных пунктов хотя бы в одной из крупных стран Европы — Франции или Англии»⁷⁰. В этом отношении можно согласиться с мыслью канадского историка М.Дж. Карли (Карлея): «Историки и современники часто называли Чичерина прогерманским, а Литвинова пробританским дипломатом. Это не так: оба они были просоветскими. Их общей заботой была первоочередная защита интересов Советского государства»⁷¹.

⁶⁵ Москва—Берлин... Т. 1. С. 100—101.

⁶⁶ Там же. С. 109.

⁶⁷ РГАСПИ, ф. 326, оп. 2, д. 21, л. 17.

⁶⁸ «Совершенно лично и доверительно!»... Т. 2. С. 469—470.

⁶⁹ Цит. по: *Завадский А.Н.* Проблемы становления советско-французских отношений в 1923—1924 годах // Россия: цивилизация, патриотизм, культура. Материалы V всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. М., 2003. С. 79—80.

⁷⁰ Тезисы Литвинова для доклада об экономических и политических отношениях СССР с Германией, б.д. [не позднее 31 декабря 1924 г.] // Москва—Берлин... Т. 1. С. 453.

⁷¹ *Карлей М.Дж.* Указ. соч. С. 104.

Вместе с тем инструменты и способы защиты этих интересов, предлагавшиеся двумя дипломатами, нередко имели свои нюансы и отличия.

При всей ангажированности и наличии очевидного антисоветского настроя в большинстве французских дипломатических документов, касавшихся личности и деятельности Чичерина, изучение этих источников ценно ещё и тем, что в них отражён специфический «взгляд со стороны» и проговорены те аспекты, вероятность обсуждения которых в самих советских материалах достаточно мала. Помимо фиксации разного рода субъективных моментов (восприятие дипломатического стиля, личности и фигуры Чичерина иностранцами-наблюдателями), можно отметить и другое обстоятельство. Во французских документах некоторое отражение получила реально существовавшая дифференциация в среде советского руководства. Речь шла не только о разнообразии внешнеполитических опций, острые дискуссии о которых в Москве были характерны для рассматриваемого периода, но и о социально-культурных и национальных различиях среди большевиков.

Чичерин как представитель старых и «титulyных» элит императорской России, связавший свою жизнь с революционной активностью, но занимавшийся преимущественно партийно-организационной деятельностью (подобная траектория в некоторой степени роднила его с Лениным), действительно отличался от многих своих соратников. Например, от большевиков-пролетариев или разночинцев, нередко не принадлежавших к «титulyной нации», и чей революционный путь часто был сопряжён с акциями более радикального порядка (Сталин, Литвинов, Орджоникидзе и др.). Пусть и в упрощённом виде, но французские оценки схватывали подобную неоднородность советского руководства.

Таким образом, обобщая представления французских дипломатов и публицистов о Чичерине, его месте в советской властной иерархии, влиянии на принятие решений и о характере продвигаемой им внешнеполитической ориентации, можно прийти к следующим выводам. В Париже не считали, что политический авторитет Чичерина в советской государственной и партийной элите непререкаем, а его позиции незыблемы. Вместе с тем французские наблюдатели, как правило, отмечали тесный характер взаимоотношений между наркомом и Лениным.

Чичерин нередко предстал во французских оценках в качестве представителя «умеренного» крыла советского руководства, выступавшего за налаживание контактов с Западом, подчас — даже в качестве сторонника сближения с Францией и условного «франкофила». В подобном качестве Чичерина противопоставляли «германофилу» Троцкому. Однако такой образ не был единственным во французских дипломатических оценках. В МИД Третьей республики нередко считали, что нарком по иностранным делам также проводит линию на развитие тесных контактов с Германией и занимает жёсткую позицию в отношении стран-лимитрофов, что вызывало в Париже серьёзную обеспокоенность. Если французские оценки в адрес Чичерина схватывали ряд реальных черт и элементов его дипломатии, то в меньшей степени они отражали собственные французские страхи и опасения.

Ноябрьский кризис польско-советского мирного урегулирования 1920 г.

Геннадий Матвеев, Карина Колихова

The November crisis of the Polish-Soviet peace settlement of 1920

Gennady Matveev, Karina Kolikhova

(both – Lomonosov Moscow State University, Russia)

DOI: 10.31857/S0869568722050132, EDN: KLQRMM

Со времени окончания советско-польской войны 1919–1920 г. прошло более века. Однако наше знание о ней всё ещё далеко от полноты. В частности интерес вызывает такой её этап, как введение в действие подписанного в Риге 12 октября 1920 г. договора о перемирии и прелиминарных условиях мира. Обычно занимающиеся историей этой войны авторы просто разбирают основные положения этих документов и констатируют, что стороны ратифицировали соглашение в условленный восьмидневный срок, что позволило в ноябре того же года приступить к полноценным мирным переговорам. Однако ставшие доступными в последние годы документы российских и польских архивов показывают, что картина событий далеко не безоблачна. Переговоры дважды оказывались под угрозой срыва, причиной чего стали как внутри-, так и внешнеполитические интриги и манёвры сторон.

Прелиминарии определили линию будущей государственной границы, основные положения будущего мирного договора, сроки ратификации соглашения о перемирии и отказа от него. Обращала на себя внимание ст. II, которая гласила, что отношения между Польшей и советскими республиками будут основываться на принципе невмешательства во внутренние дела друг друга. Согласно ей, в мирный трактат включалось обязательство «не создавать и не поддерживать организаций, ставящих целью вооружённую борьбу с другой договаривающейся стороной, имеющих целью ниспровержение государственного или общественного строя другой стороны, покушающихся на государственную целостность её, равно как и организаций, присваивающих себе роль правительства другой стороны». Стороны также обязывались «с момента ратификации настоящего договора... не поддерживать чужих военных действий против другой стороны»¹. Читывая пребывание в Польше союзных ей армий С.В. Петлюры, генерала Б.С. Пермикина², генерал-майора С.Н. Булак-Балаховича и других более мелких вооружённых формирований, эта статья имела для советских республик важнейшее значение. Польше же такая опасность не грозила. Польские полки РККА расформировали ещё в 1919 г., а попытки организации белостокским Польским революционным комитетом польской Красной армии быстро сошли на нет.

© 2022 г. Г.Ф. Матвеев, К.И. Колихова

Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 20-59-18007, и Национального научного фонда Болгарии.

¹ Документы и материалы по истории советско-польских отношений (далее – ДМИСПО). Т. III. Апрель 1920 – март 1921 г. М., 1965. С. 428–433.

² В источниках и литературе встречается и другое написание его фамилии: Перемыкин.

Значение статьи для двусторонних отношений хорошо понимали польские политики. Премьер-министр В. Витос, выступая 14 октября в сейме, выделил именно эти два аспекта: «Ст. 2 договора гарантирует отказ обеих сторон от всякого вмешательства во внутренние дела другой стороны. Наша лояльность в этом отношении не может вызывать сомнений. Мы рассчитываем на безусловное соблюдение этого обязательства другой стороной как одну из гарантий прочного мира»³.

Договор о прелиминарных условиях мира дополнялся договором о перемирии, который установил, что военные действия прекратятся в полночь 18 октября. Перемирие заключалось на 21 день, но стороны могли отказаться от него с предупреждением за 48 часов до момента истечения срока действия. Договор утрачивал силу, если стороны в установленный срок не обменяются ратификационными грамотами. После ратификации договора перемирие сохранялось до ратификации окончательного мирного трактата. В этот период также предусматривалась возможность выхода из перемирия с предупреждением за 14 дней до этого момента.

После 18 октября советские войска следовало отвести не менее чем на 15 км «от зафиксированного к моменту прекращения военных действий польского фронта» (§ 2), за исключением участка от Несвижа до Западной Двины (§ 4). Управление нейтральной зоной осуществляла страна, которой эта территория должна принадлежать по прелиминарному договору (§ 2). После ратификации перемирия нейтральная зона увеличивалась вдвое. На этот раз уже обе стороны отводили свои войска на 15 км от линии будущей государственной границы (§ 6). В нейтральной зоне запрещалось нахождение вооружённых сил, за исключением отрядов польской армии на участке от Несвижа до Двины⁴. Решение о создании зоны, оправданное с военной точки зрения (исключались провокации и случайные, неспровоцированные боестолкновения), таило опасность её использования союзными Польше силами в качестве плацдармов против УССР и БССР. Эту опасность повышало то обстоятельство, что § 6 устанавливал скорость отвода польских войск, но не определял точного срока начала этого отвода.

Вначале у сторон договора отсутствовала уверенность, что контрагент действительно хочет мира, а не взял передышку на зимнее время (чрезвычайно холодная осень показала, что ни польское, ни советское интендантства не в состоянии надлежащим образом экипировать свои армии) и возобновит военные действия весной. Так, весьма пессимистически оценил прочность соглашения главнокомандующий РККА С.С. Каменев: «Условия, на которых заключается перемирие и прелиминарный мир с Польшей, не дают никакой уверенности в их прочности, и потому необходимо быть в полной готовности к возобновлению борьбы»⁵. С ним соглашался член Реввоенсовета Западного фронта И.С. Уншлихт, который в телеграмме в ЦК РКП(б) от 13 октября рекомендовал, «пользуясь перемирием, до максимума усилить работу разложения польской армии»⁶.

³ Sprawozdanie stenograficzne z 171 posiedzenia Sejmu Ustawodawczego z dnia 14 października 1920 г. Л. 4.

⁴ ДМИСПО. Т. III. С. 434–436.

⁵ РГАСПИ, ф. 2, оп. 1, д. 15737, л. 1–2 об.

⁶ Польско-советская война. 1919–1920 (Ранее не опубликованные документы и материалы) / Ред. И.И. Костюшко. Ч. 2. М., 1994. С. 89.

Сомнения испытывали и поляки, в первую очередь Ю. Пилсудский и его сторонники. Для маршала конференция в Риге стала чуть ли не личным поражением. Она доказала, что это по его вине Польша оказалась в августе на грани гибели, хотя ещё весной имелся шанс получить выгодные границы. Именно об этом 7 октября говорил в сейме видный деятель Национально-демократической партии (НДП) С. Гломбиньский: «Наша партия всегда была за мир, мы требовали мира ещё весной, накануне киевского похода. Мы убеждены, что тогда мир был бы заключён, если бы этому не помешали те, кто обязательно хотел, пользуясь этим случаем, завоевать свободу для других народов»⁷. Настороженное и по-прежнему враждебное отношение к советским республикам со стороны «пилсудчиков» демонстрирует подписанная министром иностранных дел кн. Е. Сапегой инструкция польским дипломатическим представительствам от 10 октября об основных направлениях «восточной политики» после перемирия, п. 1 которой гласил: «Несмотря на то что подписаны прелиминарные условия мира, мы не имеем никаких оснований полагаться на добрую волю противника; его уступчивость мы воспринимаем как плод наших побед и свидетельство его внутренней слабости. Поэтому нам следует и впредь поддерживать элементы, враждебные Советской России, как русские, так и украинские, белорусские, кавказские, стремясь к установлению любых контактов, направленных против грозящей нам оттуда опасности»⁸.

«Газета Варшавска», выражавшая позицию НДП, с лета последовательно добивавшейся окончания военных действий на востоке, также призывала не слишком полагаться на договор: «Если вообще всякие мирные трактаты являются клочком бумаги, то трактат с большевиками имеет ещё меньше шансов на прочность, чем какой-либо другой, и мы хорошо знаем, что нам придётся помнить всю зиму о возможности весенней кампании»⁹. Не совсем удовлетворяли прелиминарии и влиятельную социалистическую партию (ППС), с лета всё отчётливее склонявшуюся к миру. Так, 24 сентября один из её лидеров И. Дашиньский при обсуждении в сейме выступления Витоса выразил искреннюю радость в связи с твёрдым намерением обеих сторон заключить мир, а также уверенность в том, что ни в России, ни в Польше нет силы, готовой нарушить мирный трактат и возобновить войну. Но при этом он не скрывал, что «результаты мира нас совсем не устраивают»: не удалось реализовать федералистскую концепцию обустройства территории Восточной Европы, без чего невозможна прочная безопасность страны¹⁰.

Рефрен о неполном соответствии договорённостей в Риге, особенно о границе, польским стремлениям и исторической справедливости звучал в выступлениях в сейме представителей всех политических партий в период с 7 по 14 октября. Особенно сильными подобные настроения оказались у уроженцев восточных краин. Так, видный общественный деятель Э. Войниллович за-

⁷ Sprawozdanie stenograficzne z 170 posiedzenia Sejmu Ustawodawczego z dnia 7 października 1920 r. Ł. 16.

⁸ ДМИСПО. Т. III. С. 426.

⁹ Цит. по: *Ольшанский П. Н.* Рижский мир. Из истории борьбы Советского правительства за установление мирных отношений с Польшей (конец 1918 — март 1921 г.). М., 1969. С. 154.

¹⁰ Sprawozdanie stenograficzne z 171 posiedzenia Sejmu Ustawodawczego z dnia 8 października 1920 r. Ł. 19.

писал в дневнике 13 октября: «Это не что иное, как новый, четвёртый, раздел Польши, предложенный самой же Польшей»¹¹.

Советские сомнения относительно прочности перемирия подпитывали и такие события, как захват поляками в ночь с 15 на 16 октября Минска, который, согласно прелиминариям, оставался за РСФСР. Правда, поляки быстро оставили город, не дав конфликту разгореться. Но ещё более тревожным сигналом оказался захват 1-й литовско-белорусской дивизией по негласному приказу Пилсудского 9 октября Вильно. Командиру дивизии генералу Л. Желиговскому пришлось сымитировать бунт, чтобы Варшаву не обвинили в нарушении постановления Верховного совета Антанты от 10 июля о принадлежности Вильно Литве¹². Показательна публичная трактовка этой акции Витосом в сейме. Он сначала заявил о понимании «огорчения офицеров и солдат, которым после двух лет тяжёлых боёв, которые они вели ради завоевания свободы для своего родного края, запретили доступ в свой родной Вильно», затем пожурил их за отказ подчиняться военному командованию страны и даже пообещал «проведение строгого расследования». Фактически же осуждению подверглась не суть акции, а форма, в которой её осуществили. Поэтому нельзя назвать случайным заявление, что правительство всегда считало Виленщину составной частью Польши и что польские войска не допустят нападения на Среднюю Литву с востока. Иными словами, он практически открыто предостерег советскую сторону от попытки вмешаться в конфликт на стороне Литвы¹³.

С одной стороны, захват Вильно создавал для Москвы трудности во взаимоотношениях с Литвой, перечёркивая одну из ключевых статей советско-литовского мирного договора от 12 июля, по которой РСФСР как правопреемница Российской империи передавала Литве права на Вильно¹⁴. С другой же стороны, этот конфликт оказывался на руку Москве, возводя между Литвой и Польшей непреодолимое препятствие. Если до 9 октября польско-литовский конфликт существовал как потенциальный и сохранялась возможность его урегулирования политико-дипломатическим путём (примером служит польско-литовский договор от 7 октября о разграничении в районе Сувалок), то после акции Желиговского он приобрёл реальный характер (что подтвердил и польский премьер). Что касается Москвы, то она, согласившись зафиксировать в договоре от 12 октября, что территориальный спор между Польшей и Литвой является исключительно их делом, но не денонсировав мирный договор с Ковно от 12 июля, сохранила за собой роль союзника Литвы против Польши. В Кремле опасались лишь перспективы интернационализации конфликта и введения в спорную область войск Антанты¹⁵. И, конечно, виленский инцидент показал Москве, что в Польше всё ещё сильна военная партия, способная в любой момент нарушить договорённости и даже обязательства перед всемогущей Антантой.

Таким образом, шестидневный срок, отпущенный на введение в действие договора о перемирии, и в Советской России, и в Польше оказался наполнен тревогами и сомнениями относительно того, будет ли война действительно

¹¹ *Войнилович Э.* Воспоминания. Минск, 2007. С. 334.

¹² ДМИСПО. Т. III. С. 149.

¹³ *Sprawozdanie stenograficzne z 172 posiedzenia Sejmu Ustawodawczego z dnia 7 października 1920 r.* Ł. 5.

¹⁴ *Павлова М.С.* Литва в политике Варшавы и Москвы в 1918–1926 годах. М., 2016. С. 35–36.

¹⁵ Там же. С. 69.

остановлена. Но политическое руководство обеих сторон приложило все усилия, чтобы боевые действия прекратились точно в обозначенный день. 17 октября полевой штаб Реввоенсовета РСФСР отправил командованию Западного и Юго-Западного фронтов телеграмму с подтверждением приказа главнокомандующего Вооружёнными силами о прекращении боевых действий на польском фронте¹⁶. В заявлении польского генштаба сообщалось, что «18 октября 1920 года в 12 часов на всём фронте произошла приостановка боевых действий»¹⁷. Тогда же газета «Известия» напечатала полный текст прелиминарного мирного договора¹⁸.

Прекращение боёв стало лишь первым шагом на пути к работе над окончательным текстом мирного договора. Согласно ст. XVII прелиминарного договора, он подлежал обязательной ратификации. Местом обмена ратификационными грамотами определили г. Либава (Лиепая) в Латвии. Сама процедура ратификации договора должна была состояться не позже 15 дней с момента его подписания (т.е. до 27 октября), на обмен грамотами и составление протокола отводилось не более шести дней по истечении срока, предусмотренного для ратификации. Именно момент обмена грамотами и определялся как завершение этого процесса. В общей сложности на всю процедуру юридического оформления перемирия отводился 21 день, её конечной датой намечалось 2 ноября. Если бы этот срок одна из сторон по каким-либо причинам не соблюла, то договор потерял бы обязательную силу и по истечении 48 часов, т.е. 5 ноября, боевые действия могли возобновиться¹⁹.

Стороны договора продемонстрировали ответственное отношение. Нарком иностранных дел Г.В. Чичерин ещё 8 октября спрашивал у главы советской делегации А.А. Иоффе, достаточно ли будет для ратификации договора утверждения со стороны СНК, так как «почти невозможно» созвать ВЦИК. На следующий день Иоффе по прямому проводу из Риги ответил, что, поскольку поляки собираются ратифицировать договор сеймом, «придётся у нас всё же созвать сессию»²⁰. 14 октября Политбюро ЦК РКП(б) постановило поручить комиссии в составе Чичерина, П.И. Стучки и А.С. Енукидзе «тщательно изучить вопрос с юридической точки зрения о том, вполне ли достаточно ратифицировать польский мир через СНК и Президиум ВЦИК». На следующий день было принято решение о созыве 23–25 октября сессии ВЦИК²¹. 20 октября Наркоминдел отправил в ЦК запрос о необходимости обеспечить кворум на заседании в связи с тем, что «всё происходящее в Москве становится быстро известным иностранным правительствам», поэтому нельзя допустить низкой явки²².

Украинский ЦИК ратифицировал договор 20 октября²³. Через два дня состоялись второе и, по предложению ряда партий, третье чтение договора в сей-

¹⁶ РГВА, ф. 6, оп. 4, д. 486, л. 163.

¹⁷ *Dąbski J. Pokój Ryski. Wspomnienia. Pertraktacje. Tajne układy z Joffem. Listy.* Warszawa, 1931. S. 126.

¹⁸ Известия. 1920. 17, 18 октября.

¹⁹ ДМИСПО. Т. III. С. 433.

²⁰ Советско-польские отношения в 1918–1945 гг. / Под общ. ред. М.М. Наринского, А.В. Мальгина. Т. 1. М., 2017. С. 246, 248.

²¹ Польско-советская война... Ч. 2. С. 93, 94.

²² РГАСПИ, ф. 17, оп. 86, д. 208, л. 11.

²³ Польско-советская война... Ч. 2. С. 99. Однако отправка украинской ратификационной грамоты в Москву затянулась на неделю по техническим причинам. Во-первых, три бланка ратификационной грамоты курьер привёз из Москвы в Харьков только в 18:00 26 октября. Но отпра-

ме. Договор от правительства представил Витос, а от имени сеймовой комиссии по иностранным делам — депутат С. Фальковский. В обсуждении участвовали представители девяти партий. Все выступавшие отметили, что прелиминарный договор — результат не польского диктата, а добровольного соглашения сторон, что гарантирует его прочность. Вместе с тем ораторы от ППС, Национальной рабочей партии и Национально-христианского рабочего клуба выразили недовольство, что мирная делегация по вине представителя Народно-национального союза С. Грабского не добилась передачи Польше Минска, в результате чего вне её границ осталось много поляков. А Черневский (НХРК) даже посчитал, что «при утверждении этих прелиминариев... нужно сказать, что сейм и весь польский народ будут о них помнить и работать над тем, чтобы они могли вернуться к общей с нами жизни»²⁴. Но этот откровенно ревизионистский призыв последующие ораторы не подхватили. 22 октября сейм единогласно принял решение о ратификации и уполномочил Начальника государства Пилсудского от имени Второй Речи Посполитой подписать договор. Сапега проинформировал об этом Чичерина, а также председателя Совнаркома и по совместительству главу НКВД УССР Х.Г. Раковского, подчеркнув: «Я искренне верю, что для государств, достигших соглашения, начинается период мира и благоприятного развития, и что наши страны смогут посвятить себя работе по восстановлению экономики на благо всего человечества»²⁵.

23 октября состоялось заседание 11-й чрезвычайной сессии ВЦИК. Речь Чичерина на ней²⁶ продемонстрировала взгляд советского правительства на суть заключённого соглашения. Нарком заявил, что рассматриваемый документ «является целиком осуществлением программы постановления ВЦИК 23 сентября». Он также озвучил основную причину конфликта, как её понимало руководство РСФСР: война — следствие «честолюбивого плана империализма», выражавшегося в «программе создания фиктивных, якобы самостоятельных правительств, прикрывающих собой польское господство на Украине и в Белоруссии». Таким образом, основная цель, преследуемая советским руководством, заключалась в том, чтобы добиться отказа Польши от создания системы буферных государств в обмен на территориальные уступки. И этой цели удалось достичь: по итогам договора Польша признавала существование, независимость и суверенитет советских Украины и Белоруссии. Тот факт, что договор заключался не только с РСФСР, но и с УССР, вынуждал Польшу «взять назад свои нетерпимые отношения», что соответствовало интересам и устремлениям советского руководства в данном регионе.

Западные же части Белоруссии и Украины Чичерин назвал той самой «территориальной ценой», которую пришлось заплатить. «Компромисс этот представляется для нас жертвой, потому что мы не можем не подумать о страданиях тех белорусских и украинских масс, которые подпадут под власть польской шляхты и польских капиталистов. Но на эти жертвы, по нашему мнению, мы должны идти, потому что в противном случае предстоит продолжение войны

вить её подписанный текст обратно в тот же день не получилось из-за отсутствия государственной печати, которую должны были изготовить и доставить в ВУЦИК вечером 26 октября (АВП РФ, ф. 04, оп. 32, п. 209, д. 66, л. 26).

²⁴ Sprawozdanie stenograficzne z 177 posiedzenia Sejmu Ustawodawczego z dnia 22 października 1920 r. Ł. 17, 18, 22.

²⁵ *Dąbski J.* Op. cit. S. 126.

²⁶ Польско-советская война... Ч. 2. С. 99–104.

на долгое время, зимняя кампания, дальнейшие жертвы для всей России, для всей Украины, для трудящихся масс российского и украинского народа».

Не менее существенным представлялось и обязательство Польши не вмешиваться во внутренние дела советских республик и отказаться от поддержки военных сил и организаций, направленных против их правительств и государственного строя. Это было особенно важно в условиях активности антисоветских группировок, поддерживавшихся польским и французским правительствами. Тем не менее Чичерин сомневался, что поляки будут соблюдать данное условие: «Нам предстоит в ближайшем будущем увидеть, как сложатся обстоятельства на этом петлюровском фронте, но во всяком случае со своей стороны Польша обязана не терпеть на своей территории петлюровских войск и не оказывать им никакой поддержки». Это условие являлось одним из самых значимых для советской стороны. Сомнения в действительном намерении поляков прекратить поддержку антисоветских формирований высказывал и член коллегии НКВД К.Б. Радек. Он сослался на члена польской делегации в Риге Л. Василевского, заявившего в одном из интервью: «Мы подписали прелиминарный мир, мы его будем ратифицировать, а Петлюра, Балахович и Савинков будут воевать». Радек упомянул и захват Вильно Желиговским, ясно обозначившим намерение «защищать буферную политику Пилсудского». Всё это создавало атмосферу недоверия и подозрительности: «Только ценой тяжёлых уступок мы получаем кусок бумаги, о котором мы не знаем, будет ли он завтра иметь значение»²⁷.

На момент открытия сессии советское руководство ещё не знало о ратификации договора сеймом. Вследствие этого Чичерин выражал обеспокоенность из-за отсутствия ясности в «отношении к вопросу о мире большинства польских политических партий», в среде которых сохраняло сильные позиции движение за продолжение войны и за союз с П.Н. Врангелем. Вызывало серьёзные опасения недовольство Франции заключением Польшей мира. «Но мы рассчитываем, — заявил нарком, — что движение польских масс будет достаточно сильное, чтобы преодолеть давление Франции». Он перечислил также и другие положения договора, урегулирование которых откладывалось до мирных переговоров. Это экономические и финансовые вопросы, претензии Польши на часть золотого фонда России. Председатель Витебского губисполкома И.М. Варейкис отметил недопустимую расплывчатость формулировки о возмещении убытков времён разделов Речи Посполитой: «Надо указать, с какого именно времени, а то, быть может, в течение 200 лет мы должны будем ввозить обратно то, что оттуда вывезено, этого мы ни в коем случае не можем сделать». Он выразил опасение, что это «не что иное, как прикрытие контрибуции». Чичерин в ответ заметил, что речь идёт лишь о культурных ценностях: «Это, может быть, будет большой потерей для нашей публичной библиотеки и для Эрмитажа, но для нашей народной жизни в целом это не является большим ударом». Он напомнил, что «прелиминарный договор устанавливает лишь основные принципы, окончательное установление которых предстоит в окончательном договоре и всех дополнительных соглашениях, которые сопровождают всякий мирный договор»²⁸.

В целом участники прений согласились с необходимостью ратификации соглашения, но требовали, чтобы делегация на переговорах в Риге твёрже от-

²⁷ Там же. С. 105–106.

²⁸ Там же. С. 108–109.

стаивала советскую позицию и не позволила, чтобы мирный договор носил грабительский характер. В ходе голосования решение приняли единогласно²⁹. 24 октября Чичерин уведомил польское правительство о ратификации, закончив телеграмму так: «Советская Россия приветствует установление мира и добрососедских отношений с Польшей»³⁰. 2 ноября состоялся обмен ратификационными документами в Либаве, и прелиминарный мирный договор вступил в силу. На этом работа над принятием сторонами конфликта прелиминарных условий мира между Польшей, РСФСР и УССР закончилась. Таким образом, процедура введения договора в действие соблюдалась сторонами без каких-либо отступлений.

Однако, помимо политической, процесс имел ещё и военную составляющую. Военные действия Войска польского с 18 октября полностью прекращались, а союзнические силы, не имея возможности открыто пользоваться его поддержкой, после 2 ноября оказывались перед выбором: либо войти в состав польской армии, либо вторгнуться на советскую территорию через нейтральную зону к югу от Несвижа и самостоятельно продолжить войну с РККА, либо разоружиться и подвергнуться интернированию в Польше. Первая возможность всерьёз не рассматривалась, поскольку предстояло не увеличение, а сокращение Войска до штатов мирного времени. Оставались вторая и третья возможности, причём третья вряд ли могла бы предшествовать второй, и во многом потому, что этого не хотел Пилсудский³¹. Несмотря на то что летом его формально лишили руководства «восточной» политикой, никто не ограничивал его полномочий Верховного главнокомандующего – прежде всего в вопросах помощи вчерашним союзникам, надеявшимся достичь своих политических целей, а взамен обещавшим проводить дружественный Польше курс.

В Варшаве в начале июня Б.В. Савинков организовал Русский политический комитет (РПК), который взял на себя функции будущего российского правительства. Его основной задачей стало формирование отрядов для совместных с польскими войсками боевых действий против РККА³². Их объединили в 3-ю русскую армию, состоявшую из трёх дивизий: двух пехотных и кавалерийской. Командовать ею поручили Пермикину. В начале ноября её численность достигла 10 тыс. человек. Кроме того, в подчинении у РПК находилась Народная добровольческая армия, сформированная на базе отряда Булак-Балаховича и действовавшая на территории Белоруссии. В начале ноября она насчитывала примерно 15 тыс. человек. Помимо них, в Польше находились казачьи формирования, не подчинявшиеся РПК, а также армия Украинской народной республики под командованием Петлюры (более 40 тыс.³³).

После обмена ратификационными грамотами эти войска формально теряли покровительство Второй Речи Посполитой. Ещё 21 октября Верховное коман-

²⁹ Там же. С. 107–108, 110.

³⁰ *Dąbski J.* Op. cit. S. 126.

³¹ Савинков на судебном процессе в 1924 г. показал: «После заключения перемирия Пилсудский призвал меня и сказал: “Дайте в 24 часа ответ, будете ли вы воевать?”» (Дело Бориса Савинкова. Со статьёй Б. Савинкова «Почему я признал Советскую власть». М., [1925]. С. 63).

³² Подробнее о РПК и других антисоветских организациях в Польше см.: *Симонова Т.М.* Советская Россия и Польша. Русские антисоветские формирования в Польше (1920–1925). М., 2011.

³³ *Матвеев Г.Ф., Матвеева В.С.* Польский плен. Военнослужащие Красной армии в плену у поляков в 1919–1921 годах. М., 2011. С. 122–128.

дование предложило им в двухнедельный срок покинуть территорию Польши, но разоружать их не стало. Поощряемые польскими военными³⁴ и французами³⁵, они выбрали продолжение войны³⁶. Естественно, не оборонительной, а наступательной. Разрыва перемирия поляки не хотели, поэтому явной поддержки вчерашним союзникам оказывать не собирались. Пермикин писал об этом так: «Розвадовский, как и все влиятельные поляки, мне говорил... что даже если бы у Врангеля были на фронте успехи и наше правительство зянуло бы переговоры с большевиками, то не делайте себе никаких иллюзий, что Польская армия пойдёт в Россию. Всё, что Польша могла бы сделать, если у Врангеля будет большой успех на фронте, это не заключать быстрого мира с большевиками. Польские армии останутся на своих границах и этим оттянут часть большевистских сил»³⁷.

Принимая во внимание совокупную силу антисоветских русских и украинских формирований (не более 75 тыс. штыков и сабель³⁸), не очень высокий боевой дух их рядового и офицерского состава, да и тот факт, что наступление должно было происходить поздней осенью (как уже отмечалось, необычайно холодной в тот год), польские военные и французы вряд ли верили в успех мероприятия. Именно это можно рассматривать как одну из причин того, что польские военные не остановили Балаховича, когда он отказался наступать на Украине, а решил двинуться в Белоруссию. Очевидно, что такое решение ослабляло силу удара на Украине, где в это время приближалась к кульминации битва за Крым. Но при отсутствии веры в успех Балаховича, Петлюры и Пермикина не имело смысла отговаривать Балаховича от его плана. Этим же можно объяснить и то, почему 3-ю армию поляки расположили не на правом, а на левом фланге армии УНР, нацеливавшейся на Киев, а не на Крым³⁹. Единственной пользой от этой авантюры могли стать сложности для РККА в борьбе с Врангелем⁴⁰.

³⁴ Так, Пермикин согласовывал с Пилсудским маршрут и материальное обеспечение 3-й русской армии во время её похода на соединение с Врангелем. По его же словам, он «часто посещал начальника польского Генерального штаба генерала Розвадовского... и он сделал всё возможное, чтобы ускорить наше вооружение» (*Пермикин Б.С. Генерал, рождённый войной. Из записок 1912–1959 гг. М., 2011. С. 85–86*).

³⁵ При штабе 3-й армии действовала французская военная миссия в составе 10 человек, возглавляемая генералом Троньо (*Пермикин Б.С. Указ. соч. С. 83*).

³⁶ Дело Бориса Савинкова... С. 63.

³⁷ *Пермикин Б.С. Указ. соч. С. 86*.

³⁸ Савинков назвал даже меньшую цифру — 50–60 тыс. человек, заметив при этом, что «в общей сложности получилась довольно большая армия для гражданской войны. Если бы она была единой, то представила бы собой некоторую силу. Но эти имели несколько командований: украинцы — одно, есаул Яковлев — другое, Перемыкин — третье, Балахович — четвёртое. По настоянию Перемыкина, т.е., в сущности, по настоянию Врангеля (как это ни странно, — склонен думать, что за кулисами были иностранцы), я вынужден был заключить конвенцию с Петлюрой, согласно которой он допускал за свой левый фланг армию Перемыкина. Что же было дальше? Перемыкин стал на этот участок, слева от него расположился казачий есаул Яковлев, но раньше, чем пойти в бой, они передрались между собой» (*Дело Бориса Савинкова... С. 65*).

³⁹ Согласно приказу Врангеля о создании 3-й русской армии, ей поручалось идти на «соединение с войсками Крыма» (ДМИСПО. Т. III. С. 422).

⁴⁰ Савинков так характеризовал заинтересованность Польши и Франции во вторжении антисоветских формирований в Белоруссию и на Украину: «Зачем поляки разрешили нам идти в бой, какую цель они преследовали? Почему они всё время оказывали на нас давление, тайное, неофициальное?.. Иди, иди, давление двоякое, — польское, с одной стороны, и французское — с другой. Какую цель они преследовали? Да ту же, какую преследуют все иностранцы: пусть русские дерутся

При этом польским военным и лично Пилсудскому она позволяла с достоинством (по крайней мере внешним) выйти из щекотливой ситуации со вчерашними союзниками. Прелиминарный договор давал формальную возможность сохранить лицо: не разоружать вчерашних союзников, а хорошо их вооружить и неявно посодействовать их борьбе с красными. По свидетельству Пермикина, Пилсудский во время встречи с ним «для того, чтобы я мог быстрее получить всё необходимое для похода... дал мне целый ряд фамилий и характеристик офицеров, к которым надо обращаться. Это были не начальники всевозможных отделов, а его капитаны»⁴¹, т.е., скорее всего, бывшие легионеры, для которых слово маршала являлось законом. А изданная после 12 октября инструкция начальника Генерального штаба польским делегациям в Барановичах и Бердичеве, наблюдавшим за введением в действие договора о прекращении огня, обязывала их под разными предлогами ограничить численность советских представителей при польских войсках и территорию, которую они могли посещать (даже ценой отказа от собственных подобного рода требований). Причём особенно на южном участке фронта, т.е. южнее Несвижа, поскольку там «речь идёт прежде всего о том, чтобы не допустить противника в районы концентрации войск ген[ерала] Балаховича, русских и украинских»⁴².

Чтобы обезопасить Польшу от обвинений в нарушении договора о перемирии, а заодно и однозначно предупредить вчерашних «товарищей по оружию», что они могут вернуться в Польшу только на правах военнопленных, давний соратник Пилсудского военный министр генерал К. Соснковский издал 21 октября приказ, согласно которому «военные подразделения и лица, пересекающие восточную границу государства или линию прекращения огня и переходящие на польскую сторону, будут считаться военнопленными в соответствии со ст. 10 договора о перемирии»⁴³. Таким образом уцелевшие в боях и решившие вернуться в Польшу переставали считаться союзниками, разоружались и заключались в лагеря⁴⁴.

Реальной услугой поляков армиям Петлюры и Пермикина стала затяжка с отводом их войск из отходящих к УССР районов Волыни. Формальными поводами для этого они называли отсутствие в договоре точных сроков отвода войск, эпизоотию, а также «сахарный» вопрос. Его суть заключалась в том, что польская сторона весной и летом 1920 г. затратила средства на посев и выращивание сахарной свёклы и хотела дожидаться её уборки и переработки на сахар, чтобы затем вывезти в Польшу. Сезон сахароварения обычно начинается в сентябре и продолжается порой до Рождества⁴⁵. Размещённые под этими предлогами на юге и юго-востоке Волыни польские войска, сами не участвуя

между собой. Чем больше гражданской войны, тем для нас, иностранцев, лучше: Россия будет слабее, России труднее будет стать на ноги» (Дело Бориса Савинкова... С. 66).

⁴¹ Пермикин Б. С. Указ. соч. С. 85.

⁴² Dokumenty do stosunków polsko-sowieckich 1918–1945 (далее – DSPS). Т. I. 1918–1926. Cz. 1. Polska między Rosją «Białą» a «czerwoną» (listopad 1918 – marzec 1921). Warszawa, 2021. S. 544.

⁴³ DSPS. Т. I. Cz. 1. S. 552–553.

⁴⁴ По словам Савинкова, «произошло то, что я втайне предвидел: поляки нас обманули. Поляки обещали нам, что они не интернируют, а подтверждают наших солдат, а это – разница большая. Но, конечно, когда дошло до дела, наши солдаты были просто интернированы в лагеря» (Дело Бориса Савинкова... С. 65). Из свидетельства Савинкова следует, что он даже не знал о приказе Соснковского.

⁴⁵ Домбский на совещании с Иоффе 13 ноября датировал завершение вывоза сахара 1–15 декабря (DSPS. Т. I. Cz. 1. S. 574).

в боях, прикрывали левый фланг пермикинцев и петлюровцев. Из-за этого РККА, опасаясь обвинений в срыве перемирия, не могла провести операцию по их окружению⁴⁶.

Но «военная партия» в Польше не ограничивалась использованием лишь этих объективных поводов. Верховное командование разделяло мысль о том, что при благоприятном для Врангеля и восточных союзников развитии событий не исключено присоединение к ним «добровольцев» из числа польских военнослужащих. Об этом Пермикину сказал начальник Генерального штаба: «Я говорил Розвадовскому о малочисленности моих формирований и слабости Украинской армии. Розвадовский указал на возможность (опять-таки, если у Врангеля будет успех, и заключение мира с большевиками затянется, и переговоры о государственной границе [будут успешны]) дать мне польских добровольцев. В этом случае польские добровольцы сохранили бы свою внутреннюю организацию, сняв знаки отличия, и были бы подчинены мне. [И] что их число будет значительно больше, чем все мои формирования вместе с украинцами»⁴⁷.

О том, что Розвадовский, говоря о «добровольцах», не просто успокаивал Пермикина, а приоткрывал завесу над планами и действиями по созданию таких формирований, свидетельствует история создававшегося осенью по приказу Пилсудского польско-украинского добровольческого отряда. Инициатива исходила от польских военных – выходцев с территорий, оставшихся в составе УССР. Они не согласились с решением политиков продолжить переговоры на пике успехов польской армии и хотели вести войну до победы⁴⁸. Реализовать эту инициативу взялся В. Славек, один из наиболее близких к Пилсудскому со времени революции 1905–1907 гг. людей, его доверенное лицо в отношениях с Петлюрой. Именно ему Пилсудский поручил подписать польско-украинскую военную конвенцию от 24 апреля (летом Совет обороны государства признал её ничтожной как не прошедшую процедуру ратификации сеймом), а также командование польскими этапными войсками на Украине.

Первые шаги по созданию отряда были сделаны уже до 20 сентября, когда стало ясно, что в политических кругах Польши возобладало мнение о необходимости завершения военных действий против советских республик и скорейшего заключения мира. В конце сентября Славек ознакомил с проектом Пилсудского и Розвадовского, которые формально согласия не дали, но в действительности одобрили и в дальнейшем облегчили его исполнение⁴⁹. Столь высокое покровительство упростило взаимодействие с различными инстанциями, от которых зависел успех проекта, в том числе с V и II отделами главного командования. Славек добивался, чтобы военный министр Соснковский провёл через Совет министров постановление о скорейшей демобилизации офицеров, родившихся на территориях, которые остались в составе УССР, чтобы

⁴⁶ ДМИСПО. Т. III. С. 472–473, 475.

⁴⁷ Пермикин Б. С. Указ. соч. С. 86. Из слов Розвадовского видно, что закавычивание нами слова «добровольцы» не случайно.

⁴⁸ Матвеев Г. Ф. Последняя попытка польско-украинского военного взаимодействия в 1920 г. // Версаль и новая Восточная Европа. М., 1996. С. 64–80.

⁴⁹ О том, что отряд имел очень высоких покровителей, свидетельствует то, что 10 ноября Соснковский запретил вербовку поляков в иностранные войска, особенно воюющие на территории РСФСР и УССР, поскольку это противоречит положениям прелиминарного мира. А в 6-й армии, в расположении которой отряд дислоцировался, аналогичный приказ издали только 5 января 1921 г. (РГВА, ф. 471к, оп. 1, д. 31/ч. 1, л. 210, 212).

те могли вступить в отряд. 25 октября он писал начальнику II отдела генштаба Б. Медзильскому: «Вопрос срочный, потому что если я смогу сформировать до 2.XI хоть какой-нибудь отряд, то... приму участие в боях украинцев с большевиками»⁵⁰.

В сентябре с проектом ознакомили Петлюру. Сначала тот не занял определённой позиции, но уже в ноябре выразил пожелание придать проекту официальный характер. Однако это не устраивало польскую сторону, особенно после обмена ратификационными грамотами. 7 ноября Славек писал секретарю Пилсудского К. Съвительскому, что не хотел бы переход отряда на украинскую службу «сопровождать политическими демонстрациями и дипломатическими церемониями. По мере организации отдельных подразделений высылать их на фронт и в пути перекрашивать»⁵¹. Деятельность на украинском поле облегчалась для него тем, что он был назначен ответственным за разоружение армии Петлюры.

Хотя все ознакомленные с проектом лица и учреждения старались хранить его в тайне, 10 ноября «Газета Варшавская» сообщила о заседании военной комиссии сейма. На нём депутат от Народно-национального союза К. Лютославский рассказал о состоявшемся неделей раньше собрании в Варшаве, на котором Славек изложил программу захвата Киева (неофициально, отрядом из добровольцев — «поляков украинского происхождения» численностью до 20 тыс.) и сказал, что такой отряд формируется им в Кременце. На заседании комиссии присутствовал генерал Т. Розвадовский, который заверил, что армия не имеет к этому делу никакого отношения. Он признал, что накануне отъезда польской мирной делегации в Ригу Славек действительно представлял ему подобный проект, но на тот момент в этом не было ничего предосудительного. Сейчас ситуация иная, поэтому начальник штаба обещал изучить вопрос и доложить о результатах расследования на следующем заседании комиссии. На предложение депутата от НДП А. Скарбека провести расследование в два дня Розвадовский ответил, что не обязан знать, чем, кроме своих служебных обязанностей, занимается Славек. На это отреагировал ещё один национал-демократ — Я. Залуска: «Но мы проинформированы, что подполковник Славек — высокопоставленная персона в определённых сферах, — близок к принимающим решения, поэтому начальник штаба может даже за несколько часов узнать, где находится Славек и что собирается делать; если делает скрытно, то это военная измена, за которую он должен быть соответствующим образом наказан»⁵². Реплика почти прямо указывала, что за спиной офицера стоит Пилсудский.

Спустя три дня в популярной краковской газете «Иллюстрированы курьер цодзенны» появилась заметка «Доносчики», которую можно рассматривать как желание «пилсудчиков» предотвратить обвинение Польши в нарушении прелиминариев. Изложив выступления Лютославского и Розвадовского, анонимный автор заметил, что информация генерала не удовлетворила эндеков, «которые готовят новую бурю и новый политический скандал». Заметка заканчивалась так: «Если бы подобное действие могло хотя бы в отдалённой перспективе принести какую-либо пользу Отчизне, то оно могло бы быть частично обо-

⁵⁰ Там же, л. 74.

⁵¹ Там же, л. 86.

⁵² Gazeta Warszawska. 1920. 10 listopada.

снованным. Но оно приносит только вред, потому что ставит Польшу перед политическими трудностями в связи с необходимостью опровержения лжи, стремится посорить государство с соседями и представляет Польшу в роли мошенника»⁵³.

Единственным последствием разглашения формирования польско-украинского отряда можно считать лишь дальнейшее засекречивание акции. Сам отряд, на конец ноября состоявший из двух батальонов пехоты (524 человека), двух эскадронов кавалерии (225 человек) и одной конной артиллерийской батареи (58 человек), просуществовал до начала 1921 г. На первый взгляд не понятно, с какой целью его сохраняли, если так и не использовали в военных действиях. Ответ в какой-то степени даёт письмо Славека от 30 ноября, когда он получил предложение имитировать непослушание командованию 6-й армии и идти в Срединную Литву. В нём он спрашивал Сьвитальского: «В ожидании срыва мирных переговоров держаться ли украинских интересов в качестве какого-то неестественного привеска к 8-й дивизии пехоты, или же идти служить к Желиговскому?»⁵⁴.

Таким образом, если польские политики в точности и в установленные сроки провели ратификацию договора о перемирии с советскими республиками, то польские военные, используя отсутствие в соглашении однозначного определения даты начала отвода войск, фактически его торпедировали. Пилсудский же доказал, что ему принадлежит веское слово в определении «восточной» политики.

Двойственная политика польского руководства спровоцировала кризис в момент возобновления переговоров об окончательном тексте мирного трактата. Делегации договорились вернуться в Ригу сразу же после 2 ноября⁵⁵. 26 октября Иоффе напомнил своему польскому партнёру Я. Домбскому об условленных сроках. Он известил его телеграммой, что остаётся на посту и в соответствии с «нашим совместным решением» намеревается приехать в Ригу в начале ноября, а также попросил сообщить дату возвращения польской делегации⁵⁶. В ответ ему сообщили, что она прибудет в Ригу 6 ноября⁵⁷.

Иоффе приехал 3 ноября, Домбский — только 13-го. Вполне закономерен вопрос о причине его недельной задержки. Ведь в первом туре рижских переговоров в сентябре—октябре он зарекомендовал себя скорее сторонником быстрого завершения конфликта и более умеренных территориальных претензий, нежели приверженцем «военной партии» и границ 1772 г. Сам Домбский в воспоминаниях о конференции обошёл этот эпизод вниманием. Объяснение содержится в письме Иоффе в Москву, датированном 10 ноября: «По польским сообщениям [Домбский] выехал 3-го, но застрял в Данциге, ибо что-то приключилось с пароходом, на котором должен был ехать. Вернее всего, однако, что он застрял в Данциге для каких-либо вопросов по Данцигскому вопросу»⁵⁸. То есть дипломат воспроизвёл польскую версию причин несоблюдения его коллегой договорённости.

⁵³ Denuncjatorzy // Ilustrowany Kurjer Codzienny. 1920. 13 listopada.

⁵⁴ РГВА, ф. 471к, оп. 1, д. 31/ч. 1, л. 90 об.

⁵⁵ DSPS. T. I. Cz. 1. S. 537.

⁵⁶ Ibid. S. 557—558.

⁵⁷ Ibid. S. 573.

⁵⁸ РГАСПИ, ф. 159, оп. 2, д. 39, л. 143.

Такое объяснение весьма правдоподобно, так как пароходы из Данцига в Либаву осенью того года ходили раз в неделю⁵⁹. Кроме того, как раз в это время шли переговоры о статусе Данцига как вольного города (они завершились 15 ноября). Но в каком качестве в них мог участвовать Домбский? Он с августа занимался переговорами с советскими республиками, а работа над конвенцией об отношениях между Данцигом и Польшей велась в Париже и завершилась 9 ноября 1920 г. Следовательно Домбский вряд ли знал эту проблему в такой степени, чтобы обсуждать с кем-либо её аспекты.

Если же опоздание произошло не по объективным причинам, то вполне допустимо и иное объяснение задержки. Выше уже говорилось, что польское военное командование как раз в промежутке между 2 и 9 ноября решало две взаимосвязанные задачи: создавало благоприятные условия для вторжения своих восточных союзников на советскую территорию, но при этом старалось во что бы то ни стало не довести дело до возобновления войны. Советской стороне не составило особого труда раскусить этот замысел. С 26 октября заместитель руководителя делегации РСФСР Л.Л. Оболенский направлял Домбскому ноты протеста, в которых поддержка действий Петлюры, Савинкова и Балаховича трактовалась как нарушение условий перемирия, подрыв значения заключённых договоров, свидетельство отсутствия искреннего стремления к миру. Более того, поляков прямо предупреждали о возможном затруднении дальнейших переговоров⁶⁰.

Поэтому до тех пор, пока «военная партия» в Польше не умерила свой пыл, Домбскому как человеку, умеющему держать слово⁶¹, проще было не приезжать в Ригу, нежели изворачиваться, отвечая на высказываемые лично претензии партнёров по переговорам. 9–10 ноября Красная армия ворвалась в Крым, и дальнейшая поддержка Польшей антисоветских формирований утратила смысл. Чуда не произошло, предстояло возобновлять конференцию, которая на тот момент осталась единственной площадкой для официальных контактов сторон и решения непрерывно возникавших вопросов.

Конечно, это только предположения, но в их пользу свидетельствует поведение Домбского на первом после возвращения в Ригу совещании с Иоффе. Оно началось 13 ноября в 17:15 с вопроса о невыполнении Польшей § 6 договора о перемирии. Иоффе заявил, что Польша «создала то рискованное, серьёзное и крайне тяжёлое положение на фронте, которое может повести к возобновлению военных действий. Если это соответствует желанию Польши, то тогда лучше поступить открыто, согласно пункта договора, касающегося взаимного предупреждения за 14 суток о возобновлении войны». Домбскому пришлось извиняющимся тоном просить партнёра «верить его категорическому утверждению, что польское правительство и польская делегация преисполнены самых искренних намерений в отношении осуществления мира с Россией». Его заверения и объяснения не произвели особого впечатления, как и слова

⁵⁹ *Obieziński M.* Wspomnienia z polsko-rosyjskiej konferencji pokojowej ryskiej dla ułożenia preliminarjów pokojowych (wrzesień–paźdz. 1920 r.). Warszawa, 1938. S. 8.

⁶⁰ См., например: ДМИСПО. Т. III. С. 465–468; Советско-польские отношения в 1918–1945 гг. Т. I. С. 253; DSPS. T. I. Cz. 1. S. 572–573.

⁶¹ Он это доказал в октябре 1921 г. при заключении соглашения Домбского–Карахана (подробнее см.: *Матвеев Г.Ф.* «Деньги в обмен на высылку». Из истории советско-польского дипломатического конфликта в 1921 г. // Славянство, растворённое в крови... В честь 80-летия со дня рождения Владимира Константиновича Волкова (1930–2005). М., 2010. С. 198–216).

участвовавших в совещании Василевского и военного эксперта делегации подполковника И. Матушевского (они оба входили в окружение Пилсудского)⁶².

Интересна оценка совещания в телеграмме последнего в Верховное командование: «Заседание не привело к результату, но было много моментов, когда Иоффе ставил вопрос почти в ультимативной форме; но самого ультиматума не последовало, из чего я ещё раз делаю вывод, что пока что большевики срывать переговоры не собираются»⁶³. Очевидно, что эти слова — не что иное, как признание: именно польская сторона практически завела двусторонние отношения в тупик. Об этом без обиняков заявил и Иоффе в самом конце совещания: «Положение вещей не таково, чтобы предаваться спокойному обсуждению. Может случиться так, что ружья и пушки начнут стрелять сами. Всякое толкование § 6 иначе как требование немедленного по ратификации отвода войск — это нарушение договора... Отвод должен начаться немедленно, например, 14 ноября в 12 часов дня, и всякое предположение, что это дело месяцев и недель, для российско-украинской делегации совершенно неприемлемо, в этом случае договор будет неисполненным, и тогда придётся констатировать, что подписанный и ратифицированный обеими сторонами договор Польшей не соблюден»⁶⁴. Польскую делегацию буквально загнали в угол. Домбский сразу же после окончания совещания написал Сапеге, что Иоффе «прямо заявил, что может идти на уступки, но предпочитает открытую войну с Польшей, чем войну под псевдонимом Петлюры... Нужно считаться с необходимостью отвода наших войск на линию границы [в срок] до 5 дней. Нервное и недоверчивое настроение обещает трудности в переговорах»⁶⁵.

Чтобы не накалять дискуссию, дипломат, сославшись на усталость после дороги, попросил прервать совещание до следующего дня. На самом же деле польская делегация взяла перерыв, чтобы лучше подготовиться к следующей встрече, ожидая, видимо, что Иоффе продолжит обвинительную линию⁶⁶. Но советская сторона нуждалась в мире, а не в убеждении партнёров, что это именно они виноваты в нарушении договора. Ведь ещё 19 августа она определила для себя главного противника: Врангеля⁶⁷, а не Польшу. Иоффе не стал акцентировать вопрос о помощи Петлюре и Балаховичу и без особой дискуссии согласился с предложенной поляками формулой: «Отход польских войск на польскую государственную территорию там, где это ещё не исполнено, произойдёт немедленно и в согласии с § 6 договора о перемирии. Ввиду необходимости издать соответствующие приказы слово “немедленно” следует понимать в том смысле, что начало отвода войск произойдёт немедленно после получения приказов, не позже, однако, чем 19 ноября 1920 г. в 24 часа по средне-европейскому времени»⁶⁸.

Чем объясняется столь резкая смена поведения по сравнению с первым днём совещания, когда Иоффе буквально загонял Домбского в угол? Ответ дал он сам в докладе Чичерину, В.И. Ленину, Л.Д. Троцкому и Н.Н. Крестинскому от 19 ноября: «Два дня совещания... с решительностью подтвердили правиль-

⁶² Советскую запись совещания см.: ДМИСПО. Т. III. С. 469–475.

⁶³ DSPS. T. I. Cz. 1. S. 575.

⁶⁴ ДМИСПО. Т. III. С. 474.

⁶⁵ DSPS. T. I. Cz. 1. S. 573.

⁶⁶ Ibid. S. 576.

⁶⁷ РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 103.

⁶⁸ ДМИСПО. Т. III. С. 475.

ность основного моего предположения, что поляки боятся и не хотят войны с нами... Поляки уступили, как только вопрос был поставлен ребром, и они убедились, что перегнули палку. Я более чем когда-либо убеждён, что они воевать не могут... Но это, конечно, вовсе не даёт нам права требовать всего, чего мы хотим, или отказываться от обязательств... Помимо этого главного и основного урока имевших место совещаний... они показали, что обход § 6 перемирия (об отводе войск) был не случайным и что действительно с польской стороны имела попытка поддержать Балаховича и К° и главным образом Петлюру, и что, наконец, на этом объединились и военное командование, и правительство... Если можно провести аналогии, то... подобно тому, как прелиминарный договор выдавал нам Врангеля, подобно этому подписанный здесь 14 ноября протокол выдаёт нам Балаховича, Савинкова, Петлюру, Перемыкина и др.»⁶⁹.

Казалось бы, Иоффе, в главном правильно оценив причины нарушения договорённостей о сроках возобновления переговоров, сумел без особых усилий решить важную для советского руководства проблему: заставить поляков не только отвести войска на условленную линию границы, но и забрать с собой восточных союзников, открыв тем самым путь к возобновлению мирных переговоров. Сразу же после совещания, 13–14 ноября, согласовали технические аспекты конференции, а 17 ноября состоялось её первое пленарное заседание.

Однако вскоре переговорный процесс вновь застопорился в связи с тем, что польская сторона так и не приступила к отводу войск. Как и во время переговоров в сентябре–октябре, дало о себе знать отсутствие единства в польских правительственных кругах, а именно желание «военной партии» затянуть переговоры и сорвать уже достигнутые договорённости. Например, председатель польской части минской военно-согласительной комиссии полковник Ю. Рыбак всячески саботировал постановления протокола от 14 ноября. Ссылаясь на необходимость борьбы с эпидемиями и эпизоотиями, он попытался сдвинуть начало отвода войск на более поздний срок. Он также выдвинул требование «об удержании тридцативёрстной полосы между Российско-Украинскими армиями, с одной стороны, и Польскими армиями — с другой»⁷⁰. Советская сторона усмотрела в этом попытку дать возможность войскам Балаховича и Петлюры соединиться при отходе поляков, на что, конечно, согласиться не могла. Более того, протестуя против требования немедленного отвода войск, Рыбак поднял вопрос о роспуске комиссии ввиду острых разногласий. Это противоречило § 8 договора о перемирии, который не предоставлял военно-согласительной комиссии права на самоупразднение.

Ситуацию обострило то, что председатель делегации РСФСР в военно-согласительной комиссии К.И. Шутко поддержал требование поляков об отсрочке отвода войск в районе распространения эпидемии. Хотя Реввоенсовет сразу же его дезавуировал за неисполнение директив правительства, «зло уже сделано», как написал Чичерин в телеграмме Иоффе 18 ноября⁷¹. Договорённость оказывалась на грани срыва.

В таких условиях советская делегация прибегла к крайним мерам. 20 ноября Иоффе направил Домбскому ноту о том, что до получения сведений о выполнении Польшей протокола от 14 ноября он «не считает возможным ка-

⁶⁹ АВП РФ, ф. 04, оп. 32, п. 205, д. 34, л. 63–65.

⁷⁰ Документы внешней политики СССР. Т. 3. М., 1959. С. 333.

⁷¹ РГАСПИ, ф. 5, оп. 1, д. 2000, л. 22.

кие бы то ни было дальнейшие работы Мирной конференции»⁷². Известие об этом вызвало большое возмущение и беспокойство как во властных кругах, так и в польском обществе в целом. Домбский считал, что подобное решение советской стороны ошибочно и подорвало веру в скорейшее достижение мира, породив впечатление, что Россия пытается сорвать переговоры⁷³. Тем не менее данный ход возымел нужное воздействие. 21 ноября Домбский направил две телеграммы в Варшаву: одну — в МИД⁷⁴, вторую — непосредственно Витосу. Передавая содержание ноты Иоффе, он просил «оказать всё возможное влияние в направлении чёткого и пунктуального соблюдения договора о разоружении в целом, если мы не хотим войны»⁷⁵.

На следующий день премьер, выступая в сейме, категорически отверг все обвинения в несоблюдении договора о перемирии и переложил ответственность за приостановку переговоров на советскую сторону. Он назвал протесты советской делегации необоснованными и имеющими цель либо отсрочить достижение мира, либо использовать мирную конференцию как поле для агитационной деятельности. Витос подчеркнул намерение правительства «в точности выполнять условия прелиминарного мира» и стремиться к ведению мирных переговоров «ускоренным темпом»⁷⁶. Когда из Риги поступило сообщение о возобновлении переговоров (Иоффе ещё 21 ноября направил ноту о такой возможности⁷⁷), Витос сообщил об этом с трибуны сейма, что вызвало дружные аплодисменты депутатов. Однако в тот же день вице-премьер И. Дашиньский заявил, что «позиция начальника Генерального штаба не согласуется с позицией нынешнего кабинета, считающего, что толкание Польши на продолжение войны было бы преступлением перед народом»⁷⁸. Фактически он признал вину военных кругов в новом кризисе в переговорном процессе.

22 ноября 1920 г. работа мирной конференции официально возобновилась, а комиссии вновь приступили к переговорам. В связи с этим именно эту дату следует считать рубежом процесса введения в действие советско-польского договора о перемирии.

⁷² Документы внешней политики СССР. Т. 3. С. 333–334.

⁷³ *Dąbski J.* Op. cit. S. 140.

⁷⁴ DSPS. T. I. Cz. 1. S. 588–589.

⁷⁵ ДМИСПО. Т. III. М., 1965. С. 484.

⁷⁶ Sprawozdanie stenograficzne ze 188 posiedzenia Sejmu Ustawodawczego z dnia 23 listopada 1920 roku. Ł. 5.

⁷⁷ Документы внешней политики СССР. Т. 3. С. 337.

⁷⁸ *Ольшанский П. Н.* Указ. соч. С. 171.

В лабиринте коллективной безопасности: советская дипломатия и происхождение советско- французского пакта о взаимопомощи (1933–1935)

Александр Вершинин

In the labyrinth of collective security: Soviet diplomacy and the origins of the Soviet-French mutual assistance pact (1933–1935)

Aleksandr Vershinin

*(Lomonosov Moscow State University, Russia;
Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia)*

DOI: 10.31857/S0869568722050144, EDN: KLUFMS

Проблема ответственности за развязывание Второй мировой войны по сей день остаётся одной из наиболее острых тем как в историографии, так и в информационном пространстве. Важный сюжет дискуссий – непростые взаимоотношения между СССР и его будущими союзниками по антигитлеровской коалиции. Провал планов создания фронта держав, заинтересованных в сохранении *status quo*, оказался важным катализатором войны – он развязал А. Гитлеру руки, создав у того иллюзию возможности разгромить противников поодиночке.

Однако усилия по налаживанию сотрудничества перед лицом реваншистской политики Германии предпринимались. Первой попыткой объединения сил ведущих европейских государств стал советско-французский пакт о взаимопомощи 1935 г. Союз двух стран, располагавших крупнейшими вооружёнными силами на континенте, мог в зародыше ликвидировать гитлеровскую угрозу. Однако он остался на бумаге и к 1939 г. фактически не действовал. Истоки соглашения и причины его неудачи давно изучаются специалистами¹, но кон-

© 2022 г. А.А. Вершинин

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда, проект № 20-78-10014 «От Соглашения к Пакту: франко-русские/франко-советские отношения в период 1890–1930-х гг.».

¹ История дипломатии. Т. 3. Дипломатия в период подготовки Второй мировой войны (1919–1939 гг.) / Под ред. В.П. Потёмкина. М., 1945; Манфред А.З. К истории советско-французского договора о взаимной помощи 1935 г. // Французский ежегодник, 1961. М., 1962; Белоусова З.С. Франция и европейская безопасность, 1929–1939. М., 1976; Очерки истории Министерства иностранных дел России. 1802–2002. Т. 2: 1917–2002 гг. / Отв. ред. А.В. Торкунов. М., 2002; Наринский М.М. Отношения между СССР и Францией. 1933–1937 год // СССР, Франция и эволюция Европы в 30-е годы / Отв. ред. М.М. Наринский. М., 2003; Дюллен С. Сталин и его дипломаты. Советский Союз и Европа. 1930–1939 гг. М., 2009; Хормач И.А. Возвращение в мировое сообщество: борьба и сотрудничество Советского государства с Лигой Наций в 1919–1934 гг. М., 2011; Хормач И.А. СССР в Лиге Наций, 1934–1939 гг. М.; СПб., 2017; Айпанетов О.Р. Внешняя политика Советской России и СССР в 1920–1939 годах и истоки Второй мировой войны. М., 2020; Scott W.E. Alliance against Hitler. The origins of the Franco-Soviet pact. Durham (N.C.), 1962; Mourin M. Les relations franco-soviétiques de 1917 à 1967. P., 1967; Duroselle J.-B. La Décadence, 1932–1939. P., 1979; Haslam J. The Soviet Union and the struggle for collective security in Europe, 1933–1939. L., 1984; Soutou G.-H. Les relations franco-soviétiques, 1932–1935 // La France et l'URSS: dans l'Europe des années 30 / Dir. de M. Narinski, E. du Réau, G.-H. Soutou, A. Tchoubarian. P., 2005; Carley M.J. A Soviet eye on France from the rue de Grenelle in Paris, 1924–1940 // Diplomacy & Statecraft. Vol. 17. 2006. Issue 2; Dessberg F. Le triangle impossible. Les relations franco-soviétiques et le facteur polonais dans les questions de sécurité en Europe (1924–1935). Bruxelles, 2009; Steiner Z. The triumph of the Dark. European international history, 1933–1939. Oxford, 2011.

сенсуса до сих пор не сложилось. Нет ясности даже в части того, кто — Москва или Париж — являлся инициатором сближения². Важной проблемой остаётся то, что в отечественной историографии эта тема зачастую освещается с точки зрения Москвы. Однако понять ход мыслей советской стороны нельзя, не сопоставив его с позицией стороны французской, которая, в свою очередь, развивалась в соответствии с собственной логикой.

Уточнения требует вопрос о том, как именно Москва трактовала принципы коллективной безопасности. Советская дипломатия приняла эту концепцию в начале 1930-х гг., однако её подход не только отличался своеобразием, но и претерпевал трансформации. Какие цели ставило перед собой советское внешнеполитическое ведомство в начале переговоров и на их завершающем этапе? Какие факторы влияли на изменение его позиции? Как она соотносилась с точкой зрения высшего политического руководства? Как далеко советская сторона была готова пойти в диалоге? В данной статье с опорой на советские и французские источники (в том числе архивные), а также на современную научную литературу предпринимается попытка дать ответы на эти вопросы.

Советско-французское сближение начала 1930-х гг. стало следствием коренной трансформации Версальской системы международных отношений. Оно началось ещё до прихода к власти Гитлера и объяснялось общим переосмыслением той роли, которую в европейских делах играл Берлин. Вторая половина 1920-х гг. прошла под знаком торжества принципов Локарнских соглашений 1925 г. Примирение Франции и Германии должно было заложить основу континентальной модели безопасности, а также привести к постепенному умиротворению Центральной и Восточной Европы³. Для Советского Союза со времени подписания Рапалльского договора 1922 г. Германия являлась главным европейским партнёром. Однако превращение Берлина в самостоятельный центр силы и ужесточение его внешнеполитического курса на фоне последствий Великой депрессии полностью поменяли ситуацию.

Сильная Германия, как и в конце XIX в., становилась тем фактором международной политики, который заставлял Россию и Францию искать общий язык. В ноябре 1932 г., оставив за скобками ряд болезненных проблем двустороннего сотрудничества, Москва и Париж заключили пакт о ненападении. Исчезли препятствия для развития контактов в военной сфере, шли консультации о развитии торговли. Впрочем, ни одна из сторон до конца 1933 г. не была склонна преувеличивать значение этой нормализации. По мнению У.Э. Скотта, соглашение с Советским Союзом «не являлось серьёзным шагом к изменению курса французской политики»⁴. Главной целью Парижа оставалось предотвращение нового советско-германского сближения на платформе Рапалло. В Москве также не снимали с повестки дня задачу недопущения «сговора империалистов».

В то же время Наркомат по иностранным делам (НКВД) во главе с М.М. Литвиновым исходил из перспективы комплексного углубления отношений. Глава советской дипломатии «в начале 1930-х гг. считал необходимым

² Белоусова З.С. Франция и европейская безопасность... С. 380–381; Scott W.E. Op. cit. P. 121; Soutou G.-H. Les relations franco-soviétiques... P. 38.

³ Магадеев И.Э. В тени Первой мировой войны: дилеммы европейской безопасности в 1920-е годы. М., 2021. С. 426–574.

⁴ Scott W.E. Op. cit. P. 73.

попробовать завоевать для СССР место на европейской дипломатической сцене, завязав контакты с Францией»⁵. Париж должен был занять место Берлина в качестве главного партнёра Москвы. Чтобы реализовать эту задачу, советские дипломаты развернули масштабную работу по созданию сети контактов в военно-политических и деловых кругах и активно убеждали политическое руководство СССР в необходимости выстраивания доверительных отношений с французами⁶. Взаимное сдерживание Германии мыслилось как фундамент этого сотрудничества.

В Кремле к подобной перспективе относились настороженно и, несмотря на приход к власти нацистов, не спешили ставить крест на отношениях с Германией⁷. Поведение Франции выглядело неоднозначным. В декабре 1932 г. на конференции по разоружению в Женеве её представители в принципе признали право Рейха на равенство в вооружениях. Летом 1933 г. шли переговоры о заключении «пакта четырёх», который создавал в Европе своего рода директорию в составе Франции, Великобритании, Италии и Германии, обладавшую правом ревизии международных договоров⁸. Однако Гитлер сам подтолкнул Москву и Париж навстречу друг другу. В июне германские официальные лица публично подняли вопрос о расширении «жизненного пространства» Германии на восток и возможных территориальных претензиях к СССР⁹. В октябре, не добившись от французов новых уступок в вопросе вооружений, фюрер констатировал провал женевских переговоров и объявил о выходе Германии из Лиги Наций. Локарнская политика Парижа шла под откос. В этой ситуации глава МИД Франции Ж. Поль-Бонкур принял решение о качественном повороте в отношениях с Москвой.

20 октября в беседе с советским полпредом в Париже В.С. Довгалеvским он впервые допустил возможность заключения советско-французского союза¹⁰. В течение ноября этот замысел подробно обсуждался и оформился в проект регионального пакта о взаимопомощи, который предполагал вступление СССР в Лигу Наций и подключение к соглашению стран Центральной и Восточной Европы. Однако речь не шла о классическом военно-политическом альянсе по типу того, который существовал между Российской империей и Третьей республикой до 1917 г. С середины 1920-х гг. французская дипломатия взяла на вооружение «многостороннюю политику, основанную на взаимопомощи и господстве международного права»¹¹. Таковая явилась прямой реакцией на Первую мировую войну, которую, как считалось, спровоцировали автоматическая логика действия альянсов и примат узко понимаемого национального интереса над задачами сохранения европейского мира.

Модель коллективной безопасности, фундамент которой заложили Локарнские соглашения, предполагала отказ от блоковой политики и взаимного сдерживания. Её участники связывались настолько плотной сетью взаимообя-

⁵ Дюллен С. Указ. соч. С. 96.

⁶ Вершинин А.А. У истоков советско-французского военного сотрудничества: миссия Б.М. Сиимонова во Франции (1932–1933 гг.) // Российская история. 2020. № 3.

⁷ Haslam J. Op. cit. P. 13.

⁸ Duroselle J.-B. La Décadence... P. 70–75.

⁹ Дюллен С. Указ. соч. С. 93.

¹⁰ Документы внешней политики СССР. Т. 16. М., 1970. С. 377.

¹¹ Jackson P. Beyond the balance of power: France and the politics of national security in the era of the First World War. Cambridge; N.Y., 2013. P. 514.

зывающих договоров, что разрыв хотя бы одного из них создавал ситуацию, при которой нарушитель сразу попадал в международную изоляцию. Вся конструкция оформлялась институтом членства в Лиге Наций, которая становилась верховной арбитражной инстанцией для урегулирования конфликтов между странами-участницами и могла применять определённые санкции в отношении агрессора. Теоретически в их число входило вооружённое принуждение к миру, но практически оно не мыслилось и, по сути, являлось декларативным¹².

То, что в октябре 1933 г. предлагал советскому полпреду Поль-Бонкур, предполагало лишь перенастройку системы коллективной безопасности. Если раньше она балансировалась за счёт сотрудничества Парижа и Берлина, то после демаршей германских правительств на смену ему должна была прийти связка «Париж–Москва»¹³. Стремясь уйти от вовлечения в советско-японские противоречия, обострившиеся после оккупации Маньчжурии в 1931 г., в Париже особо подчёркивали, что действие соглашения не должно распространяться на Дальний Восток.

В последние недели года советское руководство активно обсуждало французские инициативы. Сомнения вызвала конфигурация предлагаемого соглашения. 13 декабря Довгалецкий встретился с Поль-Бонкуром и предложил «отделить друг от друга» вопросы оказания взаимной помощи и вступления СССР в Лигу Наций. В ответ он получил разъяснение, что Франция могла выступить против Германии без риска нарушить Локарнские соглашения лишь при задействовании пункта устава Лиги Наций, допускающего коллективную защиту от агрессора. Эти соображения Литвинов подробно пересказал в записке И.В. Сталину от 15 декабря¹⁴. Судя по многочисленным пометкам адресата, речь шла о его первом глубоком знакомстве с деятельностью международной организации¹⁵. Выдержанный в духе принципов коллективной безопасности, французский проект выглядел достаточно запутанным. Возможно, пытаясь его упростить, Литвинов сообщил о желании Поль-Бонкура заключить «конвенцию о военной помощи». Это, однако, не находит подтверждения во французской записи переговоров министра с полпредом¹⁶.

По итогам длительных консультаций 19 декабря Политбюро ЦК ВКП(б) согласовало резолюцию, в принципе одобрявшую французские предложения. СССР соглашался вступить в Лигу Наций и заключить «региональное соглашение о взаимной защите от агрессии со стороны Германии» в случае выполнения ряда условий, ключевым из которых являлось присоединение к пакту восточных соседей СССР с обязательным участием Польши¹⁷. В НКВД не скрывали, что принятое решение «имеет целью поддержать тех членов нынешнего французского правительства... которые являются противниками как сепаратных переговоров с Германией, так и увеличения германской армии»¹⁸.

¹² *Soutou G.-H. Réflexions sur l'échec de la sécurité collective et ses raisons // Transversalités. Vol. 119. 2011. № 3. P. 179–181.*

¹³ *Dessberg F. Op. cit. P. 322–327.*

¹⁴ АВП РФ, ф. 05, оп. 13, п. 94, д. 78, л. 191–193.

¹⁵ Там же, л. 169–171.

¹⁶ Archives du ministère des affaires étrangères (далее – АМАЕ). Série Z (Europe, 1918–1940). URSS. 965. Le ministre des affaires étrangères a Monsieur Alphand, ambassadeur de la République Française a Moscou. 15 décembre 1933.

¹⁷ Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б) и Европа. Решения «особой папки». 1923–1939. М., 2001. С. 305–306.

¹⁸ Цит. по: *Дюлен С. Указ. соч. С. 99–100.*

В Кремле и на Кузнецком мосту исходили из того, что в руководстве Франции действует мощная прогерманская партия¹⁹. Одной из главных целей советских дипломатов со времени заключения пакта о ненападении являлось содействие укреплению позиций её оппонентов. НКВД активно искал ту фигуру в Париже, на которую можно сделать ставку.

Однако помимо этого мотива решение Политбюро имело важное стратегическое измерение: именно от него принято отсчитывать участие СССР в политике коллективной безопасности. Вопрос заключается в том, готово ли было советское руководство принять модель взаимодействия, предложенную Поль-Бонкурром. Процитированные выше документы говорят скорее о том, что глубинные цели Москвы подчинялись собственным установкам. По точному замечанию М.М. Наринского, они исходили «не из приверженности идее коллективной безопасности как таковой, а из национально-государственных интересов СССР»²⁰. Высшее политическое руководство страны в лице Сталина не сомневалось в неизбежности новой мировой войны и ставило перед дипломатией задачу создания таких условий, при которых СССР сможет наилучшим образом к ней подготовиться и вступит в неё последним²¹. Вхождение в Лигу Наций давало возможности координации действий со странами, заинтересованными в сохранении мира. При этом в Москве его осмысливали в военно-политических категориях баланса сил, что плохо вписывалось в концепцию коллективной безопасности, исповедовавшуюся французами.

«Мы взяли твёрдый курс на сближение с Францией», – сообщил Литвинов в телеграмме Довгалеvскому от 11 декабря²². Это должно было, помимо прочего, укрепить советские позиции в диалоге с ключевыми европейскими игроками. Соглашение с Францией открывало путь к улучшению отношений с Польшей, которая не случайно фигурировала в резолюции Политбюро как обязательный участник советско-французского пакта. Вопреки озабоченности советского руководства ростом агрессивности гитлеровской Германии, в 1933–1934 гг. не она, а польско-румынская коалиция, действующая при французской поддержке, представлялась ему основной угрозой безопасности страны²³. В рамках новой конструкции Париж из потенциального участника антисоветского блока превращался в проводника интересов Москвы в её отношениях с Варшавой. Таковые, несмотря на подписание в июле 1932 г. пакта о ненападении и последовавшие за этим попытки советской дипломатии углубить двустороннее сотрудничество, находились не в лучшем состоянии²⁴.

Новая дипломатическая конфигурация в Восточной Европе могла изменить и позицию Берлина²⁵. В докладе на XVII съезде ВКП(б) 26 января 1934 г. Сталин, признавая «перелом к лучшему в отношениях между СССР и Польшей, между СССР и Францией», отвергал точку зрения «некоторых германских

¹⁹ РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 185, л. 65–70.

²⁰ *Наринский М.М.* Отношения между СССР и Францией... С. 70–71.

²¹ *Pons S.* Stalin and the inevitable war, 1936–1941. L.; Portland, 2002. P. 1–5.

²² Документы внешней политики СССР. Т. 16. С. 736.

²³ *Кен О.Н.* Мобилизационное планирование и политические решения (конец 1920-х – середина 1930-х гг.). М., 2008. С. 360.

²⁴ *Кен О.Н., Рупасов А.И.* Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными соседними государствами (конец 1920–1930-х гг.). Проблемы. Документы. Опыт комментария. Ч. 1. Декабрь 1928 – июнь 1934 гг. СПб., 2000. С. 104.

²⁵ *Dessberg F.* Op. cit. P. 329.

политиков», которые «говорят по этому поводу, что СССР ориентируется теперь на Францию и Польшу»²⁶. В то же время можно согласиться с мнением О.Н. Кена, что «для Советского Союза в не меньшей степени, чем для Франции план коллективной безопасности в Восточной Европе являлся средством предотвратить взаимную конкуренцию за договорённость с немцами»²⁷, пока подобная договорённость имела смысл. В случае успешного развития диалога в рамках регионального пакта можно было ожидать укрепления доверия между Парижем и Москвой, которые традиционно подозревали друг друга в стремлении заключить сепаратную сделку с Берлином.

В Поль-Бонкуре советская дипломатия видела того политика, на которого могло бы опираться дело советско-французского сближения. Однако он быстро сошёл со сцены, и в феврале 1934 г. МИД возглавил Л. Барту. В историографии сложился образ последнего как жёсткого противника германского реваншизма, основным инструментом сдерживания которого он считал советско-французский союз, имеющий военную составляющую²⁸. Подобная оценка, однако, требует корректировки. Барту отнюдь не собирался форсировать сближение с Москвой и придерживался тех предложений, которые в конце 1933 г. в духе идей коллективной безопасности сформулировал его предшественник.

К апрелю 1934 г. по поручению Барту аппарат ведомства во главе с генеральным секретарём А. Леже разработал уточнённый проект пакта о взаимопомощи. Согласно ему, СССР, Германия, Польша, Чехословакия и прибалтийские страны заключали пакты о взаимопомощи. Возникла система «Восточного пакта» или «восточного Локарно», зеркальная «западному Локарно», оформленному в 1925 г. договорами, закреплявшими германо-бельгийскую и германо-французскую границы под гарантии Великобритании и Италии. Франция и СССР подписывали отдельный пакт, по которому Москва брала на себя гарантийные обязательства в отношении Парижа, аналогичные тем, которые несли Лондон и Рим по Локарнским соглашениям, а Париж давал гарантии Москве на тот случай, если она окажется втянутой в конфликт, выполняя условия «восточного Локарно». Эту замысловатую конструкцию венчал бы общий договор, вписывающий её в рамки Лиги Наций.

Предлагая Советскому Союзу столь сложный проект, французы решали центральную задачу, вытекавшую из всей их предыдущей политики: сближение с Москвой помещалось в строгие рамки коллективной безопасности под эгидой Лиги Наций с соблюдением Локарнских соглашений. Автоматизм действия советско-французского пакта не предполагался: чтобы прийти на помощь друг другу, Москва и Париж, согласно уставу Лиги, должны были заручиться формальным согласием её Совета или получить свободу рук в том случае, если Совет не приходил к общему мнению, но не раньше²⁹. Барту прямо говорил, что проектируемую систему договоров не следует отождествлять с классическими военными союзами³⁰.

²⁶ Документы внешней политики СССР. Т. 17. М., 1971. С. 85.

²⁷ Кен О.Н. Сталин, Литвинов и другие. О книге С. Дулан «Влиятельные люди. Послы Сталина в Европе, 1930–1939 гг.» // Клио. 2003. № 1. С. 247.

²⁸ Малафеев К.А. Луи Барту — политик и дипломат. М., 1988; Duroselle J.-B. Louis Barthou et le rapprochement franco-soviétique en 1934 // Cahiers du Monde Russe et soviétique. Vol. 3. 1962. № 4.

²⁹ Белоусова З.С. Франция и европейская безопасность... С. 179.

³⁰ Young R.J. Power and pleasure: Louis Barthou and the Third French Republic. Montreal, 1991. P. 218.

Советская реакция на инициативу поступила не сразу. Логика коллективной безопасности, заложенная в его проекте, казалась сотрудникам полпредства ненужным усложнением³¹. Однако к середине мая Литвинов смог перевести французский план на язык, понятный в Кремле. По его словам, эта «довольно остроумная» конструкция имела «значительные преимущества». Открытый характер договора, предполагавший участие в нём и Берлина, позволял Москве сохранять возможности для диалога со всеми основными центрами силы. В случае гипотетического военного конфликта СССР мог рассчитывать на помощь Франции как против Германии, так и против Польши³².

18 мая нарком лично обсуждал предложенный проект с французским коллегой. Один из его первых вопросов выдавал те сомнения, которые сохранялись у советского руководства, а именно, желание французов ограничиться договором о взаимопомощи с СССР без предоставления прямых гарантий другим участникам «восточного Локарно», а также то, что пакты должны были заключаться лишь между соседними странами, в результате чего Прибалтика оказывалась слабо прикрытой в случае внешней агрессии. Факт обсуждения этих сюжетов уже после консультаций между НКВД и Кремлём говорит о том, что возражения могли исходить непосредственно от Сталина. Барту, как и его предшественнику в декабре 1933 г., пришлось объяснять ограничения, которые на французскую дипломатию накладывали обязательства, выраставшие из Локарнских соглашений. Литвинов подтвердил, что, «в общем, понимает смысл данной конструкции», однако настоял на отдельном обсуждении вопроса о Прибалтике. Он также заручился согласием коллеги на заключение «Восточного пакта» без Германии в том случае, если бы Рейх сам отказался от участия в системе коллективной безопасности³³.

В целом глава советской дипломатии демонстрировал готовность принять за основу французский проект, однако периодически возвращался к его возможному военно-политическому измерению. В ходе консультаций с Барту в Женеве (начало июня) он поставил вопрос о модальности оказания помощи СССР и инициировал подписание дополнительной «технической конвенции»³⁴, но снял это предложение, столкнувшись с вполне ожидаемыми возражениями. В отчёте о переговорах 18 мая нарком упоминал якобы сказанную министром фразу о «дружбе вплоть до военного союза»³⁵, которая, впрочем, отсутствует во французской записи переговоров.

По справедливому замечанию С. Дюллен, во французском МИД само понятие «военный союз» «являлось табу под влиянием “травмы”, вызванной Первой мировой войной»³⁶. Знал ли об этом глава НКВД? Акцентирование им военной составляющей советско-французского соглашения может объясняться взглядами высшего политического руководства СССР, которые Литвинов обязан был учитывать. При этом он не настаивал на соответствующих пунктах переговорной повестки, считая, что «твёрдый курс на сближение с Францией» предполагает определённые уступки позиции, являвшейся для неё безус-

³¹ Документы внешней политики СССР. Т. 17. С. 310.

³² АВП РФ, ф. 05, оп. 14, п. 101, д. 98, л. 43–44.

³³ AMAE. Série Z (Europe, 1918–1940). URSS. 965. Conversation entre M. Litvinoff et M. Barthou a Genève. 18 mai 1934.

³⁴ Ibid. Note sur les pourparlers entre M. Litvinoff et L. Barthou a Genève. 3 juin 1934.

³⁵ Документы внешней политики СССР. Т. 17. С. 798.

³⁶ Дюллен С. Указ. соч. С. 102.

ловной. Летом 1934 г. советские дипломаты в публичных заявлениях подчёркивали сугубо невоенный характер договорённостей в рамках коллективной безопасности³⁷.

Таким образом, постепенно формировались подходы к проблеме «Восточного пакта». В Париже рассматривали перспективу создания на востоке Европы системы договоров, которая бы дополнила Локарнские соглашения и за счёт своей сложности сделала бы невозможным возникновение там военного конфликта. Для советского руководства имело значение появление на западных границах СССР стратегического буфера, гарантированного военно-политическими обязательствами Франции. НКВД при этом играл роль посредника, транслировавшего французские предложения, адаптируя их к тем представлениям, которые сложились у Сталина и его ближайшего окружения. При этом на Кузнецком мосту уделяли особое внимание качественному углублению отношений с Францией, которая в течение 1934 г. превращалась в главную точку приложения усилий советской дипломатии в Европе.

Фактором, нарушавшим цельность этой конструкции, выступала позиция Варшавы. В силу географического положения между СССР и Германией и роли, которую она играла во французской системе «тыловых союзов», Польша являлась краеугольным камнем «Восточного пакта». Однако в первой половине 1934 г. советско-польские отношения неуклонно портились. В январе была подписана германо-польская декларация о неприменении силы. Советско-французское сближение активизировало польскую политику «равноудалённости», предполагавшую сохранение баланса во взаимоотношениях с ключевыми европейскими столицами³⁸.

В Москве, впрочем, прочитывали её как курс на блокирование с Германией. В штабе РККА приходили к выводу о том, что польская военная угроза на Западе может сочетаться с германской³⁹. Рейх заменял Францию в качестве основного спонсора потенциальной антисоветской коалиции. «Равноудалённость» по своей сути противоречила и многосторонним договорённостям, что ставило под угрозу реализацию французского плана. Обращаясь к Политбюро в начале мая, Литвинов не случайно подчёркивал возможность использования советско-французского соглашения в качестве инструмента противодействия Польше: это соответствовало тем ожиданиям, которые формировались в Кремле⁴⁰.

С апреля в дипломатической переписке советская сторона всё более уверенно акцентировала двусторонний характер советско-французского соглашения, оставляя на втором плане перспективу создания регионального блока. «В разговоре с Барту, — писал Литвинов Розенбергу в Париж, — Вы должны даже в случае ликвидации бонкуровских предложений в результате позиции Польши заверять его в неизменности нашего стремления к сближению и сотрудничеству с Францией в деле укрепления мира»⁴¹. Эти расчёты подкреплялись информацией разведки. В мае иностранный отдел (ИНО) ОГПУ сообщал: «За последний год франко-польские отношения стали настолько натянутыми,

³⁷ Документы внешней политики СССР. Т. 17. С. 357–358, 430.

³⁸ Матвеев Г.Ф. Политическая система режима «санации» // Польша в XX веке. Очерки политической истории. М., 2012. С. 216.

³⁹ Кен О.Н. Мобилизационное планирование... С. 364.

⁴⁰ Кен О.Н., Рупасов А.И. Политбюро ЦК ВКП(б)... С. 104.

⁴¹ Документы внешней политики СССР. Т. 17. С. 306.

что и в Париже, и в Варшаве говорили о том, что союз между этими странами не будет возобновлён»⁴².

Советский стратегический интерес выливался в проект сдерживания Германии и Польши. Французы допускали перспективу, при которой «Восточный пакт» мог постепенно принять антигерманскую направленность. Но при всём недовольстве январской декларацией о неприменении силы они не были готовы записать поляков в лагерь союзников Берлина: это ставило крест на идее «восточного Локарно». Накануне визита Барту в Варшаву 22–25 апреля Литвинов вызвал французского посла Ш. Альфана и обозначил ему своё видение ситуации. В НКИД подозревали, что за германо-польской декларацией стоят далеко идущие совместные военно-политические планы. В этой связи нарком предлагал французам «вывести Польшу на чистую воду»⁴³. Важным индикатором изменения польской позиции стала бы переориентация франко-польского союза 1921 г. на сдерживание Германии, а не СССР⁴⁴. Отказ Варшавы от такого шага явился бы явным признаком её дрейфа в сторону Берлина.

Советские дипломаты рассматривали два варианта разрешения польской коллизии. В том случае, если бы французам, используя своё влияние, удалось привлечь поляков к участию в «Восточном пакте», СССР получал бы гарантированный великой державой буфер на западной границе. Однако весной 1934 г. отказ Польши от регионального пакта о взаимопомощи представлялся всё более вероятным. Более того, на французов, по мнению Литвинова, «со всех сторон делался нажим», чтобы «оторвать»⁴⁵ их от Советского Союза. В этой ситуации Москву, перед которой возникала угроза изоляции, могло заинтересовать только прямое военно-политическое соглашение с Парижем. Однако оно шло вразрез с той схемой, которую МИД Франции в декабре 1933 г. положил в основу советско-французского сближения. Столкновение позиций по этому чувствительному вопросу вскрывало глубинные противоречия всей конструкции двусторонних отношений и грозило её «осыпанием».

В ходе визита в польскую столицу Барту смог убедиться, что глава государства Ю. Пилсудский «не разделял французской обеспокоенности действиями Германии и не поддержал идеи вовлечения СССР в европейскую политику в качестве конструктивной силы»⁴⁶. Однако он не терял надежды подключить Польшу к «Восточному пакту»: отказался от обсуждения переориентации франко-польского союза, аккуратно обошёл вопрос о создании региональной системы безопасности без участия Германии и подчеркнул, что планируемое соглашение не имеет военного компонента⁴⁷. В НКИД на эти манёвры смотрели скептически⁴⁸ и постепенно готовили почву для заключения двустороннего соглашения с Францией.

В начале июня Литвинов прямо спросил Барту о его «личном мнении» по поводу возможности прямой договорённости между Москвой и Парижем в слу-

⁴² РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 187, л. 15.

⁴³ Документы внешней политики СССР. Т. 17. С. 277.

⁴⁴ Там же. С. 297.

⁴⁵ Там же. С. 375.

⁴⁶ Кузьмичева А.Е. Варшава или Москва? Зондажный визит Луи Барту в Польшу в 1934 г. // Славянский альманах. 2016. № 1–2. С. 132.

⁴⁷ Documents diplomatiques français. 1re série (1932–1935) (далее – DDF). Vol. VII. P., 1979. P. 45–49.

⁴⁸ Документы внешней политики СССР. Т. 17. С. 400.

чае отказа Германии и Польши от участия в пакте и получил положительный ответ⁴⁹. Значение этого обещания, данного «не для протокола», не следовало переоценивать, но нарком увидел здесь окно возможностей. По его мнению, Франция «слишком ангажировалась, чтобы только “использовать” переговоры для посторонних целей». Под «посторонними целями» имелась в виду возможная сепаратная сделка с Берлином, но здесь французы проявляли определённую последовательность. 17 апреля их дипломатическое ведомство направило в Лондон ноту, в которой говорилось о невозможности продолжения переговоров о разоружении на условиях Гитлера⁵⁰. Разведка передала информацию о ноте в Москву, где её обсудили на высшем уровне⁵¹. Совместное сдерживание Германии, таким образом, оставалось платформой для сотрудничества.

По итогам июньских переговоров глав советской и французской внешней политики ИНО ОГПУ сообщал, что «тактика Барту–Литвинова была понята (поляками. — *А.В.*) так, что наступает реальность союза СССР с Францией, Малой Антантой. В случае если бы такой союз был заключён, Польша открыто разрывает свой союз с Францией и также открыто заключает польско-германский военный оборонительный союз, направленный против СССР, Франции и Малой Антанты»⁵². Факт франко-польского раскола, скорее воображаемый, чем реальный, сулил определённые перспективы. В случае его углубления у французов не оставалось альтернативы оформлению полноценного союза с СССР. Литвинов всё же считал, что Париж имел «достаточные средства давления на Польшу, чтобы заставить её примкнуть к пакту, но вопрос в том, захочет ли Франция пустить в ход эти средства»⁵³. Чтобы заставить французов действовать решительнее, глава НКВД соглашался на расширение советского участия в проекте коллективной безопасности.

9–10 июля Барту находился с визитом в Лондоне, где пытался заручиться поддержкой «Восточного пакта». В обмен на это британские коллеги потребовали заключения трёхстороннего франко-германо-советского гарантийного соглашения. 14 июля Политбюро по предложению НКВД согласилось с этим условием, а 25 июля санкционировало вхождение СССР в Лигу Наций до подписания пактов о взаимопомощи в рамках плана «восточного Локарно»⁵⁴. Литвинов исходил из того, что максимально лояльная позиция в отношении французского замысла позволит возложить ответственность за его срыв на немцев и поляков. В конце июля по итогам разговора с одним из руководителей германского МИД советский поверенный в делах дал характеристику «Восточного пакта», под которой мог бы подписаться любой французский дипломат: «Значение пакта заключается... не столько в том, чтобы определить обязанности участников на случай возможного конфликта, сколько в том, чтобы путём такого определения обязанностей предотвратить самую возможность конфликта»⁵⁵.

⁴⁹ Там же. С. 371.

⁵⁰ *Steiner Z.* Op. cit. P. 53.

⁵¹ РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 187, л. 12–14.

⁵² Лубянка. Сталин и ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. Январь 1922 – декабрь 1936 / Сост. В.Н. Хаустов, В.П. Наумов, Н.С. Плотникова. М., 2003. С. 534–535.

⁵³ Документы внешней политики СССР. Т. 17. С. 412–413.

⁵⁴ Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б) и Европа... С. 313–314.

⁵⁵ Документы внешней политики СССР. Т. 17. С. 510.

18 сентября СССР вошёл в Лигу Наций, заняв кресло постоянного члена её Совета. Тем временем 8 сентября Германия заявила об отказе от участия в «Восточном пакте». 27 сентября Барту получил из польского МИД меморандум, в котором подчёркивалось, что участие Берлина в региональном соглашении о безопасности является обязательным условием присоединения к нему Варшавы⁵⁶. Проект «Восточного пакта» переживал момент истины. Надежд на то, что немцев удастся переубедить, оставалось немного: речь шла, скорее, о том, чтобы возложить на них репутационные издержки отказа от участия в системе коллективной безопасности. Однако переговоры с поляками продолжались. Французские дипломаты рассчитывали снять их основные возражения.

К моменту гибели Барту в Марселе 9 октября вопрос о конфигурации «Восточного пакта» оставался открытым. Глава МИД Франции в принципе соглашался договариваться без Германии, но прямых указаний на то, что он всерьёз рассматривал возможность заключения двустороннего соглашения о взаимопомощи с СССР без Польши, нет⁵⁷. В беседах с британскими и польскими дипломатами министр упоминал о подобном гипотетическом сценарии⁵⁸, однако неясно, выходили ли эти заявления за рамки попыток оказать дипломатическое давление. Выступая перед парламентской комиссией по иностранным делам, Барту признавал, что у него нет чёткого плана действий на тот случай, если Германия и Польша откажутся от участия в системе коллективной безопасности⁵⁹.

В конце сентября Литвинов счёл, что настало время для обсуждения прямого гарантийного соглашения с Францией при участии Чехословакии и прибалтийских государств, о чём сделал запрос в Политбюро⁶⁰. По его мнению, французам следовало подтолкнуть. К этому времени советские дипломаты смогли найти общий язык с Барту. Несмотря на реверансы в сторону Германии, он не искал сепаратной сделки с Берлином, что, с точки зрения Москвы, традиционно опасавшейся «сговора империалистов», создавало пространство для диалога. «Я обнаружил у господина Литвинова и его сотрудников отчётливое желание установить с французской делегацией отношения доверительного сотрудничества», — сообщал министр из Женевы в Париж 27 сентября⁶¹.

Оценивая в интервью французскому журналисту работу Барту через несколько дней после марсельских событий, Литвинов особо подчеркнул «надёжность его слов и обещаний»⁶². Подобная характеристика буржуазного политика из уст советского государственного деятеля значила многое. В НКВД считали, что нашли ту фигуру, во взаимодействии с которой можно качественно развивать межгосударственные отношения. Целью виделось превращение Москвы в главного партнёра Парижа в деле обеспечения европейской безопасности. Об этом откровенно писал 24 октября в «Известиях» заведующий бюро международной информации ЦК ВКП(б) К. Радек: «Переговоры о пакте очень обострили польско-французские отношения, ставя под вопрос дальнейшее существование

⁵⁶ Dessberg F. Op. cit. P. 349.

⁵⁷ Soutou G.-H. Les relations franco-soviétiques... P. 45.

⁵⁸ DDF. Vol. VII. P. 389–392.

⁵⁹ Young R.J. Op. cit. P. 219.

⁶⁰ Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. / Сост. О.В. Хлевнюк, Р.У. Дэвис, Л.П. Кошелева, Э.А. Рис, Л.А. Роговая. М., 2001. С. 494.

⁶¹ AMAE. Série Z (Europe, 1918–1940). URSS. 970. L. Barthou au ministère des affaires étrangères. 27 septembre 1934. Genève.

⁶² Документы внешней политики СССР. Т. 17. С. 636.

франко-польского союза. Ясно, что это положение поставило французскую политику перед необходимостью новых решений, касающихся... выяснения вопроса, как дальше развёртывать борьбу за стабилизацию Северо-Восточной Европы»⁶³.

Однако инициатива Литвинова о переходе к прямым переговорам с французами не нашла поддержки у высшего политического руководства. Пойти по этому пути означало бы, во-первых, взять на себя инициативу и приоткрыть свои цели, чего советская сторона избегала со времени первых двусторонних консультаций в декабре 1933 г. Во-вторых, в Кремле, вероятно, не были готовы так быстро отказаться от идеи стратегического буфера на западной границе. Ещё 23 сентября Политбюро постановило «не торопиться» с идеей пакта без Германии и Польши и поручило Литвинову «ограничиться зондажем намерений французов и других»⁶⁴. Согласовывать позиции наркому пришлось уже с новым коллегой в Париже.

П. Лаваль не собирался резко поворачивать руль французской внешней политики. Как и его предшественники, он намеревался действовать в рамках модели коллективной безопасности, однако считал взаимопонимание с Берлином её неотъемлемым элементом. 19 октября в разговоре с Розенбергом министр подчеркнул: «Если соглашение с Германией возможно только обходным путём соглашения Франции с Москвой, он готов пойти и этим путём»⁶⁵. Барту не хотел создавать конструкцию, заведомо изолирующую Германию, но в принципе склонялся к признанию того, что поворот политики Рейха в 1932–1933 гг. сделал маловероятным возвращение в «эпоху Локарно», и в качестве альтернативы предлагал договорённость с Советским Союзом. Речь, таким образом, не шла о взаимоисключающих перспективах: как для Барту сближение с СССР не означало конфронтации с Германией, так и для Лавалья сближение с Германией не влекло за собой конфронтацию с СССР.

Однако на НКВД первые заявления нового главы МИД произвели самое неблагоприятное впечатление. Совместное сдерживание Германии считалось платформой двустороннего сотрудничества, отступление от общей цели ломало созданную при Барту архитектуру отношений. Комментируя итоги встречи Розенберга с Лавалем, Литвинов предположил: «Либо Лаваль проговорился, либо сознательно, с циничной откровенностью сказал, что сближение с нами должно быть лишь целью запугивания Германии, чтобы добиться от неё больших уступок, иначе говоря, что Франция нас только разыгрывает»⁶⁶. Доверие, накопленное в диалоге с Барту, оказалось подорвано, а вместе с ним — убеждённость, что французское видение механизмов коллективной безопасности совместимо с советскими приоритетами.

В этой ситуации обсуждение «Восточного пакта» приобрело новый смысл. 1 ноября Литвинов направил членам Политбюро письмо, в котором настаивал на важности продолжения переговоров с Парижем о региональном пакте безопасности, отмечая, что «фокус стремлений» Лавалья — соглашение с Германией против СССР⁶⁷. На следующий день Политбюро приняло резолюцию, санкционирующую заключение пакта «без участия Германии и Польши». При этом оговаривалось, что если Франция согласится на наращивание германских

⁶³ Известия. 1934. 24 октября.

⁶⁴ Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б) и Европа... С. 318.

⁶⁵ Документы внешней политики СССР. Т. 17. С. 647–648.

⁶⁶ Там же. С. 824.

⁶⁷ Дюллен С. Указ. соч. С. 106.

вооружений (очевидный индикатор договорённости), то НКИД должен настаивать на подключении Германии к пакту⁶⁸.

Это решение стало поворотным для советской дипломатии на французском направлении. Весной и летом Литвинов избегал ставить ребром вопрос о военно-политическом пакте, опасаясь сорвать большое соглашение с Парижем, и осторожно сформулировал его лишь в сентябре, когда посчитал, что для этого сложились благоприятные условия. Но уже в конце осени он решительно переводил переговоры в русло обсуждения именно двустороннего сотрудничества, ставя французов перед необходимостью неудобного выбора между сворачиванием контактов с Москвой и прямой договорённостью с ней. Ограничения, наложенные на французскую внешнюю политику Локарнскими соглашениями, больше никого не волновали. 22 ноября в ходе дискуссии во французском парламенте прозвучало заявление, что между двумя странами существует военный союз. Комментируя по просьбе прессы эти слова, нарком «довольно хитро» ответил, что поправлять депутата должен не он, а Лаваль⁶⁹.

Глава МИД в это время собирался реанимировать «Восточный пакт», превратив его в коллективное соглашение о ненападении при сохранении советско-французского гарантийного договора⁷⁰. В ответ Литвинов выступил с инициативой подписания протокола, подтверждающего готовность обеих сторон способствовать заключению пакта и не вступать в соглашения, которые могли бы воспрепятствовать этому, а также информировать друг друга о подобных предложениях. 5 декабря в Женеве такой протокол был подписан⁷¹. Но, сделав шаг навстречу Москве, Лаваль готовил сделку с Берлином. 13 января в Сааре прошёл плебисцит, в ходе которого большая часть населения региона высказалась за воссоединение с Рейхом. Министр собирался использовать это событие как повод для развития политического диалога с Германией.

Одновременно Лаваль нанёс визит в Рим, где подписал ряд соглашений, в том числе заявление в поддержку суверенитета Австрии путём заключения серии договоров о ненападении между государствами Центральной Европы («Дунайский пакт»). Вернувшись в Париж, он сообщил о результатах визита полпреду СССР В.П. Потёмкину. Советский дипломат сразу усмотрел здесь попытку подменить «Восточный пакт» другим договором, который исключал бы Советский Союз⁷². На начало февраля намечались франко-британские переговоры в Лондоне, на которых планировалось в одном блоке обсудить проблемы германских вооружений и обеспечения безопасности. Лаваль обещал, что «ни на какие соглашения не пойдёт с Германией... не добившись Восточного пакта»⁷³, однако Потёмкин ему не доверял. В донесении в НКИД 25 января он писал, что министр «окончательно решил... пойти на легализацию германских вооружений»⁷⁴.

Понимая, что британское посредничество ещё сильнее ослабит советские позиции, Москва попыталась разыграть германскую карту сама. 28 января в выступлении на VII съезде Советов Молотов заявил о стремлении СССР сохра-

⁶⁸ Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б) и Европа... С. 318–319.

⁶⁹ Майский И.М. Дневник дипломата. Лондон. 1934–1943. Кн. 1. М., 2006. С. 35.

⁷⁰ Soutou G.-H. Les relations franco-soviétiques... P. 48.

⁷¹ Dessberg F. Op. cit. P. 351.

⁷² АВП РФ, ф. 05, оп. 15, п. 110, д. 95, л. 3–4.

⁷³ Документы внешней политики СССР. Т. 18. М., 1973. С. 37.

⁷⁴ АВП РФ, ф. 05, оп. 15, п. 110, д. 95, л. 19.

нить хорошие отношения с Германией и назвал немцев «одним из великих народов современной эпохи»⁷⁵. Вскоре в Берлине начались советско-германские переговоры, которые окончились в апреле подписанием соглашения о выделении Советскому Союзу кредита в 200 млн марок⁷⁶. Негласная договорённость о недопустимости сепаратных сделок с немцами больше не существовала.

Потёмкин предлагал, «не выказывая недоверия к французам, напоминать им об опасности компромиссов с непрерывно вооружающейся и усиливающейся Германией, об обязательствах протокола 5-го декабря. При этом не только в качестве аргумента для воздействия на противную сторону, но и в качестве тезиса, долженствующего быть твёрдо усвоенным Францией, необходимо постоянно проводить мысль, что, в случае уклонения Германии и Польши от участия в Восточном пакте и примыкающих к нему прочих договорах о взаимной помощи, эти соглашения осуществляются и без них»⁷⁷. В НКВД считали, что предотвратить франко-германское соглашение могла лишь прямая договорённость между Парижем и Москвой. По выражению Дж. Хэслема, «французское судно должно было, не теряя времени, прочно встать на якорь в советских водах, чтобы, выйдя в открытое море, не попасть в руки немцев»⁷⁸.

Эту перспективу — по иным причинам — рассматривали и в Париже. 28 января циркулярное письмо МИД зафиксировало возможность провала «Восточного пакта». Даже крайне расплывчатое ноябрьское предложение Лавалля о подписании коллективного договора о ненападении не встретило энтузиазма в Берлине и Варшаве⁷⁹. В такой ситуации французская дипломатия начала изучать возможность заключения прямого соглашения с СССР, предполагающего в обмен на присоединение к Локарнским гарантиям 1925 г. оказание помощи в случае угрозы советской территориальной целостности в Европе⁸⁰. «На худой конец, франко-советское сближение будет осуществлено», — заявил тогда же в беседе с советским дипломатом заведующий отделом печати МИД⁸¹.

Выработанная в начале февраля в Лондоне франко-британская договорённость предполагала признание за Германией права на довооружение при условии международного контроля. Опасения Франции должно было снять особое соглашение, по которому в случае нападения на её территорию с воздуха Великобритания оказывала ей немедленную помощь («воздушный пакт»)⁸². «Восточный пакт» предлагалось интегрировать в один комплекс договоров с «воздушным» и «Дунайским». Подобное «коллекционирование пактов»⁸³ являлось отличительной чертой системы коллективной безопасности. Если в мае 1934 г. Литвинов считал его «довольно остроумным» приёмом умиротворения континента, то в начале 1935 г. усматривал здесь попытку «потопить» советско-французские договорённости «в каком-то общеевропейском соглашении, которое должно включать разрешение множества проблем».

⁷⁵ Документы внешней политики СССР. Т. 18. С. 47.

⁷⁶ Дюллен С. Указ. соч. С. 114.

⁷⁷ АВП РФ, ф. 05, оп. 15, п. 110, д. 95, л. 22.

⁷⁸ Haslam J. Op. cit. P. 44.

⁷⁹ Dessberg F. Op. cit. P. 353.

⁸⁰ АМАЕ. Série Z (Europe, 1918–1940). URSS. 972. Directeur politique. Note sur Pacte de l'Est. 28 janvier 1935.

⁸¹ АВП РФ, ф. 05, оп. 15, п. 110, д. 95, л. 13.

⁸² Steiner Z. Op. cit. P. 83.

⁸³ Crémieux-Brilhac J.-L. Les Français de l'an 40. Vol. 1. P., 1990. P. 116.

В парижском полпредстве констатировали, что «в данный момент “кошмарное” предложение о пакте между Францией, Германией и Польшей, взамен восточного пакта, едва ли будет подхвачено здесь кругами, имеющими реальное влияние на направление французской внешней политики», но к началу весны, после вмешательства Великобритании, главной угрозой стала перспектива возрождения западноевропейского «пакта четырёх»⁸⁴. Литвинов требовал от Потёмкина всеми возможными способами добиваться допуска СССР на переговоры по «воздушному пакту»⁸⁵.

В Кремле, вероятно, исчезали последние надежды на то, что с помощью «Восточного пакта» удастся создать полноценный стратегический буфер вдоль западной границы СССР. В расчётах штаба РККА начала 1935 г. Берлин уже фигурировал как главный источник военной опасности⁸⁶, подчёркивалась угроза со стороны «немецко-польского блока»⁸⁷. В выступлении на VII съезде Советов Молотов впервые публично подчеркнул военное значение «Восточного пакта», отметив нежелание Германии и Польши участвовать в нём⁸⁸. Советский Союз форсировал собственные военные приготовления. В конце марта в «Правде» вышла статья заместителя наркома обороны М.Н. Тухачевского «Военные планы нынешней Германии», над которой в качестве редактора поработал Сталин. «Антисоветское острие гитлеровской политики, — утверждалось в статье, — является удобной ширмой для прикрытия реваншистских планов на Западе (Бельгия, Франция) и на Юге (Познань, Чехословакия, аншлюс)»⁸⁹. Французам прямо указали на то, что дискуссия переходит из плоскости «коллекционирования пактов» в сферу военно-политического планирования.

16 марта Гитлер аннулировал военные статьи Версальского договора. В НКВД считали, что эта «бомба» станет «серьёзным предупреждением, доказывающим широким кругам французского общественного мнения необходимость сближения с СССР в расчёте на военную мощь Красной армии»⁹⁰. 22 марта, в преддверии визита в Москву британской делегации во главе с министром по делам Лиги Наций Э. Иденом, Литвинов представил Сталину и другим членам Политбюро записку, в которой намечались основные контуры советской позиции⁹¹. Констатировался кризис модели коллективной безопасности: арбитраж Лиги должен был сменить довоенную практику создания союзов, однако неэффективность инструментария международной организации сделала это невозможным. «Восточный пакт» в данной постановке наполнялся новым содержанием: предлагалось, не выходя формально за рамки устава Лиги, сделать соглашение независимым от решения международной организации, при этом сокращая число его участников. Главной целью виделось «расширение обязательств Франции по оказанию помощи на Прибалтику и предоставление немедленно помощи без постановления Совета Лиги»⁹².

⁸⁴ АВП РФ, ф. 05, оп. 15, п. 110, д. 94, л. 2.

⁸⁵ Документы внешней политики СССР. Т. 18. С. 106–107.

⁸⁶ Минаков С.Т. Сталин и его маршал. М., 2004. С. 475–476.

⁸⁷ Кен О.Н. Мобилизационное планирование... С. 377–387.

⁸⁸ Документы внешней политики СССР. Т. 18. С. 42.

⁸⁹ 1941 год. Кн. 2. М., 1998. С. 529.

⁹⁰ Документы внешней политики СССР. Т. 18. С. 185.

⁹¹ Хормач И.А. СССР в Лиге Наций... С. 71–73.

⁹² АВП РФ, ф. 05, оп. 15, п. 110, д. 94, л. 10.

В то же время нарком опасался, «что последний решительный шаг Гитлера окончательно запугает Лавалья и побудит его к ещё бóльшим уступкам»⁹³. В конце марта ИНО НКВД передал информацию о продолжающихся франко-британских переговорах, которую Сталин оценил как «правдоподобную». «Предлагаемая Англией гарантия, — якобы заявлял Лаваль Идену, — никогда не была безусловной и вполне надёжной. Франция уже неоднократно заявляла Англии, что она готова отказаться от всех восточных союзов при условии других гарантий французской безопасности в форме франко-английского военного союза»⁹⁴. Советская карта могла использоваться в игре Парижа с Лондоном. Чтобы избежать этого, НКВД спешно формировал собственную повестку для переговоров.

14 марта Потёмкин пригласил Лавалья посетить Москву с целью фиксации договорённостей о пакте взаимопомощи. Вопрос о месте встречи носил для советской стороны принципиальный характер: попытку французского министра перенести её в Париж отвели⁹⁵. 28 марта глава МИД Франции согласился приехать в СССР, но лишь после завершения работы намеченной на середину апреля Стрезской конференции, где французская, британская и итальянская делегации собирались выработать совместную позицию по вопросу перевооружения Германии⁹⁶. Демарш Берлина заставил его действовать, игнорируя британские возражения.

30 марта Лаваль и Леже представили Потёмкину французский проект соглашения. Речь шла о заключении двусторонних договоров о взаимопомощи между СССР и Францией, СССР и Чехословакией, СССР и Италией «и другими странами на базе Устава Лиги Наций»⁹⁷. Оказание помощи в случае нападения на одну из договаривающихся сторон обуславливалось решением Совета Лиги. Предложения представляли собой минимальный общий знаменатель тех многосторонних обязательств, которые Франция формально и неформально несла в Европе в рамках системы коллективной безопасности.

Политбюро рассмотрело этот план и оценило его негативно. «Наша позиция, — писал Литвинов Потёмкину, — состоит в том, чтобы иметь пакт взаимопомощи на Востоке с участием Германии и Польши, а если Германия отказывается, то с участием хотя бы Польши, в случае же несогласия и Польши, то с Францией, Чехословакией и Прибалтийскими странами»⁹⁸. К началу апреля шансов на то, что к «Восточному пакту» удастся привлечь Берлин и Варшаву, практически не оставалось. Однако советская дипломатия неизменно отказывалась публично признать обратное ввиду того, что «противники Восточного пакта и франко-советского сотрудничества использовали бы такое признание в своих целях»⁹⁹. Простой набор двусторонних договоров с европейскими странами Москву также не привлекал.

Ведя сложную игру, НКВД апеллировал к невоенному характеру пактов о взаимопомощи. Так, в беседе с Иденом 28 марта Литвинов заявил: «Ценность... всех вообще подобных пактов не столько в тех реальных гарантиях

⁹³ Там же, п. 113, д. 122, л. 126–127.

⁹⁴ Лубянка. Сталин и ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД... С. 652.

⁹⁵ Документы внешней политики СССР. Т. 18. С. 189.

⁹⁶ *Dessberg F.* Op. cit. P. 357–358.

⁹⁷ Документы внешней политики СССР. Т. 18. С. 254.

⁹⁸ Там же. С. 259

⁹⁹ Там же. С. 267.

военной защиты, которые они санкционируют, сколько в том психологическом эффекте, который они создают в период до начала военных действий. Пакты взаимопомощи являются прекрасной превентивной мерой, они заставляют возможного агрессора десять раз подумать, прежде чем пустить в ход оружие»¹⁰⁰.

Одновременно французов подталкивали к военно-политическому союзу. В подробном виде позиция СССР изложена в заявлении Лавалю от 8 апреля. Констатируя отсутствие «сомнений в решении Германии и Польши не примыкать к Восточному пакту взаимопомощи», советская сторона обращалась к истории вопроса. Красной нитью проводилась мысль о том, что «первоначальная идея... возникшая по инициативе французского министра иностранных дел, имела в виду только сотрудничество обеих стран» и что «во всяком случае, участие в соглашении Германии и Польши не считалось обязательным». Обращаясь к французской стороне с вопросом, готова ли та «оставаться на базе предложения Поль-Бонкура и Барту», Москва, в частности, предлагала «немедленно приступить к заключению пакта о взаимной помощи войсками и всеми средствами экономических санкций с теми из ранее намеченных участников Восточного пакта, которые этого пожелают»¹⁰¹. При этом, вопреки отсылке к проектам 1933–1934 гг., советская позиция претерпела серьёзные изменения. 9 апреля Политбюро приняло резолюцию, внёсшую коррективы во французский план от 30 марта. В ней говорилось об «оказывании немедленной военной помощи до вынесения решения Советом Лиги в случаях несомненной агрессии» и «включении в пакт советского определения агрессии»¹⁰².

15 апреля советские поправки поступили французам. МИД оценил их как «замысел простого оборонительного союза»¹⁰³. Однако допустить срыв соглашения с Москвой Лаваль не мог. Конференция в Стресе закончилась без ощутимого результата, и перед Францией по-прежнему стояла необходимость отреагировать на германское перевооружение. Успешное завершение советско-германских кредитных переговоров подпитывало страхи возрождения Рапалло. Выход нашли в виде приложения к пакту: в протокол подписания предполагалось включить пункты, интегрирующие советско-французский пакт в существующую систему международных договоров.

18 апреля Лаваль и Потёмкин начали жёсткий торг. Французы согласились с тем, что договор должен вступить в действие немедленно при нападении на одну из сторон, но упорно настаивали на необходимости санкции Совета Лиги. Советская сторона подчёркивала, что «в своё время, кода Леже впервые предложил схему Восточного регионального пакта с подкреплением его франко-советским соглашением, последнее предполагало со стороны Франции гарантию СССР против нарушения Восточного пакта любым из его участников»¹⁰⁴. Речь, очевидно, шла о Польше как потенциальном участнике блока агрессивных держав, однако Париж, несмотря на сложные отношения с Варшавой, не спешил принимать советскую точку зрения. Споры вызвал вопрос о Прибалтике. Литвинов инструктировал Потёмкина: «Поскольку Франция... отказывается сохранить действие договора в случае нашей помощи Прибалтике, то и мы

¹⁰⁰ Там же. С. 234–235.

¹⁰¹ Там же. С. 274–277.

¹⁰² Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б) и Европа... С. 322.

¹⁰³ AMAE. Série Z (Europe, 1918–1940). URSS. 975. Conversations sur le projet soviétique remis a Genève le 15 avril 1935.

¹⁰⁴ АВП РФ, ф. 05, оп. 15, п. 111, д. 97, л. 12.

желаем освободиться от обязательств помогать Франции в случае, если бы она подверглась нападению со стороны Германии в результате помощи, оказанной Францией Бельгии»¹⁰⁵.

До последнего момента советские дипломаты ожидали вмешательства третьей силы. 25 апреля Потёмкин писал заместителю наркома Н. Н. Крестинскому: «По нашим сведениям, Бек предлагал Лавалю отказаться от франко-советского пакта [и] пообещал Лавалю, в дальнейшем, денонсировать польско-германское соглашение... Не исключено, что Бек вёл свои разговоры с Лавалем, выполняя польско-германский план, и что при этом упрочение польско-французского сотрудничества должно было послужить мостом к сближению Франции с Германией»¹⁰⁶. Это обстоятельство заставляло НКВД форсировать переговоры и идти на уступки, что вызвало нарекания в Кремле. 20 апреля Политбюро постановило направить Потёмкину следующую директиву: «Советуем не слишком ангажироваться на счёт соглашения с французами и не забегать вперёд, чтобы потом не получился у вас конфуз, если проект договора не будет одобрен в Москве. Второй раз предупреждаем Вас не забегать вперёд и не создавать тем самым иллюзии о том, что будто бы мы больше нуждаемся в пакте, чем французы. Мы не так слабы, как предполагают некоторые»¹⁰⁷.

2 мая Лаваль и Потёмкин подписали в Париже советско-французский пакт о взаимопомощи. В итоговом виде он касался лишь территории договаривающихся стран. Задействование гарантийных статей допускалось после соответствующего решения Совета Лиги или в том случае, если бы Совет не пришёл к единому мнению. Отдельная статья гласила, что достигнутые договорённости не могут противоречить обязательствам, «принятым ранее СССР и Францией по отношению к третьим государствам, в силу опубликованных договоров»¹⁰⁸. Именно она обесценила пакт как эффективный инструмент международной политики и превратила его «в шедевр галиматии»¹⁰⁹, привязав его к Локарнским соглашениям, главным гарантом которых являлась Великобритания. Ключи от советско-французского союза, таким образом, оказывались в Лондоне.

Советские дипломаты видели главный изъян документа — он не создавал механизмов успешного противостояния потенциальным агрессорам. Весной 1935 г. это обстоятельство играло большую роль. В парижском полпредстве пакт называли инструментом обеспечения «позолоченной изоляции» СССР. Французским разъяснениям не верили. «Оторвать СССР от рапальской политики ценой пакта о ненападении нельзя, — писал в дневнике сотрудник полпредства, — надо заплатить больше, но как можно меньше. Отсюда выдумки юристов, ссылки на Локарно, формула “ждать решения Совета” и т.п.»¹¹⁰. Однако Литвинов убеждал Сталина, что даже в таком виде советско-французский пакт соответствует целям внешней политики Москвы: сам факт его подписания охладит пыл возмутителей спокойствия на международной арене. «Пакт для нас имеет преимущественно политическое значение, — разъяснял нарком, — уменьшая шансы войны как со стороны Германии, так и Польши и Японии»¹¹¹.

¹⁰⁵ Там же, л. 22–23.

¹⁰⁶ Там же, п. 110, д. 95, л. 135–136.

¹⁰⁷ Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б) и Европа... С. 325.

¹⁰⁸ Документы внешней политики СССР. Т. 18. С. 311.

¹⁰⁹ *Duroselle J.-B. La Décadence...* P. 142.

¹¹⁰ АВП РФ, ф. 05, оп. 15, п. 110, д. 95, л. 139.

¹¹¹ Там же, п. 113, д. 122, л. 179–182.

Таким образом, позиция СССР несколько раз претерпевала серьёзные изменения. На первом этапе она во многом определялась НКИД, который с 1932 г. делал ставку на качественное развитие отношений с Францией. Литвинов понимал, что проекты Поль-Бонкура и Барту основаны на принципах, отличавшихся от стратегических взглядов Сталина и его ближайшего окружения, однако смог убедить советское руководство. Это сформировало в Москве и Париже различные ожидания, что проявилось в ходе дискуссии о формате участия Польши в системе коллективной безопасности. В НКИД видели разрушительный потенциал возможного конфликта для всей конструкции сближения и осторожно готовили почву для двустороннего договора без участия Польши и Германии. Барту смог убедить Литвинова в своей принципиальной позиции по германскому вопросу, что позволяло создать уникальный для 1930-х гг. формат доверительного взаимодействия между Москвой и одной из главных западных столиц.

Гибель Барту оставила без ответа вопрос о том, удалось ли бы сформировать эффективный советско-французский союз. Попытка его преемника подойти к выстраиванию системы коллективной безопасности с налаживания франко-германских контактов, с точки зрения Москвы, поставила под сомнение фундаментальные основы диалога, который вёлся с конца 1933 г. Метания французского министра, использовавшего тактику «мелких шагов»¹¹² навстречу основным международным игрокам, лишь укрепляли эти подозрения. Советская дипломатия перешла к блокированию возможностей франко-германского сближения, а затем — формирования новой версии «пакта четырёх».

Разочаровавшись в Лавале, НКИД перестал играть роль ретранслятора французских пожеланий высшему политическому руководству СССР и перешёл к форсированию военно-политического союза между двумя странами. Эти тенденции лишь ускорились в начале 1935 г., после того как Гитлер денонсировал военные статьи Версальского договора, а в Советском Союзе определили Германию и Польшу как основных потенциальных противников, резко активизировав военное строительство. На завершающем этапе переговоров, когда исчез субъект, заинтересованный в поиске общего языка между двумя проектами обеспечения европейской безопасности, советско-французские противоречия проявились в полной мере.

Несмотря на разъяснения Литвинова, в Кремле остались недовольны подписанным пактом. В ходе визита Лавала в Москву в мае 1935 г. французскому гостю прямо говорилось о советских ожиданиях: «Господин Сталин заявил, что полностью согласен с той пацифистской трактовкой франко-советского пакта, о которой я сказал. В то же время он уточнил, что в том случае, если мир не удастся сохранить, пакт может рассматриваться в качестве альянса; следовательно, чтобы обеспечить его миротворческую составляющую, стоит предвидеть худшее и уже сейчас предусмотреть технические возможности для его эффективного применения»¹¹³. Судьба союза в конечном итоге зависела от готовности французов пересмотреть устаревшие доктринальные основы своей внешней политики, однако в Париже её так и не проявили. Закономерным итогом этого стал провал заключительного раунда переговоров между СССР, Францией и Великобританией за считанные дни до начала Второй мировой войны.

¹¹² *Duroselle J.-B. La Décadence...* P. 123–125.

¹¹³ *Rapport fait au nom de la Commission chargée d'enquêter sur les événements survenus en France de 1933 à 1945. Vol. 1. P., 1951. P. 142–143.*

Советско-итальянские отношения в 1939–1941 гг.

Роберта Алонци

Soviet-Italian relations in 1939–1941

Roberta Alonzi

(Peoples' Friendship University of Russia, Moscow)

DOI: 10.31857/S0869568722050156, EDN: K LWQJX

В период 1939–1941 гг. дипломатические отношения между Италией и СССР развивались интенсивно, хотя и непоследовательно, их лейтмотивом являлись попытки достичь политического взаимопонимания. 2 сентября 1933 г. в Риме был подписан «договор между СССР и Италией о дружбе, ненападении и нейтралитете»¹. Но уже с 1935 г. советско-итальянские отношения, как экономические, так и политические, «вступили в очень деликатную фазу»², претерпели серьёзные изменения в связи с итало-эфиопской войной и не улучшились вплоть до нападения Германии на Советский Союз.

В историографии эволюция итало-советских отношений рассматривается в контексте альянса Рима и Берлина, советско-германского сотрудничества и общих отношений между Советским Союзом и державами Оси. Ни одна из этих интерпретаций, если их анализировать по отдельности, не может дать нам исчерпывающей картины причин, которые привели к выдвиганию идеи и концепции итало-советского соглашения, а затем к провалу данного проекта. На более общем уровне можно проследить динамику переговоров Москвы и Рима, ответив на следующие вопросы: в какой степени альянс Италии с Германией и пакт Молотова–Риббентропа влияли на итало-советские отношения? Являлись ли отношения с Италией для СССР фактором укрепления советско-германского сотрудничества, или открывали сценарии альтернативных коалиций?

Италия и германо-советское соглашение. Италия в силу своих особых отношений с Германией и Великобританией не могла не учитываться СССР при выстраивании собственной системы безопасности. Лондон и Рим первыми признали Советский Союз, соответственно 1 и 7 февраля 1924 г. За этим последовало заключение итало-советского торгового договора в 1933 г.³ Итало-английские «пасхальные» соглашения в апреле 1938 г. сгладили для Рима пагубные последствия аншлюса Австрии и оказались дипломатическим успехом Б. Муссолини, уменьшившего таким образом зависимость от германской политики после создания оси Рим–Берлин 1936 г., а также присоединения Италии к Антикоминтерновскому пакту в 1937 г.⁴ Одна-

© 2022 г. Р. Алонци

¹ Текст договора и переписку по нему см.: Москва–Рим: политика и дипломатия Кремля, 1920–1939 / Отв. ред. Г.Н. Севостьянов. М., 2002. С. 307–338.

² Хормач И.А. СССР–Италия. 1924–1939 гг. Дипломатические и экономические отношения. М., 1995. С. 183. См. также: Смирнова Н.Д. Балканская политика фашистской Италии. Очерк дипломатической истории (1936–1941). М., 1969; Михайленко В.И. «Параллельная» стратегия Муссолини. Т. 1. Италия в Версальской системе. Екатеринбург, 2013.

³ Хормач И.А. СССР–Италия... С. 235–249.

⁴ Di Nolfo E. Storia delle relazioni internazionali 1918–1992. Roma; Bari, 1996. P. 245.

ко после «Мюнхенского сговора» 1938 г. отношения Москвы и Рима резко ухудшились⁵.

В январе 1939 г. министр иностранных дел Г. Чиано предложил советскому поверенному в делах Л.Б. Гельфанду улучшить экономические отношения, и в результате 7 февраля был заключён новый торговый договор взамен соглашения 7 февраля 1924 г.⁶ 18 марта 1939 г. заместитель наркома иностранных дел В.П. Потёмкин убедил посла Италии в Москве А. Россо в том, что вскоре Муссолини признает общие политические интересы Италии и СССР, несмотря на идеологические расхождения между двумя режимами⁷. По мнению Потёмкина, в дальнейшем германский империализм будет стремиться к подчинению Юго-Восточной Европы, что приведёт к разногласиям с Италией. 19 марта Чиано поручил Россо ответить, что дуче выслушал его сообщение с большим интересом и что возможность сближения с СССР никогда не исключалась итальянской стороной⁸. Однако за этими заявлениями не последовало конкретных шагов.

В беседе с Россо 5 апреля 1939 г. Потёмкин подтвердил наличие «общих интересов» не только в экономической, но и в политической сфере. Он больше не говорил о противодействии германскому империализму, но настаивал на необходимости общих шагов по достижению баланса, особенно в Юго-Восточной Европе. По мнению Россо, СССР подозревал Великобританию в попытке направить экспансию Германии на Восток⁹. На самом деле сразу после оккупации Италией Албании (7 апреля 1939 г.) британское правительство обратилось к Муссолини, который повторил, что он вместе с Чемберленом сделает всё, чтобы сохранить итало-британские соглашения от 16 апреля 1938 г.¹⁰ Таким образом, Италия могла быть хорошим партнёром как для СССР, так и для Германии в силу сложности их отношений с Лондоном.

22 мая 1939 г. Италия подписала «Стальной пакт» с Германией. Известно, что для переговоров по нему Муссолини дал Чиано указания общего характера, вновь обозначив стремление Италии к сохранению мира в Европе¹¹. Кроме того, дуче рекомендовал сотрудничать с СССР, чтобы вывести из-под его влияния возможный блок Греции, Турции, Египта и Болгарии¹². Через неделю после подписания пакта, когда заключение англо-советского соглашения казалось неизбежным¹³, Й. Риббентроп зондировал у посла Италии в Берлине Б. Аттолико, не может ли Россо обратиться к Потёмкину с предложением советскому руководству поддержать идею соглашения с Германией¹⁴. Подобная

⁵ См.: СССР–Италия. Страницы истории, 1917–1984. Документы и материалы. М., 1985; Москва–Рим... С. 340.

⁶ I Documenti Diplomatici Italiani. Serie VIII. Vol. XI. Roma, 2007. P. 140.

⁷ Ibid. P. 392.

⁸ Ibid. P. 407.

⁹ Ibid. P. 581.

¹⁰ Ibid. P. 601–602, 604.

¹¹ *Pastorelli P.* Il Patto d'Acciaio nelle carte dell'archivio segreto di Gabinetto // Dalla prima alla seconda guerra mondiale. Momenti e problemi della politica estera italiana (1914–1943). Milano, 1997. P. 135–154.

¹² I Documenti Diplomatici Italiani. Serie VIII. Vol. XI. P. 742.

¹³ О переговорах по достижению англо-советского соглашения см.: *Gorodetzky G.* Stafford Cripps Mission to Moscow, 1940–1942. Cambridge, 1982.

¹⁴ I Documenti Diplomatici Italiani. Serie VIII. Vol. XII. Roma, 1952. P. 44; *Petracchi G.* Da San Pietroburgo a Mosca. La diplomazia italiana in Russia. 1861–1941. Roma, 1993. P. 354; *Il Patto Ribbentrop–Molotov. L'Italia e l'Europa (1939–1941)*, Atti del convegno (Roma, 31 maggio – 1° giugno 2012). Roma, 2013.

просьба ранее была адресована японскому послу Х. Осиме, но он, видимо, отказался её одобрить¹⁵.

Итальянское правительство стало поддерживать линию Германии ввиду намерения создать более благоприятную атмосферу между Советским Союзом и странами Оси¹⁶. 10 июня 1939 г. на приёме у В.М. Молотова Росо сослался на заявление последнего о том, что переговоры СССР с Англией и Францией о заключении договора о взаимопомощи не исключают сохранения нормальных отношений с Италией и Германией. Молотов считал, что «необходимые политические предпосылки» отсутствуют¹⁷. Поэтому Росо предпринял «фланговую» акцию, настаивая на том, что соглашение с Лондоном и Парижем создало бы серьёзную опасность для Советского Союза как на Западе, так и на Востоке¹⁸. При этом он зондировал готовность Москвы к «будущей разрядке политических отношений» с Италией¹⁹. Чиано тоже внёс свой вклад. На встрече с Гельфандом в Кастель-Фузано 26 июня он пытался доказать бесперспективность соглашения СССР с Англией и Францией, не отвергая при этом идею союза СССР с Германией и Италией²⁰.

Быстрое подписание пакта Молотова–Риббентропа 23 августа показало, что Германия не знакомила Рим с окончательной фазой переговоров. Чиано с раздражением и ревностью отнёсся к этому «чудовищному союзу», направленному против «буквы и духа Оси»²¹. Но перед представителями других стран он хвастался, что советско-германское соглашение стало возможным в основном благодаря итальянским усилиям²².

Отношение Муссолини к договору было неоднозначным. В письме А. Гитлеру он одобрил заключение пакта, который, по его мнению, помог бы стабилизировать ситуацию в Восточном Средиземноморье. При этом дуче уточнил, что в случае, если в конфликте Берлина и Варшавы Англия и Франция выступят на стороне Польши, Италия не сможет принять активное участие из-за плохой подготовки её армии²³.

Объявление Германией войны Польше 1 сентября 1939 г. восприняли в Италии как доказательство нелояльности союзника по Оси. На следующий день Чиано пригласил Гельфанда для беседы в Министерство иностранных дел, после чего Гельфанд заявил, что сейчас преждевременно говорить об отходе Италии от Германии, но, несомненно, итало-германский блок дал немало трещин²⁴. После событий августа–сентября 1939 г. итальянская дипломатия начала продвигаться в направлении сближения с Москвой. 4 сентя-

¹⁵ I Documenti Diplomatici Italiani. Serie VIII. Vol. XII. P. 33.

¹⁶ Об отношениях между СССР и странами Оси см.: *Di Renzo E., Gin E. Le Potenze dell'Asse e l'Unione Sovietica, 1939–1945.* Soveria Mannelli, 2013.

¹⁷ I Documenti Diplomatici Italiani. Serie VIII. Vol. XII. P. 44.

¹⁸ Ibid. P. 274.

¹⁹ Ibid. P. 164.

²⁰ Документы внешней политики СССР. Т. 22. Кн. 1. М., 1992. С. 511. В доверительном разговоре Чиано жаловался Гельфанду, что ему сильно вредит тот факт, что он является зятем Муссолини (АВП РФ, ф. Секретариат М.М. Литвинова, оп. 18, п. 144, д. 88, л. 217; *Любин В.П.* Участие Италии в Мюнхенскомговоре: документы и исследования // Мюнхенское соглашение 1938 года: История и современность. М., 2009. С. 200).

²¹ *Ciano G. Diario 1937–1943; a cura di Renzo De Felice.* Milano, 1996. P. 589.

²² Документы внешней политики СССР. Т. 22. Кн. 1. С. 672.

²³ I Documenti Diplomatici Italiani. Serie VIII. Vol. XIII. Roma, 1953. P. 164–165.

²⁴ Документы внешней политики СССР. Т. 22. Кн. 2. М., 1992. С. 17.

бря политический директор Министерства иностранных дел Д. Бути передал Гельфанду, что Муссолини высказал Чиано мысль о необходимости установить как можно более тесные связи с СССР, иметь постоянный контакт, ибо никогда ещё интересы обеих стран настолько не совпадали²⁵.

Новые колебания во внешней политике Италии появились после введения советских войск в Польшу. Как подчеркнул Бути, это побудило Италию занять выжидательную позицию²⁶. 30 сентября Гельфанд сообщил, что Муссолини считал И.В. Сталина «положившим Гитлера целиком к себе в карман». Ему казалась неизбежной революционная перестройка Европы в результате войны, чего решительно не понимал «целиком попавший в западню Гитлер»²⁷.

Итак, итальянская дипломатия начала играть на опасениях Советского Союза оказаться вовлечённым в войну. Чиано пытался помешать достижению соглашения между СССР и Японией, опираясь на антисоветские японские круги²⁸. На балканском направлении он по поручению Муссолини работал над созданием одобренного Гитлером «нейтрального блока»²⁹, в том числе четырёх стран Балканского соглашения 1934 г. (Греция, Турция, Югославия, Румыния), а также Болгарии и Венгрии³⁰. Не осталось незамеченным в Москве и выступление Чиано в Палате фаший и корпораций 16 декабря 1939 г., изобиловавшее прямыми и косвенными антибольшевистскими выпадами³¹.

18 декабря Гельфанд появился во дворце Киджи (резиденции правительства) с предложением ответить на официальное заверение Молотова о том, что СССР будет уважать балканские интересы Италии в ответ на прекращение антибольшевистской кампании в итальянской прессе³². Но это *do ut des* оказалось проигнорировано. 28 декабря 1939 г. Чиано поручил Россо покинуть Москву без объяснения причин³³. 15 января 1940 г. посол отверг попытку Потёмкина избежать разрыва³⁴.

Италия оказывала военную помощь Финляндии в ходе «зимней войны», преследуя политические, а не коммерческие или пропагандистские цели. Одновременно Чиано наводил мосты в Великобританию, чтобы в случае необходимости отойти от Германии. Этот вопрос обсуждался в Форин-офис, который также рассматривал возможность перемены фронта, если Муссолини удастся направить Германию против СССР³⁵. Дуче действительно написал Гитлеру 5 января 1940 г.: «Решение проблемы вашего “жизненного пространства” лежит только в России и нигде больше»³⁶.

²⁵ Там же. С. 33.

²⁶ Там же. С. 120.

²⁷ Там же. С. 144.

²⁸ I Documenti Diplomatici Italiani. Serie IX. Vol. I. Roma, 1954. P. 101.

²⁹ Ibid. P. 337.

³⁰ Marzari F. Prospects for an Italian-led Balkan Bloc of Neutrals. September–December 1939 // The Historical Journal. Vol. 12. 1970. № 3. P. 767–788.

³¹ Ciano G. Diario 1937–1943... P. 555. См. также: Ciano G. Discorso alla Camera. 16 dicembre 1939. Tiemme Ed. Digitali, 2008.

³² I Documenti Diplomatici Italiani. Serie IX. Vol. II. Roma, 1957. P. 495–498.

³³ Ibid. P. 573.

³⁴ Ibid. Serie IX. Vol. III. Roma, 1959. P. 89–90, 100.

³⁵ Petracchi G. Op. cit. P. 364.

³⁶ I Documenti Diplomatici Italiani. Serie IX. Vol. III. P. 22.

11 января 1940 г. Молотов, принимая посла Германии В. фон Шуленбурга, попросил Германию оказать добрые услуги для восстановления отношений с Италией³⁷. 10 и 11 марта на переговорах в Риме с Муссолини и Чиано Риббентроп дважды поднимал вопрос об улучшении отношений Италии и СССР. 11 марта дуче спросил Риббентропа, не может ли Германия заставить Москву покинуть Балканы и подтвердить это намерение заявлением или каким-либо жестом. Это способствовало бы возобновлению хороших отношений, сначала экономического, а затем и политического характера³⁸. Эту же тему поднял Гитлер на встрече с Муссолини в Бреннере 18 марта. После неё дуче начал пересматривать политику Италии в отношении СССР³⁹.

Переговоры о достижении итало-советского политического согласия лета 1940 г. В конце мая 1940 г. МИД Германии начал переговоры с Наркоматом иностранных дел о политическом сближении Рима и Москвы и возвращении послов. 26 мая, когда французский фронт буквально рухнул под ударами вермахта, британское правительство решило отправить Ф. Рузвельту проект соглашения, который президент США должен был представить Муссолини. В этом тексте западные державы предлагали дуче посредничать в будущих переговорах с Германией для создания прочного и справедливого мира в Европе⁴⁰.

В конце мая Риббентроп выступил с инициативой итало-советского сближения. Итальянский поверенный в делах в Москве Л. Машиа 30 мая сообщил Чиано, что у Шуленбурга имеется телеграмма, «в которой говорится, что итальянское правительство готово нормализовать свои отношения с советским правительством и отправить посла обратно в Москву при условии, что правительство СССР сделает то же самое»⁴¹. Риббентроп поручил послу заинтересовать Молотова, оставив за ним право договориться о дате опубликования этого сообщения и об отъезде дипломатов. 9 июня 1940 г. послы вернулись в свои представительства в Риме и Москве. Во время беседы 13 июня, широко освещавшейся советской прессой⁴², Молотов спросил, есть ли у Росо конкретные вопросы для обсуждения, и, похоже, был разочарован, когда посол Италии заявил, что у него нет никаких инструкций⁴³.

16 июня Муссолини предлагал Росо «пойти в политическом плане гораздо дальше, учитывая нынешнее направление русской политики и ликвидацию коммунистического движения на Западе»⁴⁴. Следующая встреча с Молотовым, однако, была назначена до того, как Росо смог получить более подробные инструкции от Рима. 20 июня он заявил, что главной целью вступления Италии

³⁷ Ibid. P. 66. См. также: *Mezzetti F.* Fascio e martello. Quando Stalin voleva allearsi col Duce. Guido Relli: memorie di un diplomatico dalla Russia zarista allo sfacelo diplomatico. Milano, 1997. P. 56–57.

³⁸ I Documenti Diplomatici Italiani. Serie IX. Vol. III. P. 452.

³⁹ Ibid. P. 506.

⁴⁰ Ibid. Serie IX. Vol. IV. Roma, 1960. P. 463. См. также: *Gin E.* L'ora segnata dal destino: gli alleati e Mussolini da Monaco all'intervento, settembre 1939 – giugno 1940. Roma, 2012. P. 386.

⁴¹ I Documenti Diplomatici Italiani. Serie IX. Vol. IV. P. 502.

⁴² Ibid. Serie IX. Vol. V. Roma, 1965. P. 17–18.

⁴³ Ibid. P. 22.

⁴⁴ Ibid. P. 26. О положении в коммунистическом движении на Западе и Коминтерне после заключения германо-советского договора 1939 г. см.: *Bayerlein B.H.* «Der Verräter, Stalin, bist Du!». Vom Ende der linken Solidarität. Komintern und kommunistische Parteien im Zweiten Weltkrieg 1939–1941. Berlin, 2008 (русское издание: *Байерляйн Б.* «Предатель — ты, Сталин!». Коминтерн и коммунистические партии в начале Второй мировой войны (1939–1941). Утраченная солидарность левых сил. М., 2011).

в войну было завоевание для неё свободы действий в Средиземноморье, и уверял в отсутствии агрессивных намерений по отношению к странам Дунайско-Балканского региона⁴⁵.

Молотов в ответ на заявление Росо сказал, что советское правительство изъявляет готовность на обмен мнениями по всем вопросам, интересующим обе страны. По его словам, господству Англии и Франции в Европе приходит конец, и Москва отнюдь не стремится его сохранить. Соответственно усиливаются на международной арене голоса СССР, Италии и Германии⁴⁶. Среди прочего Молотов «заметным ироническим тоном» подтвердил, что английский посол, после разговоров об экономических проблемах, «которые тщетно обсуждались в течение многих месяцев», предлагал СССР взять на себя роль «ведущей державы на Балканах»⁴⁷.

25 июня по инициативе советского посла в Риме Н.В. Горелкина Молотов вновь вызвал Росо. Согласно его сообщению, СССР считал совершенно справедливым, что Италия должна занимать превосходящее положение в Средиземном море. С другой стороны, Москва надеялась, что Италия учтёт её интересы как главной державы на Чёрном море, и взамен готова была признать привилегированную роль Италии в Средиземноморье⁴⁸. Сообщения Росо не вызвали большого интереса в Риме. 28 июня 1940 г. Чиано принял Горелкина, который позднее пояснил Молотову, что Италия признаёт права СССР на Бессарабию и не имеет там ни политических, ни экономических интересов. В необходимом случае Италия была готова посоветовать Румынии принять советские предложения по этому вопросу⁴⁹.

5 июля Росо получил из Рима распоряжение не идти дальше разговоров и не углубляться в аргументы, представленные советскими государственными деятелями⁵⁰. 22 июля Чиано сообщил Росо, что Горелкин заявил о готовности СССР возобновить торговлю на «иных основаниях», заменив торговые соглашения, истёкшие 31 декабря 1939 г. Росо, понимая, что «иные основания» могут носить только политический, а не технический характер, обратился к министру иностранных дел за директивами⁵¹. На встрече с Горелкиным 24 июля Муссолини подчеркнул, что итальянское правительство рассматривает отношения с СССР как длительные и долженствующие развиваться по пути их дальнейшей нормализации и улучшения⁵². Касаясь вопроса о Бессарабии, дуче сказал, что вполне понимает Москву, потребовавшую возвращения того, что Советскому Союзу должно принадлежать по праву. Заявления об общности интересов двух стран контрастировали с провалом переговоров об англо-советском союзе и попыткой Франции и Великобритании привлечь Муссолини к коалиции западных держав⁵³.

⁴⁵ I Documenti Diplomatici Italiani. Serie IX. Vol. V. P. 57, 63–68. См. также: Документы внешней политики СССР. Т. 23. Кн. 1. М., 1995. С. 355–358.

⁴⁶ АВП РФ, ф. 06, оп. 2, п. 20, д. 226, л. 24–26 (URL: <https://alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1010716> (дата обращения: 15.05.2020)).

⁴⁷ I Documenti Diplomatici Italiani. Serie IX. Vol. V. P. 59.

⁴⁸ Ibid. P. 90.

⁴⁹ Документы внешней политики СССР. Т. 23. Кн. 1. С. 378.

⁵⁰ I Documenti Diplomatici Italiani. Serie IX. Vol. V. P. 184.

⁵¹ Ibid. P. 272.

⁵² АВП РФ, ф. 06, оп. 2, п. 20, д. 226, л. 24–26 (URL: <https://alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1010716> (дата обращения: 15.05.2020)).

⁵³ *Di Rienzo E.* Il Carteggio Churchill–Mussolini e i Nationals Archives di Londra // *Nuova Rivista Storica.* 2015. № 99. P. 885–896.

В начале июля У. Черчилль действительно направил Сталину предложение о переговорах о совместных действиях по предотвращению «немецкого господства» в Европе, в том числе путём разделения ответственности на Балканах. Сталин отверг «начинания» британского премьер-министра, видя в них попытку обратить СССР против Германии⁵⁴. 22 августа представитель Великобритании С. Криппс предложил более широкое соглашение. А.И. Микоян, тогдашний народный комиссар внешней торговли, ответил, что «сейчас не время»⁵⁵. Молотов подтвердил, что Москва не будет играть активной роли в случае эскалации конфликта⁵⁶. Свои аргументы в том же духе представил первый заместитель Молотова А.Я. Вышинский⁵⁷. При этом следует упомянуть, что скрытые переговоры о перевооружении Англии, проходившие между Лондоном и Римом до вступления Италии в войну, судя по документам, были хорошо известны правительству СССР⁵⁸.

27 июля Микоян вызвал Росо и, заявив о готовности Советского Союза развивать торговлю с Италией, посчитал необходимым «полное» и «исчерпывающее» прояснение политических отношений между двумя странами и заключение политического соглашения, схожего с советско-германским⁵⁹. Несмотря на отсутствие внятного ответа со стороны Рима, 1 августа в своём выступлении в Верховном совете Молотов похвалил отношения с Италией⁶⁰. 5 августа в разговоре с Чиано Муссолини вновь с энтузиазмом говорил о Советском Союзе, дойдя в мыслях до неожиданного поворота: достижение «громкого» соглашения с Москвой⁶¹. На следующий день Чиано сообщил послу в Берлине Д. Альфьери об этих намерениях в отношении СССР и подробно проинформировал о них немецкого посла в Риме Г.Г. фон Макензена. 16 августа Риббентроп наложил вето на вовлечение СССР в дела Балкан и поручил Макензену сообщить Чиано, что Германия выступает против заключения каких-либо конкретных соглашений между итальянским и советским правительствами⁶².

19 сентября Риббентроп предложил Муссолини создать трёхсторонний пакт с Японией, подписанный 27 сентября. Исходя из желания заключения «Четырёхстороннего пакта», Риббентроп согласился с Чиано по вопросу о развитии итало-советских отношений, допустив возможность некоторого жеста, который сделал бы отношения между двумя государствами более сердечными, но просил избегать любой инициативы⁶³. На встрече с Чиано 4 ноября Риббентроп настаивал на том, чтобы Балканы считались внутренним регионом Оси, из которого Москва должна быть исключена. Италии не следовало беспокоиться о гарантиях, предоставленных СССР, потому что в конце войны контроль над

⁵⁴ Печатнов В. О. Как Сталин и Молотов писали Черчиллю // Россия в глобальной политике. 2009. № 4. С. 158–168.

⁵⁵ Документы внешней политики СССР. Т. 23. Кн. 1. С. 528–530.

⁵⁶ Там же. С. 533–535.

⁵⁷ Там же. С. 612–614.

⁵⁸ Об этом свидетельствуют документы одного из сотрудников Муссолини, министра валют и обменов Р. Риккарди, хранящиеся в музее Ла Вольфсоньяна в Генуе: *Festorazzi R. Rivelazioni. E Stalin allontanò il Duce dagli inglesi // Avvenire.it. 6.09.2011* (URL: https://www.avvenire.it/agora/pagine/duce-stalin_201109060902319600000 (дата обращения: 30.09.2020)).

⁵⁹ I Documenti Diplomatici Italiani. Serie IX. Vol. V. P. 287.

⁶⁰ Ibid. P. 320.

⁶¹ *Mezzetti F.* Op. cit. P. 65.

⁶² I Documenti Diplomatici Italiani. Serie IX. Vol. V. P. 414.

⁶³ Ibid. Vol. VI. Roma, 1986. P. 33.

Средиземным морем позволил бы ей легко контролировать даже Дарданеллы⁶⁴. На этом фоне пришло известие, что Молотова пригласили в Берлин. Он отправился на переговоры в середине ноября 1940 г., но эта поездка закончилась неудачей⁶⁵. Отношения СССР с Германией начали разлаживаться, что не могло не влиять и на итало-советские контакты.

От апогея до провала итало-советских переговоров весной 1941 г. Неудача поездки Молотова показала, что больше не существует предпосылок для его новых визитов в Германию. В первую очередь отсутствовала гарантия, что Антикоминтерновский пакт не будет носить антисоветского характера, а дружественные отношения трёх держав (Германия, Италия, Япония) и их договоры с Советским Союзом совершенно не затрагиваются этим соглашением⁶⁶.

Москва продолжала подавать сигналы о своей заинтересованности во «всегда желанном» политическом сближении с Италией⁶⁷. Нельзя не упомянуть «деликатность и объективность», проявленные советскими газетами при описании состояния подготовленности Италии к войне, и это, по мнению итальянских дипломатов, «заслуживает особого внимания», ведь было бы наивно полагать, что уже забылась активная антисоветская кампания итальянской прессы, развернувшаяся во время «зимней войны». Народный комиссариат обороны предложил итальянскому военному атташе в частном порядке посетить ряд советских военных частей и учреждений. Его везде ожидал крайне любезный и учтивый приём, а руководитель Академии им. М.В. Фрунзе даже произнёс сердечный тост во славу итальянской армии и пожелал «всё большего сближения вооружённых сил наших стран»⁶⁸.

Россо не оставил без внимания все эти проявления дружеского расположения и в декабре 1940 г. предложил устроить в посольстве Италии банкет в честь Молотова⁶⁹. Не будучи уверенным, что нарком примет приглашение, он поручил тогдашнему посольскому переводчику Г. Релли предварительно обратиться к заведующему протокольным отделом Народного комиссариата иностранных дел В.Н. Баркову. На банкете в резиденции посла – особняке Берга 13 декабря присутствовали около сорока гостей, среди них – Молотов, Микоян, Вышинский, С.А. Лозовский, С.П. Козырев, Г.Ф. Саксин, Н.Г. Пальгунов, композитор С.С. Прокофьев, послы Германии, Венгрии, Болгарии, Румынии, Югославии и Дании. Хотя, описывая успех банкета, Россо был сдержан, он не преминул подчеркнуть его политический аспект⁷⁰.

На следующий день Молотов поручил Горелкину передать главе Торгового управления Джаннини, что советское правительство готово принять в Мо-

⁶⁴ Ibid. P. 32.

⁶⁵ О поездке Молотова в Берлин см.: *Volkov V. Quando Stalin voleva allearsi con Hitler. Le trattative fra Urss e Terzo Reich nel 1940 // Ventunesimo Secolo. 2003. № 3. P. 9–34; Узловые проблемы новейшей истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 2000. С. 367.*

⁶⁶ См., например, письмо Риббентропа к Сталину от 13 октября 1940 г.: РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 296, л. 9–20 (URL: <https://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1010909> (дата обращения: 02.10.2020)).

⁶⁷ I Documenti Diplomatici Italiani. Serie IX. Vol. VI. P. 234.

⁶⁸ Ibid.

⁶⁹ О приёме Молотова и сопровождавших лиц в посольстве Италии – особняке Берга см.: *Alonzi R., Ljubin V. Villa Berg: la storia eccezionale di un cinquantennio (1898–1949). Dal microcosmo culturale moscovita al macrocosmo politico mondiale // L'Ambasciata d'Italia a Mosca. Villa Berg. Mosca, 2017. P. 124–163.*

⁷⁰ I Documenti Diplomatici Italiani. Serie IX. Vol. VI. P. 278.

скве итальянскую делегацию и начать торговые переговоры, хотя этот вопрос оставался подвешенным ещё с июля⁷¹. Ознакомившись с отчётом посла, 26 декабря Чиано встретился с Горелкиным и сообщил о желании итальянского правительства глубже изучить отношения Италии и СССР в сфере политики и экономики⁷². Рим был готов формально признать приоритет интересов Советского Союза на Чёрном море и его новые границы. Взамен требовалось признать доминирование итальянских интересов в Средиземноморье. Одновременно с этим Росо было поручено обозначить готовность к началу переговоров, оставляя за собой широкую свободу действий⁷³. 30 декабря Молотов принял Росо⁷⁴ и заявил, что у него возникает следующий вопрос: что понимает итальянское правительство под преобладанием интересов СССР на Чёрном море. Росо ответил, что он не имеет по этому вопросу точных указаний своего правительства и обещал направить запрос. Однако в марте 1941 г. итальянская сторона нивелировала политическое соглашение до простого торгового договора⁷⁵. Росо возвратил Лозовскому схемы торговых соглашений. По его мнению, и с советской стороны отказались от увязывания экономических переговоров с политическими⁷⁶. В итоге соглашение так и не было заключено.

* * *

Проведённый анализ внешней политики Италии в рассматриваемый период позволяет подтвердить некоторые прежние выводы итальянской историографии. Как отмечает М. Тоскано, советско-итальянские переговоры в 1940–1941 гг. потерпели неудачу из-за противодействия со стороны Германии и по причине идеологических расхождений «между фашизмом и большевизмом»⁷⁷. Из выводов Тоскано неясно, подвергался ли итальянской стороной сомнению вопрос о союзе с Германией. Муссолини перед войной стремился к сохранению внутреннего равновесия Оси. Ему представлялось, что германо-советский пакт о ненападении имеет под собой прочные основания. Это создавало у него иллюзию, что в ходе войны можно добиться сепаратного мира между Москвой и Берлином. Ощущая шаткость своего положения в 1943 г., Муссолини пытался убедить Гитлера заключить мирный договор с СССР, используя посредничество Японии. Утром 25 апреля 1943 г., незадолго до своего свержения, Муссолини встретился для этого с японским послом С. Хидака.

Можно выдвинуть гипотезу, что между Италией и Советским Союзом в 1939–1940 гг. могла существовать некая общность политических интересов. Росо полагал, что СССР видел в сближении с Италией «точку опоры» для укрепления своих позиций. На деле Москва старалась оставаться в стороне от начавшейся в сентябре 1939 г. схватки двух коалиций европейских держав.

⁷¹ Документы внешней политики СССР. Т. 23. Кн. 2(1). М., 1998. С. 200; Кн. 1. С. 455–456.

⁷² I Documenti Diplomatici Italiani. Serie IX. Vol. VI. P. 336; Документы внешней политики СССР. Т. 23. Кн. 2(1). С. 237.

⁷³ I Documenti Diplomatici Italiani. Serie IX. Vol. VI. P. 352.

⁷⁴ АВП РФ, ф. 06, оп. 2, п. 20, л. 229, л. 15–21 (URL: <https://alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1011131> (дата обращения: 15.05.2020)). См. также: I Documenti Diplomatici Italiani. Serie IX. Vol. VI. Doc. 375. P. 361–364.

⁷⁵ Документы внешней политики СССР. Т. 23. Кн. 2(2). М., 1998. С. 487, 609–610.

⁷⁶ I Documenti Diplomatici Italiani. Serie IX. Vol. VI. P. 721.

⁷⁷ *Toscano M.* Una mancata intesa italo-sovietica nel 1940 e 1941. Firenze, 1953; *Serra E.* Gli ambasciatori Rosso e Schulenburg e un mancato accordo italo-sovietico (1940–1941) // Rivista di Studi Politici Internazionali. Vol. LX. Aprile 1993. P. 226–238.

Неудавшееся привлечение СССР к заключённому Германией, Италией и Японией 27 сентября 1940 г. Тройственному пакту свело на нет «дружеские» отношения СССР и Германии. Крах в достижении итало-советского соглашения по Балканам совпал по времени с переменной позиции Сталина в пользу договора с Великобританией. До этого казалось, что Берлин и Москва хотели предотвратить сближение Италии с Великобританией, а Италия и Германия пытались не допустить сближения СССР с блоком западных демократий. Провал итало-советских переговоров о заключении политического договора устраивал Германию, использовавшую инструменты Оси для укрепления своего союза с Италией.

На фоне подписания Советским Союзом пакта о ненападении с Германией 23 августа 1939 г. и договора о нейтралитете с Японией 13 апреля 1941 г. (оба эти шага были предприняты с целью отодвинуть, хотя бы временно, опасность нападения на СССР двух враждебных ему соседей на Западе и Востоке и избежать войны на два фронта) провал попытки заключения договора с Италией показывает, что она не играла тогда для СССР столь же важной роли, как эти два её союзника.

История неудавшегося пакта между Италией и СССР не должна рассматриваться как неудача или успех внешней политики Муссолини. Всё это олицетворяет собой старый лейтмотив внешней политики Италии в либеральную эпоху её истории, когда принадлежность к блоку Центральных империй сочеталась со «средиземноморским» сближением Италии с Великобританией и Францией. Данный подход, например, находит отражение как в планах Муссолини по поводу так называемой Европейской Директории, так и в заключении им «пасхальных» соглашений с Англией и участии в Мюнхенском сговоре. Совершенно излишним в этом смысле является спор о самостоятельности внешней политики Муссолини⁷⁸. Она следовала тем же дипломатическим клише, в соответствии с которыми итальянские политики усматривали сначала в Российской империи, а затем в Советском Союзе главный фактор международного равновесия и одновременно главную причину международной нестабильности. После провала итало-советских переговоров 1940–1941 гг. СССР превращался для Рима во «врага, сила которого постоянно возрастает», что ставило Италию перед необходимостью в ходе Второй мировой войны решать свою собственную судьбу, не дожидаясь поражения Германии⁷⁹. Поэтому Муссолини пытался добиться внутреннего равновесия в Оси, надеясь в 1939–1940 гг., что германо-советский договор останется нерушимым, а в 1941–1943 гг., уже после военных поражений, выступая за заключение сепаратного мира между Германией и СССР.

⁷⁸ О дискуссии о самостоятельности внешней политики фашистской Италии см.: *Vigezzi B. Politica estera e opinione pubblica in Italia dal 1919 al 1940. Orientamenti degli studi e prospettive della ricerca // Opinione publique et politique extérieure en Europe. II. 1915–1940. Actes du Colloque de Rome (16–20 février 1981). Rome, 1984. P. 81–136. См. также: Lefebvre D'Ovidio F. L'Italia e il sistema internazionale: dalla formazione del governo Mussolini alla grande depressione. Roma, 2016. Vol. I. P. 240; Quartararo R. Roma tra Londra e Berlino. La politica estera fascista dal 1930 al 1940. Roma, 2001.*

⁷⁹ I Documenti Diplomatici Italiani. Serie IX. Vol. X. Roma, 1990. P. 416; *Alonzi R. Stalin e l'Italia 1943–1945. Diplomazia, sfere di influenza, comunismi. Soveria Mannelli, 2013. P. 21–22.*

Alice Plate

Реинтерпретация истории колониальной Аляски?*

Alice Plate

(Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia)

Reinterpretation of the history of colonial Alaska?

DOI: 10.31857/S0869568722050168, EDN: KLZФЗQ

Согласно основополагающему тезису рецензируемого исследования немецкого историка Х. Кроппа, на российских колонистов на Аляске возлагалось «объединение необъединяемого» — воплощение в жизнь имперской идеи при отсутствии её точной агенды. Им предстояло выполнить на чужой земле экономические и цивилизаторские требования правительства, не имея, однако, соответствующей политической поддержки и защиты. Этим обстоятельством оправдан взгляд на историю Русской Америки сквозь призму мировоззрения и колониального опыта самих протагонистов российской экспансии на североамериканское побережье Тихого океана.

Рецензируемая монография — полностью переработанная версия диссертации, защищённой Кроппом в 2018 г. в университете Регенсбурга — вышла в серии «Пересечения: исследования по истории Восточной и Юго-Восточной Европы». Приём смены перспектив, использованный автором при исследовании колониального прошлого Аляски, удачно соче-

тается с общей тематической линией серии. Автор осознанно отказывается от традиционного линейного и европоцентристского изложения процесса имперской экспансии, обращаясь к микроисторической проблематике, встроенной при этом в глобальный макроисторический контекст. Особое внимание Кропп уделяет самим российским колонистам: их действиям в непривычных и непростых условиях, изменениям их представлений об окружающем мире, трудностям, с которыми они сталкивались, и способам их преодоления.

Геополитические интересы Санкт-Петербурга и Вашингтона образуют лишь второй и третий уровни авторской реинтерпретации истории Русской Америки, которая начинается со второй Камчатской экспедиции 1733 г. и заканчивается продажей единственной заморской колонии России США в 1867 г. Исследование Кроппа вписывается в наметившийся в немецкой исторической русистике тренд: вопросы, касающиеся имперских утопий, пространственного опыта и видения российскими акторами

* *Kropp H.* Russlands Traum von Amerika. Die Alaska-Kolonisten, Russland und die USA, 1733–1867. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2019. 204 S.

Материал подготовлен в рамках реализации государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ № FEUZ-2020-0056 «Региональная идентичность России: компаративные историко-филологические исследования».

This article was prepared within the framework of the state project of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation «Regional Identity of Russia: Comparative Historical and Philological Studies» (Laboratory for the Study of Primary Sources, Ural Federal University) № FEUZ-2020-0056.

конфликтов интересов в северной части Тихого океана рассматриваются в трудах М. Винклер и Р. Киндлера¹.

Основная часть рецензируемой работы делится на пять тематических глав, логическая последовательность которых задана в самом названии книги и раскрывается во введении. Взаимосвязь между колониальной, имперской и глобальной историей представлена здесь в виде трёх concentрических кругов: средний уровень рассмотрения образует империя, соединяя таким образом расположенную внутри этого конструкта колонию с трансрегиональной перспективой глобальной истории.

Соответственно, в первых двух главах, посвящённых бытовавшим в политических элитах России и США представлениям об Аляске, читатель перемещается с берегов Тихого океана в Санкт-Петербург и Вашингтон. Центральной темой главы «Санкт-Петербург и Аляска: мотивы и акторы российской колониальной политики» является неоднозначная стратегия, выбранная российским правительством для утверждения своих интересов на северо-западном побережье американского континента. Как считает Кропп, амбициозная риторика российских элит вполне соответствовала логике имперской территориальной политики раннего Нового времени и имела целью отпугнуть проникавших в Северную Пацифику внешних соперников: Испанию, Францию, Великобританию и, несколько позже, США. Обладание заморской колонией позволяло России войти в круг великих наций-первооткрывателей, что, в свою очередь, должно было подчеркнуть европейскость страны. По мнению автора, это подтверждается выбранным форматом управления Русской Америкой. Организацию, функции и полномочия полукоммерческая Российско-американская компания

(РАК) позаимствовала у британской торговой Компании Гудзонова залива.

Автор полагает, что для России богатая ценными ресурсами территория осталась прежде всего «проекционной поверхностью для её имперских утопий» (s. 10). Петербургским элитам в итоге не хватало ни политической заинтересованности, ни решительности и ресурсов для полноценной интеграции своих заокеанских владений в имперскую систему. Северотихоокеанский бассейн в целом и Аляска в частности редко попадали в центр внимания Зимнего дворца. Для властей Дальний Восток являлся лишь одной из многих периферий, и на внутрисоссийском уровне не выдерживал конкуренции: более приоритетными оказывались покорённые территории в Восточной Европе и Средней Азии. Кропп отмечает, что «Русская Америка заметила лишь две короткие волны эйфории» (s. 39) – второе открытие Америки «русским Колумбом» Витусом Берингом (1741) и учреждение РАК для консолидации владений (1799). Впоследствии это окончательно превратилось в стандартный колониальный проект, основными целями которого являлись повышение престижа и международного авторитета России через вхождение в круг европейских держав-владельцев заокеанских колоний, а также пополнение казны за счёт приносившей огромные прибыли охоты на калана. При этом колония ни в коем случае не должна была порождать внешнеполитических проблем: ни Александр I, ни его преемники не хотели быть втянутыми в вооружённый конфликт из-за Аляски.

В следующей главе – «Вашингтон и Аляска: завоевание континента США» – Кропп обнаруживает подобную «двойственную стратегию» (s. 77) в отношении администрации Белого дома к северо-западным кра-

ям Америки. Для Вашингтона Аляска «появилась на радаре» значительно позже — только после урегулирования Орегонского конфликта в 1846 г. Несмотря на артикулируемую США оценку сферы своего влияния, приобретённая северная периферия редко пользовалась вниманием американского правительства, у него не было полного понимания, что делать с огромной северной территорией на тихоокеанском побережье. К утверждению декларированных прав, как констатировал автор, американское правительство приступило с той же нерешительностью, что и российское.

Третья глава — «На пути к Аляске: приближения к неизвестному пространству» — содержит сравнительный анализ различных сухопутных и морских путей, по которым путешественники того времени достигали Аляски из европейской части России и с восточного побережья США. Автору показалось не столь важным скрупулёзное освещение выбранных маршрутов и событий истории открытия и покорения Аляски. Приоритетная задача главы — реконструкция исторического контекста и социальных условий, на фоне которых люди решались отправиться в далёкую российскую колонию. Трудный путь на Аляску через Иркутск и Якутск, по Охотскому тракту и дальше по морю на самодельных кораблях через Камчатку, цепь Алеутских островов и остров Кадьяк проделали сначала члены академических экспедиций, а затем торговцы, промышленники — добытчики пушного зверя — и нанятые РАК рабочие. Согласно Кроппу, по экономической и географической направленности, социальному составу колонистов покорение Аляски должно быть понято как продолжение экспансионного процесса в Сибири.

Промышленники в массе своей являлись сибиряками, скорее росси-

янами, чем этническими русскими, привыкшими к лишениям, суровому климату и зачастую пренебрежительному к ним отношению со стороны руководства РАК. Поскольку женщины в этой категории колонистов были исключением, мужчины нередко вступали в брак с туземками, перенимали их уклад жизни и в конце концов сливались с коренным населением настолько, что экипажи иностранных судов, приплывших к русским поселениям на Аляске, едва различали их по национальному признаку. Первое русское кругосветное плавание в 1804 г. обеспечило морской путь из Санкт-Петербурга в Русскую Америку. Теперь заморская колония стала ближе к столице: по времени (дорога через Сибирь занимала полтора года, а следовавшие через мыс Горн или мыс Доброй Надежды мореплаватели преодолевали расстояние за шесть месяцев), но прежде всего ментально. По новому маршруту на кораблях таких знаменитых капитанов, как И.Ф. Крузенштерн, Я.Ф. Лисянский или О.Е. Коцебу, в колонию прибыли другие россияне — прежде всего «получившие прекрасное образование полиязычные прибалтийские немцы дворянского происхождения» (s. 90), представители управленческой элиты РАК.

В следующих разделах главы ракурс исследования снова меняется. В «Пути из Америки» освещается деятельность так называемых *boston men* — торговцев и китобоев с восточного побережья Америки. Последние, находясь после провозглашения независимости США в поисках коммерческой альтернативы трансатлантической угольной торговле, переключили своё внимание на тихоокеанский бассейн, где стали координировать торговлю меховыми шкурами между русской Аляской и китайским Кантоном. В завершающем эту главу эпилоге «Пути

с Аляски» читатель сопровождает главного правителя колоний в Америке капитана флота Ф.П. фон Врангеля с супругой в Санкт-Петербург после истечения срока его контракта с РАК в 1835 г. В то время выбранный им для возвращения в Европу маршрут через Сан-Франциско, Мексику и Нью-Йорк был новинкой, в связи с чем Кропп назвал решение фон Врангеля символом «прогрессирующей консолидации Америки как целостного пространства действия» (s. 105).

В главе «Мечта об Америке: русская жизнь на колониальной Аляске» читатель, наконец, достигает противоположных евразийскому материке берегов Тихого океана. В первых российских поселениях на островах Афогнак и Кадьяк, полуострове Кеннай, а затем в столице Русской Америки Новоархангельске колонисты сталкивались со средой обитания, резко отличавшейся от бытовавших в петербургских правительственных кругах колониальных фантазий и нарративов о несении цивилизаторской миссии. Основываясь на дневниках и письмах представителей колониальной элиты, Кропп рисует мрачную картину тяжёлого быта, постоянной борьбы за выживание и сложных отношений как с коренными народами Аляски, так и с представителями других держав. «Плохо оснащённые и катастрофически недоснабжаемые, русские на Аляске владели весьма безрадостное существование», — так звучит вердикт Кроппа о Русской Америке, «которой как таковой никогда не было» (s. 147).

В пятой главе «Контакт, конфликт, кооперирование: русские и американцы на Тихом океане» рассматриваются русские колонии форт Росс в Северной Калифорнии (1812–1841), форт Елизаветы на принадлежащем гавайскому архипелагу острове Кауаи (1815–1818), а также проект создания поселений вдоль р. Колумбия

(1811–1818). Все три попытки обосноваться в климатически более пригодных для сельского хозяйства регионах североамериканского континента не увенчались особым успехом, что, по мнению Кроппа, только подтвердило существование фатальной пропасти между колониальными ожиданиями и реалиями на краю империи. Автор считает, что Петербург в 1867 г. решил отказаться от своей «мечты об Америке» именно потому, что уверенность в культурном превосходстве и запал имперской риторики вытеснялись неконкурентоспособностью, лишениями и страхами.

В исследовании чередуются макро- и микроисторические уровни. Увеличивая масштаб рассмотрения, Кропп вплетает историю северотихоокеанского бассейна в глобальные, имажинативные и физические процессы территориализации. Проведение сравнительного анализа экспансии США на северо-западное побережье американского континента и русского колониального проекта способствовало обращению к ряду более глобальных проблем, фигурирующих не только в историографии Аляски. Среди прочего Кропп задается вопросами о роли и судьбе Аляски как театра столкновения и «сбалансирования различных международных интересов» (s. 32), а также о том, следует ли признать единственную заокеанскую колонию Российской империи уникальным случаем или аномалией, тут же отрицающая эти версии (s. 31–32). Автора интересует соотношение между частной экономической инициативой и государственно-политическими мотивами заинтересованных Петербурга и Вашингтона. Также он подробно описывает, как имперские фантазии о заморской колонии постепенно сводились к менее прочной «колонии-форпосту» (согласно типологизации колоний немецкого исто-

рика Ю. Остерхаммеля)², сравнимой, выражаясь словами фон Врангеля, «с датскими владениями на западном побережье Гренландии» (s. 118).

В то время как Кропп уделяет много внимания проецированным на Аляску имперским идеям, главная тема — обещанный им взгляд через «телеобъектив» на жизненные миры русских колонистов — освещается довольно скудно. В основном полученные автором выводы строятся на небольшой подборке принадлежащих перу колониальной элиты эго-документов, ранее опубликованных или сохранившихся в фондах Эстонского исторического архива в Тарту. Низкая степень репрезентативности такой источниковой базы очевидна; в ней отражена лишь малая доля аляскинского опыта. Рядовые промышленники, работавшие в основном в структурах РАК и обладавшие собственным взглядом на вещи, остаются практически не услышанными. О том, что Кропп осознаёт эту проблему, свидетельствует источниковедческий обзор во введении к книге. Однако не совсем ясна причина упущения. Возможно, автор предположил, что после утраты архива РАК документы компании можно найти только в недоступных ему архивах Сибири и Дальнего Востока (s. 89)³. К сожалению, на концептуальной фазе проекта при взвешивании целей и возможностей его реализации возникла логистическая проблема. В результате российские колонисты — предприниматели, торговцы и охотники — не наполняются жизнью, оставаясь лишь техническими «имперскими аллохтонами».

Бросается в глаза и другая нестыковка. С одной стороны, Кропп поддерживает изложенную в книге Винклер концепцию, что для России Аляска представлялась не обособленной территорией, а интегральной составляющей империи и, соответ-

ственно, логическим продолжением Сибири. С другой стороны, его утверждения, что по статусу заокеанские владения никогда не отличались от других периферий империи, малоубедительны, хотя и многословны. В самой аргументации Кроппа доминирует несколько иное видение. И. Виньковецкий считает Аляску особым случаем как в географическом, так и в административно-политическом отношении⁴. По его мнению, аутсорсинг — передача управления территорией в руки полукommerческой организации — отличал русскую колонию в Америке от остальной части империи. Таким образом, отрицание тезиса об «экзотизации Русской Америки» (s. 22) превращается у Кроппа лишь в формальность; трудно не заметить, что автор во всём остальном согласен с рассуждениями Виньковецкого. Это в первую очередь касается главной гипотезы исследователя о так называемом дешёвом империализме⁵. Кропп соглашается, что для имперских чиновников возложение ответственности за Аляску на РАК оказалось наименее рискованной формой колониализма, так как в случае неудачи компания могла стать козлом отпущения⁶. По его версии, российские колонисты на Аляске столкнулись с невыполнимой задачей осуществления экономических и цивилизаторских требований без надежды на защиту со стороны правительства (s. 51). Разница весьма невелика, особенно если учесть, что после 1799 г., когда РАК получила от Павла I официальную монополию на эксплуатацию колонии, все «про-тагонисты и носители экспансионного процесса» тем или иным образом с нею же слились.

Итак, мы получили живо рассказанную и достаточно пронизательную, хотя и не всегда оправданно жёсткую в своих выводах историю колониальной Аляски. Тема и свя-

занные с ней порой эмоциональные дебаты подробно представлены в англо-американской и особенно в российской исторической науке⁷. Однако в немецкоязычной историографии изучение русского прошлого Аляски не относится к традиционным областям русистики, тема совсем недавно начала привлекать к себе особый интерес. Уже по этой причине, прочитав монографию Кроппа, мы получили немало, но в то же время, я предполагаю, и не совсем то, что автор хотел донести до читателя.

Примечания

¹ *Winkler M.* Das Imperium und die Seeotter. Die Expansion Russlands in den nordpazifischen Raum, 1700–1867. Göttingen, 2016; *Kindler R.* Robbenreich. Russlands fragmentierte Autorität und transnationale Ressourcenkonflikte am Nordpazifik (Manuskript der Habilitationsschrift) (URL: [https://www.geschichte.hu-berlin.de/de/bereiche-und-](https://www.geschichte.hu-berlin.de/de/bereiche-und-lehrstuehle/geosteuropas/geschichte-osteuropas-1/personen/robert-kindler)

[lehrstuehle/geosteuropas/geschichte-osteuropas-1/personen/robert-kindler](https://www.geschichte.hu-berlin.de/de/bereiche-und-lehrstuehle/geosteuropas/geschichte-osteuropas-1/personen/robert-kindler)).

² *Osterhammel J., Jansen J. C.* Kolonialismus. Geschichte. Formen. Folgen. München, 2012.

³ О судьбе фондов утраченного после упразднения организации архива РАК см.: *Ермолаев А.Н., Петров А.Ю.* Документы Российско-американской компании в архивохранилищах России // Отечественные архивы. 2009. № 5. С. 46–52.

⁴ *Виньковецкий И.* Русская Америка: заокеанская колония континентальной империи, 1804–1867. М., 2015.

⁵ Об этом термине см.: *Виньковецкий И.* Русская Америка: административный эксперимент Российской империи // Polit.RU. 2015. 2 декабря (URL: https://polit.ru/article/2016/07/10/lecture_vinkovetsky/).

⁶ *Виньковецкий И.* Русская Америка: заокеанская колония... С. 25.

⁷ История Русской Америки (1732–1867). В 3 т. / Отв. ред. Н.Н. Болховитинов. М., 1999. См. также: *Гринёв А.В.* Аляска под крылом двуглавого орла (российская колонизация Нового Света в контексте отечественной и мировой истории). М., 2016; *Black L.* Russians in Alaska: 1732–1867. Fairbanks, 2004.

Андрей Мамонов

Первая русская биография графа К.В. Нессельроде*

Andrey Mamonov

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

The first Russian biography of Count K.V. Nesselrode

DOI: 10.31857/S086956872205017X, EDN: KLZGID

Если верить свидетельству гр. А.Д. Нессельроде, последнее, что сказал, умирая, его дед: «Будьте в своей жизни такими же счастливыми, как я! Прощайте!» (с. 332). Действительно, гр. К.В. Нессельроде (1780–1862) выпало редкое счастье. Сын титулованного дипломата, кочевавшего без явных провалов и выдающихся достижений по европейским столицам, он сделал в чужой для него поначалу стране (в которой впервые оказался

в 16 лет) блестящую карьеру: снискал милость четырёх царей, 50 лет состоял статс-секретарём, 40 лет управлял МИД и в 65 лет получил высший в империи чин канцлера. Покинув министерский пост в 75 лет по собственному заранее обдуманному и объявленному желанию, граф до самой смерти пользовался почётом, авторитетом и влиянием и скончался после недолгой болезни, исповедавшись и причастившись, сохраняя ясный ум и удивительное

* *Таньшина Н.П.* К.В. Нессельроде: искусство быть дипломатом. СПб.: Евразия, 2021. 352 с.

самообладание. Никогда не бедствуя, а после женитьбы в 31 год располагая огромным состоянием, он умел наслаждаться жизнью — систематическим трудом, музыкой, живописью, путешествиями, изысканной кухней и оранжереями, семейным счастьем с женой, отличавшейся тяжёлым характером, однако не только хорошо ладившей с мужем, но и во многом разделявшей его мироощущение и интересы. При этом около полувека ему доводилось находиться в центре крупнейших событий, происходивших в Европе от Тильзитского до Парижского мира, тесно общаться с их ключевыми участниками и самому быть одним из них.

Такая судьба, казалось, не могла не привлечь внимание современников и потомков. Между тем в отечественной историографии, как ни странно, давно и прочно закрепились даже не критические, а как раз «некритические», односторонние хулиительно-уничижительные оценки Карла Васильевича. Славянофилы и панслависты нещадно бранили его в письмах и дневниках (которые так ценят историки) за чрезмерную преданность Австрии и нежелание отождествлять государственные интересы с «народными» и «племенными» («славянскими»). Профессор М.П. Погодин, бредивший разделом Османской и Австрийской империй, образованием Славянского союза и т.п., в апреле 1854 г. утверждал, что для гр. Нессельроде «Россия не знакомее Китая», а «русская политика» канцлера «оказалась очевидно несостоятельной и... не принесла нам ничего, кроме вреда». Она будто бы «приносила в жертву все свои, самые дорогие, кровные интересы, отказываясь от священных чувствований», и «всё для Европейского порядка, который был, кажется, вышею, единственною её целью». В итоге «народы возненавидели Россию, а их правительства дружно выступили против неё»¹.

«Воплощённой бездарностью» избражал гр. Нессельроде С.С. Татищев, со скандалом покинувший в 1877 г. МИД, где прослужил всего несколько лет, но ставший затем одним из наиболее ярких исследователей и интерпретаторов дипломатии Николая I и Александра II (с. 6–7, 21–22). Со второй половины 1880-х гг. Сергей Спиридонович, дистанцировавшийся как от «легитимистов», так и от панславистов, выступал, по удачному выражению А.Э. Котова, «пропагандистом франко-русского сближения», и это не могло не отразиться на его отношении к графу, дорожившему австро-русско-прусскому союзу².

Наконец, уже в СССР пренебрежительную характеристику канцлеру дал в своей знаменитой «Крымской войне» академик Е.В. Тарле, чьи оценки потом не раз повторялись другими. Правда, в середине XX в. едва ли он мог позволить себе иначе отзываться о царском министре, имевшем к тому же репутацию «космополита». Неудивительно, что тот предстал перед читателями как «ограниченный человек», который, будучи даже «склонным к миру», мог только «угождать и лгать», угадывая желания монарха³. В то же время пушкинисты, начиная с П.Е. Щёголева, указывали на дружбу Ж. Дантеса и Л. Геккерна с графиней М.Д. Нессельроде, что, конечно, бросало тень и на её супруга (с. 87).

Весьма непривлекательно выглядел граф и в художественной литературе. Ф.И. Тютчев, считавший себя недооценённым дипломатом, сполна отомстил бывшему начальнику в едких эпиграммах. Прозаикам, от Ю.Н. Тынянова до В.С. Пикуля, оставалось лишь дополнить и раскрасить очерченный поэтом образ.

Дружные усилия историков и художников практически уничтожили репутацию канцлера. В итоге за полтора века так и не появилось ни одной

его научной биографии. Лишь с конца XX в. стали выходить посвящённые ему очерки и статьи, в которых устоявшиеся оценки понемногу смягчались и корректировались (с. 43–50). Более того, в них уже признаётся, что граф был «видным руководителем дипломатической службы империи», причём оставался «адекватен своему месту и времени по меньшей мере 30–35 лет» (с. 50)⁴. Кажется, этот рекорд с тех пор так никем и не превзойдён.

Уже поэтому выпущенная в свет в 2021 г. книга профессора Н.П. Таньшиной «К.В. Нессельроде: искусство быть дипломатом» является долгожданным, оригинальным и новаторским исследованием. Причём это очень смелая работа, деликатно и убедительно ставящая под сомнение многие привычные, въевшиеся в сознание предрассудки, подкреплённые к тому же авторитетом маститых учёных как дореволюционного, так и советского времени. Решить столь непростую задачу автору, безусловно, помогло глубокое погружение в историю международных отношений первой половины XIX в. Таньшина известна своей фундаментальной монографией о внешней политике Луи-Филиппа⁵, первыми в отечественной историографии обстоятельными научными биографиями кн. Д.Х. Ливен и Ф. Гизо⁶, а также замечательным очерком о К.О. Поццо ди Борго⁷. Эти труды словно бы исподволь, с разных сторон подвели исследовательницу к фигуре гр. Нессельроде.

Однако его долгую жизнь и многостороннюю деятельность, отразившуюся в огромном массиве документов, едва ли можно было сразу охватить во всей полноте. Не случайно никто ещё за это не брался. Достижение подобной цели потребовало бы, вероятно, не одного десятилетия. И книга Таньшиной «вовсе не претендует на полную биографию К.В. Нессельроде» (с. 56). Сужая и делая обозримыми рамки

своего исследования, Наталия Петровна отмечает: «Опираясь на письма графа Нессельроде, прежде всего неофициального, частного характера, адресованные близким и друзьям, мне хотелось раскрыть его личность, высвободить его, насколько возможно, от штампов и стереотипов, и позволить говорить ему самому» (с. 57).

Такую возможность дают прежде всего незавершённые воспоминания и 11 томов писем и бумаг канцлера, изданные его внуком в Париже в начале XX в.⁸ Они и лежат в основе книги. Конечно, историки обращались к ним многократно, но обычно они использовались лишь фрагментарно, и никогда раньше им не уделялось такого внимания. Но это, разумеется, не единственный источник. Таньшина также анализирует тексты, извлечённые из фондов АВПРИ (ф. 133, 137, 184) и ГА РФ (ф. 728), документальные сборники и журнальные публикации, дневники, мемуары и письма современников графа, публицистические произведения.

С большим уважением автор цитирует мнения своих предшественников, порою соглашаясь, порою полемизируя с ними. Она не просто учитывает их наблюдения и выводы, но находится в постоянном диалоге как с давно ушедшими историками, так и с ныне здравствующими коллегами — О.Р. Айрапетовым, О.В. Анисимовым, В.В. Дегоевым, Н.С. Киняпиной, Е.П. Кудрявцевой, В.Б. Михайловым, А.А. Орловым, А.В. Ревакиным, М.-П. Рэй, С.С. Татищевым, Е.В. Тарле, А.В. Черновым и др. Это придаёт монографии не только дискуссионность, но и некоторые черты «круглого стола».

Такой подход вполне естественен и оправдан, если учесть широкий круг сюжетов и проблем, в той или иной мере освещённых в книге. Это и первые шаги гр. Нессельроде на государственной службе, и его взаимоотношения

с Александром I и Николаем I, а также с русскими и европейскими дипломатами (прежде всего — кн. А.М. Горчаковым, гр. И.А. Каподистрией, кн. К. Меттернихом и К.О. Поццо ди Борго), с кн. Ливен и гр. М.Д. Нессельроде, и управление формирующимся МИД, и характеристика Венской системы, Священного союза и конгрессов пентархии в 1818—1822 гг., и поиски решения «восточного вопроса», и логика внешней политики России в период революций 1830 и 1848 гг., и потрясения Крымской войны, и осмысление причин и последствий поражения в ней. Причём, касаясь этих тем, исследовательница не раз оказывалась в затруднительном положении: заявления и поступки гр. Нессельроде зачастую неотделимы от истории русской дипломатии его времени, но погружаясь в её обстоятельства, легко выпустить из виду, потерять за переговорами великих держав собственно личную позицию канцлера и его роль в описываемых событиях. В целом, при изложении материала Таньшиной мастерски удаётся сохранять баланс между политическим и человеческим.

Конечно, при этом нельзя было вовсе избежать тех или иных лакун и некоторой недосказанности. Так, слишком бегло говорится о службе гр. Нессельроде в Париже в 1807—1811 гг. и о том, как он воспринимал расстановку сил и внешнеполитические интересы держав в эпоху наполеоновских войн, когда происходило его становление как дипломата. Кстати, освещая этот период деятельности графа, Таньшина упоминает, что именно ему «через известного дипломата графа Г.А. Строганова удалось доставить в Петербург важный документ — записку министра иностранных дел Франции Ж.Б. Шампиньи от 16 марта 1810 года, адресованную Наполеону». Как пишет исследовательница, «этот документ имел большое значение для

выяснения истинных целей внешней политики Наполеона относительно России» (с. 75). Но, к сожалению, не указано, что с тех пор «оригинальный текст записки так и не был найден во французских архивах» и, «возможно, записка являлась фальшивкой, проданной за деньги Ш.М. Талейраном русскому дипломату»⁹. Иными словами, вполне вероятно, что речь шла о масштабной дезинформации Петербурга, инициированной сторонниками русско-французского столкновения в Париже. В какой мере осознавал это будущий канцлер, или он просто оказался посредником и орудием в более ловких руках?

Анализируя отношения графов Нессельроде и Каподистрии, Таньшина убедительно показывает, что, несмотря на различные оттенки их взглядов, «серьёзных идейно-политических разногласий между ними не было». Не наблюдалось и острого внутриведомственного соперничества, напротив, разделение обязанностей скорее облегчало положение каждого из них и отнюдь не мешало взаимному уважению (с. 150—153, 179—183). Но с чем же тогда были связаны представления о «смертельной вражде» между ними, которые «получили широкое распространение как в общественном мнении, так и в историографии»? Исследовательница полагает, что в основе их — рассказы кн. Горчакова, «записанные за ним одним неизвестным автором в Ницце в 1881 и 1882 годах» и опубликованные в 1883 г. в «Русской старине» (с. 153).

В этих же «рассказах» гр. Нессельроде была приписана фраза: «Мы знаем только одного царя, нам нет дела до России» (с. 262). Комментируя её, Таньшина уже решительно утверждает, «что это фальсификация, поскольку данное “высказывание Горчакова”, на мой взгляд, совершенно не созвучно тем мыслям о России и её нацио-

нальных интересах, которые содержатся в обширной переписке графа Нессельроде» (с. 262–263). Но ведь даже если Карл Васильевич и не говорил никогда данных слов, это ещё не является свидетельством фальсификации горчаковских рассказов. Тем более что записаны они были не «одним неизвестным», а самим издателем «Русской старины» М.И. Семевским (в публикации он представлен как «М.-ский», но редакторские примечания не оставляют никаких сомнений в том, кто именно беседовал с кн. Горчаковым)¹⁰. У него был богатый опыт фиксации подобных разговоров с видными государственными деятелями и не имелось ни малейшей заинтересованности что-либо фальсифицировать. С его собеседником всё обстояло несколько сложнее. Князь с конца 1870-х гг. находился не просто в преклонном возрасте, а в состоянии прогрессирующей деменции, хотя в воспоминаниях о юности это проявлялось, видимо, не так резко, как на официальных совещаниях¹¹. Характерно, что тот же Семевский не исключал неточностей в самих рассказах (но не в передаче сказанного) и вскоре охотно опубликовал их «опровержение», составленное гр. Д.К. Нессельроде¹².

Но, скорее всего, кн. Горчаков далеко не случайно заговорил о «смертельной вражде» между статс-секретарями Александра I. Не следует забывать, что и другой бывший сотрудник гр. Каподистрии — гр. Д.Н. Блудов станет упорным оппонентом и недоброжелателем гр. Нессельроде (и одним из распространителей писем Погодина в высшем обществе). По-видимому, вполне корректные (во всяком случае, до 1822 г.) отношения двух графов (отразившиеся, в частности, в доверительных письмах гр. Нессельроде к жене) не исключали соперничества и даже вражды их канцелярий, сохранившейся потом на протяжении десятилетий.

Вопреки привычному в историографии противопоставлению двух последних канцлеров Российской империи, Танышина, опираясь на мнение гр. А.Д. Нессельроде, пытается найти у них нечто общее: привязанность к преданиям и нравам XVIII в., утончённую вежливость, пренебрежение модой и т.д. (с. 323–324). Пожалуй, можно бы добавить ещё недостаточно твёрдое владение русским языком (но тут впечатления современников не всегда совпадают). Однако отличия между ними всё же гораздо существеннее: это и жизненный опыт (один с юности находился в центре большой политики, второй до 56 лет — на третьих ролях), и стиль жизни (сочетание умеренности с привычкой к роскоши у одного и крайняя скупость у другого), и семейные отношения (крепкие узы, 37 лет связывавшие графа с женой, и скандальные похождения князя), и манера держаться (скромность при чувстве собственного достоинства и болезненный нарциссизм), и способ ведения дел (совершенно немыслимые для гр. Нессельроде попытки кн. Горчакова вести собственную политику, не всегда совпадавшую с императорской), и обстоятельства отставки, и положение в последние годы жизни, и проч.

Сближая гр. Нессельроде с его преемником, Танышина в то же время старается всячески вывести своего героя из тени кн. Меттерниха. Анализируя их контакты, исследовательница соглашается с Кудрявцевой в том, «что если поначалу они действительно напоминали отношения ученика и учителя, то со временем существенно трансформировались». Во всяком случае, в 1820–1840-е гг. Карл Васильевич не питал особого доверия к австрийскому канцлеру и не раз критически высказывался о его действиях (с. 173). Тем не менее нельзя отрицать, что их многое сближало,

причём не только аристократические вкусы и умеренность в повседневной жизни, но и определённые романтические нотки в мировоззрении, которые проскальзывают в книге, но требуют более подробного рассмотрения.

Заметно выиграл бы текст и от расширения материала, связанного с тем, как гр. Нессельроде и его политику воспринимали европейские дипломаты. Таньшина приводит свидетельства О. де Брэ, К. Фитцтума фон Экштедта и др., но этот круг, вероятно, может быть заметно дополнен французскими, британскими, австрийскими и прусскими государственными деятелями. А их суждения способны показать графа с неожиданной стороны. В этом убеждает, в частности, процитированный в книге отзыв О. фон Бисмарка, для которого гр. Нессельроде, по-видимому, навсегда остался одним из символов Ольмюца. «Этот дьявол в облике маленького человечка мне всегда был глубоко антипатичен, — признавался создатель Германской империи. — Он обладал способностью так спокойно и манерно вести разговор, что мы были вынуждены, из уважения к его возрасту и ради поддержания общей позиции, отказываться от своих самых действенных аргументов. Всякое обсуждение становилось невозможным. Он был одним из дипломатов канцелярии и салона, каких больше, к счастью, нет» (с. 327). Тут в самом раздражении чувствуется гораздо более сильное признание мастерства, чем в иных дифирамбах.

К сожалению, в монографии встречаются некоторые неточности. Так, в ней говорится, что «именно деятельность Священного союза стала одним из главных упреков в адрес Нессельроде со стороны либеральной общественности, обвинявшей его в проведении консервативной политики, направленной на борьбу с революционным и освободительным

движением в Европе» (с. 157). Это не вызывает возражений. Однако, следуя за публицистами XIX в., историк поневоле воспроизводит закрепившуюся в историографии путаницу, когда под «Священным союзом» подразумеваются и монархи, подписавшие 14(26) сентября 1815 г. туманно-мистический Акт о его образовании и присоединившиеся к нему, и конгрессы пяти великих держав (формально не имевшие к этой декларации никакого отношения и собиравшиеся на основании Шомонского и Парижского договоров), и вдобавок русско-австро-прусский союз, оформившийся в 1833 г. В целом же, «Священный союз» нередко рассматривается как синоним «системы Меттерниха» и «реакции», направленной на подавление национальных и революционных движений (в том числе и с помощью иностранной интервенции), о чём в Акте 1815 г. не было и речи. Между тем в 1818—1822 гг. тот же Меттерних ни разу не упоминал о «Священном союзе» на конгрессах пентархии, в которых участвовали и представители Англии, к Священному союзу, как известно, не присоединившейся. На необходимость учитывать и, по возможности, устранять столь странную «подмену терминов» уже указывалось историками¹³. Тем не менее «конгрессы Священного союза» в современной научной литературе продолжают существовать.

«Ещё одним основанием для упреков в адрес К. В. Нессельроде» Таньшина называет отказ России от продления Ункяр-Искелесского договора и подписание в 1840—1841 гг. Лондонских конвенций, согласно которым целостность Османской империи и запрет прохода военных судов через Босфор и Дарданеллы гарантировались сперва четырьмя, а затем пятью великими державами (с. 230). Исследовательница, соглашаясь с аргументами Айрапетова и Дегоева, признаёт, что «в результате изменения режима

Проливов Черноморское побережье России оказалось незащищённым перед лицом угрозы со стороны морских держав» (с. 239). Однако из проведённого ею анализа обстоятельств, связанных с заключением конвенций, видно, что Ункяр-Искелесийский договор, при всей его выгодности для России, не мог предотвратить усиления в Константинополе позиций Англии и Франции, а по мере того, как их влияние на Османскую империю становилось преобладающим, любые обещания султана превращались в фикции. Договариваться всё равно приходилось уже с Лондоном и Парижем. Конвенции 1840–1841 гг., собственно, и представляли собой первую попытку достичь такой договорённости. Причём в тот момент русской дипломатии удалось не только разъединить, но и столкнуть западные державы, что являлось несомненным успехом (с. 224–240). Прочно же закрыть проливы могла лишь успешная военно-морская операция, осуществлённая с согласия по крайней мере двух или трёх великих держав. И поиски путей сближения с Великобританией, возобновившиеся в середине 1840-х гг. (с. 250–260), представляются весьма симптоматичными.

Таньшина показывает, что при Николае I гр. Нессельроде был не безликим исполнителем воли монарха, а полноценным и незаменимым помощником, позволявшим себе высказывать мнения, не совпадавшие с царскими (с. 281–282, 335–339). Однако при этом немного ступёвывается одно обстоятельство, описанное, но не получившее развития в книге. Александр I, по сути, не посвящал своего брата в международные дела, и знакомиться с ними Николаю I пришлось уже после вступления на престол. Между тем ещё в 1816 г. гр. Нессельроде по поручению императора составил для собиравшегося посетить Англию

вел. кн. Николая Павловича записку о британских порядках, учреждениях и особенностях (с. 154–157). Иными словами, будущий царь с юности прислушивался к графу и в чём-то у него учился. В начале 1826 г., резко активизировав внешнюю политику империи, Николай I был совершенно не подготовлен к руководству ею. В этой далеко не спокойной обстановке, на фоне тянувшегося следствия над мятежниками, советы и разъяснения гр. Нессельроде, касавшиеся положения в Европе и на Востоке, приобретали особую ценность. А его умение оставаться в тени, повышая, точнее — создавая авторитет молодого, энергичного и инициативного монарха, вообще не имело цены. Вероятно, их взаимодействие в первый год нового царствования заслуживает дополнительного и самого пристального изучения. Скорее всего, оно должно было заметно отразиться и на их дальнейшем сотрудничестве.

Последние восемь лет, проведённые гр. Нессельроде во главе МИД, оказались наиболее драматичными. Россия столкнулась с волной европейских революций, затронувших в том числе союзные государства (Австрию и Пруссию) и родственные Императорской фамилии германские династии, вскоре обострилась борьба за влияние в Османской империи, приведшая к прямому столкновению сперва с Турцией, а затем и с англо-французской коалицией. Изложение этих событий в книге иногда может вызвать недоумение. Так, на основании фразы, которая «является апокрифом» («по коням, господа, во Франции революция!»), утверждается, будто в начале марта 1848 г. Николай I «был готов защищать ненавистного ему Луи-Филиппа» (с. 264)¹⁴. Уступки Фридриха-Вильгельма IV берлинским «либералам» объясняются его желанием «избежать участи Меттер-

ниха» (с. 268), бежавшего в Англию, а не опасением изоляции, грозившей Пруссии в охваченной революциями Германии. Про Ольмюцкое соглашение, подписанное 30 ноября 1850 г. главами правительств — кн. Ф. Шварценбергом и бароном О.Т. фон Мантейфелем, почему-то сказано, что его подписали 29 ноября «пруссский король и австрийский император» (с. 276). Однако общая атмосфера и основные тенденции того времени переданы автором верно.

Таньшина справедливо отмечает, что стремление Николая I и его канцлера к подавлению революционного брожения (чреватого, как хорошо помнили их поколения, Большой европейской войной) и восстановлению баланса сил и интересов в Германии объяснялось заботой не столько о принципах легитимизма и чувствах Габсбургов, сколько о стабильности западной границы Российской империи, сохранении спокойствия в губерниях Царства Польского и на Дунае. Разгром венгерской революции был жизненно необходим Российской империи именно из этих соображений и совершенно независимо от той или иной степени «благодарности» австрийцев. Вопреки распространённым представлениям, русские войска в 1849 г. воевали отнюдь не за них (хотя и по их просьбе и приглашению).

Тут, казалось бы, нельзя пройти мимо того, как и в какой мере координировались шаги и планы военного и дипломатического ведомств. И, в частности, в каких отношениях находились гр. Нессельроде и генерал-фельдмаршал кн. И.Ф. Паскевич. Однако эта тема практически полностью осталась за рамками книги. К сожалению, в ней не использована монография А.А. Кривопалова, раскрывающая военные аспекты внешней политики России 1848–1856 гг.¹⁵

В целом, хотелось бы лучше понять место гр. Нессельроде в кругу николаевских сановников, связи с которыми непосредственно влияли на деятельность канцлера. Среди них — и кн. А.И. Чернышёв, и гр. А.Ф. Орлов, и гр. П.Д. Киселёв, и кн. А.С. Меншиков, и др. Скупно сказано и о контактах графа с русскими дипломатами, за исключением Поццо ди Борго, портрет которого явно выделяется на общем фоне. Но даже барон П.К. Мейендорф, многолетний конфидент и соавтор канцлера, едва ли не ближайший его сотрудник, толком не представлен читателям, не говоря уже о товарище министра Л.Г. Сенявине, бароне Ф.И. Бруннове, гр. П.П. Палене, Н.Д. Киселёве, Д.П. Татищеве, гр. М.И. Хрептовиче и др. Не менее любопытно было бы узнать о том, как складывалась работа графа с теми, кого можно назвать его «учениками». И здесь прежде всего вызывает интерес фигура барона А.Ф. Будберга, которого, как толковали и в России, и за рубежом, канцлер будто бы готовил себе в преемники.

Всё это в той или иной мере важно для понимания того, с чем гр. Нессельроде подошёл к испытаниям 1853–1856 гг. По мнению Таньшиной, «было бы неверно снимать с него полностью ответственность за войну», поскольку «он стоял во главе Министерства иностранных дел, а следовательно проигрыш российской дипломатии в поединке с западноевропейскими партнёрами должен быть отнесён и на его счёт» (с. 320). Однако исследовательница обоснованно отвергает упреки в том, будто канцлер безразлично относился к судьбе России и неверно оценивал обстановку, преувеличивая лояльность Австрии и преуменьшая решительность намерений Англии и Франции (с. 277–314). Вместе с тем остаётся вопрос: насколько граф был посвящён в грандиозные и совершенно нереалистичные планы раздела турец-

кого наследства, отразившиеся в собственноручных заметках Николая I начала 1853 г.? И когда посольство кн. Меншикова, задуманное в МИД как средство сохранения мира, превратилось в инструмент провоцирования войны при помощи заведомо неприемлемых условий? (с. 284, 287–290).

Вполне оправданно в книге подробно анализируется знаменитое «политическое завещание» гр. Нессельроде – всеподданнейшая записка, составленная им вместе с бароном Мейендорфом 11 февраля 1856 г. (с. 314–316)¹⁶. В ней не только указывалось, что «война вызвала для России неотлагательную необходимость заняться своими внутренними делами и развитием своих нравственных и материальных сил», причём «эта внутренняя работа является первою нуждою страны, и всякая внешняя деятельность, которая могла бы тому препятствовать, должна быть тщательно устранена» (с. 314), но и довольно тонко и точно очерчивались перспективы русской дипломатии на ближайшие годы.

Когда составлялась записка, Россия уже находилась в процессе сближения с Францией, и ему в тот момент не было альтернативы. Иные способы «расторгнуть сплотившуюся против нас коалицию и не допустить её пережить войну» отсутствовали. Констатируя это и даже не исключая, что «сближение это может со временем перейти в более тесный союз... если бы того потребовали благоприятные обстоятельства», граф не скрывал своего недоверия к Парижу. «Положительный и тесный союз» с ним канцлер считал слишком опасным: «Уверенный в нашей поддержке, Наполеон III видел бы в ней поощрение пуститься в новые предприятия, в которых могло бы оказаться для нас невыгодным ему сопутствовать в той мере, в какой бы он того желал»¹⁷. События 1859–1860 гг.

в Италии полностью подтвердили этот прогноз¹⁸.

Гр. Нессельроде предвидел, что император французов будет искать «опоры в революционных страстях или в угнетённых национальностях» и даже способен попытаться «захватить левый берег Рейна», т.е. затеять войны с Австрией и Пруссией, которые неизбежно затронули бы положение России. Поэтому Александру II рекомендовалось лишь «обнадежить Францию, что мы воспротивимся всякой европейской коалиции, какую бы Англия вздумала против неё направить». Однако «идти далее было бы неосторожно». Обещания Бонапарта, к тому же тесно связанного союзом с Англией, не стоили того, чтобы «подрывать наши добрые и полезные сношения с Пруссией или растревлять те, какие мы имеем с Австрией», которую «необходимость заставляет, и надолго ещё будет нас заставлять её щадить», поскольку «с раздела Польши между Россией, Австрией и Пруссией установилось взаимосохранение интересов, соблюдение коего, из этих трёх держав, наименее необходимо именно для нас». Напоминая, что в 1830–1831 гг. «польское восстание послужило тому достаточным доказательством», граф спрашивал: «Да и в последнее время коалиция, вызванная под предлогом восточного вопроса, не угрожала ли сплотиться ещё сильнее приобщением к нему и вопроса польского?»¹⁹.

По мнению Таньшиной, в данной записке граф признавал «ошибочность основных принципов, на которых строилась внешняя политика страны» (с. 314). Однако далее сама исследовательница приводит, пусть и в несколько усечённом виде, «его главный вывод»: «Прежде чем стать в разрыв с политической системой, которой держались сорок лет, и не по особому предпочтению или по блажи, а по непреодолимой силе принципов

и обстоятельств, мы должны хранить в уме, что на почве политики всякое тесное сближение равносильно обязательству. Но кроме того, не представляется ли и неосторожным, и несвоевременным основывать политическую систему на тесном союзе со страной, которая с 1815 года, и помимо всех европейских гарантий, была поприщем трёх революций, одна другой неистовее и демократичнее, среди которых обрушились в 24 часа две династии, твёрже, по-видимому, установленные, чем наполеоновская». При этом в записке дважды повторялось: «В разумных интересах России политика наша не должна переставать быть *монархической и антипольскою*»²⁰. Пожалуй, трудно было яснее выразить стратегическое, «принципиальное» значение русско-австро-прусского союза и предсказать, что станет поводом для следующего острого международного кризиса, с которым Российская империя столкнётся в 1861–1863 гг.

Проницательность Карла Васильевича признавали даже его недоброжелатели. Его записка была опубликована в 1872 г., но когда барон А.Г. Жомини «упомянул о завещании Нессельроде» в официальном отчёте о деятельности МИД в 1855–1880 гг., кн. Горчаков «просил его это пропустить для того, чтобы не говорили, что старый граф канцлер был пророком»²¹.

В последние годы жизни гр. Нессельроде сосредоточился на внутренних проблемах империи, подавая тем самым личный пример исполнения намеченной в 1856 г. программы. Он занимался прежде всего финансовыми и железнодорожными делами и даже успел подготовить М.Х. Рейтерна к назначению на пост министра финансов. Любопытно, что в новых условиях вновь оказались востребованы фритредерские идеи тестя канцлера — гр. Д.А. Гурьева (с. 121). Живо интересовался гр. Нессельроде и подготовкой

крестьянской, судебной и земской реформ, хотя к их проектам он относился с нескрываемым скепсисом (с. 328–329). В книге Таньшиной 1856–1862 гг. освещены ярко, но по необходимости слишком кратко. Видимо, этот период службы графа нуждается в специальном исследовании, в котором будут раскрыты его отношения с деятелями Великих реформ — Александром II, вел. кн. Константином Николаевичем (его, как и императора, престарелый канцлер особо пожелал видеть и «благословил» перед смертью²²), М.Х. Рейтерном, Н.А. Милютиным, А.А. Абазой и их оппонентами.

Н.П. Таньшиной удалось создать живой и выразительный портрет гр. К.В. Нессельроде, представив его «как дипломата, главу внешнеполитического ведомства, управленца, канцлера, хозяйственника и просто человека, мужа, отца и друга» (с. 56–57). Конечно, едва ли набожный англиканин был «русский по духу», как сказано в заключении (с. 340), но он всю свою долгую жизнь достойно служил Российской империи и сыграл в её истории видную роль. Хочется надеяться, что систематическое изучение его биографии только начинается, и книга Н.П. Таньшиной — важный отправной пункт на этом пути. Помимо прочего, она убедительно свидетельствует о том, что даже одна научная работа сильнее полуторавековых предрассудков и стереотипов.

Примечания

¹ *Погодин М.П.* Историко-политические письма и записки в продолжении Крымской войны 1853–1856. М., 1874. С. 83–89, 226. Впрочем, издавая в середине 1870-х гг. свои памфлеты 20-летней давности, Погодин напечатал в качестве приложения и возражения канцлера, незадолго до этого опубликованные в «Русской старине». «Я счёл обязанностью присоединить спокойные, благородные замечания графа Нессельроде на мои горячие обвинения, выражен-

ные в первых трёх письмах, — писал в предисловии историк. — Нельзя не согласиться со многими из них, — судить о других предоставляется читателям» (Там же. С. 8).

² Подробнее см.: *Котов А.Э.* «Современный Алкивиад» С.С. Татищев // *Котов А.Э.* «Царский путь» Михаила Каткова. Идеология бюрократического национализма в политической публицистике 1860–1890-х годов. СПб., 2016. С. 272–307.

³ *Тарле Е.В.* Крымская война // *Тарле Е.В.* Сочинения в 12 т. Т. 8. М., 1959. С. 78–79.

⁴ *Михайлов В.Б.* К.В. Нессельроде. 40 лет во главе Российской дипломатии // *Международная жизнь.* 2001. № 9–10. С. 143.

⁵ *Таньшина Н.П.* Политическая борьба во Франции по вопросам внешней политики в годы Июльской монархии. М., 2005.

⁶ *Таньшина Н.П.* Княгиня Ливен. Любовь, политика, дипломатия. М., 2009; *Таньшина Н.П.* Франсуа Гизо. Политическая биография. М., 2015. См. также: *Таньшина Н.П.* Франсуа Гизо: теория и практика французского умеренного либерализма. М., 2000.

⁷ *Таньшина Н.П.* Карл Осипович Поццо ди Борго // *Вопросы истории.* 2008. № 4.

⁸ *Lettres et papiers du chancelier comte de Nesselrode. 1760–1856. Extraits de ses archives / Publiés et annotés par le comte A.D. de Nesselrode.* Т. 1–11. Р., 1904–1912.

⁹ *Безотосный В.М.* Россия в наполеоновских войнах 1805–1815 гг. М., 2014. С. 238–239. См. также: *Соколов О.В.* Битва двух империй. 1805–1812. СПб., 2012. С. 390–393.

¹⁰ Князь Александр Михайлович Горчаков в его рассказах из прошлого // *Русская старина.* 1883. № 10. С. 159.

¹¹ Подробнее см.: *Милютин Д.А.* Дневник. 1876–1878 / Под ред. Л.Г. Захаровой. М., 2009. С. 403, 432, 453, 488; *Милютин Д.А.* Дневник. 1879–1881 / Под ред. Л.Г. Захаровой. М., 2010. С. 90, 98, 121–122 и далее.

¹² Граф Каподистрия и граф К.В. Нессельрод. 1820–1821 гг. // *Русская старина.* 1884. № 1.

¹³ *Медяков А.С.* История международных отношений в Новое время. М., 2007. С. 191–197.

¹⁴ По свидетельству барона М.А. Корфа, император, напротив, с трудом скрывал злорадство, говоря: «Вот, наконец, комедия сыграна и кончена, и бездельник свергнут. Вот скоро восемнадцать лет, что меня называют глупцом, когда я говорю, что его преступление будет наказано ещё на этом свете, и однако ж мои предсказания уже исполнились; и поделом ему, прекрасно, бесподобно! Он выходит в ту же самую дверь, в которую вошёл» (*Корф М.А.* Записки. М., 2003. С. 411).

¹⁵ *Кривопалов А.А.* Фельдмаршал И.Ф. Паскевич и русская стратегия в 1848–1856 гг. М., 2019.

¹⁶ Записка канцлера графа К.В. Нессельроде о политических соотношениях России // *Русский архив.* 1872. № 2. Стб. 337–344.

¹⁷ Там же. Стб. 342.

¹⁸ Подробнее см.: *Чепёлкин М.А.* Российская дипломатия и итальянский вопрос. 1856–1861. М., 1995.

¹⁹ Записка канцлера... Стб. 342–344.

²⁰ Там же. Стб. 344.

²¹ Дневник В.Н. Ламздорфа (1886–1890) / Под ред. Ф.А. Ротштейна. М.; Л., 1926. С. 76.

²² ГА РФ, ф. 583, оп. 1, д. 3, с. 214–215.

Алексей Инатов

Рец. на: Н.А. Власов. Россия глазами Бисмарка. СПб.: Евразия, 2021. 288 с.

Aleksey Ipatov

(Military Educational and Scientific Center of the Air Force «N.E. Zhukovsky and Y.A. Gagarin Air Force Academy», Voronezh, Russia)

Rec. ad op.: N.A. Vlasov. Rossiya glazami Bismarcka. Saint Petersburg, 2021

DOI: 10.31857/S0869568722050181, EDN: KMEYFP

Доцент Санкт-Петербургского государственного университета Н.А. Власов известен своими работами о германском парламентаризме, франко-прусской войне 1870–1871 гг. и развитии Германской империи в 1871–1890 гг., а также

биографиями кн. О. фон Бисмарка и гр. Г. фон Мольтке¹. В новой книге историк предпринял попытку реконструировать отношение первого канцлера Германии к России. Эта тема уже не раз привлекала внимание исследо-

вателей², однако впервые ей посвящена специальная, пусть и сравнительно небольшая (15 а.л.), монография. Структурно она разделена на две части: в первой подробно изложены «теория и методология исследования» (с. 23–98), а во второй уже непосредственно раскрывается авторская интерпретация представлений Бисмарка о России (с. 99–260).

Первая часть включает три главы. Прежде всего, Власов характеризует роль «мировоззрения» и «убеждений» политиков в исторических процессах и методы их изучения. По мнению учёного, «единственным способом полноценной реконструкции взглядов деятеля прошлого является изучение его текстов (в том числе дошедших до нас при посредничестве третьих лиц) и решений» (с. 31). Впрочем, очевидно, что слова, написанные или сказанные кому-либо, в равной мере могли как выражать, так и скрывать мысли, истинные побуждения и мотивы. Причём это относится и к публичным выступлениям, и к конфиденциальным высказываниям, всякий раз требующим проверки и критики. Для этого в книге применяются такие методы, как качественный контент-анализ, когнитивное картирование и «обоснованная теория» (описанию особенностей и целесообразности использования каждого из них посвящено несколько страниц).

Во второй главе говорится про «методику анализа текстов Отто фон Бисмарка» и тот впечатляющий «массив данных», извлечённых из разнообразных источников, который составляет фундамент работы (с. 52–71). Власов опирается на «10285 текстов — от коротких телеграмм до больших мемуарных произведений», включающих «842 высказывания» о России 1848–1897 гг. Оценивая их надёжность, автор выделил три категории. Так, ««красная» категория состоит из

цитат, относительно точности (а порой и общей достоверности) которых полной уверенности не существует». К ней отнесены все отзывы Бисмарка, дошедшие в пересказе третьих лиц, в том числе и вполне заслуживающих доверия (всего — 253). «“Жёлтая” категория» — 142 фразы, «бесспорно принадлежащие Бисмарку дословно» (например, фрагменты писем или речей), содержание которых «обусловлено текущим политическим моментом и поэтому не может являться основанием для прямых выводов» о его взглядах. Наконец, «третья (“зелёная”) категория включает в себя высказывания, бесспорно принадлежащие Бисмарку дословно и не продиктованные требованиями момента» (с. 60–62, 67). Таковых автор насчитал 447. «Таким образом, — заключает Власов, — больше половины использованных цитат являются достоверными, точными и недетерминированными конкретным контекстом» (с. 67). При этом учёный и сам сознаёт условность проведённого разделения и то, что любое суждение «о том, в какой степени содержание того или иного высказывания было обусловлено контекстом его появления, во многих случаях может оказаться спорным» (с. 62).

Неслучайно «вторым параметром сортировки» собранного материала стало его распределение по 15 «частично пересекающимся» тематическим блокам (они также названы «категориями», что способно немного запутать читателя). Так, 254 цитаты попали в рубрику «государство», 229 — «российско-германские отношения», 127 — «элита», 122 — «общество (общественное мнение и его носители — образованные средние слои)», 114 — «Россия в международных отношениях», 96 — «практики», 85 — «война (вооружённые конфликты с участием России — как реальные, так и гипотетические)», 62 — «нация (особенности национального

характера)», 59 — «страна», 47 — «русские немцы», 40 — «народ (оценочные суждения, касающиеся “простого народа” — крестьян, рабочих, городских низов)», 32 — «поляки (всё, связанное с поляками и “польским вопросом” в российской политике)», 31 — «армия», 22 — «экономика», 13 — «личное (прямые высказывания Бисмарка о его личном отношении к России)» (с. 63–64, 67).

Приводит автор и «хронологическую последовательность» отзывов, которые оказались «распределены по годам и периодам жизни Бисмарка достаточно неравномерно»: в 1848–1858 гг. — 29, 1859 г. — 31, 1860 г. — 12, 1861 г. — 36, 1862 г. — 16, 1863–1866 гг. — 16, 1867 г. — 28, 1868 г. — 29, 1869 г. — 15, 1870 г. — 24, 1871–1875 гг. — 39, 1876 г. — 20, 1877 г. — 38, 1878 г. — 21, 1879 г. — 89 (из них 27 датированы 5–7 сентября), 1880–1886 гг. — 167, 1887 г. — 67, 1888 г. — 46, 1889 г. — 15, 1890 г. — 21, 1891–1897 гг. — 80 (почти половина — в написанных тогда мемуарах) (с. 67–69). Эту явную несоразмерность историк объясняет не столько отбором и группировкой данных, сколько должностным положением Бисмарка в тот или иной момент и «репрезентативностью источниковой базы», т.е. фиксацией его заявлений в сохранившихся документах (с. 69).

В третьей главе показано формирование представлений Бисмарка о России. При этом учитывается влияние на него не только непосредственных впечатлений, полученных во время пребывания на посту прусского посланника в Петербурге в 1859–1862 гг., но и господствовавших в Германии в 1830–1850-х гг. стереотипов, вышедшей в те годы литературы (в том числе известного памфлета маркиза А. де Кюстина) и общения с остзейцем гр. А. Кейзерлингом, которого сам Бисмарк в 1879 г. называл своим «старейшим и ближайшим другом»

(с. 73–90). Вместе с тем, справедливо полагая, что «люди с разными взглядами будут по-разному оценивать одну и ту же информацию» (с. 90), Власов бегло очерчивает «контекст мировоззрения» Бисмарка: его преимущественно консервативные убеждения, монархические симпатии при довольно прохладном отношении к религии, приверженность идеалам сельской глубинки и неприязнь к урбанизации и крупным городам, прусский патриотизм с элементами немецкого национализма, уверенность в приоритете военно-экономической мощи государства в международных делах (с. 91–95). Всё это в той или иной мере сказывалось на восприятии «железным канцлером» российских реалий.

В четвёртой главе «Россия и русские» речь идёт о бисмарковских суждениях о пространстве соседней империи, о славянах и национальных особенностях русского народа. В целом, в его словах встречался примерно тот же набор клише, что и у других иностранцев: север, холод, снег, зима. Правда, побывав в Москве, прусский посланник написал, что «цвет этой страны — зелёный». В самом городе ему почудилось нечто «мавританское». Вероятно, русское казалось ему всё же скорее чем-то азиатским, нежели европейским. Любопытно наблюдение автора о том, что с 1860-х гг. Бисмарк стал уподоблять Россию не медведю, а слону. Согласно предположению Власова, этот образ напоминал одновременно как о «величине и мощи», так и о «неуклюжести и неповоротливости» (с. 103–104).

Как известно, в своих «расовых» воззрениях (Власов называет их даже «расовой теорией» Бисмарка), хотя сам «теоретик», как затем выясняется, «никогда систематически не излагал» её положения, воспроизводя расхожие мнения своего времени) создатель Второго рейха делил народы на «муж-

ские» — к ним, несомненно, относились немцы, — и «женские», к которым он причислял славян и кельтов (с. 105–110). Кроме того, он неоднократно отмечал такие черты русских, как самовлюблённость, обидчивость, лживость, лицемерие, двуличие и переменчивость, эксцентричность. Вместе с тем он указывал на их любезность и обходительность, элегантность и подвижность, инстинктивный ум и рассудительность, неприхотливость и лояльность к власти (с. 111–121).

В пятой, самой большой по объёму, главе книги анализируется сказанное Бисмарком о различных социальных группах Российской империи — простонародье, средних слоях, элите, а также о поляках и русских немцах, которым он приписывал многие достижения династии Романовых. Особое внимание уделено общественному мнению и деятельности нигилистов. В ней Бисмарк усматривал серьёзную опасность, особенно в сочетании с иллюзорными надеждами общественности на конституционные преобразования. «Все образованные русские, с которыми я говорил в последние недели, — писал он кронпринцу 23 мая 1881 г. (т.е. уже после манифеста о незыблемости самодержавия, подписанного Александром III 29 апреля), — ожидают немедленного исцеления всех своих недугов в случае введения конституции. Национальное легкомыслие мешает даже самым рассудительным из них подумать о том, каким же образом конституция сможет разрешить все проблемы империи». В том же письме канцлер сожалел о «болезненном стремлении русских считать столь же цивилизованными, как жители Западной Европы» (с. 132–133).

Конечно, «этот комплекс неполноценности по отношению к Западу» играл свою роль. Но едва ли он вызывал бы у Бисмарка такое раздраже-

ние, если бы не осознание того, что создание в Петербурге тех или иных представительных учреждений непременно дало бы ход набирающим влияние в обществе «патриотическим» и «панславистским» силам, которые в Берлине не без основания подозревали во враждебности как к Германии, так и к русским немцам (с. 134–135, 139). Именно поэтому нигилизм, конституционализм, панславизм, крайний национализм и шовинизм зачастую представлялись германскому канцлеру в виде «родственных», хотя пока «ещё не тождественных» течений, подпитывавших друг друга и активно использовавших для достижения своих целей печать (с. 161–162).

Судя по книге Власова, отзывы Бисмарка о русской прессе были крайне противоречивы. В августе 1876 г. для него не являлось секретом, что Александр II «находится в необычайно трудной ситуации под давлением общественного мнения». В 1879 г. Бисмарк прямо утверждал, что общество и печать втянули Россию в 1877 г. в войну с Турцией, которую император до последнего момента желал избежать. При этом в октябре 1878 г. он заявлял, что «российская пресса инспирирована не русскими, а евреями, поляками и другими антигерманскими элементами» (с. 138–139). Но уже в апреле 1880 г. канцлер писал послу в Петербурге Л. фон Швейницу, что «русская пресса есть в известном смысле правительственный институт». Осенью 1886 г. ему казалось, что ведущие издания «правительство полностью держит в своих руках» (с. 140). Однако в январе 1887 г. говорил нечто прямо противоположное: из его слов следовало, что не государство руководит прессой, а наоборот, «настроение влиятельного московского общества во главе с газетой [М.Н.] Каткова оказывают большее влияние на решения императора». А в феврале «Московские ведомости»

виделись ему и вовсе «чем-то вроде параллельного правительства». Между тем в 1860–1870-е гг. он считал их, как пишет Власов, «средоточием российской националистической оппозиции» (с. 138–139).

Размышляя над вопросом «Что же Бисмарк думал на самом деле?», автор полагает: «Очевидно, мы можем хотя бы отчасти решить эту задачу, введя в уравнение третью величину — представителей российской элиты, в том числе высокопоставленных государственных деятелей, поддерживавших “московитскую” партию... Их покровительство позволяло прессе активно выступать с требованиями, характерными для данной партии, и оказывать определённое влияние на позицию монарха» (с. 141–142). Но действительно ли об этом «Бисмарк думал на самом деле»? Подобное утверждение по меньшей мере спорно и проблематично. Между тем при решении данного «уравнения» следовало бы просто учесть, что положение различных изданий (в том числе их связи с сановниками и степень воздействия на царя) постоянно менялось в зависимости от множества обстоятельств. Бисмарк же «думал» не о том, чтобы дать ту или иную внутренне непротиворечивую и вневременную оценку печати, а о том, какую именно роль она играет в текущий момент и чем это может грозить или служить его политике.

В полной мере это относилось не только к прессе, но и к суждениям о российской элите, самодержцах, государственных деятелях, осуществлявшихся или планировавшихся ими преобразованиях и т.п., о чём Власов рассказывает в шестой главе (с. 166–199). Впрочем, у Бисмарка можно обнаружить и не зависевшие от конъюнктуры пристрастия и антипатии: неприязнь к полякам (с. 143–146) и бюрократии — не только российской,

но и немецкой (с. 157–164, 179–188), осуждение русификации остзейских губерний и симпатии к русским немцам, которым, по его мнению, в России завидовали, не ценя их заслуг (с. 146–154). Весьма последовательно Бисмарк бичевал и такие «практики», как воровство, обман, перлюстрация, подобострастное чиновничество и грубость к нижестоящим, слепое повиновение приказам и т.п. (с. 195–199).

В седьмой главе «Россия — сосед Германии» собраны высказывания Бисмарка о месте и роли Российской империи в системе международных отношений (с. 200–209), а также о взаимодействии и возможности вооружённого столкновения Берлина и Петербурга (с. 210–238). До 1878 г. оно казалось маловероятным, а Россия изображалась германским канцлером как одно из наиболее миролюбивых государств Старого Света. Затем под влиянием «военной тревоги» 1875 г. и восточного кризиса 1875–1878 гг. он, напротив, стал всячески нагнетать ощущение российской угрозы, добиваясь от Вильгельма I согласия на заключение союза с Австро-Венгрией. Тем не менее нельзя не согласиться с автором в том, что и до, и после этого «стремление к поддержанию хороших отношений с Россией действительно было важной составной частью как мировоззрения, так и политической практики “железного канцлера”» (с. 215). Более того, как следует из восьмой главы, в которой Власов прослеживает эволюцию отношения Бисмарка к России и выявляет характерные черты, определявшие восприятие им соседней «полуварварской нации» (с. 239–260), это стремление оставалось «стабильным», хотя и «не содержало в себе ни грамма симпатии и было к тому же отнюдь не безусловным» (с. 244–245). Весьма характерно, что «в текстах “железного канцлера” можно при желании обна-

ружить десятки как условно “русифильских”, так и условно “русифобских” высказываний» (с. 12).

В кратком послесловии (с. 261–264) автор намечает перспективы дальнейшего исследования темы: «изучение представлений Бисмарка о других европейских странах и народах — англичанах, французах, поляках и, наконец, самих немцах», сопоставление его взглядов «с соответствующим германским дискурсом той эпохи» для выявления степени их оригинальности, а также специфики образа России в немецком общественном сознании второй половины XIX в., наконец, анализ бисмарковских апокрифов и причин их популярности и актуальности «в современной исторической памяти». Тут, по мнению Власова, Бисмарк, наряду с У. Черчиллем, принадлежит к числу тех, кого «можно назвать “не-другом”»: «К этому типу в массовом сознании относятся зарубежные государственные и военные деятели, которые не были друзьями России и относились к ней в целом негативно, однако уважали, побаивались и иногда даже невольно восхищались выдающимися качествами страны и народа. В силу того, что это уважение и восхищение не было основано на симпатии, оно предстаёт в качестве в высшей степени объективного суждения» (с. 263).

Проблема, правда, в том, что, как видно из книги Власова, многие оценки и отзывы Бисмарка зачастую лишь воспроизводили сложившиеся в Европе стереотипы и предрассудки или отражали чуткую реакцию на меняющуюся конъюнктуру русско-германских отношений. Именно эта способность улавливать её, используя затем в своих интересах, и заставляет говорить о Бисмарке как о «знатоке» России. Но поэтому же, для того чтобы «понять Бисмарка», необходимо, но не-

достаточно пересчитать и систематизировать его высказывания и даже сопоставить их с «соответствующим дискурсом». Не менее важно соотнести их с теми российскими реалиями (прежде всего политическими), которые в них схватывались и преломлялись. В них важно увидеть не только монологически завершённую «оценку», а реплику в диалоге, обращённую к «собеседникам» как с российской, так и с германской стороны. В книге Власова, при всех её неоспоримых достоинствах, не хватает именно этого «диалогического» контекста. Это, разумеется, не умаляет ценности проделанного Н.А. Власовым труда, но лишь свидетельствует о том, что поле для последующей разработки освещённого им сюжета гораздо обширнее, чем заявлено в послесловии.

Примечания

¹ Власов Н.А. У истоков германского парламентаризма. Проблема имперского военного закона 1871–1874. СПб., 2006; Власов Н.А. Великий Бисмарк. Железом и кровью. М., 2011; Власов Н.А. Гельмут фон Мольтке — полководец индустриальной эпохи. СПб., 2011; Власов Н.А. Германия Бисмарка. Империя в центре Европы. СПб., 2018; Бодров А.В., Власов Н.А. Железо и кровь. Франко-германская война. СПб., 2019.

² Подробнее см.: Александренко В. Князь Бисмарк и Россия // Русская старина. Т. 100. 1899. № 12. С. 569–581; Гольде Б.Э. Петербургская миссия Бисмарка 1859–1862 гг. Россия и Европа в начале царствования Александра II. Прага, 1925; Сказкин С.Д. Конец австро-русско-германского союза. Исследование по истории русско-германских и русско-австрийских отношений в связи с восточным вопросом в 80-е годы XIX столетия. Т. 1. М., 1928; Изд. 2. М., 1974; Дегоев В.В. Россия и Бисмарк // Звезда. 2003. № 7. С. 128–155; Дударев В.С. Петербургская миссия Отто фон Бисмарка. 1859–1862. Дипломатическая ссылка или политический успех? СПб., 2013; Медяков А.С. «Наш Бисмарк»? Россия в политике и взглядах «железного канцлера» Германии // Российская история. 2015. № 6. С. 63–84. В 2021 г. появилось ещё одно монографическое исследование: Дударев В.С. Бисмарк и Россия. 1851–1871. СПб., 2021. Но оно не охватывает 1870–1890-е гг.

Татьяна Филиппова

«Враг, враг друга, друг врага». Российская сатирическая графика в период Балканского кризиса 1875–1878 гг.*

Tatiana Filippova

(Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow)

«Enemy, enemy of a friend, friend of an enemy». Russian satirical graphics during the Balkan crisis of 1875–1878

DOI: 10.31857/S0869568722050193, EDN: KMSHYZ

Выход в свет монографии О.В. и С.А. Кочуковых, посвящённой анализу такого интересного и содержательного источника, как политическая карикатура, — яркое событие в современной историографии, для которой характерно повышенное внимание к визуальной информации. На материале сатирической графики авторы с помощью политико-культурологического и литературоведческого инструментария стремятся выявить семантику и способы формирования образов «врага» и «друга» в идеологическом противостоянии в Европе при резком обострении международных отношений в 1875–1878 гг. Перед читателями предстаёт многоплановая картина борьбы мнений, позиций, приёмов, применявшихся российскими журналами в «войне карикатур» (зооморфизм, гиперболизация, метафорический перенос, в определённой степени — гендерная визуализация образов «своего» и «чужого»). Как отмечают исследователи, это было опасное для противника «оружие», использование которого свидетельствовало о серьёзной «работе над ошибками», проведённой в отечественной печати после Крымской войны.

Характерно, что «в пространстве «информационных атак» российской стороны в “журнальных войнах” на первом месте оказалось противо-

ставление бескорыстной освободительной миссии России корыстной “политике интересов” европейских стран. Визуальные технологии журнальной графики были направлены на утверждение образа справедливой, благородной и жертвенной войны России за свободу братьев-славян и за православную веру. При этом средствам сатирической графики была уготована ключевая роль в создании образа врага, который был представлен как “враг с Востока” (турки-угнетатели славян) и “враг с Запада” (разжигающие их воинственность европейские политики)» (с. 276–277). Тут невольно вспоминается турецкая поговорка: «Враги делятся на три разряда: враг, враг друга, друг врага».

Конечно, некоторые сюжеты, формы и способы интерпретации внешнеполитических событий второй половины XIX — начала XX в. передавались российскими сатириками, фельетонистами и карикатуристами «по наследству», из поколения в поколение. В отечественной печати сформировались устойчивые традиции политико-культурной трактовки образа Турции и турка как «инога», «чужого», «соседа», «врага» и... «жертвы» алчных европейцев. Такие сюжеты (а во многом — стереотипные инвективы), как «восточные зверства», подстрекательство западных держав в русско-турецких конфликтах,

* Кочукова О.В., Кочуков С.А. Россия и Балканский кризис 1875–1878 гг.: сатирическая графика в «журнальных войнах». Саратов: Техно-Декор, 2021. 292 с., ил.

отсталость Османской империи как причина жестокости её властей, постоянно присутствовали в прессе и даже имели собственные рубрики («Турецкие зверства», «Лукавые доброжелатели», «Ужасы на Босфоре» и т.д.). Но со временем, под влиянием Младотурецкой революции 1908 г. и последовавших за ней преобразований, в условиях небывалой военно-политической и финансово-экономической активизации Германии и Австро-Венгрии и при эскалации неизбежного распада некогда могущественной Османской империи под ударами её недавних подданных, изображение Турции российскими карикатуристами менялось, утрачивая прежнюю фобийность и однозначность. Вероятно, сказывалась общность проблем двух исторически враждовавших между собой соседних государств, столкнувшихся с реалиями ускоренной модернизации и дестабилизации внутренней жизни, с национальными движениями на окраинах и эгоистическим прагматизмом Запада. Всё это заставляло и русское, и турецкое общества задумываться о том, *кто* же на деле является противником и *откуда* следует ждать реальной угрозы...

В 1875–1878 гг. подобные прозрения лишь изредка посещали сатириков. Но сама эта интеллектуальная тенденция, тогда ещё только зарождавшаяся, а в полной мере раскрывшаяся уже в 1912–1914 гг.¹, точно выявлена Кочуковыми, проявившими незаурядную исследовательскую интуицию и мастерство междисциплинарного анализа семантического многослойного материала. Именно благодаря их монографии теперь можно увидеть и оценить тот большой путь, который был пройден отечественными художниками, фельетонистами и поэтами за несколько десятилетий.

Диапазон европейской (британской, французской, германской, ав-

стрийской) сатирической печати простирался в 1870-х гг. от откровенной, жёсткой русофобии и банальной пропаганды, привычно уподоблявшей поведение России на Балканах повадкам дикого «медведя» или столь же цивилизованного «казака», до весьма критических выпадов отдельных журналистов против восточной политики, проводившейся правительствами и элитами их стран. В те годы, в отличие от начала XX в., когда взаимное ожесточение империй в борьбе за мировое доминирование стало необратимым, неумолимо приближая катастрофу 1914 г., в ряде случаев наблюдалось даже смысловое сближение позиций русских и зарубежных карикатуристов, «прежде всего – в сфере противопоставления мотивов гуманности и человеколюбия корыстолюбию и нечистоплотности политики как таковой». По словам историков, «острие сатиры направлялось против тривиального стремления к разделу сфер влияния и алчности территориальных претензий, закрытости от общественности самого процесса выработки внешнеполитических решений, против двойных стандартов, лавирования и манипулирования ценностями и идеалами. Порой карикатуристы давали политикам дельные советы – например, отвлекаться от международной борьбы и риторики враждебности и пристальнее присмотреться к собственным, внутренним общественным проблемам» (с. 280).

Исследование Кочуковых свидетельствует и о том, что «сатирическая графика российских и европейских журналов в период Балканского кризиса 1875–1878 гг. была не только одним из ярких центров информационного противостояния самостоятельных и в разной мере успешных проектов “войны карикатур”, но и способом самоидентификации общественных настроений в различных странах, а вза-

имный обмен сюжетами, тематикой и образами политической карикатуры стал важным условием получения информационного преимущества в «журнальных войнах» за общественное мнение» (с. 281). Это способствовало смысловому и культурному расширению пространства европейской журналистики, в котором уверенно завоевывали своё место отечественные издания. Вместе с тем на основе тогдашней печати авторы создали своеобразный культурно-психологический портрет русского общества 1870-х гг. Расколотившееся противоречиями пореформенного времени, оно, поверив в свою миссию на Балканах, ненадолго обрело объединившую всех мечту о свободе и единстве славянского мира, в которой сошлись различные по своей природе имперские, национальные, религиозные, культурные и гуманистические ценности эпохи.

Можно лишь сожалеть, что книга такого научного уровня содержит исключительно чёрно-белые иллюстрации. Ведь цвет в русской карикатуре

часто являлся знаковым, смысловым, «говорящим», эмоционально и содержательно насыщенным элементом, заслуживающим особого семантического анализа и трактовки. Хочется надеяться, что, несмотря на очевидные затраты, при переиздании монографии, а равно и в следующих работах авторов, многокрасочные рисунки будут качественно воспроизведены со всеми оттенками оригинала.

Написанное ярко и интересно, высокопрофессиональное исследование О.В. и С.А. Кочуковых, безусловно, найдёт своего читателя не только в академической среде. Оно будет полезно для преподавателей и студентов, привлечёт внимание всех, интересующихся историей и культурой России, а также любителей и ценителей жанра политической карикатуры.

Примечание

¹ Подробнее см.: Филиппова Т.А. «Враг с востока». Образы и риторика вражды в русской сатирической журналистике начала XX века. М., 2012.

Федор Селезнев

Советское руководство, Германия и Брестский мир: публикация новых документов*

Fedor Seleznev

(National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Russia)

Soviet leadership, Germany and the Brest Peace: publication of new documents

DOI: 10.31857/S086956872205020X, EDN: KMUEDB

Историография Брестского мира существенно обогатилась. В новом сборнике документов «Брестский мир: пролог, заключение, итоги» освещены

переговоры в Брест-Литовске, структурирование советской мирной делегации из Петрограда, внутривластная борьба, вызванная обстоятель-

* Брестский мир: пролог, заключение, итоги. Сборник документов / Отв. сост. А.В. Репников; сост. А.В. Борисова; при участии Б.С. Котова и Л.В. Ланника. М.: Политическая энциклопедия, 2022. 839 с.

ствами заключения и соблюдения договора с Германией. Показано в нём и развитие отношений Советской России с кайзеровской Германией после подписания мира, в частности, приведено состоявшееся между ними в августе 1918 г. дополнительное соглашение. Но, к сожалению, в книге не отражены две темы, важные для характеристики взаимодействия Москвы и Берлина в «постбрестский» период, а именно — реакция официальных лиц рейха на расстрелы представителей династии Романовых и причастность советских дипломатических структур к подготовке революции в Германии.

Часть включённых в сборник документов, например, знаменитый «Декрет о мире», хорошо известны. Однако, по мнению составителей, подобные хрестоматийные тексты помогают читателям лучше понять динамику событий (с. 13). Действительно, отобранные ими материалы позволяют последовательно проследить ход российско-германских контактов от Октябрьской революции до денонсации Брестского мира. Такая подборка будет прекрасным подспорьем для преподавателей и студентов, учителей истории. В то же время около 70% входящих в неё документов (из РГАСПИ и АВП РФ) публикуются впервые и, несомненно, вызовут значительный интерес в научном сообществе.

Так, весьма любопытно письмо, отправленное 20 декабря 1917 г. (2 января 1918 г.) Л.Д. Троцким советскому полпреду в Скандинавии В.В. Воровскому. Возмущённый нарком по иностранным делам сообщил ему о тайных контактах немецкой делегации, присланной в Петроград для подготовки технической стороны будущего договора, с депутатами ещё не открывшегося Учредительного собрания. Троцкий не сомневался, что если бы большевики отклонили предъявленные им из Берлина условия, то «без-

работные дипломаты Учредительного собрания немедленно же предложили бы свои услуги для продолжения этих переговоров» (с. 74). Это существенно расширяет сложившиеся в историографии представления о причинах разгона Учредительного собрания и поясняет, почему государства Антанты так спокойно отнеслись к этому событию¹.

Троцкий, судя по его письмам к Воровскому, «ни в коем случае» не собирался «занимать примирительную позицию» и принимать немецкие требования «исключительной наглости». Он намеревался использовать возникшую мирную передышку для воздействия на войска противника. «Усугубляем нашу агитацию, — информировал полпреда нарком. — Радек стал во главе нашей ежедневной немецкой газеты для фронта. Там мы будем беспощадно разоблачать подлую махинацию немецкой дипломатии и требовать от немецких солдат самостоятельного решения вопроса» (с. 75).

Привлекают внимание донесения от советского полпреда в Берлине А.А. Иоффе. В них содержались разнообразные сведения, анализировалась реакция германских властей на те или иные действия большевиков, выдвигались смелые предположения геополитического характера. Так, 18 июня 1918 г. Иоффе уведомил наркома по иностранным делам Г.В. Чичерина о том, что Германия «готовится к многолетней войне с Англией» и поэтому ей «важен Кавказ как путь к Туркестану, а оттуда в Индию». В связи с этим рекомендовалось «завязать серьёзную интрижку с Англией и доказать англичанам, что им вовсе не выгодно ослаблять нас или сориться с нами, ибо в этом случае мы действительно можем с отчаяния броситься в объятия немцев и пропустить их через Туркестан» (с. 445). В начале июля полпред вновь советовал «использовать все выгоды нашего положения как по-

следней преграды германского пути в Индию» (с. 478). В августе в записке, адресованной В.И. Ульянову (Ленину), Л.Д. Троцкому, Я.М. Свердлову и Г.Е. Зиновьеву, он повторял, что не сомневается в том, что «военная партия» рейха «готовит поход на Индию через Россию» (с. 519). Правда, по мнению составителей сборника, в данном случае «А.А. Иоффе сильно преувеличивал» (с. 654). Однако сами они цитируют ранее высказывания высокопоставленных немецких военных о возможности удара по Индии (с. 640).

Сборник ценен ещё и тем, что отражает степень влияния отдельных членов советского правительства и, в частности, И.В. Сталина, чья роль на рубеже 1917–1918 гг., судя по данной публикации, была более значительной, чем принято обычно считать. Донесения из Бреста о ходе переговоров направлялись «наркомам Ленину и Сталину» (с. 180). Более того, принимая важные решения, Ленин консультировался со Сталиным. «Мне бы хотелось посоветоваться сначала со Сталиным, прежде чем ответить на Ваш вопрос», — говорил он 15(28) января 1918 г. по прямому проводу в Брест Троцкому (с. 114). Именно Сталин курировал украинские дела: председатель ЦИК Советской Украины В.П. Затонский посылал телеграммы «т. Сталину лично» (с. 93).

В предисловии к сборнику удачно охарактеризовано развитие советско-германских отношений с ноября 1917 г. по ноябрь 1918 г. (с. 3–11), включая и их украинский аспект, который очерчен кратко, но содержательно, с опорой на новейшую литературу. В самом сборнике детали возникновения независимого украинского государства раскрываются довольно подробно. Как пишут составители, задача, стоявшая перед большевиками в Бресте, «осложнилась тем, что в переговорах сначала неофициально, а затем с согласия делегации России участвовали делегаты

Центральной рады — верховного органа власти Украинской народной республики (УНР), объявившей о своей независимости и признанной советским правительством в декабре 1917 г.» (с. 7). Впрочем, слова о том, что Совнарком уже в декабре 1917 г. признал независимость Украины, требуют уточнения. Её статус на тот момент определял Третий универсал Центральной рады, принятый 7(20) ноября 1917 г. Однако в нём особо оговаривалось, что УНР не отделяется от «республики Российской», а будет частью этой «федерации равных и свободных народов». Именно так УНР и воспринимали в Петрограде. Поэтому её представителя пригласили в состав общероссийской мирной делегации, которой после объявленного 22 ноября (5 декабря) 1917 г. перерыва предстояло возобновить переговоры о перемирии с Германией и её союзниками². При этом в ноябре 1917 г. СНК поддерживал связь с Центральной радой, стремясь не допустить её сотрудничества с Донским правительством А.М. Каледина.

После разрыва с Радой большевики попытались лишить её власти, используя для этого созданный по их инициативе в Киеве 4(17) декабря I Всеукраинский съезд советов. В тот же день СНК направил ему манифест, в котором объявлял о признании УНР и её права «совершенно отделиться от России или вступить в договор с Российской республикой о федеративных или тому подобных взаимоотношениях». Но, естественно, это ещё не означало признания независимости, о которой тогда не заявляла и Центральная рада. Ожидалось, что манифест обеспечит партии Ленина поддержку Всеукраинского съезда советов, однако депутаты-большевики оказались в меньшинстве и были вынуждены его покинуть. Тогда вместе с частью украинских левых эсеров и меньшевиков они переехали в Харьков, где 11–12(24–25) декабря

провели альтернативный Всеукраинский съезд советов, который и принял решение о создании Украинской народной республики советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, являющейся частью Российской республики (с. 7).

Таким образом, в декабре 1917 г. существовали две Украинских народных республики — одну возглавляла Центральная рада, другую — ЦИК харьковского съезда советов. Наставившая на том, что только ЦИК правомочен представлять Украину в Бресте, большевики номинально передали под его власть значительную часть подконтрольных им территорий бывшей Российской империи. 29 декабря, накануне специального пленума Брестской конференции по признанию делегации украинского правительства, Сталин говорил по прямому проводу Л.М. Карахану, участвовавшему в переговорах: «Рада ещё не свергнута, но близка к этому. Её власть ограничивается пределами Киевской губернии». Между тем под управлением «Всеукраинского» ЦИК находились Черниговская, Харьковская и Екатеринославская губернии, весь Донецкий бассейн, две трети Полтавской и почти вся Херсонская губ., с Одессой и Николаевым. Ссылаясь на это, наркомнац делал вывод: «Рада данного состава не может [быть] названа правительством Украины. Во всяком случае, с гораздо большим правом может и должен быть привлечён в мирную делегацию представитель ЦИК» (с. 81). Соответственно 8(21) января 1918 г. советский полпред Иоффе обратился к главе германской дипломатии Р. фон Кюльману с просьбой признать полномочия делегатов Народного секретариата Украинской народной республики советов — В.М. Шахрая и Е.Г. Медведева, которые по их желанию были включены в состав российской мирной делегации (с. 672). Сама же Советская Украина, чьи представи-

тели присутствовали на открывшемся 10(23) января в Петрограде III съезде советов, была провозглашена частью Российской Федерации.

Однако Германия, пережившая голодную («брюквенную») зиму 1916/17 г. и жизненно нуждавшаяся в поставках продовольствия, была заинтересована в собственном контроле над Украиной, следовательно, и в её независимости от России. Поэтому в Берлине сделали ставку на Центральную раду, пригласив её представителей на переговоры в Брест. После консультаций с немцами 9(22) января появился Четвёртый универсал Генерального секретариата Центральной рады, провозгласивший «самостийную» Украинскую республику. Советская Россия не признала её субъектом международного права. Как телеграфировал Ленину и Сталину Карахан, уполномоченным центральных держав было заявлено: «Независимо даже от государственного правового положения Украины как составной части Российской Федерации — остаётся во всей своей силе тот факт, что Украина территориально не отмежёвана от России и, следовательно, никакие соглашения с Украиной не могут иметь силы без признания их российской делегацией» (с. 180).

Тем не менее 27 января (9 февраля) Германия заключила сепаратный мир с УНР. Троцкий сразу же дал понять Кюльману, что этот договор неправомерен, поскольку Украина является частью Российской Федерации (с. 675). Однако, поскольку убедить в этом немцев не удалось, а признание независимости Украины стало одним из условий соглашения, Троцкий 28 января (10 февраля) отказался от подписания аннексионистского договора, объявил состояние войны с Германией прекращённым, а русскую армию демобилизованной.

В новой ситуации у «Советской Украины» уже не оставалось перспек-

тив, так как территория, объявленная большевиками украинской, отходила под власть Центральной рады, находившейся под покровительством Германии. Поэтому отношение большевистского руководства к статусу Донбасса, Новороссии и Слобожанщины изменилось. 30 января (12 февраля) в Харькове на VII областном съезде советов рабочих депутатов Донецкого и Криворожского бассейнов была учреждена Донецко-Криворожская республика, включавшая Харьковскую, Екатеринославскую и Таврическую губернии (без Крыма). В Херсонской губ. 18(31) января создали Одесскую советскую республику. Оба государственных образования признали себя частью Российской Федерации, и на этом основании большевики пытались предотвратить оккупацию их территории германскими войсками. Так, 18 марта заместитель наркома по иностранным делам Чичерин послал в МИД Германии радиogramму с протестом против занятия Одессы, которая «не входит в пределы Украины» (с. 300).

В конце мая в Киеве начались советско-украинские переговоры. На них представители Москвы стремились удержать всё, что казалось возможным, а также определить общие принципы проведения границы между Украиной и Россией (с. 516–517). Заботились об этом и дипломаты в Берлине. Иоффе в записке, составленной 29 июля, напомнил, что Украина в Четвёртом универсале «сама установила свои границы без Крыма, и то же подтвердили немцы в ноте от 29 марта» (с. 501). В советских предложениях по Добавочному договору к Брестскому миру, датированных 29 июля, условием урегулирования русско-украинских отношений считались отказ Киева от притязаний на четыре северных уезда Черниговской губ., Курскую губ. и Крым, «признание российской территорией района железной дороги Мариуполь—Славянск

и всех территорий к востоку от неё», а также дороги Волчанск—Лисичанск (с. 505). Непреодолимым препятствием при согласовании границы между двумя странами стало признание Украиной Донской республики атамана П.Н. Краснова (с. 550) и независимого Крыма, тогда как СНК исходил из того, что «Крым, как и Донская область, составляют части Российской республики» (с. 558–559).

В археографическом предисловии убедительно объяснён принцип отбора и группировки документов (с. 12–17). Хотя, возможно, в нём следовало бы охарактеризовать и те фонды РГАСПИ и АВП РФ, из которых они были извлечены.

В виде приложения к сборнику составители поместили дневниковые записи М.Н. Покровского о переговорах в Брест-Литовске (с. 590–608). Однако они публиковались ранее, и необходимость их включения в книгу представляется спорной. Краткая библиография работ, изданных на русском языке, содержит практически все основные публикации по теме. К сожалению, осталась забыта лишь небольшая, но весьма информативная статья А.И. Рупасова и А.Н. Чистикова о планах германского командования захватить Петроград в июле–сентябре 1918 г.³ Украшением сборника являются воспроизведённые в нём редкие фотографии из фондов РГВА и РГАСПИ, с точным указанием мест их хранения.

Гораздо полезнее для читателей будут подробный «Именной комментарий» с биографиями упоминаемых в документах лиц и «Хроника основных событий» с 25 октября 1917 г. по 13 ноября 1918 г. Помимо прочего, она помогает восстановить последовательность документов, которая в основной части сборника иногда сбивается из-за их датировки только по новому стилю (с. 189). Кроме того,

некоторые документы датированы слишком широко. Например, телеграфные переговоры А.М. Коллонтай и П.Е. Дыбенко отнесены к периоду с февраля по ноябрь 1918 г. (с. 307–309). Между тем, судя по упоминанию в них утренней телеграммы в Берлин о согласии подписать мир, они происходили 18–20 февраля 1918 г. Документ № 195 («К вопросу о возобновлении торговых сношений между Россией и Германией») помещён почему-то среди текстов февраля–марта, хотя речь в нём идёт о событиях «конца мая и всего июня» (с. 309). Документ № 302 (записка Иоффе в НКВД с подробной характеристикой ситуации в Германии) неверно датирован «июнем или началом июля 1918 г.». При этом в нём упомянуто, что Кюльман «всё ещё в Бухаресте» (с. 466), а он ездил туда для заключения мира с Румынией, подписанного 7 мая. Тут же сказано о только что прошедшем праздновании 1 мая. А 9 мая Иоффе сообщал, что «о политическом положении писал в прошлом докладе» (с. 365). Очевидно, что документ № 302 и есть этот «прошлый доклад», отправленный между 1 и 9 мая 1918 г.

Елена Марасинова

Война и мир русской культуры*

Elena Marasynova

*(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow;
HSE University, Moscow, Russia)*

War and Russian culture

DOI: 10.31857/S0869568722050211, EDN: KNJJPE

Рецензия посвящена двум очердным томам «Очерков русской

В целом из материалов сборника видно, что большевики даже в малой степени не являлись «агентами германского генштаба». Они проводили вполне независимую и часто враждебную Германии политику. В свою очередь, и кайзеровское правительство не пыталось напомнить им об услугах, оказанных в прошлом. По-видимому, они предоставлялись без всяких обязательств со стороны большевиков.

Документы сборника, несомненно, будут востребованы как исследователями внешней политики Советской России, так и учёными, изучающими её внутреннее развитие и историю большевистской партии.

Примечания

¹ Подробнее см.: *Селезнев Ф.А.* Революция 1917 года и борьба элит вокруг вопроса о сепаратном мире с Германией (1914–1918 гг.). СПб., 2017. С. 161–162; *Селезнев Ф.А.* Разгон Учредительного собрания: внешнеполитический аспект // Таврические чтения – 2018. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. В 2 ч. Ч. 2. СПб., 2019. С. 178–188.

² *Михутина И.* Украинский Брестский мир. М., 2007. С. 61.

³ *Рупасов А.И., Чистиков А.Н.* «Шлюсштайн» // Вопросы истории. 1993. № 11–12. С. 150–153.

* Очерки русской культуры. Конец XIX – начало XX века. Художественная жизнь. М.: Политическая энциклопедия, 2016. Т. 3. 927 с.; Очерки русской культуры. Начало XX века. М.: Политическая энциклопедия, 2021. 794 с.

исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова¹: завершающему третьему тому серии «Очерки русской культуры. Конец XIX — начало XX века. Художественная культура» и специальному изданию, посвящённому периоду Первой мировой войны — «Очерки русской культуры. Начало XX века». Их можно считать не просто заметным событием современной науки, но и рубежом в осмыслении культуры конца XIX — начала XX в. Столкновение художественной культуры столь сложного, противоречивого и чрезвычайно плодотворного периода с трагедией войны даёт богатый материал для понимания судеб русской цивилизации.

Первое издание содержит десять очерков, в которых дана обобщающая картина состояния художественной жизни конца XIX — начала XX в. (М.М. Алленов) и 1920-х гг. (А.П. Салиенко), провинции (С.С. Веселова), Русского зарубежья (А.В. Толстой) и его наследия (И.В. Шеблыгина), а также литературы (В.Л. Семигин), театра (М.Г. Литаврина), музыки (С.К. Лашенко), балета (А.С. Галкин), архитектуры (И.Е. Печёнкин), авангарда (В.С. Турчин). Особенно важно теоретико-методологическое «Введение», в котором определены главные принципы исследования и его сквозные проблемы (Л.В. Кошман), детально охарактеризован контекст развития культуры и тонко выписана общая атмосфера эпохи. Данный текст во многом предопределил успех публикации.

Очерки связаны единым пониманием художественной жизни как «социальной функции культуры», «бытование» которой проявляется в конкретном историческом пространстве и взаимодействии «потребителей» и «производителей ценностей». Каждый автор на своём материале сумел передать уни-

кальные метаморфозы «порубежной эпохи». Это, безусловно, период взлёта и расцвета молодых талантов. Одновременно воспроизведён драматизм мироощущения, к которому, как известно, восприимчивы художники: «чаяние катастрофы», саморазрушительное отрицание прежних ценностей, апатия, упадничество и «предгрозовое» состояние. Тексты доносят ещё одну важную тенденцию того периода: русская культура будто заново определяла координаты своего существования. Открытость западноевропейской цивилизации, достигшая апогея в фуре «Русских сезонов» С.П. Дягилева, сочеталась с новым пониманием Древней Руси и восприимчивостью к творческим традициям народов Российской империи.

Ещё одна удача «Очерков» — корректное отношение к периодизации развития культуры. Для авторов очевидно, что русская художественная жизнь не прекратилась с открытием II съезда Советов, а так или иначе эволюционировала и в Советском Союзе, и в эмиграции. Именно поэтому оправданно присутствие очерков, посвящённых авангарду, судьбам Серебряного века в 1920-е гг., художественной жизни Русского зарубежья в первое после революционное десятилетие и истории его возвращения в Россию.

Наконец, и во «Введении», и в монографии в целом прослеживается вычленение особого периода в развитии культуры, связанного с событиями Первой мировой войны. По всей видимости, следуя за логикой исторического материала, творческий коллектив Лаборатории пришёл к выводу о необходимости подготовки отдельного издания о 1914–1917 гг.

Несмотря на то что собственно боевые действия практически не дошли до великорусских губерний, война так или иначе затронула жизнь каждого человека и разрушила устоявшийся порядок. Именно поэтому

в данном выпуске «Очерков» акцентируется универсальное понимание культуры как особой духовной формы бытования общества, пронизывающей все сферы его существования. Авторы стремились показать, что война не была простым перерывом общественной, социокультурной и повседневной жизни: она создала качественно новую реальность и, соответственно, её новое осмысление и ощущение.

Коллективная монография состоит из двух частей: «Общество и война» и «Общественно-художественная жизнь». В первой показана реакция на изменившиеся обстоятельства социопсихологической составляющей повседневной жизни в таких различных её сферах, как императорский двор и окружение Николая II (Н.И. Цимбаев), политическая культура (К.А. Соловьёв), общественная мысль и массовое сознание (И.С. Розенталь), церковь (А.Ю. Полунов), школа (Е.К. Сысоева), университеты (А.Е. Иванов), архитектура (И.Е. Печёнкин), земства и города (Л.В. Кошман, А.Ю. Шутов), фронт (Е.С. Сенявская), крестьянский мир (Л.И. Земцов), город (Е.В. Долгих), мода (К. Руан).

Этот раздел воспроизводит социально-политический контекст развития культуры: разлад в императорской фамилии, убийство Г.Е. Распутина, честолюбивые замыслы думской оппозиции, эсхатологические настроения духовенства, кризис веры, маргинализация части городского населения, немецкие погромы, внутренняя готовность к экстремальным формам поведения как в солдатской среде, в большинстве своём состоявшей из бывших крестьян, так и непосредственно в деревне. Авторам удалось проследить, как объединяющий патриотический подъём постепенно сменился усталостью от войны, попытками преодолеть нарастающие противоречия и, наконец, вылился в неуправляемые

процессы. В то же время очерки, посвящённые школе, университетам, науке, а также деятельности земств, обнаруживают более конструктивные тенденции, связанные с ростом грамотности населения, мобилизацией интеллектуального потенциала вузов, эффективностью и мобильностью земского движения.

Вторая часть посвящена всестороннему исследованию явлений и процессов художественной жизни русского общества в период войны: судьбы художественной интеллигенции на фронте и в тылу (И.В. Купцова), литературы (В.Л. Семигин), императорских театров (В.В. Тарасова), театров малых форм (М.Г. Литаврина), кинематографии (В.В. Устюгова), художественных журналов (А.П. Салиенко), творчества художниц (Н.Ю. Буданова), массовой культуры (И.В. Купцова). Авторы отмечают благотворительную деятельность интеллигенции, острую реакцию литературы на происходящее, актуализацию философских взглядов Л.Н. Толстого, чрезвычайную востребованность кинематографа, драматического театра, артистических кабаре, стабильный спрос на художественные журналы и книги по искусству, а также особое преломление настроений военного времени в развитии авангарда.

Следует подчеркнуть, что данное издание — первый в историографии комплексный анализ русской культуры времён Первой мировой войны. Всесторонний охват проблематики и обширная источниковая база дают богатый материал для размышлений и обобщений. Кажется, что именно культура (в широком её понимании) оказалась наиболее устойчивой в период политических потрясений.

Оба рецензируемых тома «Очерков» продолжают исследовательские традиции Лаборатории русской культуры, для которых характерны ком-

плексность подходов, наличие сквозных сюжетов и взаимные отсылки внутри текстов. Кроме того, оба издания содержат, с одной стороны, структурированный документальный, иллюстративный и историографический материал, а с другой — глубокие концептуальные обобщения. Безусловно, «Очерки русской культуры. Конец XIX — начало XX века. Художественная культура» и «Очерки русской культуры. Начало XX века» будут востребованы как читательской аудиторией, так и научным сообществом.

Примечание

¹ Эти издания продолжают серию коллективных монографий, посвящённых XIX в. (в 6 т.; М., 1998–2005) и рубежу XIX–XX вв. (в 3 т.; М., 2011, 2016). «Очерки» — уникальное явление в историографии, связанное с исследовательской деятельностью Лаборатории, существующей с 1961 г. (до 1971 г. — в статусе кабинета). Каждый выпуск этого издания, начиная с первой книги «Очерки русской культуры XIII–XV веков» (М., 1969), становился этапом изучения не только культуры, но и отечественной истории в целом. См.: Университетский центр изучения истории русской культуры: к 50-летию лаборатории истории русской культуры на историческом факультете МГУ. М., 2012.

Любовь Сидорова

Историографическая традиция в Советской России и Русском зарубежье 1920–1930-х гг.*

Lyubov Sidorova

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

Historiographical tradition of the Soviet Russia and the Russian Abroad of the 1920–1930s

DOI: 10.31857/S0869568722050223, EDN: KNNAES

Название нового исследования авторитетных омских историографов, отсылающее читателя к эмоционально напряжённому диалогу двух выдающихся деятелей русской культуры — поэта-симболиста Вяч. Иванова и литературоведа М.О. Гершензона, содержит элемент противопоставления, которое красной нитью проходит через всю книгу. Однако, как подчёркивают авторы, это антитеза особого свойства — «диалог / противоборство принципиально единого явления» (с. 5). Исходя из этого посыла, в монографии поставлена интересная и научно значимая задача — осуществить сравнительный анализ советской и эмигрантской вер-

сий отечественной исторической науки 1920–1930-х гг., показать их самооценку и оценку друг друга и, тем самым, раскрыть российский историографический процесс во всей его сложности и неоднозначности.

Заявленный подход отличается от общепринятого сегодня параллельного осмысления эмигрантской и советской исторической науки. Он позволяет поставить ряд вопросов, от решения которых во многом зависит общий взгляд на историческую науку России двух первых послереволюционных десятилетий: «Можно ли говорить об эмигрантском интеллектуальном трансфере в советскую историографию? И, на-

* Волошина В.Ю., Груздинская В.С., Колеватов Д.М., Корзун В.П. Из двух углов: отечественный историографический процесс в оценке эмигрантских и советских историков (1920–1930-е гг.). Омск: Изд-во Омского государственного университета, 2020. 336 с.

оборот, — советской в эмигрантскую? Какова специфика коммуникативного поля науки в межвоенный период? Наконец, как работает на данном материале концепт “периферийности и мейнстрима”?» (с. 6). Не менее важны они для понимания отечественной историографической традиции, прервать которую не смогли даже политико-идеологические потрясения революции и Гражданской войны¹.

Появление такого исследования глубоко закономерно. Оно связано, прежде всего, с растущим интересом к ремеслу историка, его творческой лаборатории, к индивидуальности исследователя, с расширением междисциплинарного подхода в изучении историографии, в котором всё больший вес приобретают антропологические и культурологические трактовки.

Очертив проблематику исследования и подходы к её раскрытию, авторы уделили внимание вопросам институализации советской и эмигрантской исторической науки. Справедливо отметив, что эта проблематика уже достаточно изучена, они остановились на ключевых для собственного исследования моментах, основываясь на открытиях предшествовавших исследований и дополняя их новым источником — новым материалом.

В монографии выделены два основных этапа складывания организационной структуры советской исторической науки, рубежом между которыми стала середина 1930-х гг. Внимание акцентируется на трансформациях понимания историками места и роли своей науки в жизни общества, на изменении проблематики исторических исследований и их организации, на новациях в самом языке научного творчества. Показаны сложное переплетение дореволюционных и новых учреждений, проблемы существования учёных «старой школы» и молодых историков-марксистов,

роль власти в формировании нового облика исторической науки.

Институциональное оформление исторической науки Русского зарубежья рассматривается на примере его части, обосновавшейся в Праге. Выбор этого города имеет веские основания. Благодаря «Русской акции» чехословацкого государства, возглавлявшегося Т. Масариком, там образовалась большая научная эмигрантская диаспора. Историю в ней представляли такие известные учёные, как Н.П. Кондаков, В.А. Францев, А.А. Кизеветтер, И.И. Лаппо, В.А. Мякотин, Н.Л. Окунев, Е.В. Спекторский, А.В. Флоровский, С.Г. Пушкирёв, Е.Ф. Максимович, П.Н. Савицкий и др. Они создали научные институты и общества, семинары, народные университеты, лектории, кружки, а также архивы и музеи, вели издательскую деятельность. В монографии Прага справедливо названа «центром исторической науки зарубежья, в первую очередь славяноведения» (с. 40–41).

Обстоятельно описаны и проанализированы структура и деятельность профессиональных объединений историков-эмигрантов, прежде всего Русского исторического общества и Русского заграничного исторического архива. Их характерные черты свидетельствуют, что «в зарубежье российские историки попытались воссоздать традиции и каналы коммуникаций дореволюционного сообщества, но эмигрантские условия существования не позволили сделать это в полной мере» (с. 57).

Таким образом, в монографии отражена разнонаправленность институционального развития исторической науки. Поиск Советской России новых форм организации научного труда и образовательного процесса, с характерным для революционной эпохи стремлением забежать вперёд и неизбежными откатами назад, шёл параллельно с консервацией до-

революционных форм и принципов научно-образовательной деятельности за рубежом.

Анализ историографического процесса, установление степени интеллектуального взаимодействия между двумя сообществами историков осуществлён в монографии по нескольким линиям. Изучены библиографии, составленные советскими и эмигрантскими учёными, их личная переписка (с акцентом на примерах очного и заочного научного взаимодействия), состояние и эффективность обмена новыми изданиями. Также привлекались свидетельства прямых контактов на международных научных форумах и во время заграничных командировок советских историков.

Рассмотрение такого рода коммуникаций начато с разбора наиболее устойчивой формы научного взаимодействия — библиографических пособий и рецензий, изданных в СССР и за рубежом. Выявлены мотивы, побуждавшие историков следить за творчеством друг друга. Интересно, что и для тех и для других они заключались в утверждении себя в новых жизненных и профессиональных обстоятельствах. Для эмигрантов «эти поиски, связанные с трудным процессом адаптации, неизбежно предполагали обращение как к текущему историографическому процессу в метрополии, так и к тем культурным интеллектуальным практикам, родному для них научному полю, из которого они оказались выброшенными. В свою очередь, поколение молодых советских историков... в процессе самоидентификации воинственно противопоставляли себя “старой буржуазной историографии” и, естественно, некоторые из них проявляли интерес к творчеству эмигрантских историков» (с. 60).

Сплошное изучение откликов представителей обоих «лагерей» на работы друг друга выявило отличия

в интенсивности реакции. Отмечено, в частности, что «рецензии А.А. Кизеветтера на работы С.Ф. Платонова, С.В. Бахрушина, М.К. Любавского, М.Н. Покровского, А.Е. Преснякова, М.В. Нечкиной и др. в журналах “Современные записки” и “На чужой стороне” свидетельствуют о том, что историки, находящиеся в эмиграции, пристально следили за развитием исторической мысли в Советской России» (с. 61). Труды историков-эмигрантов реже находили отклик в советских периодических изданиях, хотя информация о них отражалась в библиографических пособиях (с. 62).

Чрезвычайно интересен сравнительный анализ двух таких указателей — «Русская зарубежная книга», изданного в 1924 г. в Праге под редакцией библиографа и историка С.П. Постникова, и «Революция и гражданская война в Сибири: указатель книг и журнальных статей», подготовленного библиографом и историком-краеведом А.Н. Туруновым и историком-архивистом В.Д. Вегманом и опубликованного в Новосибирске в 1928 г. В эмигрантском издании имеется подраздел «История русской революции и гражданской войны», тематически сопоставимый с сибирской библиографией, что сделало такое сравнение вполне корректным. Итог анализа оказался неожиданным. Если составители «Русской зарубежной книги» посчитали достойными упоминания только книги, «созданные русскими культурными силами, несмотря на существование советской власти» (с. 71), т.е. советскими историками «старой школы», то в новосибирском указателе отражены литература и мемуары на русском и иностранных языках, изданные в крупных центрах русской эмиграции: Берлине, Константинополе, Праге, Париже, Харбине, Шанхае. Революционер Вегман был вынужден «притушить» клас-

совую непримиримость под влиянием своего соавтора (с. 72). В результате объективность отбора библиографического материала оказалась большей, чем в эмигрантском издании.

Объясняя эту особенность, В.П. Корзун затронула проблему соотношения личного экзистенциального опыта историка и объективности его научного исследования, крайне актуальную для каждой стороны, без учёта которой многие стороны историографического процесса остаются непонятыми. «Революция и последующие события для русских эмигрантов стали жизнеразрушительными силами, и делом жизни для них было продление отечественной, в основе своей дореволюционной традиции, сохранение её целостности и непогрешимости и, соответственно, вопрос о включении инородно-враждебных, советских “элементов” на этом этапе был решён в конечном счёте отрицательно, хотя идея объективистско-научного отношения к библиографии не исчезала». Для советских исследователей революция и Гражданская война оказались событиями «жизнеустроительными». Потому даже классовый подход и воинственная лексика по отношению к идеологическим противникам не стали препятствием к тому, чтобы освещать трагические события недавнего революционного прошлого «с возможно большей степенью полноты и целостности, привлекая в определённых рамках свидетельства представителей противоположного лагеря» (с. 75).

Взаимодействие историков Советской России и эмигрантов отслежено также по их частной переписке и книгообмену. Сложные политико-идеологические условия не способствовали интенсивной частной переписке (с. 77), однако такие связи отчасти сохранялись. Подмечена важная особенность: они велись преимуще-

ственно между историками одного поколения, лично и профессионально сложившимися до 1917 г. В качестве одного из примеров — посылка в 1927 г. находившимся в эмиграции Г.В. Вернадским трёх экземпляров его новой книги «Начертание русской истории» в Самару — историкам «старой школы» С.В. Юшкову, С.Н. Чернову и П.Г. Любомирову (с. 85). Тот же результат дал анализ переписки: «Нами, за исключением А.В. Флоровского и Н.Л. Рубинштейна, не выявлены случаи переписки представителей молодой генерации советских историков-марксистов с историками-эмигрантами, хотя мы не можем отрицать, что они могли иметь место» (с. 91).

«Уловить неявный диалог между советскими и эмигрантскими историками» (с. 93) должен был фронтальный просмотр Д.М. Колеватовым материалов газеты «Последние новости», выпускавшейся П.Н. Милюковым в Париже в 1920–1940 гг., за особо значимые для советской исторической науки годы, давшие всплеск интереса к историографии — 1922, 1925, 1928, 1934, 1937 («философский пароход», 200-летний юбилей Академии наук, переход монополии в советской исторической науке к марксистскому направлению, восстановление изучения в СССР гражданской истории и Большой террор).

Справедливо утверждение автора, что редакция, перепечатавшая информацию из «Правды», «Известий» и других газет, «фактически давала слово официальной советской историографии и формировала представление об условиях развития историографического процесса в Советской России» (с. 93). В то же время подчёркивается, что по ряду причин настоящим полем научного общения это издание статей не могло, как не смогло «создать общей картины советского

историографического процесса» (этому препятствовало предубеждение редколлегии против марксистского прочтения истории). Тем не менее страницы «Последних новостей» служили одним из «мостов» между оказавшимися по разные стороны границы историками «старой школы».

В монографии оценивается роль международной научной деятельности советских учёных в их диалоге с эмигрантами. В.Ю. Волошина и В.С. Груздинская, скрупулёзно отследив факты научного взаимодействия, отмечают его незначительность. Историки из СССР, как правило, «тесно сотрудничали с иностранными коллегами, а своих соотечественников-эмигрантов демонстративно сторонились» (с. 126). Привлечённый исследователями документальный материал подтвердил устоявшийся в современной историографии вывод, что диалог ограничивался рамками одного поколения. Приведённые в монографии заметки С.М. Дубровского, одного из членов советской делегации на международном конгрессе в Осло (1928), явственно показывают, что степень восприятия марксистами иных научных позиций приближалась к нулевой. Оценивая королевский дворец, в котором проходил официальный приём участников конгресса, Дубровский и его коллеги живо обсуждали, что «после норвежской революции в его залах вполне может разместиться исторический музей или картинная галерея» (с. 142).

Заключительная глава исследования, над которой трудились все члены авторского коллектива, посвящена восприятию историографического процесса в Советской России 1920–1930-х гг. историками-эмигрантами и марксистами. Так, внимание Кизеветтера сосредоточивалось на учёных, продолжавших в новых условиях «чисто академическую научную

традицию» (с. 157), а отношение к марксистской историографии эволюционировало «от пренебрежительного игнорирования “разных Красных архивов специфической окраски” до раздражённо-критического восприятия ранней советской исторической и историографической конкретики» (с. 159). Учёный уничижительно смотрел на «целое поколение ушибленных марксизмом молодых русских историков» (с. 163). Однако, не принимая концептуальных выводов в целом, он мог по достоинству оценить профессионализм конкретного автора. Так произошло, например, с М.В. Нечкиной и её работой «Общество соединённых славян» (с. 159).

Те же черты – абсолютизация до-революционных традиций, отторжение марксистской историографии, восприятие советских историков «в системе координат “свой / чужой”» (с. 179) – отмечены у Милукова. Он, однако, усматривал в советской исторической науке и «положительные тенденции», связанные с работами как «представителей “старой буржуазной традиции” (С.Ф. Платонов, Ю.В. Готье, А.Е. Пресняков, С.Б. Веселовский, М.А. Полиевктов, Р.Ю. Виппер), так и отдельных историков среднего (приват-доцентского) и молодого поколения, включая в эту генерацию Б.Д. Грекова, А.И. Андреева, А.Н. Сперанского, М.В. Нечкину, Н.М. Ченцова, К.В. Базилевича, С.В. Бахрушина, А.А. Савича, А.А. Введенского» (с. 200).

Чрезвычайно интересен анализ рукописного текста рецензии А.В. Флоровского на «Русскую историографию» Н.Л. Рубинштейна (1941), хранящегося в Славянской библиотеке в Праге. Он показал, что у «позитивиста Флоровского и марксиста Рубинштейна» наблюдалась «внутренняя сопряжённость по целеполаганию». Её авторы данного раздела обоснованно выводят из творческого понимания

марксизма, позволившего историку сосредоточиться на выявлении вклада дореволюционных учёных в движение науки (с. 204). В монографии сделан вывод, что Флоровский «практически, а не декларативно, проводит концепцию единства отечественной исторической науки в дореволюционном и советском её изводах» (с. 208). Суждения историка интересны ещё и тем, что обнаруживают неоднородность мнений эмигрантов о судьбах исторической науки России — от глубоко пессимистических до сдержанно позитивных.

Советский историографический процесс 1920–1930-х гг. рассмотрен на примере работ М.Н. Покровского, М.В. Нечкиной и С.А. Пионтковского. Такой выбор объясняется тем, что это «воспитанники старой дореволюционной школы и одновременно яркие представители формирующейся советской науки» (с. 231). В качестве общей черты их творчества отмечена «традиция презентации научного знания “с конца”, начиная с наивысшей точки развития — марксизма. В разряд “чужих”, “врагов”, естественно, были отнесены и учёные-эмигранты, сотрудничество с ними рассматривалось “как вредительство в деле всего нашего учёного строительства”» (с. 260). Особо выделен «историографический нарратив М.В. Нечкиной» — «более сложно сконструированный текст в сравнении как с учителем М.Н. Покровским, так и представителями новой генерации историков» (с. 249). Отмечая ценность данного анализа, считаю, однако, что было бы интересно добавить в круг рассмотренных историков-марксистов, не имевших за плечами классического университетского образования и окончивших новые коммунистические вузы. Это позволило бы ярче показать специфику советской исторической науки тех лет.

Подводя итог исследованию, авторы констатируют, что не все положения их гипотезы о взаимодействии двух сообществ российских историков нашли подтверждение. «Так, по существу, единичными оказались рецензии советских историков на труды эмигрантов, а значит, затруднительно говорить о полноценном диалоге представителей двух научных сообществ, не зафиксировано зеркальное отражение интереса к трудам коллег, оказавшихся по разные стороны государственной границы. Это особенно характерно для советской исторической периодики, в которой пульс эмигрантской науки едва прослушивался» (с. 261). Хотя исследование и не оправдало все ожидания авторов, оно выявило новые научные проблемы, такие как вопрос «о влиянии позитивистской традиции и собственно исследовательской практики “по инерции” на советский и исторический, и историографический нарративы после 1934 г.» (с. 265). В этой связи подчеркну, что сопоставление внутривосточной и эмигрантской историографии даёт основание и стимул для постановки проблемы национальной историографической традиции, анализа особенностей её проявления в различных социально-политических условиях.

Всецело поддерживая творческие планы омских коллег, хотелось бы добавить ещё несколько тем. Дальнейшего изучения требует проблема внутренней неоднородности эмигрантского и советского исторических сообществ, которая может обнаружить новые точки их пересечения. Эмигрантская версия представлена в основном её либеральным крылом, тогда как может иметь специфику и социал-демократическая политико-историческая публицистика. То же самое относится и к советской версии, которую в указанный период времени едва ли стоит считать представленной лишь двумя лагеря-

ми — «старой школой» и молодыми марксистами.

Интересны и новые аспекты проблемы диалога поколений. Например, возможность объективного восприятия нового/иного научного мнения. Один из главных героев книги Милюков, в дореволюционный период бывший «ярким представителем новой, проблемно-концептуальной историографии» (с. 166), в советской исторической науке воспринимал, по существу, лишь творчество историков своего круга. В этом отношении весьма любопытно свидетельство его младшего коллеги А.Е. Преснякова, относящееся к 1892 г.: «В воскресенье был я на диспуте Милюкова и остался недоволен, потому что от него требовали того, чего он и не думал давать, упрекали, что он не ответил на вопросы, которые он не ставил в своей работе. Объясняю я это тем, что в точке зрения Милюкова столько нового, что со старых точек зрения его и оценивать нельзя»². В эмиграции, сосредоточив усилия на сохранении дореволюцион-

ной историографической традиции, Милюков по существу оказался в роли своих прежних критиков, оставаясь полностью закрытым для восприятия марксистской версии истории России. Однако интересно было бы осветить опыт её осмысления советской «старой профессурой» (а также определить её значение для их научного творчества).

В целом же рассмотренное исследование российского историографического процесса в сопоставлении его эмигрантской и советской версий позволило раскрыть многие важные стороны развития исторической науки России 1920–1930-х гг. и выявило новые перспективные направления её дальнейшего изучения.

Примечания

¹ Сидорова Л.А. Советская историческая наука: разрыв российской историографической традиции? // Историческое познание: традиции и новации. Ч. 1. Ижевск, 1993. С. 168–170.

² А.Е. Пресняков — М.П. Пресняковой. 19 мая 1892 г. // Александр Евгеньевич Пресняков. Письма и дневники. 1889–1927. СПб., 2005. С. 37.

Юлия Бирюкова

Русская церковная диаспора в 1960–1980-х гг.*

Yulia Biryukova

*(Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia;
Saint Petersburg State University, Russia)*

The Russian Church diaspora in the 1960–1980s

DOI: 10.31857/S0869568722050235, EDN: KNODFQ

Новая монография доктора исторических наук профессора Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета А.А. Кострюкова

затрагивает ряд проблем истории Русской Православной Церкви за границей (РПЦЗ), до сих пор вызывающих острые дискуссии. Среди них и её от-

* Кострюков А.А. Русская Зарубежная Церковь при митрополите Филарете (Вознесенском): 1964–1985 гг. М.: Изд-во ПСТГУ, 2021. 496 с.

Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 21-011-44120 «Православное духовенство на Юге России в годы войн и революций начала XX в.».

The reported study was funded by RFBR, project № 21-011-44120.

ношения с Московским патриархатом на исходе советского периода, и восприятие её иерархами экуменизма, и особенности канонизации в эмиграции царской семьи и новомучеников, и сближение со старостильными группами, и поставление архиерея для «катакомб». Автор не боится «неудобных» вопросов и тем, стараясь освещать их на основе широкого круга источников, извлечённых из российских и зарубежных архивных фондов, в том числе малодоступных. В частности, он использовал документы архивов Отдела внешних церковных связей Московского патриархата, Архиерейского Синода РПЦЗ, Свято-Троицкой духовной семинарии в Джорданвилле и специальной коллекции библиотеки Стэнфордского университета. Активно привлекались исследователем и материалы эмигрантской периодической печати.

Это позволило раскрыть и лучше понять слишком разные, даже диаметрально противоположные оценки церковной политики митрополита Филарета (Вознесенского), встречающиеся как в публикациях его современников, так и в работах историков. Ранее положение РПЦЗ в 1964–1985 гг. отражалось преимущественно в библиографических и справочных трудах¹. О контактах зарубежья с «катакомбным» движением в СССР, инославными конфессиями и православными патриархатами писали священник П. Бочков, диакон А. Псарёв, А.В. Слесарев, С.В. Шумило². Тем не менее Кострюкову удалось восполнить значительные лакуны, остававшиеся в историографии, в том числе выяснить предпосылки, приведшие к сближению зарубежников с маргинальными группами, и его последствия, а также вызванные им разногласия, систематично изложить причины размежевания с поместными православными церквями. При этом история РПЦЗ анализируется

в тесной связи с судьбой других ветвей русской церковной диаспоры — Западноевропейского экзархата русских приходов Константинопольского патриархата и Североамериканской митрополии, получившей в 1970 г. автокефалию и статус Православной Церкви в Америке.

Автор показывает, как сложилась ситуация, в которой, по словам митрополита Филарета, у РПЦЗ имелось много врагов и фактически не было друзей, и констатирует, что «замкнутость, помноженная на консерватизм, вела её к самоизоляции» (с. 278). Однако изоляция была обусловлена объективными факторами. Поместные церкви смирились с жёстким контролем атеистического государства над Московской патриархией и наладили с ней общение. Как справедливо отмечает Кострюков, лишь РПЦЗ продолжала обличать коммунистический режим и его гонения, как и «перерождение христианского Запада в постхристианский» (с. 367). При этом, несмотря на явно болезненные проявления изоляционизма, РПЦЗ оставалась для верующих в СССР очагом свободного православия (с. 368).

Ещё более усугубляли обособленность РПЦЗ претензии Фанара на руководство вселенским православием, а также увлечение Константинопольского патриархата и греческих поместных церквей экуменизмом и модернизмом. Усиливали риск маргинализации и поиски некоего «чистого» православия, обернувшиеся сближением со старостильниками, которое в итоге принесло лишь разочарование. В самом этом движении существовали течения, соревновавшиеся в «истинности» и не признававшие друг друга (с. 285). Как отмечает Кострюков, отношение к этим группам иерархов Русского зарубежья было различным. Например, архиепископ Женевский

и Западноевропейский Антоний (Бартошевич) предупреждал, что дружба с зилотствующими превратит РПЦЗ в секту, отсекающую себя от вселенского единства (с. 282). Другие считали этот путь неизбежным и даже мечтали о том, что РПЦЗ станет основой для «альтернативной всемирной юрисдикции истинно-православных христиан» (с. 284). Между тем старостильники переманивали паству и духовенство, выставляли условия и правила, невыполнение которых объявляли отпадением от православия, втягивали в свои конфликты и скандалы (с. 286). В итоге общение пришлось разорвать.

Поиск «неповреждённой» Церкви привёл также к налаживанию связей с нелегальными общинами и структурами в СССР. В существовании там «катакомбной Церкви» в РПЦЗ не сомневались. Однако в послевоенный период среди оставшихся катакомбников появилось много самозванцев-самосвятов, хиротонии которых было невозможно подтвердить. В РПЦЗ же в силу недостатка информации реальную ситуацию представляли достаточно смутно. В итоге после тайного поставления через единоличное рукоположение епископа «катакомб» Лазаря (Журбенко), чей монашеский постриг вызывал сомнения (с. 232–233, 236), в России возникла параллельная церковная иерархия, что лишь углубило раскол между зарубежниками и Московским патриархатом.

Рассмотрены в книге и обстоятельства анафематствования в РПЦЗ экуменизма. Автор прослеживает зарождение и развитие данной идеи вплоть до её реализации и обращает особое внимание на то, как именно

понимался зарубежными иерархами экуменизм и насколько близки были смыслы, вкладывавшиеся ими в это понятие (с. 271–278).

РПЦЗ предстаёт в монографии А.А. Кострюкова не монолитной и обезличенной, а живой и подвижной структурой, к которой принадлежало немало ярких и порою своенравных фигур. На страницах книги созданы выразительные портреты её ключевых иерархов, подробно рассказано о жизненном пути и эволюции взглядов её пастырей. Этот труд, безусловно, займёт видное место в современной историографии.

Примечания

¹ *Попов А.В.* Российское Православное зарубежье. М., 2005; Российское православие за рубежом: библиографический указатель литературы и источников: 1918–2006. М., 2007; Законодательство Русской Православной Церкви Заграницей (1921–2007) / Сост. Д.П. Анашкин. М., 2014; *Попов А.В.* Русская Православная Церковь на Американском континенте: историография и источники // Макарьевские чтения. Материалы X международной научной конференции. Горно-Алтайск, 2015. С. 254–271; *Псарёв А., диак.* Порядок прославления святых в Русской Православной Церкви Заграницей (1920–2007) // XXVII ежегодная богословская конференция ПСТГУ. М., 2017. С. 172–178.

² *Слесарев А.* Старостильный раскол в истории Православной Церкви (1924–2008). М., 2009; *Шумило С.* В катакомбах. Православное подполье в СССР. Луцк, 2011; *Псарёв А.* Развитие мировоззрения Русской Зарубежной Церкви в отношении Поместных Церквей и инославия // Деяния IV Всезарубежного Собора Русской Православной Церкви Заграницей. М., 2012. С. 180–205; *Бочков П., свящ.* Обзор неканонических православных юрисдикций XX–XXI вв. Т. 1–4. СПб., 2018; *Бочков П., свящ.* Греческая старостильная схизма на Святой Горе Афон // Вестник Оренбургской духовной семинарии. 2016. Вып. 1(5). С. 77–88.

Наши авторы

Абдуллаев Ясын Сахиб оглы, докторант Калифорнийского университета в Беркли (США), приглашённый исследователь Санкт-Петербургского государственного университета

Алонци Роберта, PhD, профессор Российского университета дружбы народов

Белоусов Михаил Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета

Беляков Андрей Васильевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН

Бирюкова Юлия Александровна, кандидат исторических наук, доцент Донского государственного технического университета (Ростов-на-Дону), ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского государственного университета

Вершинин Александр Александрович, кандидат исторических наук, доцент исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, старший научный сотрудник Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург)

Гиппиус Алексей Алексеевич, доктор филологических наук, академик РАН, ведущий научный сотрудник Лаборатории лингвосомиотических исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», главный научный сотрудник Института славяноведения РАН

Грузинов Иван Ильич, младший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, старший преподаватель Московского государственного лингвистического университета

Дробышева Мария Михайловна, старший преподаватель Государственного академического университета гуманитарных наук, научный сотрудник Лаборатории лингвосомиотических исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Ипатов Алексей Михайлович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Военно-воздушной академии им. профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина (Воронеж)

Козлова Наталия Вадимовна-Игоревна, доктор исторических наук, профессор исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Колихова Карина Игоревна, магистрант исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Курдин Юрий Александрович, кандидат филологических наук, доцент, декан историко-филологического факультета Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, Арзамасский филиал

Магадеев Искандэр Эдуардович, кандидат исторических наук, доцент Московского государственного института международных отношений (университет) МИД России

Мамонов Андрей Валентинович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН

Марасинова Елена Нигметовна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Матвеев Геннадий Филиппович, доктор исторических наук, профессор исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Медяков Александр Сергеевич, доктор исторических наук, доцент исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Панов Александр Ростиславович, доктор исторических наук, доцент Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, Арзамасский филиал

Петров Александр Юрьевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, профессор Московского государственного лингвистического университета

Плате Алисе, кандидат исторических наук, научный сотрудник Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург)

Русаковский Олег Владимирович, PhD, старший научный сотрудник Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Селезнев Федор Александрович, доктор исторических наук, профессор, заведующий Центром краеведческих исследований Института международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского

Сидорова Любовь Алексеевна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН

Томилин Александр Русланович, редактор издательства «Большая Российская энциклопедия»

Филиппова Татьяна Александровна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН

Чекмарёв Сергей Артурович, аспирант исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Ширинянц Александр Андреевич, доктор политических наук, профессор факультета политологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Ястребов Алексей Олегович, протоиерей, доктор церковной истории, PhD, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН

СОДЕРЖАНИЕ

Историк и источник

А.А. Гиппиус, М.В. Дробышева

- «Пришествие Святослава»: киевское граффито № 9 и его исторический контекст 3

Московские переводчики

А.В. Беляков

- Когда в Московском государстве появились переводчики? К организации дипломатической службы в России в конце XV – XVI в. 19

О.В. Русаковский

- Дневник переводчика Посольского приказа 1654–1664 гг. Новый источник о международных отношениях середины XVII в. 32

Институты и общности

А.О. Ястребов

- Ещё раз о роли митрополита Филадельфийского Мелетия Типальда в пропаганде католицизма среди русских в Италии в конце XVII в. 45

Н.В. Козлова

- «Сия духовная... учинена подлинно по воле и просьбе означенного... купца»: завещания иностранных негодантов при Санкт-Петербургском порте начала 1770-х гг. 56

Россия и мир

А.Ю. Петров, И.И. Грузинов

- Русско-китайские торговые отношения и развитие пушного промысла на севере Тихого океана, конец XVII – первая треть XVIII в. 65

М.С. Белоусов, Я.С. Абдуллаев

- Греческая революция и мифологема заговора тайных обществ 78

А.С. Медяков

- «Моральный барьер прусским насилиям». Политика России на завершающем этапе объединения Германии (1866–1870) 91

Ю.А. Курдин, А.Р. Панов, А.А. Шириняц

- Поездка М.Г. Черняева по Европе после сербско-турецкой войны (конец 1876 – начало 1877 г.) 108

А.Р. Томилин

- Англо-афганская война 1878–1880 гг. в донесениях русского военного агента в Лондоне А.П. Горлова 117

С.А. Чекмарёв

- Особый артиллерийский запас и Босфорская экспедиция 126

Дипломатия Советского государства

И.Э. Магадеев

- Г.В. Чичерин в оценках французских дипломатов и публицистов (1918–1924) . . . 147

<i>Г.Ф. Матвеев, К.И. Колихова</i>	
Ноябрьский кризис польско-советского мирного урегулирования 1920 г.	160
<i>А.А. Вершинин</i>	
В лабиринте коллективной безопасности: советская дипломатия и происхождение советско-французского пакта о взаимопомощи (1933–1935)	177
<i>Р. Алонци</i>	
Советско-итальянские отношения в 1939–1941 гг.	196

Обзоры и рецензии

<i>А. Плате</i> – Реинтерпретация истории колониальной Аляски?	206
<i>А.В. Мамонов</i> – Первая русская биография графа К.В. Нессельроде	211
<i>А.М. Ипатов</i> – Н.А. Власов. Россия глазами Бисмарка	221
<i>Т.А. Филиппова</i> – «Враг, враг друга, друг врага». Российская сатирическая графика в период Балканского кризиса 1875–1878 гг.	227
<i>Ф.А. Селезнев</i> – Советское руководство, Германия и Брестский мир: публикация новых документов	229
<i>Е.Н. Марасинова</i> – Война и мир русской культуры	234
<i>Л.А. Сидорова</i> – Историографическая традиция в Советской России и Русском зарубежье 1920–1930-х гг.	237
<i>Ю.А. Бирюкова</i> – Русская церковная диаспора в 1960–1980-х гг.	243
Наши авторы	246

CONTENTS

The historian and the source

- A.A. Gippius (HSE University, Moscow, Russia; Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow), M.V. Drobysheva (State Academic University for Humanities, Moscow, Russia; HSE University, Moscow, Russia)*
«The coming of Sviatoslav»: Kievan graffito N 9 and its historical context 3

Moscow translators

- A.V. Belyakov (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)*
When did translators appear in the Moscow state? On the question of the organization of the diplomatic service in Russia during late 15th – 16th centuries 19
- O.V. Rusakovskiy (HSE University, Moscow, Russia)*
Diary of a translator of the Ambassadorial Chancery, 1654–1664.
A new source on the history of international relations in the mid-17th century. 32

Institutions and communities

- A.O. Yastrebov (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)*
Once again about the role of Metropolitan Meletius Tipald of Philadelphia in the promotion of Catholicism among Russians in Italy in the late 17th century . . . 45
- N.V. Kozlova (Lomonosov Moscow State University, Russia)*
«This testament... is truly realized by the will and request of the mentioned... merchant»: the wills of foreign merchants at the Saint Petersburg port of the early 1770s 56

Russia and the world

- A.Yu. Petrov, I.I. Gruzinov (both – Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow; Moscow State Linguistic University, Russia)*
Russian-Chinese trade relations and the development of fur trade in the north of the Pacific Ocean, late 17th – early 18th centuries 65
- M.S. Belousov (Saint Petersburg State University, Russia), Ya.S. Abdullaev (University of California, Berkeley, USA)*
The Greek revolution and the myth of the conspiracy of secret societies 78
- A.S. Medyakov (Lomonosov Moscow State University, Russia)*
«A moral barrier to Prussian violence». Russian policy during the final stage of the German Unification (1866–1870) 91
- Yu.A. Kurdin, A.R. Panov (both – State University of Nizhny Novgorod, Arzamas branch, Russia), A.A. Shirinyants (Lomonosov Moscow State University, Russia)*
M.G. Chernyaev after the Serbian-Turkish war (late 1876 – early 1877) 108
- A.R. Tomilin (Great Russian Encyclopedia, Moscow)*
The Anglo-Afghan war of 1878–1880 in the reports of the Russian military agent in London A.P. Gorlov 117
- S.A. Chekmarev (Lomonosov Moscow State University, Russia)*
Special artillery reserve and the Bosphorus expedition 126

Diplomacy of the Soviet state

<i>I.E. Magadeev (Moscow State Institute (University) of International Relations, Russia)</i>	
G.V. Chicherin as estimated by the French diplomats and media (1918–1924)	147
<i>G.F. Matveev, K.I. Kolikhova (both – Lomonosov Moscow State University, Russia)</i>	
The November crisis of the Polish-Soviet peace settlement of 1920	160
<i>A.A. Vershinin (Lomonosov Moscow State University, Russia; Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia)</i>	
In the labyrinth of collective security: Soviet diplomacy and the origins of the Soviet–French mutual assistance pact (1933–1935)	177
<i>R. Alonzi (Peoples' Friendship University of Russia, Moscow)</i>	
Soviet-Italian relations in 1939–1941	196

Reviews

<i>A. Plate (Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia)</i>	
Reinterpretation of the history of colonial Alaska?	206
<i>A.V. Mamonov (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)</i>	
The first Russian biography of Count K.V. Nesselrode	211
<i>A.M. Ipatov (Military Educational and Scientific Center of the Air Force «N.E. Zhukovsky and Y.A. Gagarin Air Force Academy», Voronezh, Russia)</i>	
Rec. ad op.: N.A. Vlasov. Rossiia glazami Bismarka	221
<i>T.A. Filippova (Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow)</i>	
«Enemy, enemy of a friend, friend of an enemy». Russian satirical graphics during the Balkan crisis of 1875–1878	227
<i>F.A. Seleznev (National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Russia)</i>	
Soviet leadership, Germany and the Brest Peace: publication of new documents	229
<i>E.N. Marasinova (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow; HSE University, Moscow, Russia)</i>	
War and Russian culture	234
<i>L.A. Sidorova (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)</i>	
Historiographical tradition of the Soviet Russia and the Russian Abroad of the 1920–1930s	237
<i>Yu.A. Biryukova (Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia; Saint Petersburg State University, Russia)</i>	
The Russian Church diaspora in the 1960–1980s	243
Contributors to this issue	246

РЕДАКЦИЯ

- Круглов В.Н., к.и.н.** — Отдел Новейшей истории
Богомолов И.К., к.и.н.
Мамонов А.В., к.и.н. — Отдел Новой истории
Лисейцев Д.В., д.и.н. — Отдел Древней и Средневековой истории
Мамонова Е.В. — Заведующая редакцией
Шамина И.Н., к.и.н. — Литературный редактор
Мац А.Г. — Младший редактор